

РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

СТО ЛЕТ

Издание подготовлено к съезду
Российского военно-исторического общества
19 апреля 2014 г.

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2014

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
В27

Рецензент:

доктор исторических наук *С. В. Листиков* (Институт всеобщей истории РАН)

В27 **Великая война: сто лет** / под ред. М. Ю. Мягкова, К. А. Пахалюка. — М. ;
СПб. : Нестор-История, 2014. — 324 с.

ISBN 978-5-4469-0271-2

В основу сборника легли доклады, представленные 11 декабря 2013 г. на научной конференции «Россия и Первая мировая война: история и память», которая была проведена Российским военно-историческим обществом в рамках международного форума «Первая мировая война в контексте современной мировой политики», организованного Постоянным комитетом Союзного государства Россия–Беларусь. Предлагаемые вниманию читателя статьи, а также главы из ранее неопубликованных мемуаров и дневников позволяют пролить свет на эту героическую и одновременно трагическую эпоху в истории нашего отечества. Особое внимание уделяется дипломатии, противоборству коалиций, мужеству русских солдат, проблеме сохранения памяти о войне, названной современниками «Великой».

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4469-0271-2

9 785446 902712

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение В. Р. Мединского	5
<i>М. Ю. Мягков</i> Вступительное слово	7

I. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ДИПЛОМАТИЯ И БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

<i>Е. Ю. Сергеев</i> Новые подходы к исследованию Первой мировой войны	13
<i>О. Е. Алтеев, Д. Ю. Козлов</i> Зарождение коалиционной стратегии в военном планировании стран Антанты перед Первой мировой войной	23
<i>А. А. Зданович</i> Контрразведка царской России в Первой мировой войне: организационные и правовые проблемы функционирования	39
<i>С. Г. Нелипович</i> Ладья Харона: потери сторон в октябрьской кампании (Варшавско-Ивангородской операции) 1914 г. на русском фронте Первой мировой войны	52
<i>Н. Д. Постников</i> Последний бой Юрьевского полка	87
<i>Н. А. Копылов</i> Латышские стрелки в Первой мировой войне 1914–1918 гг.: формирование и социально-этнический состав	109
<i>Я. А. Бутаков</i> Они остались верны России: русские бригады во Франции и на Салониках	122

II. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА: СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ

<i>Е. Н. Наземцева</i> Гуманитарные проблемы Первой мировой войны в современной отечественной историографии	135
<i>И. Н. Гребенкин</i> Армия военного времени как пространство социального конфликта	158

<i>Ю.А. Бахуриш</i>	
Вынужденные переселенцы из западных окраин Российской империи в Москве и Московской губернии (1914–1917 гг.)	170
<i>Я.А. Голубинов</i>	
«Потребность в самопомощи»: решение продовольственного вопроса в средневожских городах в 1914–1917 гг.	191
<i>К.А. Пахалюк</i>	
Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода	206
<i>М.А. Российский</i>	
Дневники В. П. Кравкова за 1914–1917 гг. как исторический источник	237
<i>Е.С. Сенявская</i>	
Память о Первой мировой войне в России и на Западе: исторические условия и особенности формирования	251
<i>А.С. Казетов</i>	
Состояние захоронений и памятников Первой мировой на территории Калининградской области	271
<i>Е.Л. Ломако</i>	
Памятные даты — обретая прошлое (Первая мировая война в контексте военно-мемориальной деятельности Музея боевой славы г. Коломны)	275
III. ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ	
Брусилловский прорыв глазами солдата: воспоминания нижнего чина Е. В. Тумиловича	287
На Юго-Западном фронте в марте 1917 г. Из записок военного врача В. П. Кравкова	302

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ СЪЕЗДА РОССИЙСКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

1 августа 2014 г. исполняется 100 лет со дня начала Первой мировой войны — глобального конфликта, в котором приняли участие 38 государств и погибли в огне сражений, от ран и лишений более 20 млн человек. Такие гигантские потери среди солдат и мирного населения потрясли человечество, но не смогли предотвратить спустя всего 20 лет новой и еще более ужасной войны, в которой России суждено было сыграть роль спасительницы мира от возвращения в варварство. События Великой Отечественной и эпохальная Победа нашего народа в 1945 г. объективно отводили на второй план тот факт, что и Первая мировая война была для Российской империи войной оборонительной, справедливой, в которой русская армия доблестно и героически отстаивала интересы своей страны с оружием в руках.

Нельзя забывать тот факт, что Россия вступила в Первую мировую войну для защиты своих единокровных братьев — сербов, которым грозили национальная катастрофа и подчинение европейским хищникам. Это был справедливый и вынужденный акт. Усилия России не выходили за рамки ее традиционных интересов на Балканах, получения контроля над Черноморскими проливами, защиты православных святынь в Палестине. Притязания союзников и противников нашей страны, к слову сказать, были куда обширнее — вплоть до порабощения и геноцида других народов.

Только сегодня мы начинаем осознавать, что трагическая суть Первой мировой неотделима от ее героического подтекста, и даже больше — понятия о героической эпохе, ибо русская армия и народ дали тогда невиданное число примеров самоотверженности и истинного патриотизма. Война была встречена в августе 1914 г. с небывалым

энтузиазмом: десятки тысяч добровольцев взяли в руки оружие, женщины становились сестрами милосердия, подростки массово сбегали на фронт, общественные круги организовывали сборы пожертвований на нужды армии. Русские солдаты одержали ряд славных побед под Гумбинненом и Варшавой, у стен Сарыкамыша и Перемышля, на Галицийских полях и в Карпатских горах. Россия — одна! — оттягивала на себя в отдельные периоды войны более 40 % всех вражеских дивизий, неоднократно спасая союзников по Антанте. Можно долго дискутировать о значении тех или иных кампаний, но бесспорно одно: без русской армии Великобритания и Франция потерпели бы скорое поражение и, вероятнее всего, оказались бы в положении второсортных европейских держав.

События революционного 1917 г., российская катастрофа, причины которой лежат вне доблестных усилий русской армии на фронте, лишили нашу страну своего заслуженного места в ряду победителей, ввергли ее в пучину Гражданской войны. Нельзя забывать, что самую активную роль в унижении русской армии и последующем развале страны сыграла «пятая колонна» в тылу, поставившая свои политические пристрастия выше национальных интересов. Одна часть дельцов от политики поставила в то время на «поражение собственных правительств», другая — на «печеньки» от союзников. В результате мы получили вначале оккупацию наших земель немцами, затем интервенцию держав Антанты. Полезно напомнить, что отказ бывших союзников России учитывать ее интересы на Версальской мирной конференции, желание поживиться за счет тяжело раненного брата по оружию лишь подтвердили вековую враждебность Запада к нашей стране, какой бы политический режим в ней ни существовал.

Сегодня мы должны отдать дань памяти героям тех лет, наши победы должны стать предметом гордости для современных россиян. Всему миру необходимо напомнить о той роли, которую Российская империя сыграла в те годы. Вместе с тем мы не должны забывать и горьких уроков, дабы впредь идеалы служения стране и героизм сотен тысяч простых солдат и офицеров не оказались преданы в угоду чьим-то частным политическим интересам.

*Министр культуры Российской Федерации,
председатель Российского военно-исторического общества
доктор исторических наук В.Р. Мединский*

М. Ю. Мягков,
*доктор исторических наук, научный директор
Российского военно-исторического общества (РВИО)*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Значимость настоящего издания определяется не просто 100-летием со дня начала Первой мировой войны, а необходимостью глубже понять ее значение. Если для современников это была война «Великая», «Священная», «Вторая Отечественная», то сейчас наиболее справедливым будет, наверное, эпитет «забытая». И речь идет не столько о научном осмыслении, хотя и здесь существуют значительные проблемы. Первая мировая долгое время находилась вне общественной дискуссии о судьбах России. А потому наш долг — вспомнить и оценить события вековой давности, в равной степени героических и трагических, а также отдать дань памяти тем, кто жертвовал собой во имя России.

Несмотря на все колоссальные сложности, с которыми пришлось столкнуться нашим прадедам, необходимо признать: с военной точки зрения, русская армия не была побеждена. К сожалению, под весом социальных и экономических проблем Россия надломилась. Это была величайшая трагедия в истории государства; трагедия, которая даже спустя столетие не осмыслена в полной мере.

История Первой мировой знает немало случаев коллективного героизма. Это оборона крепости Осовец, памятная мужеством ее защитников, которые отразили несколько штурмов превосходящих сил германцев. Это и малоизвестный бой у деревни Махарце в феврале 1915 г., когда измотанные русские войска, несмотря на превосходство противника, нанесли поражение свежей германской дивизии. Германские офицеры, видевшие наступление наших солдат, были удивлены, когда узнали, что это не элитные гвардейские части, а простые пехотинцы.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграла Россия в Первую мировую войну. Неоднократно она выручала своих союзников, более трети всех сил вражеской коалиции сковывались именно русскими войсками. Без России Великобритания и Франция практически не имели шансов на победу. Вместе с тем мы должны помнить, что Россия сражалась и за собственные национальные интересы. Мы были великой державой и не должны сегодня стыдиться этого.

Более того, Первая мировая стала «боевой» школой для многих полководцев Великой Отечественной. В чине унтер-офицера ее прошел будущий маршал Победы Георгий Жуков; в одном полку служили Иван Тюленев и Константин Рокоссовский. Здесь же закладывался талант гениального штабиста и стратега Бориса Шапошников. Полным георгиевским кавалером стал простой донской казак Константин Недорубов, который в годы Великой Отечественной за успешное командование кавалерийским эскадром стал Героем Советского Союза.

Все эти факты свидетельствуют о том, что Первая мировая война должна занять достойное место в коллективной памяти граждан России. В преддверии 100-летия Первой мировой войны РВИО инициировало целый ряд проектов, которые подчинены следующим целям:

- восстановление исторической преемственности между различными периодами отечественной истории;
- обоснование ключевой роли, которую сыграла Россия в победе Антанты;
- возрождение памяти о забытых героях и победах русского оружия;
- более глубокое понимание противоречий в российском обществе, приведших к революционным потрясениям 1917 г.

Ключевые идеи и представления, которые предполагается актуализировать через обращение к памяти о тех событиях:

- значимость подвига служения стране, готовность жертвовать собой во имя общей победы;
- актуализация представлений о чести и долге, вере в победу и боевом товариществе;
- выдающаяся роль в военное время талантливых инженеров и изобретателей, способных своим творческим трудом усилить обороноспособность страны;
- недопустимость во время войны внутренних конфликтов, необходимость прекращения во время нее политических дрязг

и поиска «тайных врагов», которые могут обернуться ударом по психологическому состоянию общества.

Одно из основных направлений деятельности РВИО заключается в **мемориализации памяти** о Первой мировой войне, в полной мере отражающей вклад России в победу Антанты, а также закрепляющей в символическом пространстве героизм народа и успехи русского оружия.

В августе 2014 г. в Москве, на Поклонной горе, в рамках проекта, организованного по инициативе Российского военно-исторического общества и Министерства культуры, будет открыт первый общенациональный памятник русским героям Первой мировой. В Санкт-Петербурге появится, опять же первый в России, музей этой войны. Более того, отдельные монументы будут установлены в Пскове, Саранске, Туле и на территории Калининградской области (один — в областном центре, другой — в г. Гусеве, около которого в 2014 г. произошло известное Гумбинненское сражение, ставшее первой победой русского оружия в начавшейся войне). Также Российское военно-историческое общество занимается обустройством захоронений Первой мировой в пос. Совхозное (бывший Маттишкемен), в пос. Пушкино (бывший Герритен) и в пос. Кубановка (бывший Бракупенен). В настоящее время в архивах ведется активная работа по выявлению списков погибших солдат и офицеров, с тем чтобы их имена увековечить на этих братских могилах.

Другое направление деятельности РВИО связано с **популяризацией** истории Первой мировой войны. Здесь первоочередными задачами являются устранение «белых пятен», обращение современного поколения к забытым подвигам.

К изданию готовится ряд книг, в т. ч. посвященных победным операциям Русской армии; будет создана специальная компьютерная игра, предназначенная для молодого поколения. Отдельные направления нашей деятельности — проведение научных конференций, а также поддержка выпуска документальных и художественных фильмов. В частности, при содействии Министерства культуры и РВИО И. Угольников создает эпопею о русском женском батальоне. Также к 100-летию начала войны будут приурочены несколько больших выставок в Москве и других городах страны. В них будут представлены подлинные экспонаты, архивные документы, фотографии, художественные произведения.

Мы надеемся, что издание настоящего сборника станет достойным научным вкладом в мероприятия, связанные со 100-летием Первой

мировой войны, продолжит процесс возрождения исторической памяти и восстановления исторической справедливости. В любом случае, мы хотели бы еще раз подчеркнуть тему преемственности в нашей истории и тот факт, что Первая мировая была событием, которое неотделимо от наших великих предков, от людей, с которых мы можем и должны брать сегодня пример, — герои прошлого формируют и нашу современную идентичность.

**І. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
ДИПЛОМАТИЯ И БОЕВЫЕ
ДЕЙСТВИЯ**

Е. Ю. Сергеев,
доктор исторических наук, Институт российской истории РАН

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье рассматриваются важнейшие особенности Первой мировой войны как тотального конфликта глобального масштаба, а также доминирующие в современной историографии подходы к ее изучению. В число последних автор включает междисциплинарность, компаративизм, отказ от европоцентризма и повышенное внимание к человеческому фактору.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, компаративизм, междисциплинарный подход.

E. Yu. Sergeev

NEW APPROACHES TO THE FIRST WORLD WAR STUDIES

Summary: In the article the author examines the main features of WWI as a total conflict on the global scale along with new methods that are used by modern historians, such as interdisciplinary, comparative approaches, denial of eurocentrism, and prior attention to human factor in history.

Keywords: World War I, Russian empire, comparative studies, interdisciplinary approach.

Первая мировая война 1914–1918 гг. явилась величайшим испытанием в новейшей истории цивилизации. Никогда ранее сам характер и последствия вооруженного столкновения не приобретали таких катастрофических масштабов. Никогда прежде так тесно не переплетались социальные, политические, экономические, духовные факторы, повлиявшие на судьбы десятков миллионов людей.

Хорошо известно, что войну ожидали и готовили не только венценосные особы, политики, генералы или промышленные магнаты, но и обычные люди. Часть общественных сил надеялась, что вселенская катастрофа приведет к катарсису, т.е. очищению мира от всего того, что препятствовало его прогрессу и процветанию. Другие современники тех эпохальных событий, наоборот, рассчитывали, что победоносное окончание скоротечных, как им представлялось, боевых действий позволит добиться национального либо имперского единения, способствуя тем самым укреплению существующих режимов. Даже многие

жители колониальных и зависимых стран выступали за эскалацию вооруженного противостояния великих держав, рассчитывая добиться уступок и преференций от воюющих коалиций. Таким образом, раскручивание спирали гонки вооружений и пропагандистской кампании в средствах массовой информации перед началом войны продемонстрировали ограниченное понимание большинством человечества глубины той бездны, на краю которой оно оказалось почти сто лет назад — летом 1914 г.¹

Последующие трагические события продемонстрировали, что военные действия приобрели поистине глобальный характер. 38 государств, включая доминионы Британской империи, расположенных на всех континентах планеты, за исключением Антарктиды, с населением около 1,5 млрд чел. прямо или опосредовано участвовали в войне, которая впервые в истории проходила сразу в трех физических средах: на суше, море и в воздухе. Боевые действия развернулись на огромных пространствах от Атлантического до Тихого океана. Даже те государства, которые объявили нейтралитет, испытывали значительное воздействие со стороны противоборствующих коалиций.

На протяжении войны нейтралы выполняли ряд важных функций. Они выступали в качестве баз снабжения членов Антанты и Четверного союза вооружением, продовольствием и товарами широкого потребления, посредников в процессе дипломатических зондажей, центров гуманитарной помощи для десятков тысяч беженцев, раненых, военнопленных и интернированных лиц, наконец, площадок ожесточенной тайной войны иностранных разведок².

В то же время огромное большинство зависимых стран и народов т.н. колониальной периферии, как правило, оказывали всемерную помощь своим метрополиям различными путями: отправкой дополнительных воинских контингентов, использованием рабочей силы на строительстве объектов инфраструктуры, поставкой сырья и продуктов питания в постоянно возрастающих объемах, организацией ре-

¹ См.: *Joll J., Martel G. The Origins of the First World War. 2d ed. London, 1992; Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. I : Первая мировая война: исторический очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. М., 2002; Романова Е. В. Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1898–1914. М., 2008; Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010; etc.*

² *Marrero F. Canarias en la Gran Guerra, 1914–1918, estrategia y diplomacia. Un estudio sobre la politica exterior de Espana. Las Palmas de Gran Canaria, 2006.*

монта боевой техники, обеспечением связи и проведением разведывательных операций. Откликаясь на призывы метрополий выступить плечом к плечу на борьбу против общего врага, формирующиеся местные элиты лелеяли надежду на то, что колонизаторы, ослабленные взаимным противоборством, окажутся вынужденными после окончания войны передать им часть властных полномочий³.

Характеризуя события 1914–1918 гг. как тотальный вооруженный конфликт глобального масштаба, необходимо также указать на три его особенности.

Одна из них заключается в том, что Великая, как ее вскоре называли современники, война впервые в истории носила **индустриальный** характер. Это означало, что таких традиционных условий достижения победы над противником, как мобилизационные резервы, запасы вооружения и боеприпасов и даже патриотический подъем в воюющих странах было явно недостаточно. Требовались умелая организация работы промышленных предприятий со стороны государственных органов, надежное функционирование всей логистической инфраструктуры, эффективное использование средств связи как в прифронтовой полосе, так и в тылу. Иначе говоря, практически вся территория стран — членов противоборствовавших группировок должна была стать единым военным лагерем посредством регулирования со стороны государства и активного содействия гражданского общества⁴.

Вторая важнейшая особенность войны обусловлена тем, что она стала **коалиционной**. Необходимо иметь в виду, что взаимодействие союзников по Антанте, имевшее большое значение для разгрома армий Четверного союза, осуществлялось через согласование стратегических планов, обеспечения поставок вооружения и боеприпасов, направления контингентов союзных войск на европейские и ближневосточные фронты, сотрудничество гуманитарных организаций, обмен разведывательной информацией, проведение совместных пропагандистских акций и т.д., хотя в наибольшей степени указанное взаимодействие стало осуществляться лишь с 1916 г. К сожалению, конституирование в ноябре 1917 г. главного координирующего органа антигерманской

³ См., напр.: *Strahan H.* The First World War in Africa. Oxford, 2004.

⁴ См.: *Gilbert M.* The First World War. A Complete History. New York, 1996; *Keegan J.* The First World War. London, 2000; *Strahan H.* The First World War : To Arms. Oxford, 2001.

коалиции — Верховного военного совета Антанты — происходило уже без России, хотя при сохранении демократической альтернативы поступательного развития Российской республики ее представители, без сомнения, заняли бы в этом органе достойное место⁵.

Наконец, третья отличительная черта глобального конфликта начала XX в., имевшая непосредственное отношение к Российской империи, состояла в том, что для нее война с самого начала явилась **Второй Отечественной**, о чем впоследствии стыдливо умалчивала официальная советская историография, но что всегда подчеркивали русские историки-эмигранты. Не случайно, по наблюдениям современников, текст царских манифестов начала августа 1914 г. напоминал обращения Александра I к народу Российской империи летом 1812 г., а сам Николай II сравнил события 1914 г. с военными действиями против Наполеона, заявив воспитателю наследника П. Жильяру 27 июля (9 августа): «Я уверен теперь, что в России поднимется движение, подобное тому, которое было в Отечественную войну 1812 г.»⁶.

Это восприятие агрессии Германии и присоединившихся к ней позднее Австро-Венгрии и Османской империи против России проявилось не только во всенародной поддержке военных усилий царского правительства на протяжении 1914–1916 гг., но и в таких конкретных мероприятиях, как добровольческое движение, деятельность различных общественных организаций, создание партизанских отрядов на территории, оккупированной противником⁷. Кроме того, как свидетельствуют документы, на русско-германском, русско-австрийском и Кавказском фронтах случаи героизма со стороны солдат и офицеров царской армии были отнюдь не единичным явлением. Даже осенью 1917 г. далеко не все военнослужащие демократизированных вооруженных сил

⁵ *Люттов И.С., Носков А.М.* Коалиционное взаимодействие союзников. По опыту Первой и Второй мировых войн. М., 1988; *Wallach J.* Uneasy Coalition. The Entente Experience in World War I. Westport, Conn, London, 1993; *Павлов А.Ю.* Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008.

⁶ Цит. по: *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 76.

⁷ Примечательно, что многие современники даже называли Первую мировую войну Великой Отечественной. Идеологическое обоснование такого восприятия можно найти, например, в следующих изданиях: *Трубецкой Е.Н.* Отечественная война и ее духовный смысл. М., 1915; *Рункевич С.Г.* Великая Отечественная война и церковная жизнь. Пг., 1916.

России предавались пораженческим настроениям, продолжая демонстрировать готовность отдать свои жизни за победу над врагом, как это проявилось, например, в ходе Моонзундского сражения 12–19 октября 1917 г.⁸

Переходя к социально-экономическим и политическим последствиям многомесячной войны на истощение, укажем на многие качественные изменения в общественной жизни государств, затронутых пламенем войны. Фактически она подготовила ротацию состава властных элит, выдвинув на политическую авансцену харизматических лидеров новой генерации — от Владимира Ленина и Льва Троцкого в России до Мустафы Кемала в Турции и Бенито Муссолини в Италии. Характерно, что один из крупных британских историков XX в. назвал Великую войну «национальной, политической и социальной революцией на обширных просторах Европы»⁹. Добавим: не только Европы, но и Азии.

Прежнее доминирование т. н. «аристократии крови» в высших эшелонах власти подошло к концу. На смену ей пришли элиты «мантии и денежного мешка» — эффективные бюрократы и удачливые финансово-промышленные магнаты, которые нередко опирались на популистов вроде тех же Гитлера и Муссолини. Положительными моментами общественной трансформации явилось, с одной стороны, достижение политического равноправия женщин и мужчин, а с другой — вовлечение в активную общественную деятельность миллионов молодых людей, многие из которых прошли через кровавый ад войны. Даже вкусы и мода претерпели существенные изменения, отразившие победу нового, индустриального уклада жизни¹⁰.

В результате катастрофы 1914–1918 гг. коренным образом изменился глобальный геостратегический ландшафт. Ушли в прошлое империи, казавшиеся совсем недавно вечными: Российская, Германская, Австро-Венгерская, Османская. На их руинах возникли национальные государства, которые вступили на путь самостоятельного развития,

⁸ Шаццло В. К. Последняя война царской России. М., 2010; Базанов С. Н. За честь и величие России // Забытая война. М., 2011. С. 333–461; Mackeen S. The Russian Origins of the First World War. Cambridge, 2011. P. 214–233; etc.

⁹ Seton-Watson R. W. Britain and the Dictators. S. l., 1938. P. 52.

¹⁰ См.: Война и общество в XX века : в 3 кн. Кн. 1 : Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / науч. рук. В. А. Золотарев ; отв. ред. С. В. Листиков. М., 2008.

сопряженный с огромными трудностями¹¹. В то же время правящие группы, а частично и широкие слои населения впервые осознали необходимость государственного регулирования экономики. По сути дела, именно война подтолкнула общественную мысль к формулированию таких основополагающих для современной цивилизации теорий, как концепция «всеобщего благоденствия» или модель «социально-ориентированной экономики». А в пространстве международных отношений получили концептуальное оформление идеи интеграции стран и народов под эгидой всемирной организации, которая в ходе работы Парижской и Вашингтонской конференций приобрела статус мегарегулятора политических процессов на глобальном и региональном уровнях.

Великая война привела к своеобразной «перезагрузке» понимания места и роли человека в окружающем его мире. Из-под пера философов, литераторов, публицистов вышли труды, авторы которых стремились по-новому, с учетом пережитого ужаса кровавой бойни, оценить предназначение человечества и перспективы его дальнейшего развития. Если раньше общественное мнение под влиянием социал-дарвинистских теорий и националистической пропаганды вполне допускало вооруженную борьбу в качестве одного из наиболее сильнодействующих средств из арсенала внешней политики, то после 1918 г. война была открыто названа преступлением перед человечеством, хотя никакого суда над виновниками ее начала и военными преступниками, уничтожавшими памятники культуры или совершавшими зверства в отношении населения, так и не состоялось. Свою интерпретацию трагических событий 1914–1918 гг. представили многие современники — деятели искусства: писатели и композиторы, архитекторы и скульпторы, художники и кинематографисты.

Не стоит забывать и о том, что Первая мировая война стимулировала научно-техническую мысль. Она вывела машиностроение на новый уровень, способствовала становлению химической, автомобильной и авиационной промышленности, усилила внимание ученых и инженеров к совершенствованию средств транспорта и связи. Массовые ранения, травмы, отравления, эпидемиологические и психические заболевания, которыми страдали миллионы военнослужащих и гражданских

¹¹ Примером публикации исследований по данной проблематике, выполненных на современном уровне, может служить сборник статей: Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1. М., 2012.

лиц в период боевых действий, обусловили необходимость поиска прогрессивных методов профилактики, лечения и посттравматической адаптации жертв войны к условиям мирного времени.

Таким образом, война 1914–1918 гг. явилась подлинным прологом истории так называемого «короткого» XX в., получившего у историков наименование «экстремального»¹². Она способствовала формированию основных векторов политического, хозяйственного и культурного развития планеты, открыв более чем тридцатилетний период крупных и малых вооруженных конфликтов, революционных потрясений, формирования национально-освободительных движений и общей социально-политической нестабильности, окрашенной в цвета противоборствовавших идеологий на этапе завершения формирования индустриального строя. Именно поэтому многие современные исследователи придерживаются концепции «Второй Тридцатилетней войны», проводя аналогию между событиями середины XVII в., окончательно похоронившими средневековые порядки, и процессами, которые по сути сформировали индустриальное общество и государство середины XX в.¹³

В этой связи уместно более подробно рассмотреть те тенденции в изучении истории Первой мировой войны, которые характеризуют современный этап осмысления событий почти столетней давности¹⁴.

Прежде всего большинство ученых сегодня опирается на **междисциплинарную** методологию, творчески применяя подходы, характерные ранее для других смежных наук: исторической политологии, социологии, культурологии, психологии, имагологии и т. п. Яркой иллюстрацией указанной тенденции служит интерес историков к геостратегическим конструктам, которыми руководствовались элитные группы (политики, генералы, магнаты бизнеса) накануне, в ходе различных этапов и после окончания Первой мировой войны. Мы имеем в виду германские планы обретения «жизненного пространства на Востоке», австрийские проекты формирования триалистической империи в Центральной Европе, идеи панславистов относительно объединения всех славянских народов под скипетром русского царя, концепции

¹² Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий XX век (1914–1991). М., 2004.

¹³ Russia in the Age of Wars, 1914–1945 / ed. by Pons S., Romano A. Milano, 2000.

¹⁴ Mommsen W. Der Grosse Krieg und die Historiker: neue Wege der Geschichtsschreibung über den Ersten Weltkrieg. Essen, 2002.

пантюркизма и панисламизма и т. д. В этой связи укажем и на возникшую тенденцию рассматривать проблемы магистральной пространственной военными стратегами, а также разработки ими логистических схем переброски войск, вооружения и боеприпасов между театрами войны на значительные расстояния по сухопутным, морским и даже воздушным коммуникациям¹⁵.

Еще одной отличительной чертой современной историографии выступает преодоление традиционного **европоцентризма** в изучении периода 1914–1918 гг. Исследователи стремятся не ограничиваться анализом событий только на театрах военных действий Старого Света, но подвергают анализу изменение стратегии и тактики государств — участников войны на так называемых второстепенных фронтах, поскольку они оказывали непосредственное влияние на ход решающих сражений. Примеров такого рода можно привести очень много: боевые действия в Палестине и Месопотамии, на островах Тихого океана и на юге Атлантики, в Китае и африканских колониях Германии — все они стали в последние годы предметом серьезного изучения, привлекая внимание общественности. Значительный импульс в этой связи получили исследования степени вовлеченности различных неевропейских народов в боевые действия или их обеспечение. Мы имеем в виду, скажем, участие австралийцев, новозеландцев, индусов и жителей Цейлона (Шри-Ланки), составивших знаменитый АНЗАК, в Галлиполийской кампании 1915 г., канадцев и африканцев — в сражениях на Западном фронте в 1916–1918 гг., частей, сформированных из представителей азиатских народов, — в операциях на Палестинском и Месопотамском фронтах в 1915–1918 гг. и т. д.¹⁶ То же относится к экспериментам с переброской русских бригад на Салоникский фронт и во Францию, использованию португальского экспедиционного корпуса в боях за Фландрию, направлению британских подводников для усиления Балтийского флота, французских летчиков — на Румынский

¹⁵ См., напр.: Военная мысль в изгнании. Творческая мысль русской военной эмиграции. М., 1999; *Angelow J. Kalkuel und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges.* Cologne, 2000; *War Planning 1914* / ed. by Hamilton R., Herwig H. Cambridge, 2009.

¹⁶ См., напр.: *Empires of the Sand: The Struggle for Mastery in the Middle East. 1789–1923* / ed. by Karsh E., Karsh I. Cambridge, 1999; *Lake M., Reynolds H. What's Wrong with ANZAC? The Militarization of Australian History.* Sydney, 2010.

фронт, а также проекту использования японских экспедиционных сил в Европе, который остался неосуществленным.

Третьим существенным моментом, на который нам хотелось бы обратить внимание, выступает **компаративизм**, который широко применяется специалистами для выявления общего и особенного в истории Великой войны. Речь может идти о нескольких ракурсах и уровнях исторической компаративистики: *темпоральном*, имея в виду сопоставление ее различных периодов, например кампаний 1914 и 1915 гг., *пространственном*, учитывая специфику военных действий, скажем, на Восточном и Западном фронтах в 1916 г., наконец, *страновом*, подвергая компаративной рефлексии вклад каждой из стран — членов противостоявших друг коалиций в усилия по достижению победы над противником. Целый ряд крупных историков, особенно за рубежом, посвятили фундаментальные труды компаративному изучению Первой и Второй мировых войн, сделав принципиально важный вывод о том, что абсолютное большинство стратегических приемов и технических новинок ведения вооруженной борьбы, нашедших применение в 1939–1945 гг., получили апробацию еще в 1914–1918 гг. Говоря об инновациях в области вооружения, к примеру, следует назвать авиацию и танки, подводные лодки и бронепоезда, огнеметы и отравляющие газы, минометы и дальнобойную артиллерию, колючую проволоку и минные заграждения, многие предметы солдатского быта, начиная от униформы защитного цвета и заканчивая походными котелками. Пожалуй, только атомная бомба и тактические ракеты, использованные воюющими сторонами в последние месяцы Второй мировой войны, не имели прямых аналогов в период Первой.

В заключение обратим внимание еще на одну тенденцию, которая характеризует недавно опубликованные труды по истории 1914–1918 гг., а именно ярко выраженный **антропологический** подход, когда авторы фокусируют внимание не просто на описании боевых действий, но и на анализе эмоционально-психологического состояния воинов в рамках фронтовой повседневности. Изучение жизни в окопах дополняется интересом к рассмотрению проблем выживания в лагерях военнопленных, эвакуационных пунктах и госпиталях, тыловых гарнизонах¹⁷. В сочетании с так называемой *микросторией*, т. е. исследованием

¹⁷ См., напр.: *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999; *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России, 1900–1914. М., 2001; *Нагорная О. С.* Другой военный опыт:

роли в войне простых солдат и офицеров, медиков, священников, работников тыловых предприятий, представителей творческой интеллигенции, причем не только мужчин, но и женщин, военная антропология позволяет взглянуть на события уже далекой от нас эпохи с точки зрения проблем сегодняшнего дня. Речь идет о таких вопросах, как социализация инвалидов войны, помощь государства вдовам и сиротам, изменение этнической композиции и природного ландшафта во время и после завершения военных действий, наконец, сохранение исторической памяти, создание и поддержание в достойном виде воинских захоронений и мемориалов.

Резюмируя, необходимым подчеркнуть, что, несмотря на бесспорные достижения историографии, перед специалистами все еще стоит задача реконструкции объективной, целостной, полифонической картины Великой войны — этого эпохального события новейшего времени, которое, к сожалению, по-прежнему остается на периферии сознания многих граждан России.

Серия мероприятий, приуроченных к 100-летию трагических событий 1914–1918 гг., которые будут проведены во многих европейских странах и, конечно, в России, где решением правительства создан специальный Оргкомитет под председательством спикера Государственной думы С. Е. Нарышкина, позволят не только специалистам, но и широкой общественности прийти к новому, более объективному пониманию значения Первой мировой войны в истории нашей страны и всего человечества.

российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010; Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.

*О. Е. Алпеев,
научный сотрудник Научно-исследовательского института
военной истории ВА ГШ ВС РФ;*

*Д. Ю. Козлов,
капитан 1-го ранга, кандидат исторических наук,
заместитель начальника Научно-исследовательского института
военной истории ВА ГШ ВС РФ*

ЗАРОЖДЕНИЕ КОАЛИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В ВОЕННОМ ПЛАНИРОВАНИИ СТРАН АНТАНТЫ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Аннотация. В статье рассматривается история формирования коалиционной стратегии стран Антанты — России, Франции и Великобритании накануне Первой мировой войны. Рассматриваются обстоятельства заключения русско-французской военной конвенции 1892 г. и русско-французской морской конвенции 1912 г. Показывается влияние этих документов на развитие русского стратегического планирования в конце XIX — начале XX в., анализируется роль руководителей Военного и Морского ведомств Российской империи в установлении сотрудничества России с Францией и Великобританией в военной области. Делается вывод, что конвенции 1892 и 1912 гг. имели огромное политическое значение, однако в военных планах их требования почти не учитывались.

Ключевые слова: коалиционная стратегия, стратегическое планирование, Российская империя, Первая мировая война.

Alpeev O.E., Kozlov D.Yu.

THE FOUNDATION OF COALITION STRATEGY OF ENTENTE WAR PLANNING BEFORE WORLD WAR I

Summary: The article analyses the foundation of coalition strategy of the Entente (Russia, France and the Great Britain) before World War I. It studies the circumstances of the concluding of the Russian-French military convention of 1892 and the Russian-French naval convention of 1912. It shows the influence of these conventions on the development of Russian war planning in the late 19 c. and in the early 20 c. It analyses the role of Military and Naval leaders of the Russian empire in an establishment of cooperation of Russia, France and the Great Britain in the sphere of preparation for war. The authors come to conclusion, that conventions of 1892 and

1912 were of huge political value, but in strategic planning War and Naval ministries had failed to take their requirements into account.

Keywords: coalition strategy, war planning, the Russian empire, World War I.

Основы коалиционного взаимодействия внутри будущего Тройственного соглашения (Антанты) были заложены русско-французской военной конвенцией 1892 г. Это соглашение о взаимных обязанностях и совместных действиях в случае агрессии стран Тройственного союза — Германии, Австро-Венгрии и Италии — было выработано в процессе переговоров представителей военных и внешнеполитических ведомств России и Франции в 1891–1892 гг. и подписано 5 (17) августа 1892 г.

Впервые вопрос о заключении военной конвенции обсуждался в августе 1890 г. на встрече военного министра генерала от инфантерии П. С. Ванновского, начальника Главного штаба генерала от инфантерии Н. Н. Обручева и помощника начальника Генерального штаба французской армии бригадного генерала Р. Буадефра, состоявшейся во время маневров в Нарве¹. 15 (27) августа 1891 г. между Россией и Францией было заключено политическое соглашение Гирс–Рибо (названо по фамилиям министров иностранных дел), согласно которому стороны договаривались о совместных действиях в случае угрозы войны. Его подписанию предшествовали неофициальные переговоры между Н. Н. Обручевым и Р. Буадефром, проходившие в Париже в июне 1891 г.² В ноябре того же года на встрече Н. К. Гирса, А. Рибо и французского военного министра Ш. Фрейсине была достигнута договоренность о заключении военного соглашения. Подготовку текста взяла на себя французская сторона. Проект конвенции составили Фрейсине, начальник французского Генерального штаба Ф. Мирибель, военный губернатор Парижа и вице-президент Высшего военного совета Ф. Сосье; некоторые исправления в редакцию Фрейсине внес посол Третьей республики в С.-Петербурге Г. Монтебелло. 24 февраля (7 марта) 1892 г. он вручил текст соглашения Н. К. Гирсу, а 29 февраля (12 марта) документ был представлен на утверждение Александра III.

¹ *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926. С. 65; *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 309–310.

² *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. М., 1968. С. 148.

Проект предусматривал сосредоточение главных сил союзников против Германии. Общая мобилизация вооруженных сил России и Франции объявлялась только в случае мобилизации Германии или всех стран Тройственного союза. Франция должна была развернуть на границе с Германией 1300 тыс. чел., Россия — 700–800 тыс., против Италии и Австро-Венгрии выставлялись оставшиеся силы. Таким образом, французский вариант проекта конвенции не в полной мере отвечал интересам России, т. к. ограничивал свободу ее действий на западной границе. Поэтому Н. Н. Обручев выступил против предложений французской стороны, потребовав включить в договор пункт о поддержке Францией России и в случае войны последней с одной Австро-Венгрией. Он возражал и против жесткого распределения вооруженных сил Российской империи, настаивая на сохранении ею права выбора направления главного удара³.

Французский проект конвенции и соображения Н. Н. Обручева стали предметом переговоров, начавшихся летом того же года в С.-Петербурге. В результате достигнутого компромисса русская сторона добилась от французской делегации обязательства объявить мобилизацию в случае войны России с одной только Австро-Венгрией. Уступкой французской стороне являлось сохранение жесткого распределения сил русской армии между Восточно-Прусским и Галицийским стратегическими направлениями. Н. Н. Обручев и Р. Буадефр подписали окончательный вариант конвенции 5 (17) августа; ратификация военного союза между Россией и Францией состоялась в ходе обмена письмами между Н. К. Гирсом и Г. Монтебелло 15 (27) декабря 1893 г. и 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.)⁴.

Тест конвенции состоял из семи статей. Статья 1 определяла взаимные обязанности России и Франции в случае войны со странами Тройственного союза. В статье 2 указывалось, что в случае мобилизации войск Тройственного союза или одной из входящих в него стран Россия и Франция должны были провести одновременную полную мобилизацию своих вооруженных сил и выдвинуть их к границам. Союзники соглашались «со всей быстротой» перейти в наступление, «чтобы

³ Роль Н. Н. Обручева в заключении русско-французской военной конвенции подробно изучена современным российским историком О. Р. Айрапетовым. См.: Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 259–270.

⁴ Манфред А. З. Указ. соч. С. 350.

Германии пришлось сражаться сразу и на Востоке и на Западе» (статья 3)⁵. Стороны договаривались о регулярных консультациях начальников генеральных штабов для обмена сведениями о вооруженных силах Тройственного союза и координации стратегического планирования (статья 4). Союзники обязывались не заключать сепаратного мира (статья 5) и устанавливали, что конвенция будет сохранять силу в течение всего срока существования Тройственного союза (статья 6, отменена в 1899 г.). Наконец, статья 7 устанавливала секретный характер договора.

Конвенция имела огромное политическое значение, но ее собственно военная роль была не столь велика, т. к. в предвоенном стратегическом планировании союзников требования договора учитывались мало.

Так, до начала войны с Японией русский Главный штаб фактически игнорировал положения конвенции, готовясь к исключительно оборонительным действиям на восточно-прусской границе с опорой на крепости «польского треугольника» — Новогеоргиевск, Зегрж и Варшаву, а также укрепления на Нареве и разрабатывая планы нанесения главного удара по Австро-Венгрии⁶. Подготовка планов вторжения в Германию велась в штабе Варшавского военного округа, однако в условиях безраздельного господства обручевской стратегии, отдававшей безусловный приоритет сокрушению Дунайской монархии, эти проекты обрекались на роль «запасных вариантов», вероятность претворения которых в жизнь была крайне невелика⁷.

Более того, после дальневосточной катастрофы, приведшей к пересмотру основ русского военного планирования, российское военное руководство вынуждено было отказаться даже от формальной подготовки

⁵ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 281.

⁶ О планах Главного штаба 80-х гг. XIX в. см.: *Зайончковский А. М.* Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. С. 29–37; *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 64–71.

⁷ См. подробнее: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2341. Л. 1–46об.; Д. 2835. Л. 16–62; Д. 3026. Л. 1–22; *Алтеев О. Е.* На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа, 1872–1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. 10. М., 2011. С. 190–206.

к наступательным действиям против Германии. Вновь образованный центральный орган русского Генштаба — Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) — признал активные действия в начале войны невозможными, из-за чего план развертывания 1906/07 г. по «Мобилизационному расписанию № 18 восстановленному» оказался сугубо оборонительным⁸.

И только в наступательной концепции «Мобилизационного расписания 1910 года» союзнические обязательства перед Францией вышли на первый план, однако следует отметить, что важнейшей причиной возвращения русского Генштаба к планированию активных действий стало отнюдь не давление со стороны союзника, а постепенное восстановление вооруженных сил после Русско-японской войны.

23 января (5 февраля) 1910 г. начальник штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенант Н. А. Ключев представил в ГУГШ «Сображения о наступательных действиях из района 2-й армии при войне с Германией и Австрией»⁹, где изложил концепцию концентрического наступления против Германии, и в течение следующий четырех лет Генеральный штаб проводил планомерную подготовку к вторжению в Восточную Пруссию, что вполне отвечало и интересам французов.

Впрочем, разработка в 1912 г. последнего предвоенного плана, предусматривавшего одновременное наступление против Германии и Австро-Венгрии, объясняется не столько стремлением соблюсти требования русско-французской военной конвенции, сколько совпадением целей и задач внешней политики и военной стратегии России и Франции. Ответственность за распыление сил между двумя стратегическими направлениями должна быть возложена прежде всего на руководство ГУГШ, переоценившего наступательные возможности русской армии.

Существенным недостатком в организации взаимодействия между союзниками в сфере стратегического планирования следует признать то обстоятельство, что в мирное время не были созданы постоянно действующие органы, ответственные за координацию действий в этой области.

Для таковой координации организовывались лишь совещания начальников Генеральных штабов, с разной регулярностью проводившиеся в 1900–1913 гг., однако они не могли в полном объеме обеспечить

⁸ См.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–49; Д. 492. Л. 70–72об., 78–79об.; Ростунов И. И. Указ. соч. С. 88–90.

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1790. Л. 49–57об., 59, 59об.

должную согласованность военных приготовлений. Наиболее важным следует, очевидно, признать совещание 1911 г., на котором начальник Генштаба генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский взял дополнительное обязательство перейти в наступление против Германии после 15 дней мобилизации¹⁰. Это обязательство вполне обеспечивалось возможностями железных дорог Европейской России, позволявшими отмобилизовать и сосредоточить полевые войска армий, выставляемых на восточно-прусской границе. Так, основная масса первоочередной пехоты 2-й армии Северо-Западного фронта, имевшей наибольшие сроки готовности, прибывала в район сосредоточения с 7-й по 13-й день, а с 18-го дня начинали поступать первые эшелоны второочередных дивизий, впрочем, использовать их в поле и не планировалось. Большая часть кавалерии могла быть готова в течение двух суток. Единственным первоочередным соединением, использование которого с 15-го дня оставалось под вопросом, являлся XIII корпус, парковые бригады которого прибывали только на 16-й и 19-й дни¹¹.

Кстати, в этом контексте расхожее мнение о том, что армии П. К. фон Ренненкампа и А. В. Самсонова вторглись в Восточную Пруссию совершенно не готовыми с точки зрения завершения мобилизационных мероприятий, содержит, очевидно, некоторое преувеличение. Не стоит гиперболизировать и результаты давления французов по поводу совершенствования железнодорожной сети в западных губерниях России и Царстве Польском. Действительно, кредит, в 1913 г. предложенный союзниками для развития железных дорог, способствовал сокращению сроков сосредоточения русской армии не только против Германии, что отвечало интересам Франции, но и против Австро-Венгрии¹².

Таким образом, Русско-французское соглашение 1892 г. сыграло определенную роль в формировании основ коалиционной стратегии Тройственного соглашения, однако его влияние на подготовку и ход первых операций на русском фронте мировой войны преувеличивать не следует. Тем не менее сотрудничество между Россией и Францией по вопросам стратегического планирования в конце XIX — начале XX в.

¹⁰ *Валентинов Н.* Военные соглашения России с иностранными государствами до войны // Военно-исторический сборник. М., 1919. Вып. 2. С. 113.

¹¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 762. Л. 92–106.

¹² *Зайончковский А. М.* Указ. соч. С. 299–300.

стало первым основательным и продолжительным опытом организации межсоюзнического взаимодействия в военной сфере.

Морское министерство приступило к поиску форм взаимодействия с будущими союзниками по Антанте значительно позже, хотя одним из первых церемониальных, притом весьма эффективных проявлений складывающегося русско-французского альянса стал обмен официальными визитами отрядов боевых кораблей. В июле 1891 г. Кронштадт и Санкт-Петербург встречали эскадру адмирала А.-А. Жерве, а через два с небольшим года — в октябре 1893 г. — российский отряд под флагом начальника эскадры Средиземного моря контр-адмирала Ф. К. Авелана посетил Тулон¹³.

Однако Санкт-Петербург и Париж, объединившиеся для совместной борьбы против Центральных держав на сухом пути¹⁴, предпочли в иных, в том числе морских, вопросах оставить руки развязанными. Французское военно-морское руководство исходило из того, что «независимые действия обоих союзных флотов обещали быть более успешными». Надо полагать, оптимизм французов еще и изрядно поубавился в последние годы XIX в., когда на фоне сохраняющегося безусловного военно-морского доминирования Великобритании и перспектив скорого создания первоклассного линейного флота немцами¹⁵ взоры Николая II обратились на Дальний Восток, что неизбежно вело к ослаблению русских сил в европейских водах.

Фашидский кризис 1898 г., поставивший Францию на грань войны с Англией, заставил парижских стратегов вспомнить о русском флоте

¹³ *Сергеев В.В.* Военно-морское присутствие России в Средиземном море во второй половине XIX — начале XX в. // Роль флота во внешней политике России в Средиземноморском регионе. История и современность (Материалы региональной научно-исторической конференции 22 апреля 2009 года). Калининград, 2009. С. 34–37; *Мельников Р.М.* «Император Николай I» — звездные 1890-е // Гангут. 2001. Вып. 28. С. 3, 4; *Рукавишников Е.Н.* Визит кораблей Балтийского флота в Тулон (октябрь 1893 г.) // Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград, 2001. С. 57–65.

¹⁴ См. подробнее: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 169–174.

¹⁵ В 1898 г. новый статс-секретарь имперского морского управления А. фон Тирпиц провел через рейхстаг закон, согласно которому к 1903 г. германский флот должен был насчитывать 19 эскадренных броненосцев, восемь броненосцев береговой обороны, 12 броненосных и 30 легких крейсеров. (См. подробнее: *Жерве Б.* Германия и ее морская сила // Морской сборник. 1914. №9. С. 146–148.)

как о факторе, могущем сковать британские морские силы на Дальнем Востоке, в Индийском океане и, возможно, в Средиземном море¹⁶. Однако и в этом случае до координации планов применения союзных флотов дело не дошло, хотя в 1901–1902 гг. впервые обсуждался вопрос о заключении русско-французского морского соглашения¹⁷. В это время флоты Франции и России являлись соответственно вторым и третьим в мире и могли составить действительную конкуренцию морским силам Великобритании, причем руководители английского адмиралтейства и многие из влиятельных флагманов (например, Дж. Фишер, возглавлявший на рубеже веков Средиземноморский флот) всерьез рассуждали о своей неспособности воспрепятствовать захвату Черноморских проливов русскими, действуя они в союзе с Францией¹⁸.

В России еще несколько лет продолжали смотреть на Великобританию как на потенциального противника¹⁹, однако антибританский компонент русско-французского альянса все более размывался по мере дипломатического сближения Парижа и Лондона. Поэтому, как удачно замечает современный исследователь, на рубеже веков «с точки зрения совместного военно-морского планирования и эффективного взаимопонимания союз остался совершенно платоническим»²⁰.

¹⁶ Roksund A. The Jeune École. The Strategy of the Weak. Leiden-Boston, 2007. P. 172.

¹⁷ См. подробнее: Гостенков П. А. Франко-русский союз и несостоявшаяся морская война с Англией // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта : материалы Третьих международных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и Научной конференции «Мир и война: море и суша» (Санкт-Петербург–Кронштадт, 21–24 октября 2007 г.). М. ; СПб., 2007. С. 172–175.

¹⁸ См. подробнее: Папастратигакис Н. Британская стратегия: русский флот и Черноморские проливы / пер. с англ. Н. Эльдмана // Русский сборник. Исследования по истории России. 2010. Т. 9. С. 194–219.

¹⁹ В этом смысле показательно, что одной из целей двусторонних маневров Черноморского флота в августе 1903 г. являлась отработка действий в проливах против английской Средиземноморской эскадры. (См. подробнее: Айрапетов О. Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война Российской империи : сборник статей. М., 2002. С. 163.)

²⁰ Папастратигакис Н. Большая военно-морская стратегия России в начале русско-японской войны // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие: международный исторический сборник / пер. с англ., под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2004. С. 113.

Еще одна важная причина столь явного отставания морского ведомства от Военного министерства, которое, напомним, заключило военную конвенцию с Францией еще в 1892 г., состояла в том, что морскому ведомству удалось институализировать свою международную деятельность и поставить ее на планомерную основу только с учреждением в 1906 г. Морского генерального штаба (МГШ)²¹, к ведению которого относилось, помимо прочего, руководство работой военно-морских агентов (атташе)²². Последние помимо выполнения своих прямых функциональных обязанностей (сбор сведений о флоте страны пребывания, решение финансовых и технических вопросов, связанных с закупками вооружения и военной техники и др.)²³ часто брали на себя роль активных самостоятельных субъектов военно-дипломатической деятельности.

В феврале 1911 г. военно-морской агент во Франции, Испании и Португалии капитан 2-го ранга С. С. Погуляев вместе с послом в Париже А. П. Извольским стали инициаторами возвращения к идее «расширения союзных обязательств двух держав на действия их военно-морских сил» и принял участие в предварительном зондаже этого вопроса у французского министра иностранных дел С. Пишона²⁴. В донесении в МГШ об итогах своей деятельности²⁵ С. С. Погуляев обратил

²¹ Указатель правительственных распоряжений по Морскому Ведомству. № 27 Август 1906 г. // Собрание узаконений, постановлений и других распоряжений по Морскому Ведомству за 1906 год. СПб., 1907. С. 810–813.

²² *Емелин А.* Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2. С. 66.

²³ См. подробнее: *Емелин А. Ю.* История института русских военно-морских агентов (атташе) за границей. 1856–1918 гг. // Источник. Историк. История: сборник научных работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 368–386; *Завьялов И. В.* Российские морские агенты о подводном кораблестроении за рубежом в канун Первой мировой войны // Гангут. 2010. Вып. 58. С. 61–80.

²⁴ *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000. С. 138.

²⁵ Показательно, что при возвращении в Россию капитан 2-го ранга С. С. Погуляев был удостоен французскими властями редкими знаками благодарности: помимо ордена Почетного легиона президент К. Фальер преподнес Сергею Сергеевичу личный презент (ансамбль севрского фарфора) и направил в Санкт-Петербург официальную ноту с просьбой возвратить офицера в Париж после отбытия им корабельного ценза (С. С. Погуляев был назначен старшим офицером крейсера «Адмирал Макаров»). См. подробнее: *Я. В.* Контр-адмирал С. С. Погуляев // Морской журнал (Прага). 1938. № 125 (5). С. 2–4.

внимание руководства морского ведомства на необходимость установления «непосредственной связи» между морскими генштабами союзных держав.

Спустя год новый военно-морской агент в Париже капитан 1-го ранга В. А. Карцов в цикле неофициальных бесед с командующим Средиземноморским флотом вице-адмиралом О. Буэ де Лапейерером убедился в готовности французов к установлению «кооперации между русскими и французскими морскими силами»²⁶. Затем с одобрения главы морского ведомства И. К. Григоровича и министра иностранных дел С. Д. Сазонова и при энергичной поддержке со стороны посла В. А. Карцов вошел в «тесные отношения» с морским министром Франции Т. Делькассе²⁷ с целью подготовки визита начальника МГШ вице-адмирала светлейшего князя А. А. Ливена в Париж «для совместного с французским морским генеральным штабом обсуждения некоторых стратегических вопросов и для выяснения возможностей вступить с этим учреждением в постоянные сношения»²⁸.

Результатами совещаний А. А. Ливена с его французским коллегой вице-адмиралом К. Обером стали взаимное признание необходимости заблаговременной подготовки к координации действий союзных флотов путем непосредственных сношений морских генеральных штабов, включая ежегодные встречи их начальников, систематический обмен сведениями и даже согласование стратегических планов. После подписания 3 (16) июля 1912 г. русско-французской морской конвенции²⁹ МГШ приступил к обмену информацией с французским морским генштабом.

Принципиально важно, что на первых же совещаниях было оговорено, хотя и в самых общих чертах, «распределение ролей» между

²⁶ Письмо Российского Посла в Париже А. П. Извольского тов-щу Министра Иностранных Дел А. А. Нератову. Париж, 5/18 июля 1912 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. : сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского российского министерства иностранных дел. М., 1922. С. 230.

²⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 374. Л. 341–343.

²⁸ Деренковский Г. М. Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне первой мировой войны // Исторические записки. 1949. Вып. 29. С. 95.

²⁹ Русско-французская морская конвенция, 3 (16) июля 1912 г. // Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 2 : Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 28.

будущими союзниками. Французы не могли обещать содействия русскому флоту на Балтике, так как по соглашению с Великобританией Северное море входило в зону ответственности последней. Зато К. Обер обещал помощь в Средиземноморье, взяв на себя обязательство воспрепятствовать прорыву в Черное море австро-венгерских и итальянских морских сил.

В руководстве российского морского ведомства были склонны весьма оптимистично оценивать результаты обмена мнениями с французскими коллегами. Любопытно, что внимание А. А. Ливена привлекла удивительная предупредительность французов и даже их готовность взять на себя некоторые обязательства, не требуя никаких, по существу, компенсаций от русских. Как нам представляется, уступчивость наших союзников имела политическую природу и была обусловлена стремлением Парижа укрепить военный союз с Россией всеми мерами, вплоть до некоторых авансов. Вероятно, именно поэтому в выработке проекта конвенции самое деятельное участие принял М. Палеолог, в то время занимавший пост политического директора французского министерства иностранных дел³⁰, а впоследствии ставший послом в России и далеко не последним лицом в петроградском политическом бомонде.

МГШ придавал большое значение готовности французов облегчить Российскому флоту задачу завоевания и удержания господства в Черном море путем давления на флоты Австро-Венгрии и Италии. Тем не менее ни при подписании конвенции, ни при состоявшейся в мае 1913 г. встрече А. А. Ливена с новым начальником французского морского генштаба вице-адмиралом Ле Брисом никаких конкретных договоренностей о взаимодействии в районе Проливов, т. е. в вопросе, важнейшем с точки зрения российского стратегического планирования на «южном театре», оформлено не было³¹. Некоторый прогресс в этом смысле был достигнут в июне 1914 г., при посещении Франции новым начальником МГШ вице-адмиралом А. И. Русиным. Сменивший Ле Бриса вице-адмирал Рибо высказал

³⁰ Письмо Российского Посла в Париже А. П. Извольского Товарищу Минра Ин. Дел А. А. Нератову. Париж, 5 (18) июля 1912 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. С. 229–231.

³¹ *Емелин А. Ю.* Деятельность русских военно-морских агентов во Франции накануне Первой мировой войны (личностный аспект) // Источник. Историк. История : сборник научных работ. СПб., 2003. Вып. 3 : История повседневности. С. 56, 57.

готовность передислоцировать основные силы французского флота из Тулона в Бизерту и тем на четверть сократить глубину оперативного развертывания французской корабельной группировки к Дарданеллам. Не возражали французы и против базирования на этот порт и российского корабельного соединения — бригады линейных крейсеров Балтийского моря, призванной пресечь прорыв германской «Средиземноморской дивизии» контр-адмирала В. Сушона в Дарданеллы³².

Однако практическую значимость подписания морской конвенции переоценивать, на наш взгляд, не следует. Документ лишь декларировал в предельно общих формулировках готовность сторон «действовать совместно», но не конкретизировал формы и организацию этого взаимодействия. Председатель Совета министров В. Н. Коковцов, ознакомившись с протоколом «первого обмена стратегическими взглядами», нашел желательным, чтобы «последующий обмен мыслей имел своим предметом более точное изложение как состоявшихся постановлений, так и последующего их развития»³³. Но и в дальнейшем прикладное «военное» значение этих контактов оставалось весьма ограниченным. Причем это утверждение представляется справедливым не только в отношении обмена сведениями технического характера³⁴, но и в отношении согласования планов применения российского и французского флотов.

Даже в ходе посещения Франции группой морских офицеров во главе с вице-адмиралом А. И. Русиным в июне 1914 г. (в состав делегации входили капитан 1-го ранга В. К. Пилкин, капитаны 2-го ранга М. И. Смирнов, А. А. Нищенков и В. Е. Егорьев и лейтенант Б. П. Апрелев) «вопросов стратегического характера ни с той, ни с другой стороны почти не имелось»³⁵. Поэтому на оперативно-стратегические калькуля-

³² Апрелев Б. Линейный крейсер «Гебен» // Исторические очерки. Книга вторая. Шанхай, [1935.] С. 178; Айранетов О. Р. На Восточном направлении... С. 176, 177.

³³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 374. Л. 356; Копия с собственноручной заметки г. Председателя Совета Министров, С.-Петербург, 28 Июля 1912 года // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. С. 232.

³⁴ Достаточно сказать, что в феврале и апреле 1914 г. российский МГШ, не удовлетворенный объемом и качеством получаемой от французов информации, грозил приостановить выдачу своих сведений. (См. подробнее: Емелин А. Ю. Деятельность русских военно-морских агентов во Франции... С. 58, 59.)

³⁵ Апрелев Б. «Гебен» в войну 1914–18 г. (Воспоминания о роли германского линейного крейсера «Гебен» в минувшую войну 1914–1918 гг.) // Зарубежный морской сборник (Пильзень). 1930. № 9 (январь–апрель). С. 39.

ции нашего морского ведомства контакты с союзниками сколь-нибудь существенного влияния не оказали.

Накануне Великой войны специалисты МГШ приняли самое деятельное участие в подготовке русско-английского морского соглашения. Еще в сентябре 1912 г. С. Д. Сазонов поднимал вопрос о «*некоторой помощи со стороны британского флота*» во время своего визита в Великобританию, однако король Георг V и шеф форин-офис сэр Э. Грей не смогли «*дать определенного ответа, а тем более взять на себя какие-либо обязательства в этом отношении*». Лондон, впрочем, вполне допускал возможность оказания русским помощи «*в пределах практической возможности*», что, вероятно, выразилось бы в «*отвлечении на себя германских сил в Немецком (Северном. — О. А., Д. К.) море*»³⁶. Мысль о вторжении английских морских сил в Балтийское море не нашла поддержки со стороны вершителей внешней политики Великобритании, поскольку королевский флот рисковал оказаться «в мышеловке» (выражение Э. Грея) ввиду «*возможности Германии наложить руку на Данию и преградить выход через Бельт*»³⁷.

Весной 1914 г., российская дипломатия предприняла еще одну попытку искать сближения с англичанами «*в форме более конкретной, чем неопределенное сознание общей с ней опасности*»³⁸. Этому, надо полагать, изрядно поспособствовало и начало реализации амбициозных кораблестроительных программ. В апреле 1914 г. Николай II в беседе с великобританский послом Дж. Бьюкененом не преминул напомнить, что к 1917 г. Россия будет располагать на Балтике восемью дредноутами (речь шла о четырех линкорах типа «Севастополь» и четырех линейных крейсерах типа «Измаил»), которые окажут помощь английскому флоту, так как немцы вынуждены будут выделить значительные силы для сдерживания русского Балтфлота³⁹.

Кстати, в первые годы после войны с Японией многие чины Морского министерства в отличие от дипломатов традиционно причисляли Великобританию к вероятным противникам. В феврале 1906 г.

³⁶ Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск, 2002. С. 63.

³⁷ Доклады б. министра ин. дел С. Д. Сазонова Николаю Романову. 1910–1912 гг. // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 17, 18.

³⁸ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 64.

³⁹ Айрапетов О. Р. Контекст одной пропагандистской акции 1914 года // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. 2004. Т. I. С. 122.

вице-адмирал З. П. Рожественский настаивал на необходимости разработки «плана войны с Англией» как одного из вариантов плана применения Балтийского флота⁴⁰.

Однако в последние предвоенные годы на фоне форсированной милитаризации Германии значительная часть российской военно-морской элиты если не отказалась от сакраментальной англофобии вовсе, то, во всяком случае, вполне допускала возможность стратегического взаимодействия с великобританским флотом, что, очевидно, было обусловлено осознанием общности военно-политических задач обеих империй⁴¹. Иллюстрация тому — выдержка из меморандума начальника МГШ вице-адмирала светлейшего князя А. А. Ливена «Политическое значение России перед войной» (1912 г.)⁴². Впрочем, подобные метаморфозы во взглядах на Британию были характерны для российского общества вообще и его «политического класса» в частности. Как демонстрируют результаты новейших специальных исследований, «к весне 1912 г. ... все, за исключением крайне правых, были согласны с курсом на сближение с Францией и Англией»⁴³.

В мае 1914 г. генмором с участием представителей Министерства иностранных дел была выработана инструкция военно-морскому агенту в Лондоне флигель-адъютанту капитану 1-го ранга Н. А. Волкову, которому предстояло вести переговоры с первым морским лордом адмиралом Луи Баттенбергом⁴⁴. К середине июля проект соглашения был выработан, однако в силу целого ряда причин⁴⁵ завершить эту работу

⁴⁰ Рапорт генерал-адъютанта вице-адмирала Рожественского морскому министру от 7 февраля 1906 г. // [Шеглов А. Н.] Значение и работа штаба по опыту русско-японской войны. [СПб., 1906.] Ч. I. С. 57.

⁴¹ Сергеев Е. Ю. Имперские военные элиты России и Великобритании в конце XIX — начале XX века: опыт сравнительного анализа // Россия и Британия. М., 2006. Вып. 4 : Связи и взаимные представления. XIX–XX века. С. 228–246.

⁴² Цит. по: Игнатьев А. В. Незавершенный этап (к истории русско-английских переговоров 1914 г.) // История СССР. 1960. № 3. С. 112.

⁴³ Голубев А. В., Поршнев О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011. С. 80.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 27. Л. 13; Ф. 138. Оп. 467. Д. 324. Л. 32, 33.

⁴⁵ Из содержания документов, в 1921 г. изданных в Германии Б. фон Зибертом, явствует, что германское правительство было проинформировано о подготовке русско-английских переговоров по разведывательным каналам. (См. подробнее: Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны.

до начала мировой войны не удалось⁴⁶. Как писала берлинская газета «Миттаг» от 1 (14) августа 1914 г., «планы нашего противника не удалась, ибо война началась преждевременно»⁴⁷.

Таким образом, в предвоенные годы военно-морские контакты с союзной Францией и дружественной Великобританией так и не вышли на уровень, позволивший им оказать сколь-нибудь существенное влияние на содержание стратегического планирования в российском морском ведомстве, не говоря уже о направленности строительства нашего флота. Этого, кстати, нельзя сказать о взаимодействии в морских делах между нашими союзниками. Достаточно вспомнить, что именно соглашение с Францией позволило англичанам резко сократить традиционное военное присутствие в Средиземном море и сосредоточить лучшие силы своего флота в водах метрополии перед лицом германского Флота открытого моря, иными словами, реализовать принципиально новую, если угодно, идеологию дислокации и применения военно-морских сил⁴⁸.

Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг. / под ред. И. С. Галкина. М., 1962. С. 71.)

⁴⁶ См. подробнее: *Ловязгин А.* Англо-русская морская конвенция (К материалам по истории подготовки России к мировой войне на море) // Морской сборник. 1929. № 2. С. 60–67; *Деренковский Г. М.* Указ. соч. С. 80–122; *Игнатъев А. В.* Незавершенный этап (к истории русско-английских переговоров 1914 г.). С. 107–118; *Луиева Ю. В.* Англо-российские морские переговоры накануне Первой мировой войны (1914 год) // Россия и Британия. М., 2006. Вып. 4. Связи и взаимные представления. XIX–XX веков. С. 194–206.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 324. Л. 38об.

⁴⁸ О морской политике Великобритании перед Первой мировой войной см. подробнее: *Лухарев Д. В.* Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток, 1993; *Романова Е. В.* Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 г. М., 2008; *Fisher J. A.* Memories and Records. N.Y., 1920; *Gooch J.* The Plans of the War. The General Staff and British Military Strategy (1900–1916). L., 1974; *Kennedy P.* Strategy and Diplomacy 1870–1945. L., 1984; *Marder A. J.* From Dreadnought to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fisher Era. 1904–1919. 5 vols. L., 1961–1970; *Massie R.* Dreadnought: Britain, Germany and the Coming of the Great War. NY., 1991; *Williams Rh.* Defending the Empire: The Conservative Party and the British Defence Policy. 1899–1915. New Haven; L., 1991; *Mackintosh G. J. P.* The Role of the Committee of Imperial Defence before 1914 // The English Historical Review. 1962. Vol. LXXVII. N 304; *Shiflett Ch. R.* The Royal Navy and the Question of Imperial Defense East of Suez, 1902–1914 // Warship International. 1995. № 4; и др.

Россия же от контактов с французами и англичанами подобных дивидендов не получила. Это стало одной из причин того, что предвоенные планы применения отечественного флота, особенно на Балтийском театре военных действий, страдали одновариантностью внешнеполитического контекста. «План операций морских сил Балтийского моря на случай европейской войны» 1912 г.⁴⁹ был основан на предположении о неминуемом противоборстве с многократно превосходящими силами германского Флота открытого моря при невмешательстве Великобритании, т.е. на сценарии, наименее вероятном с политической точки зрения.

Причины такого положения, которое М. А. Петров справедливо назвал «поражительным несоответствием политики и стратегии»⁵⁰, разумеется, многообразны — это и несколько скептическое отношение наших будущих союзников к потенциалу Российского флота, потерявшего свою «союзопривлекательность» после катастрофы на Дальнем Востоке; периферийный и закрытый (следовательно, второстепенный в контексте европейской войны) характер Балтийского и Черноморского театров военных действий.

Однако главная, на наш взгляд, причина сложившейся ситуации (причем это справедливо в отношении и сухопутных, и морских контактов с будущими союзниками) — неспособность главного вершителя военной и внешней политики Российской империи — державного вождя Николая II — и верхушки государственной бюрократии интегрировать усилия оборонных министерств и внешнеполитической службы в видах обеспечения военной безопасности государства. Попытка же создания постоянно действующего механизма таковой координации путем учреждения в июне 1905 г. Совета государственной обороны успехом, как известно, не увенчалась.

⁴⁹ Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 2. Д. 215. Л. 37–60.

⁵⁰ Петров М. А. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926. С. 247.

*А. А. Зданович,
доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник
НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ*

КОНТРАЗВЕДКА ЦАРСКОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация. Противоборствующие в Первой мировой войне стороны надеялись на скоротечность боевых действий. Отсюда проистекла недооценка контрразведывательной работы. Серьезным отрицательным фактором для организации борьбы со шпионажем являлось фактическое разделение управления в военной сфере на два центра — Ставка Верховного главнокомандующего руководила только фронтовой зоной, а Военное министерство и подчиненный ему Генеральный штаб — тыловыми военными округами. Создание органов контрразведки в действующей армии растянулось на несколько месяцев и завершилось не ранее середины 1915 г. Отрицательно сказалось на эффективности работы контрразведки и выдвинутая генералом М. Д. Бонч-Бруевичем теория так называемой «чистой контрразведки», т. е. защита только секретов. А обстановка требовала борьбы со шпионажем в экономической сфере и противодействия подрывной деятельности в идейно-политической области. Отрицательно воздействовали на деятельность контрразведки и нерешенные кадровые проблемы, а также ее статус как секретного органа, не имеющего административных прав. В этих условиях говорить о высокой эффективности в работе военной контрразведки не приходится.

Ключевые слова: управление в военной сфере, контрразведка, мобилизационная готовность, нормативные документы, права контрразведки, государственная безопасность, шпионаж; подрывная деятельность, моральный дух.

A. A. Zdanovich

COUNTERINTELLIGENCE IN THE RUSSIAN ARMY DURING WORLD WAR I: ORGANIZATIONAL AND REGULATORY ISSUES

Summary: The countries opposed during the First World War hoped for the transience of fighting. This was the reason of counterintelligence disregard. The separation of controlled function between two centers was a serious negative factor for the organization of countermeasure. The Headquarter was responsible only for the front area, whereas the Ministry of

Defense was responsible for rear military districts. General M.D. Bonch-Bruevich advanced the theory of «clear counterintelligence», which implied only secret documents protecting. This theory negatively affected the counterintelligence efficiency. The situation required countermeasures in the economical, ideological and political spheres. Other negative factors were the staffing problems and the status as a secret body, which had no administrative rights. Therefore counterintelligence couldn't be effective.

Keywords: management in the military sphere; counterintelligence; mobilization readiness; regulatory documents; rights of counterintelligence authorities; state security; spying; morale of the troops.

Разразившаяся в августе 1914 г. мировая война первоначально велась восьмью европейскими государствами. Постепенно в ее орбиту были вовлечены еще более тридцати государств с общим населением 1,5 млрд человек.

К началу войны оба противоборствующих блока создали мощные армии и разветвленную военную промышленность. Вместе с тем, недооценивая экономические и боевые возможности противников, военное руководство как стран Антанты, так и Тройственного союза готовилось к возможно быстрому разгрому врага за шесть-восемь месяцев.

Однако уже в первой половине 1915 г. воюющим сторонам стало ясно, что, значительно ослабив друг друга, они не сумели достичь коренного перелома и война приобретает затяжной позиционный характер со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

В этих условиях для достижения победы требовалось обеспечить тесное единство фронта и тыла, высшего военного командования и руководства других государственных органов России. К сожалению, прийти к этому на протяжении всей войны в полной мере не удалось¹.

Необходимо отметить, что еще на стадии подготовки такого основополагающего документа, как «Положение о полевом управлении войск в военное время», утвержденного в июле 1914 г., проявилась общая недооценка его разработчиками всей сложности проблемы формирования единого руководящего военно-политического центра. В данном Положении проводилась идея расчленения России на две «отдельные части» (фронт и тыл), что впрямую усугубляло традиционную обособленность военного управления от общеимперского, создавало серьезные трудности в функционировании государственного аппарата в воюющей стране.

¹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 197.

К тому же в документе закладывалось организационное противоречие, дезорганизирующее управление армией, — наличие с началом войны двух независимых друг от друга центров; на театре военных действий — Верховный главнокомандующий и его штаб, а в тыловых районах — Военное министерство с входящим в его штат Главным управлением генерального штаба (ГУГШ). Авторы указанного выше Положения справедливо предполагали, что Верховным главнокомандующим автоматически становится сам император, который будет лично координировать действия военных и гражданских властей. Однако до августа 1915 г. возглавлял действующую армию великий князь Николай Николаевич, не имевший реальных рычагов воздействия на Военное министерство, а тем более на Совет министров в целом.

Все, о чем говорилось выше, напрямую повлияло на организационное строительство органов военной контрразведки и сузило задачу последней до борьбы с чистым шпионажем.

На территории округов, не входящих в район театра военных действий, продолжали функционировать контрразведывательные отделения (КРО) окружных штабов, созданные на основании положения 1911 г. Они практически не подверглись какой-либо трансформации после начала мировой войны.

Насущный вопрос об увеличении числа КРО либо создании подчиненных им органов в стратегически важных пунктах страны не был продуман и спланирован заранее, поскольку воевать рассчитывали лишь в западных районах страны и на территории противников России. К примеру, настоятельно требовалось создать КРО Казанского военного округа. Находящиеся в пределах территории округа пороховые и оружейные заводы, многочисленные крупнейшие склады всех видов снабжения требовали соответствующих мер по их контрразведывательному обеспечению. КРО Московского округа, на который возлагалась эта задача, практически не мог при ограниченном штате справиться с ней².

Что касается органов контрразведки в действующей армии, то процесс их создания и становления растянулся на несколько первых месяцев войны. Иного и быть не могло, поскольку реальных и детально разработанных мобилизационных планов по линии КРО не существовало.

² Из истории русской контрразведки : сборник документов. М., 1946. С. 164. Командование Казанского военного округа неоднократно обращалось в ГУГШ по поводу организации КРО, однако оно было создано лишь в конце 1916 г.

Еще в начале 1913 г. штабы Варшавского, Виленского и Киевского военных округов по заданию Главного управления Генерального штаба подготовили свои предложения по созданию новых КРО на случай войны.

Поскольку в мирное время в вооруженных силах России не имелось армий, а с началом мобилизации они создавались, то было признано целесообразным именно при их штабах и разворачивать КРО³. Однако указанные предложения являлись малореальными. Так, например, штаб Киевского военного округа наметал передать весь личный состав своего КРО на укомплектование соответствующего подразделения штаба Третьей армии⁴. Причем в штате данного органа предполагалось иметь 54 человека, хотя в самом окружном КРО штат состоял всего из 19 сотрудников⁵. Взамен убывающих кадров новое КРО штаба округа, вошедшего в зоны театра военных действий, должен был комплектовать офицер Киевского районного охранного отделения, о выделении которого еще предстояло ходатайствовать через МВД⁶. Штат указанного КРО определялся в 37 человек, еще 34 необходимо было найти для КРО штаба Южной группы Третьей армии. Источник значительного пополнения кадров не указывался, конкретных соглашений с МВД не имелось.

Штабы Виленского и Варшавского округов поступили более дальновидно и рекомендовали ГУГШ еще до приказа о мобилизационном развертывании увеличить штат существовавших КРО либо прикомандировать к ним необходимое число сотрудников для изучения обстановки на территории предстоящих действий. Эта мера позволила бы создать ядро новых контрразведывательных аппаратов — армейского и окружного. Однако указанные предложения остались на бумаге и никакого влияния на процесс организационного строительства контрразведки не оказали. Многое пришлось делать на пустом месте, что самым непосредственным образом сказалось с началом войны⁷.

³ Органы контрразведки в составе фронтовых штабов в предложениях вообще не фигурировали.

⁴ Из истории русской контрразведки. С. 136.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ К середине 1913 г. районные охранные отделения были ликвидированы, а необходимые коррективы в планы штабов не вносились.

⁷ КРО при штабах Кавказской и Восьмой армий удалось создать только в конце 1915 г. Контрразведка десятой армии формировалась вообще из слу-

В «Положении о полевом управлении войск в военное время» имелось лишь общее указание на ответственность штабов войсковых объединений за организацию борьбы с неприятельским шпионажем. В пункте 124 данного документа говорилось, что к предмету ведения разведотделения штаба фронта относятся «разработка соображений и подготовка распоряжений по разведке противника и местности, а равно по борьбе со шпионством»⁸.

Каких-либо нормативных документов, определяющих организационные и кадровые вопросы по линии контрразведки в развитие Положения, Главное управление Генштаба подготовить не успело, так как уже 31 июля 1914 г. было принято решение о всеобщей мобилизации вооруженных сил, а 1 августа Германия объявила императорской России войну⁹.

Согласно варианту «А» плана стратегического развертывания создавалось семь армий¹⁰.

Относительно готовыми продолжать работу оказались лишь те армейские КРО, руководство и костяк которых составили офицеры и чиновники окружных контрразведывательных отделений¹¹. Они хорошо знали местную обстановку, имели налаженные контакты с командованием, оперативными и разведывательными подразделениями штабов, обладали опытом борьбы со шпионажем, взаимодействия с жандармскими управлениями и аппаратами политической полиции. В распоряжении таких КРО имелись все нормативные документы, регламентировавшие многие вопросы функционирования отделений, хотя и в мирной обстановке. Во многих формируемых органах не было даже «Положения о контрразведывательных отделениях» от 1911 г., не говоря уже о детальных инструкциях.

В циркулярном письме генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего Ю. Н. Данилова, разосланном фронтовому и армейскому командованию 15 февраля 1915 г., отмечалось, что формирование контрразведывательных отделений в войсковых объединениях

чайных людей (Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2000. Оп. 15, Д. 829. Л 10).

⁸ Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914.

⁹ Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М., 1992. С. 285.

¹⁰ Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 92; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 829. Л. 2.

¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 2.

на ТВД и их функционирование в первые месяцы войны не носили планомерный характер¹².

Отдельные историки, совершенно справедливо указывая на отсутствие разработанной на случай войны правовой базы для организационного развертывания и практической работы фронтовых и армейских КРО, приходят к выводу о преступном бездействии высшего командования¹³. С такой постановкой вопроса можно согласиться, однако сводить все дело лишь к отсутствию необходимых нормативных документов было бы упрощением. По нашему мнению, речь должна идти не только и даже не столько о медлительности властей, сколько о том, как понимали в военном ведомстве роль и место контрразведки в масштабной современной войне, какие направления разведывательно-подрывной деятельности противника прогнозировались.

По взглядам тех, кто вырабатывал стратегию русской армии, война предполагалась достаточно маневренной и скоротечной. Разгром противника мыслился в ходе ряда крупных сражений уже в 1914 г.

В ходе победоносной кампании высшее командование стремилось решить две стратегические задачи: нанести поражение Германии в Восточной Пруссии и перенести военные действия на территорию врага; предпринять решительное наступление в Галиции и лишить австро-венгерскую армию способности сопротивляться¹⁴. Поэтому главные органы военного руководства не проявляли должного внимания и настойчивости для создания резерва оружия, боеприпасов и других средств обеспечения действующей армии.

То же относилось и к контрразведке. Ее роль сводилась в основном к защите секретных планов мобилизации накануне войны, стратегических и тактических замыслов проведения боевых действий и сведений о новых образцах военной техники. Проблема обеспечения государственной безопасности в войсках вообще не ставилась в расчете на чувство патриотизма солдат и офицеров, их высокий морально-боевой дух в условиях ведения наступательных операций.

Естественно, никто не учитывал возможное массовое дезертирство, пацифистскую, националистическую и революционную пропаганду

¹² *Батюшин Н. С.* Тайная военная разведка и борьба с ней. София, 1936. С. 93.

¹³ *Яковлев Л. С.* Военная контрразведка России в период империализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 66. (Академия ФСБ инв. № 25 692).

¹⁴ *Ростунов И. И.* Указ. соч. С. 112.

в войсках как со стороны противника, так и антиправительственных сил внутри страны.

Отношение к контрразведке командования действующих армий и фронтов, а также в Главном управлении Генштаба наглядно проявлялось в статусе КРО в штабной иерархии: нежелание легализовать их существование, вывести из подчинения разведывательному отделению и дать возможность прямого доклада начальнику штаба того или иного войскового объединения. Начальники КРО в абсолютном большинстве до прикомандирования к штабам являлись офицерами Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) и проходили службу на должностях не выше помощников руководителей ГЖУ. Они продолжали оставаться в списках ОКЖ. Данное обстоятельство не позволяло военным непосредственно представлять их к назначению на вышестоящие должности, награждать за отличие в оперативной работе и боевые подвиги. Требовалась длительная процедура согласования со штабом ОКЖ. Только в конце июня 1915 г. состоялось совместное решение командира ОКЖ и начальника штаба Верховного главнокомандующего о распространении на вышеуказанную категорию лиц некоторых привилегий строевых и штабных офицеров¹⁵. Звание полковника было предельным для начальников КРО в ГУГШ и Ставке, остальные руководители контрразведывательных органов в штабах фронтов, армий и военных округов на ТВД могли дослужиться лишь до подполковника, что соответствовало званию по должности командира батальона¹⁶.

В начале войны руководители основных подразделений Главного управления Генштаба для обеспечения преемственности в работе были назначены на высокие должности в штабе Верховного главнокомандующего. Однако вместо того, чтобы укрепить службу разведки и контрразведки Ставки, многолетний начальник Особого делопроизводства ГУГШ, куда входило и контрразведывательное отделение, генерал Н. А. Монкевиц откомандировывался в действующую армию в качестве начальника штаба корпуса и больше в течение войны к работе по линии разведки и контрразведки не привлекался.

¹⁵ Джукковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 272.

¹⁶ На начало 1916 г. из 23 начальников КРО в действующей армии звание подполковника имели 8 человек, ротмистра — 10, капитана — 4, есаула — 1 (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 1048. Л. 99 об.).

Размышляя о причинах низкой эффективности в борьбе со шпионажем в 1914 — начале 1915 г. один из ведущих специалистов-контрразведчиков царской России генерал Н. С. Батюшин позднее писал: «Почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов совсем не интересовался, и она поэтому велась бессистемно, чтобы не сказать спустя рукава»¹⁷. По его словам, Ставка Верховного главнокомандования не обращала на контрразведку внимания, предоставив ее кадрам возможность работать по собственному усмотрению без общего руководства и поддержки.

Весной и летом 1915 г. русская армия участвовала в ряде кровопролитных сражений, в которых понесла огромные потери, главным образом в силу недостаточного обеспечения артиллерией и боеприпасами. Противник принудил наши войска оставить Галицию, Польшу и некоторые другие районы. Пришлось срочно переносить Ставку ВГК из Барановичей в Могилев. Военные неудачи отразились на моральном состоянии армии и всего населения.

Как на фронте, так и в тылу у многих закрадывалось сомнение в успешном завершении войны. Официальные сводки свидетельствовали об изменении отношения солдат к войне и падении дисциплины в войсках. Широкое распространение имели слухи об измене в высших эшелонах власти. Развивалась шпиономания. Под давлением Ставки ВГК и общественного мнения царь был вынужден сместить с поста военного министра своего фаворита В. А. Сухомлинова, которому приписывали связь с агентами австрийской разведки. На закрытом заседании 345 голосами из 375 Государственная дума предложила правительству предать Сухомлинова суду¹⁸.

Командующему десятой армией генералу Ф. В. Сиверсу и его начальнику штаба угрожали судом за провал крупной наступательной операции¹⁹. Агентурной разведкой в этой армии руководил ставленник В. А. Сухомлинова, скандально известный жандармский офицер С. Н. Мясоедов. По подозрению в шпионаже он был арестован 18 февраля 1915 г. Контрразведке не составило труда выяснить его связь с военным министром. Это играло на руку штабу ВГК и конкретно Верховному главнокомандующему Н. Н. Романову, давнему противнику одного из ведущих членов Совмина.

¹⁷ Батюшкин Н. С. Указ. соч. С. 94.

¹⁸ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 109.

¹⁹ Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997. С. 135.

На наш взгляд, именно совпадение решительных действий контрразведки с намерениями руководства Ставки в ее серьезном конфликте с тыловым военным ведомством подтолкнуло штаб ВТК несколько пересмотреть отношение к органам борьбы со шпионажем. Была начата работа по изучению состояния армейских, окружных и фронтовых КРО и на этой основе разработке базы ее организационного строительства и функционирования в военное время. За три дня до ареста С. И. Мясоедова генерал-квартирмейстер штаба ВГК Ю. Л. Данилов дал директиву армейскому командованию с требованием подробно доложить об имевшихся органах контрразведки²⁰. 20 февраля 1915 г. он направляет письмо исполняющему обязанности генерал-квартирмейстера ГУГШ М. Н. Леонтьеву и просит последнего наметить проект тех мероприятий, которые желательно было бы провести для объединения деятельности контрразведывательных органов на ТВД с таковыми же органами в тыловых округах и с Центральным КРО ГУГШ²¹.

Не дожидаясь ответа, уже 3 марта начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич обратился с личным письмом к руководителю ГУГШ М. А. Беляеву. Он тоже настаивал на тесном контакте КРО действующих армий и тыловых округов, а также с контрразведкой ГУГШ. В качестве первого шага, по мнению Н. Н. Янушкевича, следовало распространить на фронтовые и армейские КРО действие «Положения о контрразведывательных отделениях», утвержденного в 1911 г., с необходимыми поправками к нему, исходя из условий того или иного ТВД. Также рекомендовалось поступить и с разработанными до войны инструкциями, развивающими Положение²².

Кроме того, Ставка предлагала своим коллегам в Петрограде взять на себя разработку мер организационного характера с целью поднять эффективность контрразведки на театре военных действий, однако настаивала на предварительном рассмотрении проекта и утверждении его не военным министром, а Верховным главнокомандующим. Пока же из ГУГШ запрашивалось 25 экземпляров Положения для использования в работе²³.

²⁰ Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 93.

²¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 1–1об.

²² Там же. Л. 2 об.

²³ Этот факт показывает отсутствие данного основополагающего документа в подавляющем числе КРО фронтов и армий.

Помимо запросов в Петроград штаб ВГК 1 апреля 1915 г. затребовал из армейских и фронтовых штабов все руководящие документы по линии КРО, подготовленные и используемые на местах, для анализа и согласования основных позиций²⁴. Через шесть дней Ставка направляет состоящего в распоряжении ВГК, зарекомендовавшего себя на поприще контрразведки, в частности в деле Н. С. Мясоедова²⁵, генерала М. Д. Бонч-Бруевича в командировку по всем штабам фронтов и подчиненных им армий. Цель поездки сформулирована в специальном удостоверении: «Для выяснения тех мер, которые могли бы быть приняты для наиболее надежной регистрации лиц, заподозренных в шпионаже... и для выработки проекта тех положений, которые могли бы объединить деятельность КРО на ТВД и согласовать их работу с работой таких же органов вне ТВД»²⁶.

Возвратившись из поездки, М. Д. Бонч-Бруевич написал подробную докладную записку начальнику штаба ВГК. Как выяснилось, существовал разноречивый в штатах КРО, отсутствовал единый подход в различных инструкциях и связи акций контрразведки с боевыми операциями войск²⁷. Генерал также констатировал многочисленные факты уклонения многих КРО от их основной задачи — борьбы со шпионажем. Поскольку сам инспектирующий являлся сторонником так называемой чистой контрразведки, он считал создавшееся положение противоестественным и подлежащим скорейшему изменению²⁸.

Позицию М. Д. Бонч-Бруевича можно оценить как утопическую, далекую от реальной обстановки в войсках, поскольку командование фронтов и армий больше, чем шпионаж, беспокоило факты крупных хищений в частях, срывы планов подвоза боеприпасов и продовольствия, волнения среди населения в ближайшем тылу. Начальник штаба

²⁴ РГВИА. Ф. 200а. Оп. 15. Д. 828. Л. 7.

²⁵ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть советам. М., 1957. С. 69.

²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 10.

²⁷ В своей книге М. Д. Бонч-Бруевич как на серьезный недостаток указывает на использование жандармских офицеров в качестве начальников КРО. Данный тезис не более чем дань идеологической конъюнктуре 50-х гг. В изученных нами в РГВИА документах Бонч-Бруевича за 1915–1917 гг. не только не содержится его отрицательной оценки жандармов, но и присутствуют положительные отзывы об отдельных из них.

²⁸ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки (ОР ГПБ). Воспоминания М. Д. Бонч-Бруевича. С. 112.

Кавказской армии Л. М. Болховитинов, к примеру, не скрывая, писал в Ставку о вынужденном использовании контрразведки в деле улучшения снабжения армии и с целью парализовать недовольство населения, утомленного тяготами войны и дороговизной²⁹.

Контрразведывательное отделение штаба Петроградского военного округа занималось делами крупных банкиров, осуществлявших незаконные финансовые операции, вело разработку группы мошенников и воров, использовавших военную форму, и т. д.³⁰

Подобной работой занимались КРО и в действующих армиях. При отсутствии других оперативных аппаратов в войсках в виде военной полиции, контрразведке не позволяли быть в стороне от явлений, влияющих на боеспособность войск.

Однако М. Д. Бонч-Бруевич настойчиво проводил свою идею «чистой» контрразведки. Будучи уполномочен Ставкой на разработку проекта «Наставления по контрразведке в военное время», он провел ее уже в параграфе первом. Там указывалось: «Общая цель контрразведки заключается в обнаружении, обследовании, разработке и ликвидации в кратчайший срок... всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения о наших вооруженных силах и вообще всякого рода сведения военного характера, дабы воспрепятствовать этим организациям и агентам действовать нам во вред»³¹.

В течение мая 1915 г. происходила доработка проекта, над которой активно трудились начальник Центрального КРО ГУГШ полковник В. А. Ерандаков, состоявший при начальнике штаба Ставки следователь по особо важным делам В. Г. Орлов и начальник отделения Управления генерал-квартирмейстера при ВГК полковник П. Л. Асанович. Судя по правкам на проекте, они, не вступая в конфликт с М. Д. Бонч-Бруевичем, раскрыли общую цель контрразведки в виде задач. В пункте тридцать третьем дано их перечисление. Помимо ограждения войск от проникновения агентуры противника авторы проекта указывали на необходимость выявления лиц, распространяющих ложные слухи с целью породить панику среди населения, стремящихся создать затруднения в снабжении войск и намеревающихся проводить диверсионные

²⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 97.

³⁰ Былое. 1924. № 26. С. 223.

³¹ Из истории русской контрразведки. С. 65. Данная формулировка, написанная М. Д. Бонч-Бруевичем, осталась и в окончательном варианте Наставления.

акты на важных объектах, а также организующих забастовки на оборонных заводах³².

Как видим жесткой привязки указанных действий к исполнению их агентами противника в Наставлении не предусмотрено. Фактически доработчики проекта Наставления расшифровали то, что в сжатом виде формулировалось в «Положении о контрразведывательных отделениях» от 1911 г.³³

Над проектом работал и начальник Главного управления Генштаба генерал М. А. Беляев. Он внес небольшие, но принципиально важные изменения. Докладывая в Ставку об окончании составления и редактирования основополагающего документа, М. Д. Бонч-Бруевич сетовал, что М. Л. Беляев изменял формулировки отдельных пунктов.

Так, пункт пятый проекта формулировался следующим образом: «Общие указания по контрразведке, дополняющие и развивающие настоящее Положение (имеется в виду Наставление. — А.З.), а равно и высшее руководство контрразведкой в военное время исходит от штаба ВГК»³⁴. М. А. Беляев, оставив указанную редакцию, добавил, что все изложенное относится только к театру военных действий³⁵.

Данный факт служит основанием для вывода о стремлении Верховного главнокомандующего и его штаба устранить двоецентрие в руководстве контрразведкой в период войны и заставить ГУГШ выполнять указание Ставки. Это укладывалось в действия штаба ВГК по сосредоточению в своих руках управления всеми отраслями жизнедеятельности войск и их обеспечения³⁶.

В ГУГШ не поддержали и предложение М. Д. Бонч-Бруевича о прикомандировании помощника начальника КРО ГУГШ к Ставке, а также о периодических поездках туда начальника контрразведки Генштаба для координации, получения необходимых справок и т. д.

При сравнении проекта и окончательного варианта Наставления становится ясным, что сам генерал являлся противником идеи предо-

³² Из истории русской контрразведки. С. 173.

³³ В Положении о КРО указывалось, что они «учреждаются для борьбы с военным шпионством и вообще для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут повредить интересам обороны Империи».

³⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 21об.

³⁵ Там же. Л. 82об.

³⁶ *Ростунов И. И.* Указ. соч. С. 115. К концу 1917 г. аппарат Ставки значительно разросся и составлял шестнадцать управлений и три канцелярии с общим штатом в 250 человек.

ставления КРО самостоятельного статуса, что являлось бы, несомненно, шагом вперед в становлении контрразведки как системы. М. Д. Бонч-Бруевич настоял на подчинении КРО начальнику разведывательного отделения соответствующего штаба³⁷.

«Наставление по контрразведке в военное время» за подписями начальника штаба ВГК генерала Н. Н. Янушкевича и генерал-квартирмейстера Ю. Н. Данилова было 6 июня 1915 г. представлено Верховному главнокомандующему и одобрено последним.

³⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 31.

*С. Г. Нелипович,
кандидат исторических наук, начальник архивного отдела
администрации городского округа Балашиха*

**ЛАДЬЯ ХАРОНА: ПОТЕРИ СТОРОН В ОКТЯБРЬСКОЙ КАМПАНИИ
(ВАРШАВСКО-ИВАНГОРОДСКОЙ ОПЕРАЦИИ) 1914 г.
НА РУССКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. Статья посвящена вопросу о потерях сторон во время осенней кампании 1914 г. на русском (восточноевропейском) театре военных действий в годы Первой мировой войны. На основе документальных источников из архивов России, Австрии и Венгрии, а также зарубежной историографии установлены потери армий России, Австро-Венгрии и Германии в октябре 1914 г.

Ключевые слова: русский фронт, Варшавско-Ивангородская операция, потери, боевые действия.

S. G. Nelipovich

**SHARON'S FERRY: COMBAT LOSSES IN THE OCTOBER CAMPAIGN
(WARSAW-IVANGOROD OPERATION)
IN THE RUSSIAN FRONT IN 1914**

Summary: The article analyses the issue of the combat losses in the autumn campaign in the Russian front in 1914. The archive documents from Russia, Austria and Hungary as well as different foreign publication on this problem allowed defining precise combat losses of Russian, German and Austria-Hungarian troops.

Keywords: Russian front, Warsaw-Ivangorod operation, combat losses, military actions.

Для них нет сегодня. Есть только вчера.
Победу войска отмечают.
И горы, ожив, отвечают: — Ура! —
А мертвые не отвечают.

Андрей Усачев

Для оценки результативности военной операции, анализа ее последствий важнейшими являются факторы выполнения сторонами поставленных целей, достижения намеченных рубежей в наступлении и удержания ключевых позиций в обороне, а также потери, т. е. цена

достигнутого успеха или мера тяжести понесенного поражения. Первая мировая война стала конфликтом, приведшим к многомиллионным потерям воюющих сторон. Потери в ней России до сих пор были известны только в общих чертах, в связи с исследованиями демографов. Урон армий в отдельных операциях и сражениях Первой мировой до сего времени не всегда известен. В большой мере это относится и к Варшавско-Ивангородской операции 1914 г., участники которой как с русской стороны, так и со стороны противника вспоминали о ней как о тяжелейших боях войны. Вплоть до начала 1930-х гг. эти события носили название «октябрьских боев» или «октябрьской кампании» 1914 г., что более точно, а не в усеченном виде отражало суть военного противоборства от Балтики до румынской границы.

Варшавско-Ивангородская операция началась 1 октября (18 сентября по старому стилю) 1914 г. на восточноевропейском (русском) театре военных действий Первой мировой войны как встречный маневр армий враждующих коалиций — Германии и Австро-Венгрии, с одной стороны, и России — с другой. Она явилась результатом крупного поражения австро-венгерских войск в Галицийской битве в августе-сентябре 1914 г. и занятия в ее результате русскими армиями Юго-Западного фронта Галиции и части Буковины почти до главного Карпатского хребта (Днестровский отряд) и до левых притоков Сана (4-я, 5-я и 9-я армии). Возникшая угроза Силезии заставила германскую сторону спешно оказать поддержку союзнику.

Победа над русскими армиями Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии дала германцам возможность перебросить оттуда большую часть войск в Силезию и оттуда нанести удар к среднему течению Вислы — от Сандомира до Варшавы, что и начала осуществлять вновь сформированная 9-я германская армия (командующий генерал-полковник П. фон Гинденбург). Для защиты Восточной Пруссии и сковывания противостоящих русских сил в 8-й армии (командующий генерал от артиллерии Р. фон Шуберт, с 8 октября — генерал от инфантерии Х. фон Франсуа) были оставлены преимущественно войска 1-го военного округа Германии (два корпуса, кавалерийская дивизия и гарнизоны крепостей). Одновременно для отвоевания Галиции 5 октября (22 сентября ст. ст.) в наступление перешли четыре австро-венгерские армии (командующий генерал-полковник эрцгерцог Фридрих, фактически руководил начальник Генерального штаба генерал от инфантерии Ф. Конрад фон Хетцендорф). Одна из них должна была оказать поддержку армии Гинденбурга на варшавском направлении.

Русская сторона после завершения летней кампании 1914 г. также планировала широкомасштабные наступательные действия. Ставка Верховного главнокомандующего (генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (младший), начальник штаба генерал-лейтенант Н. Н. Янушкевич, фактический разработчик операций — генерал-квартирмейстер генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов) после победы в Галиции и отвода остатков армий Северо-Западного фронта за Неман и Нарев решила оставить против разгромленных австрийцев заслон из 3-й и 8-й армий, а остальными силами от среднего течения Вислы начать вторжение в Германию через провинцию Познань прямо на Берлин. Для этого к Варшаве и Сандомиру стали собираться 4-я, 5-я и 9-я армии Юго-Западного фронта (главнокомандующий генерал от артиллерии Н. И. Иванов, начальник штаба генерал от инфантерии М. В. Алексеев). Армии Северо-Западного фронта (главнокомандующий генерал от инфантерии Н. В. Рузский, начальник штаба фактически генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич) получили задачу сковать германцев в Восточной Пруссии и прикрыть таким образом с севера операцию вторжения от средней Вислы. Для ведения осады крупнейшей австрийской крепости Перемышль (Пшемьсль) была образована новая Блокадная армия (командующий генерал от инфантерии А. Н. Селиванов; до его прибытия — генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев; три корпуса и кавалерийская дивизия), с 24 октября получившая № 11.

Итак, обе стороны начинали операцию, задействовав все наличные силы по всему протяжению фронта — от Балтики до румынской границы, обе собирались действовать наступательно; однако при этом русская сторона ставила главной задачей разгром германских сил, а командующие армиями Центральных держав ставили ограниченные задачи (освобождение Галиции и разгром русских армий на левом берегу Вислы), полагая, что судьба войны решится в течение месяца на полях Франции и Фландрии. По количеству задействованных сил сторон (более 1,5 млн бойцов и 4878 орудий (без крепостей) с русской стороны и до 800 тыс. бойцов и 2851 орудие (не считая крепостных) у противника) это была самая крупная операция на восточном фронте мировой войны вплоть до лета 1916 г. По доле вовлеченных в сражения сил, по уровню и характеру взаимодействия соседних объединений, соединений и отдельных частей, выполнявших единую задачу, для русской стороны в течение войны подобной операции более успешно не проводилось. Армии Центральных держав не могли похвастаться подобным

взаимодействием в наступлении на широком фронте до февраля 1918 г. Сочетание в рамках одной стратегической операции маневренной и позиционной войны, форсирования крупных рек и действий в горах делают ее совершенно уникальной в истории Первой мировой войны. Это подчеркивал еще А. М. Зайончковский: «Полуторамесячные операции на всем русском европейском театре представляют богатейший материал для всестороннего исследования многочисленных вопросов военного искусства»¹.

Перевод трех армий Юго-Западного фронта на новый исходный рубеж для наступления совпал с началом наступления 9-й германской армии к Сандомиру и далее к Варшаве. Оставленные русские заслоны (2 стрелковые бригады, части трех прибывающих корпусов и кавалерия) были отброшены превосходящими силами противника у Опатова, Гройцев, Гура-Кальварии и Пясечно. К Варшаве были спешно переброшены 7 корпусов 2-й армии Северо-Западного фронта (командующий генерал от кавалерии С. М. Шейдеман), усиленные кавалерией (4 дивизии и бригада). Переправа четырех корпусов 4-й армии (генерал от инфантерии А. Е. Эверт) через Вислу была отменена, войска перешли к обороне. Однако к 14 октября (1 октября ст. ст.) войскам 2-й армии удалось стабилизировать фронт южнее Варшавы, а 3-му Кавказскому корпусу (командир генерал от артиллерии В. А. Ирман) — закрепиться на плацдарме у Козенице. В ожидании подхода 1-й австро-венгерской армии (командующий генерал от кавалерии В. Данкль) германские силы перешли к обороне к юго-западу и к югу от варшавских фортов (армейская группа генерала от кавалерии А. фон Макензена — три корпуса и кавалерийская дивизия) и вдоль Вислы до Ново-Александрии (группа генерала от артиллерии М. фон Гальвица — три корпуса).

Сразу же после начала наступления противника 5 октября (22 сентября ст. ст.) директивой Ставки 3-я, 8-я и Блокадная армии Юго-Западного фронта были объединены в Галицийскую группу под командованием генерала от кавалерии А. А. Брусилова с задачей оборонять Галицию и тем самым прикрыть южный фланг армий на средней Висле от обхода. Днестровский отряд (пехотная и три казачьи дивизии) в это время достиг Мармарош-Сигета, но затем был вынужден отступать под давлением вновь сформированной австро-венгерской группы генерала от кавалерии К. фон Пфляндер-Бальтина (к концу

¹ Зайончковский А. М. Мировая война. Маневренный период 1914–1915 годов на русском (европейском) театре. Т. 1. М.; Л., 1929. С. 189.

операции — 4 дивизии) к Стрию и Станиславу. 3-я армия (генерал от инфантерии Радко Дмитриев, 5 корпусов и 5 кавалерийских дивизий) должна была оборонять рубежи рек Вислок и Млечна; однако и ей под натиском 4-й и части 3-й австро-венгерских армий (командующие генерал от кавалерии эрцгерцог Йозеф-Фердинанд и генерал от инфантерии С. Бороевич фон Бойна — до 8 корпусов, считая часть сил 1-й армии, и 6 кавалерийских дивизий) отступила за реку Сан. На ее правом берегу русские войска организовали прочную оборону, так что попытки трех корпусов противника форсировать реку к 14 октября (1 октября ст. ст.) не увенчались успехом, за исключением создания небольшого плацдарма у Ярославя.

8-я армия (генерал от кавалерии А. А. Брусилев, 3 корпуса и 3 кавалерийские дивизии) должна была обороняться на хребтах южнее Перемышля; в ее подчинении находились и части Блокадной армии. Считая, что крепость можно взять обычной атакой, Щербачев и Брусилев начали действия по овладению Перемышлем; однако штурм 7 октября (24 сентября) был отражен гарнизоном. Из-за подхода австро-венгерской 3-й армии (3 корпуса) блокада была прекращена, русские войска отошли к Хыруву, Самбору и Дрогобычу. С юга к Самбору и Дрогобычу подходили три корпуса и 3 кавалерийские дивизии 2-й австро-венгерской армии (командующий генерал от кавалерии Э. фон Бем-Эрмолли).

1-я и 10-я армии Северо-Западного фронта (командующие генерал от кавалерии П. К. фон Ренненкампф и генерал от инфантерии В. Е. Флуг, вместе 8 корпусов и 9 кавалерийских дивизий) с конца сентября начали вытеснение противника с левого берега Немана, продвинулись на севере к Владиславу и Ширвиндту, а на юге отбили Августов, Сувалки и захватили Лык в Восточной Пруссии. Однако к 12 октября (29 сентября) германские войска 8-й армии нанесли поражение 1-й армии у Владислава и 10-й армии у Лыка и Вержболова. Наступательные операции здесь были прекращены, командование 10-й армии поручено генералу от инфантерии Ф. В. Сиверсу. 25 октября (12 ст. ст.) штабу 1-й армии были подчинены войска севернее Новогеоргиевска (2 корпуса и 4 кавалерийские дивизии), штаб 10-й армии принял войска на фронте от Августова до балтийского побережья (6 корпусов и 5 кавалерийских дивизий). Ее действия приковали к себе все силы германцев в Восточной Пруссии и не дали возможности подкрепить армию Гинденбурга на Висле.

С 15 октября (2 ст. ст.) русские армии перешли к наступательным действиям. 2-я армия под Варшавой теснила группу Макензена;

во фланг действовала 5-я армия, с 18 октября (5 ст. ст.) начавшая переправу через Вислу у Корчина (командующий генерал от кавалерии П. А. Плеве, 3 корпуса и полторы казачьи дивизии). 4-я армия Юго-Западного фронта вела борьбу на плацдарме у Козенице, куда были переправлены еще два корпуса. 9-я армия (генерал от инфантерии П. А. Лечицкий, 4 корпуса и 2 кавалерийские дивизии) подошла к переправам у Ивангорода. Части 9-й германской армии 20–21 октября (7–8 ст. ст.) были вынуждены отступить к рекам Равка и Пилица, оставив на Висле только Гвардейский резервный корпус. К его правому флангу примыкали подходившие два корпуса 1-й австро-венгерской армии; в 9-ю армию были направлены также две австрийские кавалерийские дивизии.

Получили наступательные задачи и армии Галицийской группы. 8-я армия нанесла контрудар по австро-венгерским корпусам 3-й армии у Хырува и Самбора, частично стабилизировав фронт. 24-й армейский корпус (командир генерал от кавалерии А. А. Цуриков) оборонял горные перевалы от Самбора до Борыслава против 2-й армии противника. В результате к югу от Перемышля австро-венгерское командование бросило войска на штурм высот Мосчиски, на стыке 8-й и Блокадной (впоследствии 11-й) армий. Здесь бои приняли позиционный характер вплоть до 5 ноября (23 октября ст. ст.). Большинство высот было захвачено противником, но сил для развития успеха не осталось. Против 4 корпусов противника действовали 4 русских корпуса; сюда же была переброшена дивизия из 3-й армии. На левом фланге 8-й армии противник был остановлен к 20 (7) октября у Старого Самбора, Дрогобыча, Борыслава, Стрыя и Станиславува. На самом краю левого фланга Днестровского отряда полупартизанские формирования австрийского полковника Э. Фишера освободили Черновцы и вызвали тревогу в Подольской губернии. 3-я армия получила задачу оказать содействие 8-й армии переходом к активным действиям на левом берегу Сана. К 20–21 октября (7–8 ст. ст.) ее дивизиями были захвачены плацдармы у Острува, Лежайска, Рудника и Ниско.

22–23 октября (9–10 ст. ст.) 2-я и 5-я армии Северо-Западного фронта развернули наступление против левого фланга и центра германской 9-й армии. Действовавшая на правом фланге 2-й армии конная группа генерал-лейтенанта А. В. Новикова не смогла выйти в тыл противнику на Бзуре. Остальные части завязали бои у Скерневице, на Равке и Пилице, медленно вытесняя с позиций германские войска. 4-я и 9-я армии Юго-Западного фронта переправились через Вислу от Гловачува до Ново-Александрии и столкнулись с двумя корпусами 1-й австро-венгерской

армии, усиленной Гвардейским резервным корпусом. Бои завершились 26 октября (13 ст. ст.) общим отступлением австро-венгерских и германских войск к Познани, Силезии и реке Опатовке. Наиболее успешно преследовавшие их корпуса 4-й и 9-й армий к 31 октября (18 ст. ст.) завязали сражение на Опатовке с 1-й австро-венгерской армией (усиленной еще одним корпусом). 2 ноября (20 октября ст. ст.) австро-венгерские войска получили общий приказ об отступлении к реке Нида и к укреплениям Кракова.

Успех ударной группы армий Юго-Западного фронта перенес внимание его командования к положению Галицийской группы, которая вела главным образом позиционные бои на плацдармах на левом берегу Сана, восточнее Перемышля и чуть южнее Самбора, Стрыя и Станиславува. Здесь 4-я армия противника тщетно пыталась сбросить в реку части 6 русских дивизий; неудачей кончались и попытки русской 3-й армии развить наступление с захваченных плацдармов. 3-я австро-венгерская армия бросила все силы на прорыв русских позиций на высотах восточнее Хырува, у Мижинца, Мосчиски и Самбора (4 корпуса; один корпус был направлен против плацдарма у Острува). Брусилов притянул сюда почти все дивизии 11-й армии и одну дивизию из 3-й армии, чтобы противник окончательно застрял в лабиринте окопов и траншей.

Наибольшая опасность исходила с юга. Но уже 21 (8) октября 24-й корпус, усиленный двумя дивизиями (по одной взято из 11-й и 3-й армий), отбросил обескровленную ударную группу фельдмаршал-лейтенанта К. Терстянски фон Надоша к Турке. Для стабилизации положения во 2-ю армию противника были направлены 2 дивизии из соседней армии Боровича и три бригады пограничников. В конце октября австро-венгры здесь вновь перешли в наступление, но продвинулись вперед незначительно. Днестровский отряд был усилен двумя полками из 11-й армии и также перешел в наступление к Надвурне и Сколе. Медленно развивавшееся его продвижение завершилось трехдневным победным сражением у Делятына 5–7 ноября (23–25 октября ст. ст.).

Беспокоясь за положение Галицийской группы, штаб армий Юго-Западного фронта направил Брусилову единственную дивизию резерва, а 9-й армии поручил оказать содействие Радко Дмитриеву в низовьях Сана. Созданная группа генерала от инфантерии Н.Ф. фон Крузенштерна (3 дивизии) 1-2 ноября (19–20 октября ст. ст.) форсировала Сан у Мальче, создав угрозу окружения Сандомира. Потерпев поражение у Ивангорода, Опатова и Надвурной, не ликвидировав русские плацдармы на Сане, не сумев прорвать оборону у Хырува

и Самбора, австро-венгерское Главное армейское командование отдало 2 ноября приказ об общем отступлении всех армий к Кракову, Вислоке и Карпатскому хребту. Перемышлю вновь предстояла осада. В ночь на 5 ноября (23 октября) начался отход противника по всему фронту.

Русское верховное командование 4–6 ноября (22–24 октября) сформулировало и оформило директивами план генерального наступления против Германии. Первый удар наносила 10-я армия Северо-Западного фронта вторжением в Восточную Пруссию. В это же время германский Восточный фронт (командование им было поручено Гинденбургу) начал Лодзинскую операцию — удар со стороны верховьев Вислы в правый фланг ударной русской группировке. Оценивая результаты Варшавско-Ивангородской операции, начальник штаба германского Восточного фронта генерал-лейтенант Э. Людендорф заключал, что единственными достижениями армий Центральных держав стало: выигрыш времени и нанесение противнику больших потерь.

С русской стороны также было уделено немалое внимание потерям в Варшавско-Ивангородской операции (официальное название того времени — «октябрьские бои 1914 года»). Только в 3-й армии шесть полков потеряли более половины состава, пять — более трети состава. Урон 8-й армии оценивался более чем в 60 тыс. человек. Большой некомплект имелся и в других армиях как Юго-Западного, так и Северо-Западного фронтов. В результате командование армий Юго-Западного фронта должно было существенно ограничить наступательные задачи.

25 октября (7 ноября) начальник штаба армий Юго-Западного фронта генерал от инфантерии М. В. Алексеев подготовил и направил через Н. И. Иванова начальнику штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу доклад о сложившейся обстановке, содержащий принципиальные выводы по исходу операции в Галиции:

«Действительная обстановка, которая сложилась на Сане и под Перемышлем и которою приходится руководствоваться при выработке решений, представляется в таком виде: **отступление австрийцев на этом фронте не явилось результатом одержанной нами именно здесь победы...**

Развить сильные удары своими обоими флангами не представлялось возможности, невзирая на полное понимание всеми начальниками необходимости этого: не было своих готовых к этому маневру войск, и противник успел уйти из-под ударов...

Таким образом, действительная обстановка перед третьей и восьмой армиями такова: противник еще не разбит, сохранил свободу

действий и способность к маневрированию и бою. Исходя из этого, я в рапорте Верховному главнокомандующему представил свои соображения, что до нового разгрома австрийских войск против них *нельзя ограничиваться одним прикрытием и обеспечением...*

Конечная цель наших усилий, бесспорно, вторжение в Германию, но путь к этой цели лежит через поражение австрийцев, иначе мы встретим такие препятствия, устранить которые в разгаре вторжения в Германию трудно.

Настоящую телеграмму благоволите доложить Верховному главнокомандующему. Долг службы заставляет меня доложить, что состояние австрийской армии не позволяет считать дело законченным, что ранее вторжения в Германию нужно избавиться от этого врага, поставив поражение его промежуточной частной целью, лишь по достижению которой можно развивать удар против Германии; без этого на обеспечение потребуются значительные силы, ущерб численности войск, выполняющих эту задачу. Поэтому я прошу дать возможность армиям Юго-Западного фронта систематически выполнять выпадающие на них задачи, сообразуясь с обстановкою, не требуя ускоренья при тех условиях, когда это трудно достижимо, имея в виду, что австрийские войска требуют к себе особого внимания»².

Положение германских войск также вызывало необходимость сосредоточить против них максимум имеющихся сил. Начальник Уральской казачьей дивизии генерал-лейтенант А. М. Кауфман-Туркестанский отмечал: «В настоящую операцию мы имеем дело не с разбитыми и деморализованными войсками, а с противником, отходящем в полном порядке, прикрываемым сильными арьергардами»³.

Вопрос о потерях войск с самого начала войны был объектом пристального внимания и военного ведомства (поскольку от него прежде всего зависело своевременное пополнение), и общественных кругов России. Военачальники всех уровней — от командиров полков до командующих армиями — должны были отражать потери в журналах боевых действий. Однако это делалось, как показывает обращение к этому источнику, далеко не всегда. Командиры подразделений и частей направляли рапорты об их боевых действиях и составе, где также должны были отражаться потери. Но в горячке боев, особенно затяжных,

² Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2067. Оп. 1. Д. 132. Л. 26–33.

³ Там же. Ф. 5252. Оп. 1. Д. 8. Л. 80.

такое тоже бывало не всегда. Кроме того, появилась категория потерь, афишировать которую стало «неудобно», — пропавшие без вести. Наиболее полно потери личного состава отражались в приказах по строевой части (снятие с довольствия); но такое происходило куда менее регулярно, чем зачисление на довольствие пополнения. Учетом потерь и сбором рапортов и именных списков убитых, раненых и пропавших без вести занималось Бюро учета потерь Главного штаба. Кроме того, части направляли в дивизионные штабы раз в 15 дней общие рапорты о понесенных потерях. Эти виды документов и использованы при воссоздании картины понесенного урона в Варшавско-Ивангородской операции.

Затяжное молчание армейских штабов после Галицийской битвы вызвало серьезное беспокойство в Главном управлении Генерального штаба, в Главном штабе, Военном министерстве, да и среди публики — особенно в больших городах, куда стали проникать известия о тяжелых потерях русских войск в «октябрьских боях». Штаб Верховного главнокомандующего неоднократно требовал от подчиненных направления точных сведений о потерях, грозя взысканиями:

«Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта сообщил, что Верховный главнокомандующий выразил крайнее свое неудовольствие за неисполнение неоднократно переданных армиям указаний о незамедлительном доставлении в Главный и Верховный (Верховного главнокомандующего. — *С.Н.*) штабы сведений об убитых, раненых, плененных, пропавших без вести. Примите решительные меры к выполнению полученных распоряжений вверенными Вам частями и штабами. На виновных в неисполнении наложите взыскания и о взысканиях доложите»⁴.

«Верховный главнокомандующий, будучи крайне недоволен, что до сего времени ведомости об убитых, пропавших без вести, раненых и взятых в плен офицерах и нижних чинах по указанным Главным штабом формам поступают в этот штаб с большим запозданием, вызывая этим недовольство и недоверие, приказал принять самые энергичные меры, чтобы это дело было налажено и чтобы кроме того корпусные командиры и лица, пользующиеся их властью, о потерях в офицерах немедленно после каждого боя телеграфировали в Главный штаб»⁵.

⁴ РГВИА. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1032. Л. 67.

⁵ Там же. Ф. 5171. Оп. 1. Д. 9. Л. 17–19.

В армиях штабы также пытались принять экстренные меры для получения информации об уроне войск. Дежурный генерал штаба 8-й армии генерал-майор Гейден 2/15 ноября 1914 г. разослал циркуляр: «Для доклада Государю Императору прошу срочно телеграфировать о потерях убитых и раненых нижних чинов по полкам за время октябрьских боев»⁶. Генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии генерал-майор А. П. Будберг 6/19 октября давал распоряжение дежурному генералу: «Начальник штаба приказал впредь вести Вам всю регистрацию потерь, пленных и трофеев, а также составлять все срочные донесения по этому вопросу для представления в штаб Главнокомандующего. Копии таких донесений прошу сообщать мне»⁷.

Корпусные командиры также старались собрать у себя как можно более полную информацию о потерях: «Приказываю ежедневно представлять через штабы дивизий сведения о числе убитых, раненых и пропавших без вести чинах корпуса в каждой части отдельно» (приказ командира 2-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта А. В. Сычевского от 12(25) октября 1914 г. № 101)⁸.

Большой урон русских войск в «октябрьских боях» проявился, когда командующие армиями стали заявлять в Ставку об отсутствии пополнений и огромном некомплекте в личном составе. В сентябре-октябре 1914 г. армии Северо-Западного фронта получили 410 маршевых рот пополнения, армии Юго-Западного фронта — 508 рот, по 250 человек в каждой. Тем не менее состав строевых рот в полках упал до 40–50 бойцов; в 8-й армии недоставало 1672 офицеров и 71 659 нижних чинов; только для армий Галицийской группы Алексеев требовал срочно прислать 200 рот пополнения. «Отсутствие пополнений, — телеграфировал он в Ставку 23 октября (5 ноября н. ст.) 1914 г., — все более и более тревожит все командные инстанции, опасаящиеся утратить дорогие кадры, на которых можно обосновать прочность частей»⁹. Мобилизационный отдел Главного штаба не располагал такими ресурсами вооруженных людей, а запасные части в действующей армии уже были израсходованы. Начальник штаба Верховного главнокомандующего Янушкевич заявил, что «при настоящих условиях единственно возможным средством быстрого пополнения армий является высылка

⁶ РГВИА. Л. 4.

⁷ Там же. Ф. 2144. Оп. 2. Д. 124. Л. 97.

⁸ Там же. Ф. 2517. Оп. 2. Д. 27. Л. 37. 5

⁹ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 472. Л. 5, 7.

невооруженных и не снаряженных команд и обеспечение последних необходимым уже в армиях за счет собранных запасов»¹⁰.

Командующим армиями пришлось согласиться на то, что только половина прибывающих солдат будет вооружена; уже в ноябре стали прибывать на треть вооруженные команды. Одновременно выяснилось, что Ставка располагает заниженными сведениями о потерях войск в летней кампании 1914 г.

Тем не менее обобщающие сведения о потерях действующей армии были собраны только к концу года и отличались неполнотой и неточностью. Кроме того, в Главном штабе была введена совершенно не соответствовавшая хронологии операций периодизация войны. В результате Восточно-Прусская операция и Галицийская битва были раздроблены на три «периода», один из которых был приурочен к дате взятия Львова. Варшавско-Ивангородская операция также оказалась разбита на три «периода войны», первый при этом включал окончание Галицийской битвы и сражение на Мазурских озерах, а последний завершался 11/24 ноября — в разгар операций против Кракова и Карпат. Результатом стали завышенные сведения по 9-й (вдвое), 3-й и 8-й армиям Юго-Западного фронта и заниженные — по 4-й армии. Общие их потери без учета 11-й армии оценивались в 225 тыс. человек¹¹.

Данная работа призвана определить боевые потери российско-императорской армии в Варшавско-Ивангородской операции по всем соединениям и отдельным частям, участвовавшим в боях. В представленных таблицах указаны категории потерь. При этом в число убитых включены умершие от ран и боевых травм, в число раненых — контуженные (получившие в бою механические или акустические повреждения), в число пропавших без вести — пленные и отставшие (дезертиры). Отсутствие сведений по частям оговорено отдельно. Количество подсчитано по полкам и артиллерийским частям на основании поданных именных списков и строевых приказов, суммирования числа потерь в рапортах и журналах военных действий. Потери сведены в таблицы по каждой армии с учетом временных рамок ее участия в операции и входивших в нее соединений. Исключение составляют 1-я и 10-я армии Северо-Западного фронта. Из-за невозможности вычленить потери частей, входивших как в одну, так затем и в другую армию, состав обеих армий указан на начало операции, без перемен, последовавших

¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 472. Л. 34.

¹¹ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 477. Л. 109, 111–113.

в подчиненности 12/25 октября 1914 г. В общем это не искажает боевой вклад каждой армии.

Не включены в количество потерь больные и умершие от болезней, хотя эти категории также имели массовый характер во время «октябрьских боев». Помимо тяжелых условий окопной войны осенью — с проливными дождями, заливавшими окопы почти до пояса, снегом, ночными морозами — армии Галицийской группы, например сильно пострадали от эпидемии холеры. Если урон больными и количество смертельных исходов в армиях Северо-Западного фронта были не столь значительны (хотя к ноябрю тоже увеличились — в 112-м пехотном Уральском полку за неделю 7 офицеров и 228 солдат)¹², то в полках 8-й армии он серьезно влиял на снижение боеспособности. Так, в октябре в 134-м пехотном Феодосийском полку заболел 161 человек, в 196-м пехотном Инсарском полку — 376 человек¹³. Потери от болезней подлежат отдельному изучению, причем для него не всегда хватает источников: это в основном ежедневные рапорты госпиталей и строевые приказы полков, не всегда хорошо сохранившиеся. В целом следует указать, что в армиях Северо-Западного фронта еженедельно в указанный период находилось на излечении от 388 до 527 офицеров и от 10,5 до 14,5 тыс. нижних чинов, а в армиях Юго-Западного фронта — от 107 до 264 офицеров и от 7 до 9 тыс. нижних чинов, причем за время операции прибыло в госпитали больных 591 офицер и 24 025 нижних чинов (из них умерло 328, включая 2 офицеров)¹⁴.

Также неполны сведения о потерях тыловых частей — госпиталей, этапов, парков, обозов. Как правило, во время упорных, длительных боев на постоянной позиции тылы несли только случайные потери от артиллерийского огня. Но во время маршей, особенно отступления, при разгроме соединений они страдали больше всего, теряя главным образом пропавших без вести, к которым в данном случае относятся как не вернувшиеся в часть отставшие или бежавшие, так и попавшие в плен. Потери убитыми и ранеными здесь почти отсутствуют. В приводимых ниже сведениях тыловые части не учитываются.

В боевых частях для октябрьских боев 1914 г. также характерно большое количество пропавших без вести. Тяжелые поражения

¹² Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2726. Оп. 1. Д. 334. Л. 632–635, 773–774.

¹³ Подсчитано по: Там же. Ф. 2748. Оп. 1. Д. 176. Л. 94–95; Ф. 2810. Оп. 1. Д. 101. Л. 259–324.

¹⁴ Подсчитано по: Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 654. Л. 2, 75–92.

арьергардов на левобережье Вислы и Сана, отступление в сложных погодных условиях стали причиной массового «отставания». В некоторых соединениях количество отставших достигало тысячи человек. Борьба с отставанием имела мало успеха. Так, в 196-м пехотном Инсарском полку отставшие на один день 5 рядовых были наказаны 10 ударами розог каждый; спустя несколько дней из полка бежал уже 21 человек¹⁵. Особенно отличались солдаты национальностей, сходных с местным населением, — евреи, поляки, украинцы. Некоторые после окончания боев возвращались в части при переходе русских армий в наступление, что нашло отражение в строевых приказах. Во время боев под Варшавой по ночам уходили самовольно из окопов, а затем возвращались утром в строй и стрелки 19-го Сибирского стрелкового полка (до 150 человек за день)¹⁶. Возвратившиеся в строй не вошли в таблицы. Обеспокоенность русского командования проблемой отставших нашла отражение в довольно резком разговоре по прямому проводу между начальниками штабов Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичем и армий Юго-Западного фронта М. В. Алексеевым 9 (22 н. ст.) ноября 1914 г.:

«Должен сказать следующее: из массы докладов лиц, побывавших в ближайших войсковых тылах, выясняется, что при малейшем движении вперед в дни боя дивизии растягиваются от линии боя на 10–12 верст и число отсталых достигает поразительно больших размеров, примерно от 20 до 40 %. Из опыта Северо-Западного фронта выясняется необходимость особо суровых и энергичных дежурных по полку, наблюдающих за фактическим выступлением с ночлегов и правильным движением во время марша. Там, где эта суровость существует, там, к сожалению, и порядок. Сопоставляя цифры переданных вам пополнений с официально от вас полученными о убыли смею утверждать, что в тылу далеко не благополучно, необходимо немедленно послать с казаками и конвойными жандармами лиц для поручений. Они несомненно выяснят и выдворят таких отсталых... Вот почему я так настойчиво и прошу вас самыми драконовскими мерами очистить тыл. Сотня другая расстрелянных быстро наведет порядок. Тяжело это говорить, но, видимо, на этом надо остановиться»¹⁷.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2810. Оп. 1. Д. 101. Л. 369, 395.

¹⁶ Там же. Ф. 2517. Оп. 2. Д. 27. Л. 141.

¹⁷ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 472. Л. 94.

Проблема большого количества пропавших без вести, и не столько попавших, сколько сдавшихся в плен, очень серьезно беспокоила русское командование всех уровней. В приказе по 2-й армии 10/23 октября говорилось: «Предписываю начальствующим лицам разъяснять всем чинам армии статьи закона. Предписываю подтвердить им, что все сдавшиеся в плен, какого они ни были бы чина и звания, будут по окончании войны преданы суду и с ними будет поступлено так, как велит закон... Требую сверх того, чтобы о всяком сдавшемся в плен было объявлено в приказе по части с изложением обстоятельств этого тяжкого преступления, это упростит впоследствии разбор их дела на суде. О сдавшихся в плен немедленно сообщать на родину, чтобы знали родные о позорном их поступке и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была бы немедленно прекращена. Приказываю также всякому начальнику, усмотревшему сдачу наших войск, не ожидая никаких указаний, немедленно открывать по сдавшимся огонь оружейный, пулеметный и ружейный»¹⁸.

Командующий 8-й армией генерал от кавалерии А. А. Брусилов, обращаясь к командиру 8-го армейского корпуса генералу от инфантерии Н. А. Орлову, даже призывал войска учиться у «германца», имея в виду очень небольшое число взятых в плен солдат германской армии: «Последнее время замечаются печальные позорные явления: в плен попадают не раненые нижние чины. Дело офицеров воспитывать нижних чинов, внушать им, что сдача в плен здоровым это бесчестно, позорно, такие люди клятвопреступники, так как целовали крест драться до последней капли крови. Требую это настойчиво приводить в сознание нижних чинов. В этом случае нужно подражать не австрийцам, а германцам»¹⁹.

Командир 3-го Кавказского армейского корпуса В. А. Ирман (Ирманов) 15/28 ноября приказывал: «Есть такие недостойнейшие трусы, которые самовольно оставляют позицию, оставляют своих товарищей собственным их силам, есть и такие негодяи, которые простреливают себе пальцы, чтобы иметь предлог уйти из строя как раненому, и наконец, есть такие подлые, которые с легким сердцем сдаются в плен врагу. Приказываю командирам полков предавать их полевому суду»²⁰.

¹⁸ РГВИА. Ф. 3352. Оп. 1. Д. 44. Л. 481.

¹⁹ Там же. Ф. 2344. Оп. 2. Д. 188. Л. 328.

²⁰ Там же. Ф. 2697. Оп. 1. Д. 77. Л. 271.

Следует заметить, что солдаты попадали в плен при разных обстоятельствах, и это не всегда было следствием именно их злой воли. Так, в 56-й пехотной дивизии во время боев под Ширвиндтом и Владиславовом 29 сентября ст. ст. одна из рот 222-го пехотного Красненского полка из-за плотного артиллерийского и ружейно-пулеметного огня противника не могла покинуть окопы при отходе и попала в плен. 18 октября ст. ст. при неудачной атаке той же дивизии на господский двор Шукли 180 человек из 224-го пехотного Юхновского полка спрятались за стог и сдались в плен. Оба случая описаны в журнале военных действий дивизии²¹. Полурота 114-го пехотного Новоторжского полка (59 нижних чинов при офицере) попала в плен ночью на 12 октября ст. ст. в темноте при небдительном несении караулов²².

Впрочем, были и совершенно невиданные ранее случаи вступления целого полка в переговоры о сдаче (332-й пехотный Обоянский полк, попавший в окружение во втором сражении у Опатова и потерявший всех офицеров). Но и такое было следствием чрезвычайной обстановки, сложившейся в бою. Здесь многое зависело от твердости духа солдат. 23 сентября ст. ст. отряд капитана Черковского (1-й и 4-й батальоны 255-го пехотного Аккерманского полка 64-й пехотной дивизии, подчиненные 51-й пехотной дивизии) на рассвете был атакован у дер. Здржембы со всех сторон. После жесточайшего обстрела в строю осталось 250 солдат и 8 офицеров. 15-я рота, оставшись без командира, выкинула белый флаг, вышла из окопов и с поднятыми руками направилась в сторону противника. Командиры 1-й и 2-й рот открыли по сдающимся огонь, прапорщик 2-й роты Бройтфус бросился к солдатам, вырвал у них белый флаг, но тут же был убит разрывом снаряда²³.

На необходимость тесного взаимодействия солдат и офицеров как залога стойкости в бою указывал в циркуляре и главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н. В. Рузский: «За последнее время было замечено несколько печальных случаев сдачи в плен целых рот в полном составе, считаю необходимым принять меры к искоренению такого постыдного и опасного для армии явления. В числе причин, создающих такую почву для возможности таких случаев, должна быть отмечена слишком большая отдаленность начальствующих лиц от нижних чинов. Условия современного боя, конечно,

²¹ РГВИА. Ф. 2386. Оп. 1. Д. 375. Л. 35, 62.

²² Там же. Ф. 2144. Оп. 2. Д. 124. Л. 326.

²³ Там же. Ф. 2394. Оп. 2. Д. 162. Л. 64.

не позволяют управлять крупному начальнику, находясь в передовых линиях, но периодически начальники даже крупных войсковых соединений обязаны посещать части, находящиеся на передовых позициях, говорить с нижними чинами и входить в их нужды. Необходимо, чтобы связь начальника с нижними чинами не прерывалась, по имеющимся у меня сведениям, даже офицерский состав частей войск чувствует свою отчужденность от высших начальников. Предписываю обратить на это дело особенное внимание. Кроме того, необходимо предупредить все части, что сдавшиеся в плен, не будучи тяжелоранеными, будут по окончании войны судимы за побег с поля сражения»²⁴.

Строевые командиры лучше видели боевую обстановку и иначе относились к этому явлению. Временно командовавший 10-м гренадерским Малороссийским полком подполковник Ф. П. Полухин докладывал в штаб 3-й гренадерской дивизии: «Большая потеря в нижних чинах без вести пропавшими в боях при операции на р. Висле объясняется превосходящими силами противника, исключительными условиями лесного боя, выполнение возложенной задачи с непоколебимым упорством, удержать за собой переправу, ведя бой только штыком... Некоторые роты, потеряв офицеров и оставшись без надлежащего руководства, при наличной крайне тяжелой, прямо исключительной обстановке, часть которых и были окружены превосходящими силами противника».

О том же свидетельствовал полковник В. Н. Токарев, командир 9-го гренадерского Сибирского полка: «174 человека без вести пропало в период двухдневного лесного боя, потребовавшего больших жертв в личном составе нижних чинов, а особенно в командном составе среди господ офицеров и унтер-офицеров... И потому возможно, что некоторые за невозможностью взять верное направление *и отсутствием воздей, к которым так привык наш простолюдин*-солдат (выделено в оригинале. — С. Н.), пришли к полному замешательству, которым воспользовался противник»²⁵.

Однако сказывался и фактор отчуждения солдат от офицеров. В бою 17/30 октября у дер. Паббельн 13-я рота 115-го пехотного Вяземского полка (140 человек) оторвалась от главных сил на 150 шагов и была окружена германцами. «На предложение сдаться нижние чины положили ружья и были уведены противником настолько поспешно,

²⁴ РГВИА. Ф. 3513. Оп. 2. Д. 210. Л. 163.

²⁵ Там же. Ф. 2326. Оп. 1. Д. 1061. Л. 12, 15.

что даже не взяли с собою оружие. Подпоручик Лиоферов (командир роты. — С.Н.) уведен насильно»²⁶. Это, пожалуй, был первый случай, когда подчиненные уводили с собой в плен командира. Но к тем же боям у Владиславова относится эпизод, когда командир 209-го пехотного Богородского полка полковник князь П. И. Массальский не только добровольно сдался в плен, не дав себя отбить трижды прорывавшемуся к нему в штыки капитану В. С. Везенкову, но и запретил эвакуировать раненых, находившихся вместе с ним в окруженной усадьбе²⁷.

И все же большую часть пропавших без вести составляли именно погибшие, чьи тела не были вынесены с поля боя. На 6 ноября 1914 г. в лагерях Германии состояло русских пленных 3121 офицер и 186779 нижних чинов; разница с данными на 12 сентября составляла 95379 нижних чинов и 1291 офицер²⁸. Учитывая, что половина этого количества приходится на взятых в плен в Восточной Пруссии по 15 сентября, то из пропавших без вести в армиях, сражавшихся против германских войск, в германский плен попало 45–50 тыс. человек. Австро-венгерская сторона объявила о взятии 40 тыс. пленных, из них 10 тыс. под Ивангородом. Таким образом, из почти 120 тыс. пропавших без вести на пленных приходится только 2/3; остальных следует отнести к погибшим. Действительно, из 1040 пропавших без вести 57-го пехотного Модлинского полка позднее другими частями как погибшие и захороненные было идентифицировано 620 человек²⁹.

Еще одной проблемой войск при переходе к позиционной войне стал рост ранений в конечности, особенно в кисти рук. Так, за неполную первую неделю октября в 1-й бригаде 12-й пехотной дивизии у Мижинца ранение в левую кисть получили 17 офицеров и 554 нижних чина³⁰. Много раненых в руки было среди кавалеристов. Однако весь гнев командиров был излит исключительно на солдат. Командующий 4-й армией генерал от инфантерии А. Е. Эверт 1/14 октября направил в корпуса циркуляр: «До сведения моего дошло, что в боях появились массовые поранения в пальцы преимущественно левой руки нижних чинов. Приказываю установить по возможности наблюдение

²⁶ РГВИА. Ф. 2729. Оп. 1. Д. 20. Л. 264.

²⁷ Там же. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 5. Л. 15–16; Д. 54. Л. 43–44.

²⁸ Подсчитано по: Amtliche Kriegsdepeschen. Bd. 1. Oldenburg, O. O. S. 94, 209.

²⁹ РГВИА. Ф. 2671. Оп. 1. Д. 7. Л. 192–194.

³⁰ Там же. Ф. 2342. Оп. 1. Д. 292. Л. 226–230.

за нижними чинами и сделать распоряжение, чтобы врачи особенно внимательно исследовали подобные раны и при сомнении о таких нижних чинах незамедлительно доносили строевому начальству для расследования и привлечения к ответственности по закону военного времени»³¹.

Ему вторили командующий 8-й армией генерал от кавалерии А. А. Брусиллов и командир 24-го армейского корпуса генерал от кавалерии А. А. Суриков 15/28 октября: «В дополнение к приказу 8 армии за № 108 и приказания моего, переданного в части войск “раненных в руки оставлять до конца боев настоящего периода в строю”, приказываю сортировку “раненных в руки” делать в дивизионных лазаретах и госпиталях полевых и Красного Креста, причем выделять могущих нести службу в строю, которых и передавать в Самборе корпусному коменданту для отправления обратно в свои части; то же делать и при эвакуации на железнодорожной станции Самбор, куда в дни эвакуации корпусному коменданту высылать конвой и писаря для приема раненных в пальцы, не подлежащих эвакуации»³².

Однако Н. В. Рузский не видел в таких раненых злоумышленников и изменников: «Главкомандующим замечено, что нижние чины выставляют иногда фуражки, надевая ее на руку, что влечет за собою ранение руки. Главкомандующий приказал обратить на это внимание и предлагает принять меры, чтобы нижние чины не выставляли фуражек, надетых на руки, а если выставлять, то чтобы надевали их на палку или штык» (циркуляр от 8/21 октября)³³. Начальник штаба 2-й армии генерал-майор П. И. Постовский приказывал: «Некоторые части недостаточно внимательно укрепляются, козырьки (у окопов. — С. Н.) не устраиваются, чем объясняется отчасти значительное число поражений в руку. Оставлялась без укрепления даже тяжелая артиллерия, небрежность в отношении которой совсем не простительна. Командующий армией требует, чтобы войска укреплялись даже в резервах, артиллерия и на закрытых позициях» (циркуляр от 4 (17) октября 1914 г. № 298)³⁴.

Как наиболее эффективная мера для спасения многочисленных раненых, оставшихся на поле сражения, высочайшим приказом от 15/28 ноября

³¹ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 2. Д. 84. Л. 14.

³² Там же. Ф. 2747. Оп. 1. Д. 172. Ч. 1. Л. 138.

³³ Там же. Ф. 2726. Оп. 1. Д. 334. Л. 74.

³⁴ Там же. Ф. 2517. Оп. 2. Д. 27. Л. 212.

1914 г. было велено создать в каждом полку команды санитаров из нижних чинов, по 8 на роту³⁵. До этого вынос раненых должны были производить по возможности сами солдаты, госпитали и перевязочные пункты находились в тылу. Предполагалось, что после каждого боя будет возможность убрать трупы и оказать помощь раненым. Но реалии затяжных боев опрокинули эти надежды. На некоторых участках фронта между позициями лежали в течение нескольких недель убитые и раненые, и ни та ни другая сторона не давала возможности их вынести.

Беспокоило русское командование и большое количество погибших. Уже упоминавшийся Н. В. Рузский объявлял войскам: «В боях с 13 по 26 сентября (ст. ст. — С. Н.) наша пехота понесла потери, не соответствующие по своим размерам тем силам противника, которые действовали против нас. Одна из причин чрезмерно больших потерь в пехоте заключается в том, что наступление ведется в ротах густыми цепями и даже кучами. Напомнить войскам, что при современном оружии наступление с одной стрелковой позиции на другую должно производиться под действительным огнем перебежками целыми взводами и отделениями или звеньями и одиночными людьми с накоплением взводов на новых стрелковых позициях. Другая причина чрезмерных потерь заключается в излишнем наслаивании ротных и батальонных резервов. Предложить строевым начальникам напомнить людям главные основания действий пехоты, изложенные в Наставлении для действий пехоты в бою 1914 года. Приостановка наступления дает полную возможность к этому»³⁶. И это говорилось спустя 2 месяца после начала войны! Впрочем, почти через год войны (5/18 июня 1915 г.) А. А. Брусилов приказывал атаковать не только густыми цепями, а колоннами, и чтобы лучше шли, сзади «иметь особо надежных людей и пулеметы, чтобы, если понадобится, заставить идти вперед и слабодушных»³⁷.

Как следует из приведенных суммарных данных, армии Юго-Западного фронта понесли большие потери, чем армии Северо-Западного фронта; при этом урон армий, осуществлявших прикрытие операции главных сил (1-я и 10-я на границах Восточной Пруссии, 3-я, 8-я и 11-я армии в Галиции), оказался выше, чем в ударной группе. Хотя следует заметить, что 5-я армия состояла всего из трех корпусов и вела серьезные

³⁵ РГВИА. Ф. 2810. Оп. 1. Д. 101. Л. 36.1.

³⁶ Там же. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 917. Л. 233.

³⁷ Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1087. Л. 37–38. Приказ по 8-й армии № 493.

бои всего неделю; в 11-й армии было два корпуса, но на ее долю выпал кровавый штурм Перемышля и позиционные бои. Высокие потери в 10-й армии можно объяснить и тем, что входившие в нее корпуса только недавно прибыли на фронт и, не имея еще боевого опыта, были брошены в атаки на хорошо укрепленные германские позиции. В 4-й армии неполно представлены потери 52-й пехотной дивизии: не удалось обнаружить точные сведения о потерях 207-го пехотного Новобаязетского полка убитыми и пропавшими без вести (по оценке командования — более 1000 человек). Также сомнительны данные о потерях полков 2-й льготной Кубанской казачьей дивизии 8-й армии — единственного соединения, выведенного с фронта для пополнения.

Общие потери русских армий в Варшавско-Ивангородской операции

АРМИЯ	Убито		Ранено		Пропало без вести		ВСЕГО	
	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины	офицеры	нижние чины
1-я армия ^а	65	3684	333	17 096	57	12 891	455	33 671
10-я армия ^б	211	7840	823	27 211	85	13 793	1 119	48 844
2-я армия ^с	123	4581	575	19 823	118	18 778	816	43 182
5-я армия ^д	25	1211	127	5 811	23	2 151	175	9 173
всего СЗФ	424	17 316	1 858	69 941	283	47 613	2 565	134 870
4-я армия ^е	127	5584	493	25 635	120	33 317	740	64 536
9-я армия ^ф	81	3581	345	17 829	67	12 706	493	34 116
3-я армия ^г	90	4604	355	24 390	37	10 981	482	39 975
8-я армия ^б	124	8408	572	41 028	89	21 145	785	70 581
11-я армия ^л	26	1003	112	6 927	3	2 482	141	10 412
всего ЮЗФ	448	23 180	1 877	115 809	316	80 631	2 641	219 620
ИТОГО	872	40 496	3 735	185 750	599	128 244	5 206	354 490

^а Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2116. Оп. 2. Д. 34. Л. 410–411, 449–450, 514, 563–565; Ф. 2355. Оп. 2. Д. 670. Л. 6–11; Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Л. 60, 65, 72, 78, 129; Ф. 2358. Оп. 1. Д. 425. Л. 3–12; Ф. 2383. Оп. 1. Д. 81. Л. 16, 21, 30, 40, 60; Ф. 2394. Оп. 2. Д. 162. Л. 5, 9, 14, 22, 25, 27, 38, 45, 46, 55, 78, 81, 93–98; Ф. 2712. Оп. 2. Д. 479. Л. 27–44; Ф. 2714. Оп. 2. Д. 479. Л. 53, 63; Ф. 2719. Оп. 1. Д. 25. Л. 9–21; Д. 26. Л. 16, 18; Ф. 2720. Оп. 1. Д. 5. Л. 76, 80; Ф. 2721. Оп. 1. Д. 30. Л. 90; Д. 89. Л. 12, 15; Ф. 2722. Оп. 1. Д. 663, 667; Ф. 2723. Оп. 1. Д. 284. Л. 55, 69, 115, 181, 186; Д. 313. Л. 5, 8–11; Ф. 2724. Оп. 2. Д. 283. Л. 8; Д. 290. Л. 7–27; Ф. 2725. Оп. 1. Д. 215. Л. 179–225, 372–374; Ф. 2726. Оп. 1. Д. 333а. Л. 88–90; Д. 335. Л. 2–53; Ф. 2727. Оп. 1. Д. 4. Л. 165–166; Ф. 2729. Оп. 1. Д. 6. Л. 144, 155; Ф. 3509. Оп. 1. Д. 917. Л. 195–198; Ф. 3511. Оп. 2. Д. 10. Л. 32–41; Ф. 3543. Оп. 1. Д. 4502. Л. 31–34; Ф. 3545. Оп. 1. Д. 1921. Л. 59–66; Ф. 3548. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–31; Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 31–48; Ф. 3551. Оп. 1. Д. 110. Л. 11–22; Ф. 3552. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–4; Ф. 3554. Оп. 1. Д. 29. Л. 11–15; Ф. 3591. Оп. 1. Д. 129. Л. 22–29; Ф. 16 196. Оп. 1. Д. 217. Л. 57–95; Д. 218. Л. 154–204; Д. 220. Л. 48–102; Д. 222. Л. 41–67; Д. 231. Л. 175–211; Д. 232. Л. 60–61, 92–129; Д. 234. Л. 73–122; Д. 235. Л. 48–118; Д. 239. Л. 136–269; Д. 241. Л. 1–17; Д. 242. Л. 120–175; Д. 243. Л. 41–62; Д. 244. Л. 46–88; Д. 245. Л. 49–79; Д. 740. Л. 39–60; Д. 742.

Л. 6–50; Д. 890. Л. 22–35; Д. 892. Л. 27–48; Д. 943. Л. 1–10; Д. 944. Л. 9–12, 27; Д. 947. Л. 1–5, 16–17; Д. 949. Л. 3–8; Д. 951. Л. 1–10; Д. 967. Л. 2–3а; Д. 970. Л. 18–23; Д. 971. Л. 9–25; Д. 972. Л. 6–13; Д. 987. Л. 9–21; Д. 988. Л. 1–9; Д. 989. Л. 1–10; Д. 1002. Л. 1–6; Д. 1015. Л. 10–12; Д. 1016. Л. 1–12; Д. 1017. Л. 6–7; Д. 1039. Л. 129–139; Д. 1077. Л. 8–11; Д. 1078. Л. 33–52; Д. 1079. Л. 16–39; Д. 1080. Л. 30–39; Д. 1047. Л. 36–37; Д. 1148. Л. 306; Д. 1152. Л. 9–10; Д. 1157. Л. 1–3.

^b Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2144. Оп. 2. Д. 87. Л. 20, 23, 127, 196, 251, 262, 280–287, 290, 326, 331, 343, 378, 386, 394–395, 403, 405, 409–413; Д. 124; Д. 125. Л. 8, 21, 60–61, 72–74, 80, 129; Ф. 2190. Оп. 1. Д. 23. Л. 78–108; Ф. 2222. Оп. 1. Д. 1091; Ф. 2230. Оп. 1. Д. 327. Л. 141–179; Ф. 2280. Оп. 1. Д. 165; Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1032; Ф. 2387. Оп. 1. Д. 280; Ф. 2389. Оп. 1. Д. 414. Л. 10–12; Ф. 2406. Оп. 1. Д. 112. Л. 327–329, 418, 421; Ф. 2504. Оп. 2. Л. 29. Л. 212, 252, 276, 517, 524–526а, 558, 561; Ф. 2523. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–2; Ф. 2627. Оп. 1. Д. 253. Л. 223–236; Ф. 2628. Оп. 1. Д. 3. Л. 12; Ф. 2675. Оп. 1. Д. 61. Л. 29; Ф. 2677. Оп. 1. Д. 140. Л. 8. 12; Ф. 2678. Оп. 1. Д. 98. Л. 3–8; Ф. 2744. Оп. 2. Д. 14. Л. 92; Ф. 3516. Оп. 1. Д. 233. Л. 31–44; Ф. 3636. Оп. 1. Д. 7. Л. 54–109; Ф. 5048. Оп. 1. Д. 224. Л. 120, 126–170; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 798. Л. 1–22; Д. 799. Л. 1–6; Д. 800. Л. 1–31; Д. 802. Л. 1–2; Д. 954. Л. 11–12; Д. 963. Л. 1–10; Д. 968. Л. 1–4; Д. 975. Л. 7–12; Д. 984. Л. 7–12; Д. 992. Л. 4–7; Д. 1001. Л. 1–7; Д. 1009. Л. 1–2; Д. 1020. Л. 7–12; Д. 1033. Л. 1–11; Д. 1034. Л. 1–10, 34–40; Д. 1035. Л. 161–164; Д. 1043. Л. 138–141; Д. 1149. Л. 5–8; Д. 1151. Л. 1–3.

^c Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 89. Л. 265–278; Ф. 2279. Оп. 1. Д. 238; Ф. 2323. Оп. 1. Д. 562. Л. 304–392; Ф. 2352. Оп. 1. Д. 63. Л. 5, 14, 22–23, 35–37, 48; Ф. 2354. Оп. 2. Д. 426. Л. 22, 38, 63; Ф. 2360. Оп. 2. Д. 13. Л. 26, 39–40, 54–56; Ф. 2373. Оп. 1. Д. 112. Л. 12, 23; Ф. 2495. Оп. 2. Д. 43. Л. 13–46; Ф. 2513. Оп. 1. Д. 16. Л. 22, 24, 30, 38, 63, 115, 157–164, 171; Д. 148. Л. 67; Ф. 2517. Оп. 2. Д. 27. Л. 43, 58, 107, 124, 145, 164, 166, 177, 181, 188, 214, 244, 247, 289, 319, 362, 361–464; Ф. 2573. Оп. 2. Д. 12. Л. 479–480, 517; Ф. 2578. Оп. 2. Д. 804. Л. 1–7; Ф. 2579. Оп. 2. Д. 1035. Л. 62; Д. 1074. Л. 105–112; Ф. 2582. Оп. 2. Д. 251. Ч. 1. Л. 307–349; Ф. 2622. Оп. 1. Д. 54. Л. 26; Ф. 2699. Оп. 1. Д. 113. Л. 237–257; Ф. 2700. Оп. 1. Д. 31. Л. 4–16; Д. 32. Л. 2, 6; Ф. 2701. Оп. 1. Д. 207. Л. 89–138; Ф. 2702. Оп. 2. Д. 1. Л. 62–128, 378–394; Ф. 2707. Оп. 1. Д. 420. Л. 1–40; Д. 510. Л. 302, 331; Ф. 2708. Оп. 1. Д. 129. Л. 47–55; Ф. 2709. Оп. 1. Д. 146. Л. 20–46, 52–53; Ф. 2710. Оп. 2. Д. 76. Л. 24–25, 31, 42; Д. 295. Л. 39–106; Ф. 2718. Оп. 2. Д. 45. Л. 25; Ф. 2731. Оп. 2. Д. 50. Л. 209–210; Ф. 2733. Оп. 1. Д. 3. Л. 4; Ф. 2734. Оп. 2. Д. 5. Л. 39–40, 46, 382; Ф. 2771. Оп. 2. Д. 3. 89, Л. 160л; Д. 42. Л. 25–26; Ф. 2772. Оп. 2. Д. 210; Ф. 2773. Оп. 2. Д. 48. Л. 12–22; Ф. 2774. Оп. 2. Д. 26. Л. 22–24, 28; Ф. 2786. Оп. 2. Д. 27. Л. 83, 86, 88; Ф. 3335. Оп. 1. Д. 14. Л. 16–17; Ф. 3336. Оп. 1. Д. 24. Л. 25–34, 36; Ф. 3338. Оп. 1. Д. 19. Л. 4–8; Ф. 3339. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–7; Д. 22. Л. 6–17, 25, 54; Ф. 3340. Оп. 1. Д. 7. Л. 19, 36, 38, 46; Ф. 3347. Оп. 1. Д. 6. Л. 13, 17; Д. 33. Л. 1–95; Д. 34. Л. 1–39; Ф. 3348. Оп. 1. Д. 11. Л. 7, 10–11; Д. 17. Л. 1–22; Ф. 3349. Оп. 1. Д. 12. Л. 117–270; Ф. 3350. Оп. 1. Д. 20. Л. 100–163, 175, 225–226; Ф. 3351. Оп. 1. Д. 12. Л. 22–29, 34; Д. 42. Л. 331–340, 437–439; Д. 50. Л. 1–56; Ф. 3352. Оп. 1. Д. 44. Л. 291–389; Ф. 3354. Оп. 1. Д. 221. Л. 260–318; Д. 188. Л. 5–10; Ф. 3383. Оп. 1. Д. 2. Л. 35; Ф. 3384. Оп. 1. Д. 3. Л. 5; Ф. 3386. Оп. 1. Д. 3. Л. 19, 24; Ф. 3524. Оп. 1. Д. 55. Л. 36; Ф. 3529. Оп. 1. Д. 22. Л. 193–194; Ф. 3557. Оп. 1. Д. 43. Л. 4–5; Ф. 3560. Оп. 1. Д. 5. Л. 21; Ф. 3566. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–8; Ф. 3581. Оп. 1. Д. 32. Л. 12; Ф. 3587. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; Ф. 3597. Оп. 1. Д. 26. Л. 52, 55; Ф. 3611. Оп. 1. Д. 416а. Л. 25–70; Ф. 3828. Оп. 1. Д. 14. Л. 24–91; Ф. 3829. Оп. 1. Д. 4. Л. 41, 47; Ф. 3831. Оп. 1. Д. 4. 37, 332; Ф. 3832. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–2; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 15. Л. 81–82; Д. 16. Л. 18–40; Д. 18. Л. 143; Д. 199, 200, 212, 213, 214, 215, 223, 226, 229, 230, 246, 248, 249, 250, 309, 311, 313, 315, 432, 433, 715, 716, 717, 719, 745, 747, 748, 764, 903, 926, 945, 964, 965, 966, 983, 994, 1000, 1027, 1074, 1076, 1081 1091, 1147, 1152, 1157.

^d Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 44. Л. 5, 71, 233, 236; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 231. Л. 129–132, 190–208; Оп. 2. Д. 56. Л. 22–27, 428–430; Ф. 2368. Оп. 2. Д. 602. Л. 39–40; Ф. 2652. Оп. 2. Д. 761. Л. 7; Ф. 2654. Оп. 2. Д. 144. Л. 36; Ф. 2679. Оп. 2. Д. 475. Л. 90–162; Ф. 2682. Оп. 1. Д. 27. Л. 9–11; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 94. Л. 3–7; Д. 95. Л. 1; Д. 96. Л. 2; Д. 98. Л. 2–21; Д. 110. Л. 11–15; Д. 112. Л. 12–17; Д. 113. Л. 5–17; Д. 171. Л. 72–88; Д. 173. Л. 53–84; Д. 174. Л. 15–22; Д. 1031. Л. 1–12, 28–40; Д. 1035. Л. 1–12, 28–40, 137–140; Д. 1148. Л. 262–264.

^е Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2118. Оп. 2. Д. 83. Л. 432–650; Ф. 2179. Оп. 1. Д. 207. Л. 74–76, 95; Д. 274. Л. 5, 46–48, 92; Ф. 2212. Оп. 1. Д. 644, 645, 646; Ф. 2298. Оп. 1. Д. 49. Л. 12–24; Ф. 2324. Оп. 1. Д. 218. Л. 15, 42–43; Ф. 2365. Оп. 2. Д. 233. Л. 3–7; Ф. 2371. Оп. 1. Д. 20. Л. 226, 652; Ф. 2382. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; Д. 231. Л. 5–19; Ф. 2624. Оп. 1. Д. 258. Л. 1–24; Д. 259. Л. 1–36; Ф. 2626. Оп. 2. Д. 1448. Л. 1–51; Ф. 2695. Оп. 2. Д. 164. Л. 283–287; Д. 165. Л. 1–4; Д. 166. Л. 1–79; Ф. 2697. Оп. 1. Д. 77. Л. 240–252, 258, 280; Ф. 2777. Оп. 1. Д. 46. Л. 27, 32, 34; Ф. 2778. Оп. 1. Д. 73. Л. 105, 112; Ф. 2819. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–4; Ф. 2821. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–3; Ф. 2821. Оп. 1. Д. 2. Л. 101; Ф. 2822. Оп. 1. Д. 20. Л. 20–25; Ф. 2854. Оп. 2. Д. 1. Л. 56, 210; Ф. 2855. Оп. 1. Д. 2. Л. 129, 162; Ф. 2856. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–2; Ф. 2856. Оп. 2. Д. 120. Л. 1–22; Ф. 2857. Оп. 1. Д. 1. Л. 163, 180; Ф. 5252. Оп. 1. Д. 8. Л. 5; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 197. Л. 1–30; Д. 316. Л. 72–146а; Д. 318. Л. 127–195; Д. 320. Л. 58–75; Д. 321. Л. 137–153; Д. 352. Л. 1–11; Д. 354. Л. 106–170; Д. 356. Л. 81–122; Д. 359. Л. 1–51; Д. 387. Л. 1–46; Д. 388. Л. 1–121; Д. 391. Л. 1–36; Д. 487. Л. 13–34; Д. 489. Л. 1–33; Д. 490. Л. 1–38; Д. 491. Л. 1–30; Д. 520. Л. 5–6; Д. 522. Л. 1–13; Д. 523. Л. 1–58; Д. 524. Л. 31–34; Д. 1039. Л. 382–393; Д. 1043. Л. 218–348; Д. 1092. Л. 1–6; Д. 1098. Л. 1–6; Д. 1103. Л. 11–13; Д. 1123. Л. 1–2; Д. 1128. Л. 1–6; Д. 1148. Л. 180–181.

^ф Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 176. Л. 14–118; Ф. 2177. Оп. 1. Д. 2737. Л. 4; Д. 2738. Л. 7; Д. 2739. Л. 2; Д. 2741. Л. 3; Ф. 2214. Оп. 1. Д. 496. Л. 51–213; Ф. 2286. Оп. 1. Д. 1086. Л. 61–947; Ф. 2321. Оп. 1. Д. 231. Л. 113–167; Ф. 2376. Оп. 2. Д. 186Л. 60; Ф. 2400. Оп. 1. Д. 19. Л. 105, 204, 357–370, 431, 554, 662–669; Ф. 2410. Оп. 1. Д. 580. Л. 155–366; Ф. 2413. Оп. 2. Д. 2. Л. 103–292; Ф. 2580. Оп. 1. Д. 2257. Л. 35; Ф. 2581. Оп. 2. Д. 852. Л. 5; Ф. 2586. Оп. 2. Д. 912. Л. 16; Ф. 2588. Оп. 2. Д. 4. Л. 51, 76; Д. 32. Л. 70–71; Ф. 2599. Оп. 2. Д. 26. Л. 71; Ф. 2600. Оп. 2. Д. 88. Л. 54; Ф. 2601. Оп. 2. Д. 564. Л. 17, 20; Ф. 2602. Оп. 2. Д. 762. Л. 7; Ф. 2625. Оп. 1. Д. 641. Л. 1–80; Ф. 2683. Оп. 1. Д. 13. Л. 49, 73; Ф. 2684. Оп. 2. Д. 25. Л. 38, 42; Ф. 2685. Оп. 2. Д. 36. Л. 38, 46, 49, 59; Ф. 2686. Оп. 1. Д. 41. Л. 22; Ф. 2695. Оп. 2. Д. 37. Л. 11–13; Ф. 2696. Оп. 1. Д. 22. Л. 16, 23; Ф. 2698. Оп. 1. Д. 18. Л. 47–48, 62; Ф. 2704. Оп. 1. Д. 7. Л. 23, 25, 28; Ф. 2705. Оп. 2. Д. 7. Л. 101, 41, 43, 51; Ф. 2706. Оп. 2. Д. 47. Л. 64; Ф. 2888. Оп. 1. Д. 13. Л. 159–163, 181–182; Ф. 2889. Оп. 1. Д. 7. Л. 185–214; Ф. 2890. Оп. 1. Д. 67. Л. 16–31; Ф. 2891. Оп. 1. Д. 25. Л. 166–168, 192; Ф. 2938. Оп. 1. Д. 158. Л. 66–194; Ф. 2940. Оп. 1. Д. 1. Л. 204, 289, 379, 498; Ф. 3270. Оп. 2. Л. 199. Л. 152–164; Ф. 3533. Оп. 1. Д. 15. Л. 43; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 6. Л. 120–132; Д. 7. Л. 31–38; Д. 12. Л. 33–51; Д. 13. Л. 36–61; Д. 19. Л. 42–88; Д. 20. Л. 22–61; Д. 22. Л. 17–53; Д. 25. Л. 5–26; Д. 205. Л. 11–23; Д. 210. Л. 28–41; Д. 287. Л. 54–94; Д. 290. Л. 56–123; Д. 292. Л. 39–82; Д. 296. Л. 43–90; Д. 341. Л. 135–169; Д. 342. Л. 95–146; Д. 344. Л. 91–127; Д. 345. Л. 79–101; Д. 346. Л. 29–44; Д. 347. Л. 23–105; Д. 348. Л. 83–212; Д. 350. Л. 29–88; Д. 532. Л. 1–21; Д. 533. Л. 1–10; Д. 534. Л. 1; Д. 720. Л. 7–9; Д. 721. Л. 1–46; Д. 722. Л. 39–41; Д. 944. Л. 28–41, 70–77; Д. 961. Л. 1–8; Д. 982. Л. 5–10; Д. 999. Л. 24–27; Д. 1022. Л. 11–12; Д. 1023. Л. 12–21; Д. 1039. Л. 93–94; Д. 1070. Л. 12–30; Д. 1075. Л. 9–12; Д. 1088. Л. 11–22; Д. 1096. Л. 7–15; Д. 1097. Л. 1–14; Д. 1130. Л. 1–2; Д. 1138. Л. 1–4; Д. 1145. Л. 10–19; Д. 1148. Л. 243; Д. 1152. Л. 25–26.

^с Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2113. Оп. 2. Д. 58; Ф. 2220. Оп. 1. Д. 154. Л. 53; Ф. 2198. Оп. 1. Д. 12. Л. 198, 245, 270, 357, 370, 373; Д. 24. Л. 163; Ф. 2343. Оп. 1. Д. 180. Л. 65–68; Ф. 2780. Оп. 1. Д. 101. Л. 90–91; Ф. 2339. Оп. 1. Д. 237. Л. 2, 27, 30, 31, 33–35, 41, 55; Ф. 2341. Оп. 1. Д. 363. Л. 6; Ф. 2362. Оп. 1. Д. 95. Л. 9, 11–18; Ф. 2363. Оп. 2. Д. 109. Л. 9; Ф. 2372. Оп. 2. Д. 23. Л. 17а, 24; Ф. 2631. Оп. 1. Д. 19. Л. 25; Ф. 2633. Оп. 1. Д. 53. Л. 43, 52, 55; Ф. 2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 72; Ф. 2649. Оп. 1. Д. 29. Л. 17а, 24; Ф. 2650. Оп. 1. Д. 9. Л. 18, 55; Ф. 2655. Оп. 1. Д. 25. Л. 37, 45, 49–50, 55, 62; Ф. 2656. Оп. 1. Д. 21. Л. 13, 15, 23, 25, 27; Ф. 2663. Оп. 2. Д. 30. Л. 111, 115, 128, 134–140; Ф. 2664. Оп. 1. Д. 36. Л. 15–39; Ф. 2665. Оп. 2. Д. 2. Л. 448, 457, 485; Ф. 2739. Оп. 1. Д. 44. Л. 2, 20, 21, Д. 43. Л. 2; Ф. 2741. Оп. 1. Д. 57. Л. 90–107; Ф. 2742. Оп. 1. Д. 10. Л. 1; Ф. 2795. Оп. 2. Д. 79. Л. 6; Ф. 3517. Оп. 1. Д. 7. Л. 29, 39, 97; Ф. 3521. Оп. 1. Д. 171. Л. 26–33, 61–83в; Ф. 5168. Оп. 1. Д. 362. Л. 40–91; Ф. 5176. Оп. 1. Д. 6. Л. 27–28, 30; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 82. Л. 31–65; Д. 83. Л. 64–99; Д. 85. Л. 39–83; Д. 87. Л. 24–35; Д. 117. Л. 1–129; Д. 119. Л. 1–20; Д. 132. Л. 5–33; Д. 134. Л. 41–78; Д. 139. Л. 95–141; Д. 257. Л. 51–148; Д. 259. Л. 26–49; Д. 262. Л. 3–17; Д. 323. Л. 15–52; Д. 325. Л. 26–46; Д. 326. Л. 32а–67; Д. 327. Л. 22–42; Д. 985. Л. 22–27; Д. 986. Л. 9–24; Д. 1003. Л. 16–21; Д. 1004. Л. 19–22; Д. 1026. Л. 11–14; Д. 1028. Л. 15, 16; Д. 1031. Л. 1–2, 19–20; Д. 1032. Л. 4–6; Д. 1035. Л. 77–88; Д. 1038. Л. 4–6; Д. 1047. Л. 19, 96–119; Д. 1057.

Л. 16–42; Д. 1063. Л. 1–6; Д. 1065. Л. 13–14; Д. 1148. Л. 1–2, 29–30, 61–64; Д. 1149. Л. 1–2; Д. 1152. Л. 111–112.

^b Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 380. Л. 81, 112; Д. 396. Л. 170; Д. 797. Л. 6–11, 15, 17, 22; Оп. 2. Д. 191. Л. 156–160; Ф. 2342. Оп. 1. Д. 292. Л. 207–345, 412–490; Ф. 2344. Оп. 2. Д. 188. Л. 238–284, 345–353; Ф. 2345. Оп. 2. Д. 328. Л. 17; Д. 356. Л. 1–5; Ф. 2349. Оп. 1. Д. 90. Л. 52, 56, 59, 78, 86, 90, 97; Ф. 2361. Оп. 1. Д. 162. Л. 59, 67; Ф. 2364. Оп. 2. Д. 107. Л. 76, 85, 96; Д. 581. Л. 29–33; Ф. 2408. Оп. 1. Д. 429. Л. 312, 338, 381–384; Ф. 2497. Оп. 2. Д. 27. Л. 5; Д. 362. Л. 2–14; Ф. 2498. Оп. 2. Д. 17. Л. 105–190; Ф. 2659. Оп. 1. Д. 9. Л. 34–42; Ф. 2660. Оп. 1. Д. 4. Л. 84, 88; Ф. 2668. Оп. 2. Д. 59. Л. 4–8; Ф. 2671. Оп. 1. Д. 7. Л. 192–194; Ф. 2688. Оп. 1. Д. 3. Л. 468, 510; Ф. 2689. Оп. 1. Д. 13. Л. 8–14; Ф. 2747. Оп. 1. Д. 4. Л. 20–27, 33, 47; Д. 65. Л. 40, 47; Д. 172. Ч. 1. Л. 116–136, 256; Ф. 2748. Оп. 1. Д. 5. Л. 46, 178, 186, 196, 203; Д. 34. Л. 92–94; Ф. 2749. Оп. 2. Д. 63. Л. 92, 105; Ф. 2787. Оп. 1. Д. 26. Л. 230, 233, 247; Ф. 2803. Оп. 2. Д. 92. Л. 27–51; Ф. 2804. Оп. 2. Д. 7. Л. 258–281, 404, 466; Ф. 2805. Оп. 2. Д. 290. Ч. 1. Л. 62–82, 93–96; Ф. 2805. Оп. 2. Д. 4. Л. 84; Ф. 2808. Оп. 2. Д. 290. Л. 1423; Ф. 2809. Оп. 2. Д. 1. Л. 422, 463, 555, 645–646; Ф. 2810. Оп. 1. Д. 101. Л. 263–328; Ф. 2869. Оп. 2. Д. 17. Л. 19–25; Ф. 2870. Оп. 1. Д. 25. Л. 120, 123, 126, 128–129; Ф. 2892. Оп. 1. Д. 1. Л. 129, 136, 137, 163, 201, 219, 237, 256, 263–269, 328; Ф. 2893. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 36; Ф. 2894. Оп. 1. Д. 1. Л. 20; Д. 2. Л. 9–11; Ф. 2895. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 23; Ф. 2918. Оп. 1. Д. 4. Л. 131; Ф. 3275. Оп. 1. Д. 2. Л. 83, 90–171; Ф. 3276. Оп. 1. Д. 2. Л. 269–270, 298, 321; Ф. 3277. Оп. 1. Д. 3. Л. 259; Ф. 3278. Оп. 1. Д. 8. Л. 425–426; Ф. 3522. О. 1. Д. 95. Л. 18–20; Ф. 5171. Оп. 1. Д. 9; Ф. 5185. Оп. 1. Д. 2. Л. 90–143; Ф. 5203. Оп. 1. Д. 38. Л. 4–14; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 121. Л. 105–214; Д. 125. Л. 52–128; Д. 128. Л. 45; Д. 130. Л. 19–82; Д. 143. Л. 1–103; Д. 146. Л. 1–117; Д. 150. Л. 1–56; Д. 153. Л. 1–63; Д. 154. Л. 41–182; Д. 155. Л. 60–115; Д. 158. Л. 44–87; Д. 160. Л. 49–97; Д. 181. Л. 82–210; Д. 186. Л. 11–71; Д. 188. Л. 64–194; Д. 251. Л. 19–44; Д. 252. Л. 41–145; Д. 255. Л. 18–81; Д. 256. Л. 20–36; Д. 271. Л. 83–114; Д. 272. Л. 33–43; Д. 363. Л. 21–146; Д. 365. Л. 63–104; Д. 367. Л. 58–125; Д. 369. Л. 15–133; Д. 371. Л. 3–169; Д. 373. Л. 17–50; Д. 374. Л. 24–37; Д. 413. Л. 90–161; Д. 415. Л. 82–194; Д. 419. Л. 1–49; Д. 438. Л. 15–85; Д. 440. Л. 61–62; Д. 441. Л. 1–15; Д. 443. Л. 36–107; Д. 469. Л. 1–47; Д. 470. Л. 1–12; Д. 474. Л. 1–8; Д. 526. Л. 54–63; Д. 529. Л. 1–36; Д. 731. Л. 19–45; Д. 737. Л. 15–20; Д. 804. Л. 1–12; Д. 806. Л. 1–67; Д. 808. Л. 1–46; Д. 960. Л. 1–5; Д. 981. Л. 7–8; Д. 998. Л. 10–13; Д. 1029. Л. 21–41; Д. 1130. Л. 11–16; Д. 1035. Л. 260–268; Д. 1038. Л. 60–73, 175–209, 360–361; Д. 1039. Л. 70–71; Д. 1047. Л. 206–267; Д. 1064. Л. 21–27; Д. 1066. Л. 3–8; Д. 1067. Л. 8–11; Д. 1071. Л. 5–13; Д. 1092. Л. 1–6; Д. 1099. Л. 15–19; Д. 1100. Л. 7–17; Д. 1103. Л. 1–8; Д. 1107. Л. 1–22; Д. 1109. Л. 9–23; Д. 1114. Л. 5–12; Д. 1118. Л. 5–13; Д. 1120. Л. 1–4; Д. 1145. Л. 27–32, 65–68; Д. 1147. Л. 243–245; Д. 1148. Л. 81, 92–95; Д. 1149. Л. 81–84; Д. 1157. Л. 46–47.

ⁱ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2148. Оп. 2. Д. 62; Ф. 2234. Оп. 1. Д. 554. Л. 6–31; Ф. 2236. Оп. 1. Д. 815. Л. 9, 42, 46, 52, 57; Д. 816. Л. 1–10, 37–39; Д. 936. Л. 3–77, 136–179; Ф. 2388. Оп. 1. Д. 1. Л. 56–66; Ф. 2399. Оп. 1. Д. 110. Л. 24; Ф. 2408. Оп. 1. Д. 429. Л. 232–246; Ф. 2918. Оп. 1. Д. 1. Л. 39; Ф. 2919. Оп. 1. Д. 2. Л48, 77, 82, 86, 92, 94, 97; Д. 6. Л. 49, 53–56; Ф. 2920. Оп. 1. Д. 37. Л. 45; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 405. Л. 1–8; Д. 406. Л. 1–6; Д. 407. Л. 27–58; Д. 408, Л. 1–6; Д. 460. Л. 9–51; Д. 461. Л. 40–47; Д. 462. Л. 4а–9; Д. 463. Л. 21–30; Д. 957. Л. 11–16; Д. 978. Л. 11–13; Д. 995. Л. 22; Д. 1043. Л. 10–11; Д. 1148. Л. 61–64

В целом потери русских армий оказались ниже, чем во время двух фронтовых операций летней кампании — Галицийской битвы и Восточно-Прусской операции. Тогда за полтора месяца Россия лишилась почти полумиллиона своих солдат³⁸. В следующем месяце, как видно

³⁸ Общие потери — 1095 офицеров и 41969 солдат убито, 4219 офицеров и 152890 солдат ранено, 2588 офицеров и 228029 солдат пропало без вести и пошло в плен, итого — 7902 офицера и 424087 солдат.

из таблицы, было потеряно в общем 360 тыс. человек (около четверти от боевого состава). Среднемесячный уровень потерь несколько повысился, особенно убитыми и ранеными. Ведь только в Восточно-Прусской операции число пленных достигало 150 тыс. человек, а с учетом армий Юго-Западного фронта пропавшие без вести и пленные составляли более 50% понесенных потерь летней кампании. В «октябрьских боях» эта категория составляла чуть больше трети общего урона войск. В целом же безвозвратные потери русских войск превышали 170 тыс. человек, или 45,2% (и были по доле примерно одинаковы для армий обоих фронтов).

Велики были потери в офицерском корпусе. Октябрьские бои характеризовались высокой долей командовавших ротами прапорщиков и даже нижних чинов — подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров. Возросло число «временно командующих» или замещающих отсутствующих командиров. Среди кавалерийских офицеров вдруг развились массовые болезни. В пехоте и артиллерии выбыло из строя много командиров частей и соединений. Некоторые полки в течение одного-двух дней несколько раз меняли командиров. Например, в 84-м пехотном Ширванском полку командир пропал без вести, один заменивший его командующий ранен, а другой убит. Всего выбыло из строя 77 лиц начальствующего состава: 7 командиров бригад (в том числе по одной кавалерийской и артиллерийской) и 71 командир полков (в том числе двух кавалерийских). Наиболее тяжело в этом отношении пострадала 10-я армия. Счастливо избежала потерь в начальствующем составе 11-я (Блокадная) армия.

Потери начальствующего состава в Варшавско-Ивангородской операции

Армии	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	8-я	9-я	10-я	ВСЕГО
Убито	1	3	2	2	—	7	2	4	21
Ранено	5	6	2	10	1	9	4	15	52
Пропало без вести	1	1	—	1	—	—	1	1	5
ИТОГО	7	10	4	13	1	16	7	20	78

Из генералов было убито двое: генерал-майор В. И. Жуковский — командир 2-й бригады 1-й Сибирской стрелковой дивизии 2-й армии и генерал-майор А. В. Орлов — командир 1-й бригады 61-й пехотной дивизии 4-й армии. Раненых генералов было пять: генерал-майор Ю. Ю. Копытинский — командир 1-й бригады и командующий 93-м пехотным Иркутским полком 24-й пехотной дивизии, генерал-майор

И. Л. Шамота — командир 1-й бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии, генерал-майор В. К. Зубов — командир 2-й бригады 5-й Сибирской стрелковой дивизии (все из 2-й армии), генерал-майор А. И. Мартынов — командир 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии 10-й армии, генерал-майор Ф. Ф. Верман — командир лейб-гвардии Кирасирского его величества полка (1-й армии). Урон в генералитете был значительно ниже, чем во время летней кампании (тогда только в Восточной Пруссии в плен попало 15 генералов).

Потери армий Центральных держав в «октябрьском походе» были несколько меньше русских, но все-таки тоже серьезно сказались на оперативных возможностях противника. Урон германских армий Восточного фронта был существенно меньше, чем у их союзников австро-венгров, и не только потому, что боевой состав вступивших в сражение 8-й и 9-й германских армий был как минимум вдвое меньше. Германские войска преимущественно оборонялись: 9-я армия после выхода на среднюю Вислу и к Варшаве (наступала две недели, в том числе с боем не более 5 дней), 8-я армия по преимуществу, лишь иногда нанося контрудары. Обе армии находились на хорошо укрепленных позициях и имели преимущество в количестве артиллерии, особенно тяжелой. Если германские дивизии сохранили кадровый состав в Восточно-Прусской операции, то императорско-королевская армия в Галицийской битве лишилась половины состава и была пополнена наспех обученными новобранцами и ополчением. Австро-венгерские армии практически целый месяц либо наступали с боем, либо вели взаимные атаки на укрепленные позиции, либо встречные бои, как под Ивангородом. В артиллерии у австро-венгров превосходства не было, за исключением тяжелых мортир, к тому же у полевых орудий было очень мало снарядов, что, конечно, сказалось на успехе действий пехоты и ходе операции в целом. В то же время потери как австро-венгерских, так и германских войск были меньше, чем во время операций летней кампании.

В первых числах ноября германские войска 9-й армии практически не имели потерь до начала наступления их на Лодзь; 8-я армия вела ожесточенное оборонительное сражение в Восточной Пруссии. В то же время австро-венгерские войска на разных участках фронта вели упорные бои, сопровождавшиеся тяжелыми потерями. По оценкам австро-венгерского командования, 1-я армия в сражении на Опатовке потеряла за два дня 10 тыс. человек, примерно столько же могли потерять вместе 4-я армия у Мальче и Лежайска при ожесточенном штурме

Потери войск Центральных держав на Востоке в октябре 1914 г. по сведениям статистических органов военного ведомства³⁹

Войска	Убито	Ранено	Пропало без вести	ВСЕГО
8-я армия	2135	8948	3115	14 198
9-я армия	2023	10 434	2993	15 450
ИТОГО германский Восточный фронт	4158	19382	6108	29 648
Австро-венгерский Северный фронт	29 070	96 155	83 195	208 820
ИТОГО	33 228	115 537	89 303	238 468

русских плацдармов на Сане и 2-я армия с группой Пфлянцер-Бальтина в боях между Старым Самбором и Коломеей. Таким образом, боевые потери армий Двуетидной монархии в «осеннем походе» достигали 209 тыс. человек, в том числе севернее Сандомира — 50–60 тыс. (оценка генерала В. Данкля)⁴⁰, а вместе с германцами — 240 тыс. человек. Для австро-венгерских вооруженных сил это были самые тяжелые среднемесячные потери за всю Первую мировую войну. Не случайно участники боев сразу же окрестили их «адам на Сане».

Обращение к полковым историям германских полков позволяет уточнить некоторые детали. Так, германская 8-я армия потеряла, согласно подсчетам по этим сведениям, убитыми 96 офицеров и 3472 солдата, ранеными 131 офицера и 7182 солдата (по этой категории потерь имеются сведения не по всем полкам), пропавшими без вести 12 офицеров и 948 солдат. В то же время, согласно рапортам начальников этапов 1-й и 10-й русских армий, с 29 сентября (16 ст. ст.) по 14 ноября (1 ст. ст.) 1914 г. в Россию было отправлено 1357 германских военнопленных (из них 131 раненый), 13 офицеров, 3 врача, 1 сестра милосердия и 63 гражданских лица⁴¹. С учетом этих данных, даже принимая во внимание возможность двойного подсчета пленных (все они направлялись через этапы 1-й армии; при этом в штаб 1-й армии приходили отчеты именно этапов, а в штабе 10-й армии отложились рапорты соединений о взятых пленных), можно определить потери германской

³⁹ KA-NFA. AOK. Etappenkommando bzw. der Quartiermeisterabteilung. Statistische Daten ueber Verluste, bearbeitet im Kriegsstatistischen Buro, dem GZNB und der Abteilung 10 im Kriegsministerium. Karton 2259. Tabelle: Gemeine Verluste erstes Kriegsjahres — Nordfront; Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer im Weltkrieg 1914/18. Bd. II. Berlin, 1938. S. 507–509, 550–551.

⁴⁰ Conrad F. Aus meiner Dienstzeit Wien, 1925. . Bd. V. S. 399.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 2. Д. 188. Л. 112, 114, 140, 147; Ф. 2144, Оп. 3. Д. 37. Л. 104, 105, 116, 126, 127, 131.

8-й армии в 96 офицеров и 3472 солдата погибших, 131 офицера и 8817 солдат раненых и 13 офицеров и 1669 солдат пропавших без вести. Общие германские потери в Восточной Пруссии превышают 14 тыс. человек, из них безвозвратные — 5,3 тыс.

Потери германской 9-й армии по тому же виду источников (истории полков) определяются так: убито 180 офицеров и 3901 солдат, ранено 303 офицера и 8629 солдат (опять-таки не по всем полкам имеются сведения о раненых), пропало без вести 18 офицеров и 2846 солдат. При этом нет подробных данных о потерях среди рядового состава всей 4-й ландверной дивизии (общие потери оцениваются в 800 человек) и 7-го ландверного пехотного полка 3-й ландверной дивизии (ее общие потери достигают 1300 человек, из них убито 304, ранено 706, пропало без вести 98, что вошло в общие вышеуказанные суммы по армии).

К сожалению, плохая физическая сохранность архивных дел этапных команд 2-й, 4-й и 5-й русских армий не позволяют точно определить количество взятых ими германских пленных. Здесь также можно принять число убитых (погибших) и пропавших без вести из полковых историй, а раненых, учитывая офицеров, — из санитарного рапорта за октябрь 1914 г. В таком случае потери 9-й армии составят: погибших 180 офицеров и 3901 солдат, раненых 303 офицера и 10 131 солдат, пропавших без вести и пленных — 18 офицеров и 2846 солдат. Около тысячи солдат, потерянных Ландверным корпусом и не распределенных по категориям потерь в литературных источниках, можно отнести частью к раненым, из числа которых не вычтены учтенные среди погибших умершие от ран. Во всяком случае, общий боевой урон германской 9-й армии в операции не превышает 18 тыс. человек (в их числе 7 тыс. безвозвратных потерь).

В сумме германские потери в «октябрьском походе 1914 года» составляют 32 тыс. человек, в том числе погибших и попавших в плен — 12,2 тыс. (38%)⁴². Потери начальствующего состава были невелики:

⁴² Подсчитано по: Die 1. Garde-Infanterie-Division im Weltkriege 1914–1919. Berlin, 1922; *Balla*. Im Jorckschen Geist 1914/18. Oldenburg-Berlin, 1926; *Benary A.* Das Koeniglich Preussische Jaeger-Regiment zu Pferde Nr. 2 und seine Kriegsformationen. Berlin, 1937; *Boelsche A.* Sturmflut: Das Erleben des 7. Thueringischen Infanterie-Regiments Nr. 96 im Weltkrieg. Zeulenroda, 1935; *Boeries, Freiherr von Muenchhausen*. Das Kgl. Saechsische Garde-Reiter-Regiment von 1880 bis 1918. Dresden, 1926; *Brederlow T. von*. Geschichte des 1. Garde-Reserve-Regiments. Berlin, 1929; *Clausius*. Infanterie-Regiment von Wittich (3. Kurhessisches) Nr. 83. Oldenburg-Berlin, 1926; *Fleck P.* Das Kgl. Saechsische 1. Uhlanen-Regiment Nr. 17. Dresden, 1927;

Franz. Geschichte des Kgl. Preussischen 8. Westpreussischen Infanterie-Regiments Nr. 175. Graudenz, 1922; *Gaedecke A.* Garde-Reserve-Jaeger-Bataillon. Berlin, 1937; *Galkwitz M. von*. Meine Fuerertaetigkeit im Weltkriege 1914/1916. Belgien-Osten-Balkan. Bd. 1. Berlin, 1929; Geschichte des 1. Ermlaendischen Infanterie-Regiment Nr. 150. Theil 1. Zeulenroda, 1932; *Gruen E., Hechler P.* Das preussische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 6 im Weltkriege 1914–18. Glogau-Breslau, 1937; *Hartmann A. von*. Das Infanterie-Regiment Grossherzog von Sachsen (5. Thueringisches) Nr. 94 im Weltkrieg. Berlin, 1921; *Herrfahrdt H., Gessler E.* Koeniglich Preussisches Landwehr-Infanterie-Regiment Koenig Wilhelm II. von Preussen. Oldenburg-Berlin, 1924; *Heye W.* Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/1918. Bd. 1. Breslau, 1934; *Hoepffner H.* Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 72 im Weltkriege. Oldenburg-Berlin, 1923; *Jahn W.* Das Kgl. Saechsische Karabinier-Regiment. Dresden, 1924; Keiser von. Geschichte des Infanterie-Regiments von der Marwitz Nr. 61 im Weltkriege 1914–1918. Oldenburg-Berlin, 1922; *Klimpel K.* Kriegsgeschichte des Garde-Reserve-Schuetzen-Bataillons. Berlin, 1926; Kriegsgeschichte des Kgl. Preussischen Infanterie-Regiments von Borcke Nr. 21. Zeulenroda. 1931; Kriegsgeschichte des Kgl. Preuss. 6. Thueringischen Infanterie-Regiments Nr. 95 1914–1918. Zeulenroda, 1935; *Luepke F.* Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 46. O. O. 1936 (Handschrift); *Muelmann P. von*. Geschichte des Lehr-Infanterie-Regiments und seiner Stammformationen. Zeulenroda, 1935; *Nebe H.* Das Kgl. Preussisches Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 47 im Weltkriege. Bd. 1. Oldenburg-Berlin, 1926; *Pfister F.* Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 37. Oldenburg-Berlin, 1928; *Planitz, Edler von der*. Das Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 10 im Weltkriege. Breslau, 1930; *Pollmer A., Thenius W.* Das Saechsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 107 im Grossen Kriege 1914–1919. Plauen, 1930; *Ponath G.* Die geschichte des 5. Westpreussisches Infanterie-Regiments Nr. 148. Breslau, 1934; *Preussler W.* Das 9. Westpreussische Infanterie-Regiment Nr. 176 im Weltkrieg. Berlin, 1931; *Reichert W.* Das Infanterie-Regiment Freiherr Hiller von Gaetringen (4. Posensches) Nr. 59 im Weltkriege 1914–1918. Bd. 1. Berlin, 1930; *Richter W.* Das Danziger Infanterie-Regiment Nr. 128. Theil 1. Zeulenroda, 1931; *Romstedt M.* Das Kgl. Saechsische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 133. Dresden, 1924; *Schmidt G.* 2. Kurhessisches Infanterie-Regiment Nr. 82. Oldenburg-Berlin, 1922; *Schoening A.* Unser Regiment im Weltkriege: Kriegsberichte des 3. Thueringischen Infanterie-Regiments Nr. 71. Erfurt, 1925; *Schulemann E.* Das Kulmer Infanterie-Regiment Nr. 141 im Weltkriege. Oldenburg-Berlin, 1926; *Schulenburg-Wolfsburg K.* Grafen von. Geschichte des Garde-Fuesliier-Regiments. Oldenburg-Berlin, 1926; *Seebohm W.* Geschichte des 1. Oberelsaessischen Infanterie-Regiments Nr. 167. Jena, 1932; *Seidel K.* Geschichte des 2. Garde-Reserve-Infanterie-Regiments. Berlin, 1926; *Seydel A.* Das Grenadier-Regiment Koenig Friedrich I. (4. Ostpreussisches) Nr. 5 im Weltkriege. Oldenburg-Berlin, 1926; *Siebert H.* Geschichte des Infanterie-Regiments Generalfeldmarschalls von Hindenburg (2. Masurisches) Nr. 147 im Weltkriege. Oldenburg-Berlin, 1927; *Sievers A. R. I. R.* 93: Geschichte eines Regiments im Weltkriege. Wilster in Holstein, 1934; *Soa A.* Das

в 8-й армии убит один командир полка и ранено два, в 9-й армии ранено два командира полка и убит командир ландверной бригады. Начальники более высокого ранга не пострадали.

Австро-венгерские армии Северного фронта понесли гораздо больший урон, и не только в силу большей численности и занятости в операции. Более того, они испытывали те же трудности, что и русские войска. Прежде всего, речь идет о большом количестве отставших от частей солдат. В начале октября в тыловом районе таких было задержано свыше 20 тыс. Также беспокоило австро-венгерское командование членовредительство и «добровольная» сдача в плен.

Уже на завершающем этапе Галицийской битвы выяснилось, что при отступлении потери отставшими сильно увеличиваются. Приказом Армейского главнокомандования от 1 октября 1914 г. № 869 устанавливалось наказание в виде предания полевому суду для мародеров, отставших от частей, самострельщиков и других членовредителей. Все они объявлялись клятвопреступниками. Также суду предавались оставившие самовольно строй (в том числе позиции), утратившие оружие, снаряжение и обмундирование⁴³. На всех пропавших без вести в Военное министерство подавались персональные особые списки с указанием их адресов проживания до войны, вероисповедания, состава семьи и политической благонадежности.

В развернувшихся боях у Пшемысля, Самбора, на Сане и в Буковине зачастую командирам приходилось прибегать к усиленной

preussische Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 7 im Weltkrieg 1914–18. Coburg, 1923; *Steuer J.* Das Infanterie-Regiment Generalfeldmarschall von Mackensen (3. Westpreussisches) Nr. 129 im Weltkrieg. Oldenburg-Berlin, 1927; *Stosch A. von.* Das Garde-Grenadier-Regiment Nr. 5. 1897–1918. Oldenburg-Berlin, 1925; *Stosch A. von.* Das Koeniglich Preussische 5. Garde- Regiment zu Fuss 1897–1918. Berlin, 1930; *Strecker K.* Das Deutsch-Orden-Infanterie-Regiment Nr. 152 im Weltkrieg. Berlin, 1933; *Thenius W.* Ehrenbuch des Saechsischen Landwehr-Infanterie-Reg. Nr. 107. Plauen, 1922; *Voigt G.* Deutschlands Heere bis 1918. Bd. 1-11. Osnabrueck, 1981–1992; *Voigt Ju.* Das Garde-Reserve-Infanterie-Regiment Nr. 64 im Weltkrieg. Oldenburg-Berlin, 1925; *Zedlitz-und-Neukirch, Freiherr von.* Kriegererinnerungen des Landwehr-Infanterie-Regiments 38 vom Kriegsbeginn bis Anfang. November 1914. Glatz, 1929; *Zinzow P. von.* Kgl. Preussisches Landwehr-Infanterie-Regiment Nr. 9. Oldenburg-Berlin, 1930; *Zipfel E.* Geschichte des Dragoner-Regiments Koenig Albert von Sachsen Nr. 10. Zeulenroda, 1933.

⁴³ Oesterreichische Staatsarchv — Kriegsarchiv. Neue Feldakten (KA-NFA). 3. Infanterie-Division. Faszickel 145. Op. A. 869 (1.10.1914).

агитации личного состава. Так, 25 октября в приказе по подчиненной боевой группе полковник О. Херцманьски объявлял офицерам: «Солдат надо учить, что позицию они должны удерживать до последнего человека. Если позиция будет удержана, то война в кратчайшее время закончится, а не будет, то и война продлится много месяцев»⁴⁴.

Большие потери австро-венгерских войск прежде всего были вызваны низким уровнем обучения солдат, призванных пополнить ряды «северных армий» после поражения в Галицийской битве. Пополнение едва было обучено стрельбе и строевой подготовке, не имело представления о современной войне и ее особенностях. Другой бедой было вооружение. Почти вся группа генерала от кавалерии К. фон Пфлянцир-Бальтина, созданная к середине октября 1914 г. для обороны Буковины и Трансильвании, была вооружена однозарядными винтовками системы Верндля. На осень 1914 г. пришелся в Австро-Венгрии и кризис производства боеприпасов для полевой артиллерии. Большинство легких батарей имели ограниченный запас снарядов и не могли в должной мере поддерживать пехоту при атаке и обороне. Все эти факторы вели к увеличению потерь.

Серьезные нарекания вызывали действия полковых и бригадных командиров. Так, форсирование русскими войсками реки Сан у Высоцко, на участке IX корпуса, когда в плен попало свыше тысячи солдат с офицерами, привело к гневному приказу командующего 3-й армией генерала от кавалерии С. Боровича: «Я спрашиваю себя: где были генералы, где полковые командиры корпуса во время столь непостижимых событий?! Вместо того, чтобы направить единую энергичную атаку против форсировавших, которая сразу же имела бы катастрофические для них последствия, три дня были только слабые попытки наступать, которые конечно не привели к успеху. Силы противника день ото дня росли, шансы атаки на успех убывали, и настал момент, когда одна русская дивизия, находившаяся в невыгодном положении и по каплям переходившая через Сан, приковала к себе две австрийские»⁴⁵.

Учетом потерь в австро-венгерской армии занимались несколько структур: Военно-статистическое бюро Армейского главнокомандо-

⁴⁴ *Sichelstiefel A. Geschichte des K. K. Schuetzenregimentes Wien. Nr. 24. Wien, 1928. S. 35.*

⁴⁵ КА-NFA. 9. Korps. Karton 1099. Оп. А. 1473 (22.10.1914).

вания, Общее центральное справочное бюро Этапного командования Квартирмейстерской службы, X отдел Военного министерства Австрии и Военное министерство Венгрии. На местах потери отражались в подаваемых командирами полков и отдельных частей боевых реляциях (суммарно), в ежедневных донесениях о положении (на практике — крайне редко и необязательно), в 10-дневных утренних рапортах о численности и боевом составе, в именных списках потерь. Последние подавались в Военное министерство с большим запозданием. Так, некоторые такие списки за август 1914 г. датированы январем-февралем 1915 г., а за октябрь 1914 — даже апрелем 1915!

Немудрено, что Армейское главнокомандование не имело достаточно полной и достоверной информации о потерях своих войск, ориентировалось по разнице между штатной и действительной численностью войск, что не могло не сказаться на планировании операций и эффективности пополнения.

Так, по данным Военного министерства, потери Императорско-королевских вооруженных сил к ноябрю 1914 г. составили: убито 2131 офицер и 23760 солдат, ранено 7160 офицеров и 145834 солдат, пропало без вести и пленено 2024 офицера и 118137 солдат, всего 299050 человек⁴⁶. Военно-статистическое бюро оценивало потери убитыми за октябрь и первую декаду ноября в 750 офицеров и 12709 солдат. По данным же, собранным офицерами Квартирмейстерской службы к лету 1918 г., общие потери только в октябре 1914 г. достигали 209 тыс. человек: 810 офицеров и 28260 солдат убито, 1905 офицеров и 94650 солдат ранено, 895 офицеров и 82300 солдат попало в плен или пропало без вести⁴⁷.

Налицо были существенные расхождения, вызванные неполнотой информации и ее нерегулярным и запоздалым поступлением. Работая в Военном архиве Австрии с именными списками потерь австро-венгерских частей, я пришел к выводу, который полностью подтвердился: эти списки в X отделе Военного министерства откладывались

⁴⁶ KA-Ms/1Wk A/9 (Manuskripte/ 1. Weltkrieg). Obst. Wlaschuetz. Statistische Uebersicht der Verluste im Weltkrieg bis Juni 1918. S. 8. Во время войны автор рукописи возглавлял Военно-статистическое бюро.

⁴⁷ KA-NFA. AOK. Etappenkommando bzw. der Quartiermeisterabteilung. Statische Daten ueber Verluste, bearbeitet im Kriegsstatistischen Buro, dem GZNB und der Abteilung 10 im Kriegsministerium. Karton 2259. Tabelle: Gemeine Verluste erstes Kriegsjahres — Nordfront.

в массивах того года, в котором они поступили. Таким образом, многие списки за октябрь-ноябрь 1914 г. (да и за более ранний период) я обнаружил в документах за 1915 г. Результаты обработки данных этих списков, а также перечисленных выше других видов боевых и строевых отчетов, дали, на мой взгляд, более реальный результат, отраженный в таблице. Здесь, конечно, возможен некоторый двойной учет, когда невозможно было вычленивать потери отдельных частей (полков, батальонов) из общих потерь дивизий, но он позволяет не принимать во внимание полное отсутствие данных по четырем полкам. Количество офицеров при этом подсчете несколько меньше, но это вызвано тем, что в списках не всегда они отмечены; соответственно они все равно учтены среди солдат.

Потери австро-венгерских армий Северного фронта в боях 20 сентября – 24 октября (3 октября – 6 ноября) 1914 г. по данным боевых реляций, утренних рапортов о состоянии войск и именованным спискам потерь⁴⁸

Армия, группа	Офицеры/ солдаты	Убитые, умершие от ран	Раненые, контузенные	Пропавшие без вести, пленные	ВСЕГО
1-я армия	офицеры	108	340	158	606
	солдаты	3858	20091	28798	52747
4-я армия	офицеры	136	256	45	437
	солдаты	6802	24094	14667	45563
3-я армия	офицеры	162	485	95	742
	солдаты	6403	20949	20679	48031
2-я армия	офицеры	215	416	100	731
	солдаты	6052	22314	23393	51759
Армейская группа Пфлянциер-Бальтина	офицеры	21	34	34	89
	солдаты	894	3549	5094	9557
Крепость Пшемьсль	офицеры	10	30	4	44
	солдаты	533	2330	1071	3934
ИТОГО	офицеры	652	1561	436	2649
	солдаты	24542	93327	93702	211571

Итак, потери австро-венгерских войск в октябрьских боях превышают 214 тыс. человек, в том числе безвозвратные – 119,4 тыс., или 55,8%. Они существенно выше, чем потери противостоявших им

⁴⁸ Подсчитано по: КА-AdT. Gefechtsberichte. Kartone 1794–1797, 1802, 1807, 1813–1815, 1818, 1821–1832, 1836, 1838, 1840–1868; КА-VL (Verlustlisten) 1914. Kartone 123; VL 1915. Kartone 24–86.

русских армий (3-й, 8-й, 9-й, 11-й и половины 4-й). Урон командного состава в австро-венгерских войсках также был существен. Командир 32-й пехотной дивизии фельдмаршал-лейтенант Л. Гойгингер отмечал в рапорте в штаб 2-й армии: «Потери в офицерах ужасающие, ротами командуют прапорщики, и этот недостаток офицеров особенно ведет к падению надзора за личным составом. Состав полков тает день ото дня, не столько от боев и болезней (свищепствовала эпидемия холеры. — *С.Н.*), сколько от бездельников и самострельщиков, бегущих с фронта. Легко раненные и больные офицеры и солдаты, в большом количестве эвакуированные в тыл, по большей части не возвращаются обратно»⁴⁹. Но среди начальствующих лиц урон был невелик: убиты командир бригады и командир полка (оба во 2-й армии), ранено три командира полка (по одному в 1-й, 2-й и 4-й армиях).

В целом урон австро-венгерских войск в операции был гораздо тяжелее, чем потери германского Восточного фронта. Соответственно поэтому германские армии оказались способны на активные действия вплоть до конца 1914 г., хотя и не столь широким фронтом, а австро-венгерские войска еле остановили русский натиск у Кракова и в Бескидах и только в декабре смогли перейти в наступление с весьма ограниченным результатом. Русское же верховное командование не вняло мнению М. В. Алексева и продолжило активные операции, которые до конца 1914 г. не принесли решающего успеха и снова были сопряжены с тяжелыми потерями, заставившими уже в середине ноября запланировать внеочередной призыв более молодых возрастов военнообязанных и более старых — ратников ополчения.

Участники боев с обеих сторон высоко оценивали приобретенный боевой опыт, самопожертвование и стойкость солдат. «25-дневное сражение является поучительным, интереснейшим и кровавейшим боевым эпизодом кампании, которая для войск и командиров стала величайшим испытанием по длительности, упорству и мужеству», — отмечал Л. Гойгингер спустя несколько месяцев после окончания «октябрьских боев»⁵⁰. Подобные оценки встречаем мы и с русской, и с германской стороны.

⁴⁹ KA-AdTK. Gefechtsberichte. Karton 1813. Gefechtsbericht der 32. ITD bei Starasol 10. 10.–6. 11. 14. Beilage 110. Op. A. 82/8 (21.10.1914).

⁵⁰ Ibid. Beilage 31 (3. Feber 1915).

Малая изученность событий октября 1914 г. на русском фронте Первой мировой войны в отечественной историографии должна и может быть преодолена обращением ко всему разнообразию исторических источников той эпохи. И изучение вопроса о потерях сторон, до сей поры бывшего белым пятном как для историков России, так и для историков Австрии, Венгрии и Германии, является в данном случае посильным вкладом в разработку важной научной проблемы.

Я выражаю искреннюю и глубокую признательность сотрудникам Российского государственного военно-исторического архива за их самоотверженный труд, без которого не было бы ни этой статьи, ни многих и многих трудов по военной истории нашей Родины.

*Н. Д. Постников,
кандидат исторических наук, доцент Российского государственного
университета туризма и сервиса (РГУТиС)*

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ЮРЬЕВСКОГО ПОЛКА

Аннотация. В статье рассказывается об одном из эпизодов «сражения на четырех реках», боях на реке Равке в январе — начале февраля 1915 г. за ключевые пункты русской обороны Гумин и Волю Шидловскую. О мужестве и героизме солдат и офицеров 98-го пехотного Юрьевского полка, которые погибли под Гумином, но не пропустили врага.

Ключевые слова: Юрьевский полк, Равка, Гумин, Воля Шидловская, мужество, героизм.

N. D. Postnikov

THE LAST BATTLE OF THE YUR'EVSKY REGIMENT

Summary: The article is devoted to the courage and heroism of the soldiers and officers of 98th Yurievsky Infantry Regiment who stopped the enemy during the fights for Gumin and Wolja Shydłowska, key points of the Russian Defense, in January — early February 1915. This episode is known as a part of the Battle of the four rivers.

Keywords: Yurievsky regiment, Rawka, Gumin, Wolja Shydłowska, courage, heroism.

Великие нации не должны забывать о своем прошлом.

*Посвящается памяти всех русских
солдат, павших в боях на реке Равке.*

В центральной Польше вдоль правого течения неширокой реки Равки лежат деревни Болимов, Гумин, Могелы, Воля Шидловская. Начиная с декабря 1914 г. на этом небольшом участке земли проходили беспримерные по своей ожесточенности тяжелые кровопролитные бои между русскими и немецкими войсками. Здесь и сегодня у небольших польских деревень следы Первой мировой войны живо напоминают о себе, порой грозя смертельной опасностью. В январе 1915 г. немцы, пытаясь прорвать на этом участке фронт 2-й русской армии, обрушили на русские позиции 18 тысяч снарядов¹ с отравляющим веществом

¹ Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914–1918. Die militärischen Operationen zu Lande Bd. 7. Die Operationen des Jahres 1915. S. 166.

(ксилилбромидом). Польская земля до сих пор хранит множество неразорвавшихся тогда снарядов со смертельной начинкой. Еле угадываемые заросшие траншеи и разрушенные землянки, как плохо затянувшиеся шрамы далекой войны, все еще проходят по несуществующей уже столетней линии обороны. Каждую весну, когда сходит снег, здесь из земли вымываются человеческие останки. Останки павших воинов, которые выполнили свой долг до конца, погибли, но так и не обрели вечного покоя. Проржавевшие химические снаряды не дают похоронить их достойно. Слишком опасно вести раскопки в этих местах. Поэтому-то этот район вдоль реки Равки не обжит и объявлен заповедной зоной. А обнаруженные останки русских воинов предаются земле и по сей день².

Лодзинская операция, длившаяся до начала декабря 1914 г. и ставшая одним из крупнейших сражений 1914 г., закончилась тактической ничьей. Однако стратегический перевес оказался на стороне германского командования. Наступление 9-й немецкой армии сорвало планы русской Ставки по вторжению в Германию. После Лодзинской операции русские войска были вынуждены оставить Лодзь и Лович и отступить на восток на линию рек Бзура и Равка.

Продолжая владеть военно-стратегической инициативой, верховное германское командование стало готовить новую наступательную операцию в Восточной Пруссии с целью окружения и уничтожения 10-й русской армии³.

Чтобы создать подавляющее преимущество на направлении главного удара, германское командование решило провести отвлекающую операцию⁴ в самом центре русской обороны в Польше, начав наступление в районе реки Равки и левого притока Вислы Бзуры, обозначив, таким образом, удар на Варшаву. Германское командование подошло к этому наступлению со всей основательностью. На направлении главного удара в районе рек Бзуры и Равки была создана крупная группировка, включавшая в свой состав шесть корпусов⁵, которым противостояло первоначально только два корпуса русской армии⁶.

² Автор благодарит за предоставленные сведения Михала Ягелло (Польша).

³ *Гофман М.* Война упущенных возможностей. М.; Л., 1925. С. 67–70.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ 17-й армейский, 1-й резервный, 2-й армейский, 25-й резервный, 20-й и 11-й армейские корпуса (см.: *Керсновский А.А.* История русской армии : в 4 т. / публ. В. Хлодовского ; коммент. С. Нелиповича. Т. 3. М. : Голос, 1994).

⁶ II Сибирский и VI армейский корпуса 2-й армии (см.: *Керсновский А. А.* Указ. соч.).

На этом участке фронта протяженностью в несколько десятков километров, начиная с декабря 1914 г., развернулось яростное сражение за Бзуру и Равку, ставшее составной частью битвы на четырех реках. Это один из многих почти неизвестных эпизодов Первой мировой войны на Восточном фронте. В ходе этих боев немцы в течение нескольких месяцев предпринимали безуспешные массированные фронтальные атаки, целью которых был прорыв русских позиций. Военные действия здесь приобрели особенно ожесточенный характер. Как с русской, так и с немецкой стороны в этой кровавой боине погибли десятки тысяч людей, и их трупы покрыли поля сражений. Свидетельства очевидцев тех боев потрясают. В своих письмах они писали: «Немцы несут колоссальные потери, — что-то ужасное. 5-го декабря решили выбить наш 7-й полк, но все атаки были отбиты, так как на этом участке 7-й полк продвинулся на 500 шагов, было насчитано более 4 тыс. [яч] (немецких. — *Н.П.*) трупов. В атаки ходили густыми цепями, их (немцев. — *Н.П.*) подпускают на 200–300 шагов и лупят из пулеметов»⁷.

«В некоторых местах наши окопы подходят к немецким шагов на 150–200, — писал с передовой неизвестный, — так что буквально нельзя высунуть голову, ибо сейчас же начинают свистеть пули. Наши окопы находятся по одну сторону Бзуры, немецкие — по другую. Мы обороняем мост. Вчера немцы хотели переправиться на нашу сторону, но, подпустив их до половину моста, мы открыли такой адский огонь, что немцы должны были сломя голову бежать. На мосту были навалены буквально горы трупов. Сегодня они опять хотели или переправиться, или убрать трупы. Наша артиллерия своим метким огнем в момент очистила мост от красномордых колбасников. Правее нас они, во что бы то ни стало, хотели переправиться. Бросились в брод по горло в воде, но наши пулеметчики и стрелки не дали им дойти и до половины. После боя, говорят, вода в реке порозовела. Да так и должно быть, так как их тут положено было не менее 5–6 тысяч»⁸.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 478. Выписка из письма, с подписью: «Петя», Сохачёв, от 11 декабря 1914 г., к Его Прев-[осходительств]у Ф. Г. Неключеву в Полтаву.

⁸ *Постников Н.Д.* Письма с фронта забытой войны // Политическое просвещение. 2013. № 3 (74). С. 138. Выписка из письма с подписью: «твой Витя», действующая армия, от 10 декабря 1914 г., к полковнику И.И. Сокольскому в Гомель.

Об этих же декабрьских боях за Бзуру пораженный увиденным английский наблюдатель при русской армии, военный атташе Великобритании А. У. Фортеस्कью Нокс написал: «Бой за обладание Бзурой — отчаянная, бесконечная борьба. 4 дня колеблющегося сражения не прекратило дальнейшего давления большей части немецких сил на угол, образуемой Бзурой, Равой⁹ с Пилицей¹⁰. Атаки и контратаки не прекращались ни днем, ни ночью. Сверхлюди действительно представляются эти перволинейные солдаты, бросающиеся вперед и назад при отбитии и атаке. Как на Изере¹¹, немцы, кажется, поставили на карту все для перехода Бзуры. Подобно тому, как они направляли свой отчаянный удар на Калэ¹², так теперь они жертвуют дивизией за дивизией при натиске на Варшаву. Под покровом ночи они перебрасывают понтонный мост через реку, но когда их войска появляются на крутых берегах желтоватого ручья, русский орудийный огонь сметает их до тла. Лодки плавучих мостов втаскиваются на берег удалыми русскими. Вдоль очертания рек два ряда параллельных окопов (на одном берегу немецких, а на другом русских) тянутся непрерывно к северу и югу. Из этих окопов солдаты поддерживают почти непрерывающийся огонь день и ночь. К югу от Сохачева¹³ русские позволили немцам перейти ночью реку¹⁴, пока 15 000 их не очутилось на восточном берегу. Тогда один из наших корпусов сомкнулся с трех сторон неприятеля. Окруженная дивизия сражалась с отчаянием осужденных на смерть. <...> Берег ручья

⁹ Рава — уездный город Петроковской губернии. Современный город Рава-Мазовецкая находится в Польше.

¹⁰ Река Пилица — левый приток Вислы.

¹¹ Река Изер — протекает по территории Бельгии и Франции, впадает в Северное море. Автор письма имеет в виду «Битву на Изере», произошедшую 16–31 октября 1914 г. между франко-бельгийскими и германскими войсками.

¹² Армейский переводчик неправильно перевел название пролива Па-де-Кале. Автор письма, видимо, сравнивает ожесточенность боев за Бзуру и Равку с Фландрским сражением (18 октября — 17 ноября 1914) между союзниками (английскими, бельгийскими и французскими войсками) и германской армией за обладание французскими портами на берегу пролива Па-де-Кале (Дуврский пролив).

¹³ Сохачев — уездный город Варшавской губернии. Современный город Сохачев находится в Польше.

¹⁴ Имеется в виду река Бзура, на которой стоит город Сохачев.

имел вид скотобойни. Жалкие остатки пробились обратно на немецкую сторону реки»¹⁵.

Сами русские солдаты, учувствовавшие в тех боях, с внутренним содроганием и с замиранием сердца вспоминали в своих письмах домой об их нечеловеческой жестокости. «Мы сидели в окопах и отражали атаки немцев, но ближе 400 шагов они не подходили, а поворачивались назад и уходили. 4 раза они подходили к нашим окопам (ясно можно было рассмотреть лицо), но не выдерживали нашего огня и поворачивались назад. <...>Ну и наложили их тогда проклятых! Шли они молча, без выстрела, стеной. Подпускали мы их близко на самый верный выстрел и открывали ужасный огонь. Передние валились как скошенные, а задние поворачивались и уходили. Мороз драл по коже и волосы у нас на голове становились дыбом. Я думаю, что мы с Сазоновым и вахмистром отправили тогда на тот свет порядочно немцев. Уж больно близко они подходили. Лица у них бледные, когда шли на нас. Жутко было. Сохрани Бог быть там в другой раз!»¹⁶

И нет ни чего удивительного и более объяснимо страшного, что временами за один день погибали целые полки. «Должен тебе сообщить печальную новость. Погиб весь полк, — написал в своем письме из действующей армии 9 декабря 1914 г. некто Николай. — Только и спаслись мы и кто в обозе. Это произошло 6-го декабря, 2-й батальон погиб почти весь в огне, а из остальных батальонов те, кто остались в живых, попали в плен. Командир был при 7-ой роте, т. е. во 2-ом батальоне, и тоже, вероятно, погиб. <...> Вот уже второй день ищем, и никого из Духовщинцев¹⁷ нигде найти нельзя. Даже нет никаких раненых, от которых можно было бы что-нибудь узнать. Все остались в огне и у немцев. Понимаешь, ни души. Как в воду канул целый полк»¹⁸.

¹⁵ *Постников Н. Д.* Указ. соч. С. 137. Выписка из письма А. У. Фортескью Нокса, Варшава, 11 декабря 1914 г., к Е. Вилькоксу в Петроград, Невский, 28. Пер. с англ.

¹⁶ Там же. С. 138. Выписка из письма без подписи. Из действующей армии, без обозначения числа. К Зинаиде Михайловне Туровой в Новочеркасск, Мариинская, 15 (исходящий Варшава. Входящий № 6739 20 декабря 1914 г. Петроград) (6-я сотня 2-го Донского казачьего Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка).

¹⁷ Духовщинцы — название солдат и офицеров 267-го пехотного Духовщинского полка.

¹⁸ *Постников Н. Д.* Указ. соч. С. 139.

В этом смертельном вихре противостояния немцы диктовали свои условия. Решив прорвать фронт, германское командование определило направление главного удара на Бзуре и Равке. Здесь в декабре 1914 — январе 1915 г. немцы провели несколько массированных атак. Прорыв немецких войск на этом направлении грозил потерей русскими войсками Варшавы, до которой по прямой было не более 60 километров. Ожесточение битвы, в которой никто не хотел уступать, огромные потери с обеих сторон в боевом составе частей, необходимость удерживать Польшу как стратегический плацдарм заставляли русское командование усиливать свою военную группировку на этом направлении и сосредоточить для отпора немецкого наступления значительные силы. В результате германским командующим на востоке Гинденбургу и Людендорфу удалось добиться поставленной задачи и навязать свою волю русскому командованию¹⁹. Немецкое наступление на Бзуре и Равке вынудило начать переброску части сил из Восточной Пруссии в Польшу²⁰. В середине декабря 1914 г. в Польшу прибыла 25-я пехотная дивизия²¹. Она приняла участие в боях под Бо-

¹⁹ Оценка итогов германской наступательной операции на Равке дана на страницах немецкого официоза по истории Первой мировой войны «Der Weltkrieg 1914 bis 1918»: «В оперативном отношении мощное немецкое наступление на Равке являлось победой, в том числе и из-за привлечения русским командованием значительных резервов для удержания фронта, что было на пользу грядущим битвам в Восточной Пруссии». (См.: Reichsarchiv. S. 167.)

²⁰ Главной целью Верховного главнокомандования германской армии на Востоке было стремление «отвлечь противника с фронта в Восточной Пруссии и не дать ему перебросить войска с участка 9 армии в Восточную Пруссию». (См.: Reichsarchiv. S. 165.) Более того, чтобы усилить группировку своих войск в Восточной Пруссии, где Гинденбург и Людендорф планировали наступление, из состава 9-й армии Макезена в Восточную Пруссию началась переброска частей. Так, 14/27 января 1915 г. было принято решение передислоцировать в Восточную Пруссию в состав 8-й армии Гвардейский резервный корпус. (См.: Reichsarchiv. S. 165.) В целом из состава 9-й немецкой армии «с 1 января до начала февраля было переброшено шесть пехотных и две кавалерийские дивизии для использования на других театрах военных действий». (См.: Reichsarchiv. S. 167.)

²¹ Состав 25-й пехотной дивизии: 1-я бригада — 97-й пехотный Лифляндский генерал-фельдмаршала графа Шереметева полк, 98-й пехотный Юрьевский полк. 2-я бригада — 99-й пехотный Ивангородский полк, 100-й пехотный Островский полк, 25-я артиллерийская бригада.

лимовым, которые получили название «Болимовский мешок», в котором суждено было лечь в землю многим солдатам и офицерам 98-го пехотного Юрьевского полка. На страницах этого повествования будет рассказано о последнем бое полка у сегодня никому неизвестной в России маленькой польской деревни Гумин.

В ночь на 15/28 января 1915 г. 1-я бригада 25-й пехотной дивизии сменила 3 полка 55-й пехотной дивизии южнее деревни Гумин²², на «фронте протяжением 3½ версты»²³. 98-й пехотный Юрьевский полк в составе 3 батальонов (1915 солдат, 28 офицер, 7 пулеметов)²⁴, занял окопы 219-го Котельнического и 15-го Шлиссельбургского пехотного полков. Правее, прикрывая фланг юрьевцев, расположился 97-й Лифляндский пехотный полк²⁵. На следующий день 16/29 января из штаба 6-го армейского корпуса пришло сообщение, что немцы готовятся перейти «в общее наступление в ближайшее время»²⁶. Это была верная информация. Более того, местом главного прорыва германское командование наметило неширокую полосу фронта, занимавшую пять с половиной-шесть километров и проходившую по линии населенных пунктов Могелы—Гумин—Воля Шидловская²⁷. Здесь немцы сформировали ударную группировку в составе XVII, I резервного корпусов и 4-й пехотной дивизии²⁸, сосредоточив на этом участке около 100 артиллерийских батарей²⁹. Всей этой мощи должен был противостоять только один 6-й

²² РГВИА. Ф. 2190. Оп. 1. Д. 53. Л. 11об.

²³ Там же. Ф. 2355. Оп. 2. Д. 483. Л. 257.

²⁴ Там же. Ф. 2355. Оп. 2. Д. 483. Л. 16об. Личный состав полка дан на 15 января 1915 г.

²⁵ Там же. Д. 479. Л. 59об.

²⁶ Там же. Ф. 2190. Оп. 1. Д. 57. Л. 7об.

²⁷ Reichsarchiv. S. 164.

²⁸ Ibid.

²⁹ На линии немецкого наступления (в районе Болимова) находилось около 100 немецких батарей (из них около 40 батарей тяжёлой артиллерии) числом в 500 орудий, из них 150 тяжелых. (См.: Reichsarchiv. S. 166; *Rozdźestwieński P. M. Bitwa nad Rawką i Vzurą 1915*: Электронный ресурс: режим доступа: URL: http://www.bolimow1915.dobroni.pl/media/grh_bolimow-1915_1861_756_352.html. Последнее обращение 17. 01. 2014 г.), в том числе 2 австрийские 30 ½ сантиметровые мортиры. (См.: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 38. Л. 273).

Кроме того, у немецких передовых частей, атаковавших русскую линию обороны, на вооружении находились минометы и агнеметы. В сводке сведений по 2-й армии о противнике от 16 января 1915 г. записано, что на участке фронта у Гумина противник имеет «минометометатели, бросающие на 60 метров мины весом

армейский корпус³⁰. Именно здесь у Гумина 15/28 января 1915 г. занял оборону 98-й пехотный Юрьевский полк. И никто из офицеров и солдат полка в тот день еще не знал, и не мог знать, что именно им всего лишь через двое суток придется принять на себя главный удар — удар страшной силы начавшегося немецкого наступления, запланированного германским командованием на 18/31 января 1915 г.³¹, и что проведенная смена частей на передовой по сути уже разделила всех их, оставшихся на позициях и ушедших в тыл, на живых и убитых.

17/30 января «в начале десятого часа утра»³² немцы, и так постоянно обстреливавшие русские позиции в этом секторе³³, начали массивно-

3 ½ пуда». (См.: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 38. Л. 186об.), что представляло собой значительную ударную силу, так как временами окопы немцев находились не далее 45–50 шагов от русских траншей. (См.: РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 67.)

В сводке от 18 января 1915 г. отмечено: «Во время последних боев при отбитии атак немцы впервые применили особый прибор *Flammenspucker*, который наши окрестили огненными языками, прибор этот выбрасывает струю горящего масла, образующую огненный язык длиной до 3 сажень». (См.: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 38. Л. 237.)

В то время как на 19 января / 1 февраля 1915 г. в 6-м армейском корпусе на вооружении в разных частях состояло 159 орудий. По частям: 4-я пехотная дивизия — 36 орудий; 16-я пехотная дивизия — 29 орудий; 55-я пехотная дивизия — 36 орудий; 6-й мортирный дивизион — 10 орудий; 2-й дивизион 2-й тяжелой артиллерийской бригады — 12 орудий; 25-я пехотная дивизия — 36 орудий. (См.: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 38. Л. 257об.)

³⁰ На 19 января 1915 года в составе 6-го армейского корпуса насчитывалось 36920 человек. (См.: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 38. Л. 257об.—58.) При этом в данной росписи в состав корпуса не были включены 3-я, 13-я, 14-я Сибирские стрелковые дивизии, 59-я пехотная дивизия и 2-я бригада 25-й пехотной дивизии, поэтому численность корпуса к 20 января / 2 февраля 1915 г. была значительно больше.

³¹ Наступление было запланировано немецким командованием на 18/31 января 1915 г., а артиллерийская подготовка — на 17/30 января 1915 г. Командование 2-й армии знало дату немецкого наступления относительно точно. 16/29 января захваченные у Гумина пленные показали, «что ожидается общее наступление немцев после шестичасовой артиллерийской подготовки». (См.: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 38. Л. 186об.)

³² РГВИА. Ф. 2190. Оп. 1. Д. 53. Л. 13.

³³ Интенсивный обстрел русских позиций в этом секторе велся, начиная с декабря 1914 года, что приводило к значительным потерям с русской стороны. В описании боя Юрьевского полка в конце декабря 1914 года у фольварка Могелы командир полка В. А. Желтышев писал подтверждая этот факт: «Хотя

ванную артиллерийскую подготовку. Это было прелюдией готовящегося наступления. «Началось»³⁴, — пронеслось по окопам Юрьевского полка. И вскоре «отдельные выстрелы уже не были слышны, все слилось в один общий гул и рев»³⁵. Стало понятно, что враг «поставил себе целью разрушить до основания наши окопы и выбить нас, ворвавшись в них»³⁶, — написал в своих воспоминаниях об этом обстреле неизвестный прапорщик Юрьевского полка³⁷. Сотни солдат оказались под ударом артиллерии. Огненная стена взрывов утюжила окопы, кромсая линию обороны полка. От грохота не было слышно человеческого голоса³⁸. Время, казалось, остановилось вовсе. Русская артиллерия временами отвечала³⁹, но что она могла поделаться с превосходящей ее немецкой артиллерией. И тогда солдатам стало понятно, что им придется сражаться без поддержки артиллерии и погибнуть под артиллерийским обстрелом, не мстя врагу тем же⁴⁰. А что может быть хуже? У многих

фольварком Могелы полку овладеть и не удалось, тем не менее молодецкое наступление Юрьевцев <...> дало возможность утвердиться на занятом пространстве и прочно удерживать его за собою, вплоть до смены (в ночь с 4 на 5 января 1915 г.) 62 пех.[отным] Суздальским полком, невзирая на то, что на этой новой позиции полк всё время нес большие потери от артиллерийского и стрелкового огня противника. (См.: РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 125об.)

³⁴ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 78об.

³⁵ Там же. Л. 62.

³⁶ Там же. Л. 78об.

³⁷ Сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве воспоминания прапорщика 98-го пехотного Юрьевского полка имеют неразборчивую подпись. Возможно, фамилия прапорщика А. Ваненков. Автор надеется, что дальнейшие поиски в архиве позволят точно определить фамилию прапорщика.

³⁸ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 78.

³⁹ Там же. По «Сводке сведений о состоянии по артиллерийской части» 2-й армии от 15/28 января 1915 г. на орудие каждого калибра стоявшего на вооружении 6-го армейского корпуса приходилось следующее количество выстрелов (считая парк): легкое 3-дюймовое орудие — 212 выстрелов (в 25-й пехотной дивизии — 232 выстрела); 48-линейное орудие — 262 выстрела; 42-линейное орудие — 2 выстрела; 6-дюймовое орудие — 50 выстрелов. (См.: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 38. Л. 265.) Нехватка снарядов во 2-й армии сказалась еще в декабре 1914 г., когда был издан приказ о расходовании только трех снарядов в день на орудие. (См.: РГВИА. Ф. 2517. Оп. 2. Д. 188. Л. 141об.)

⁴⁰ Об этом гнетущем чувстве бессилия, вызывающем осознание того, что нет никакой возможности помочь солдатам, гибнущим на передовой от немецких

солдат не выдерживали нервы, прижавшись спиной к промерзлой земле окопа, они «молились Богу, <...>плакали, прося своих товарищей не оставлять их у своих врагов, а, отнеся в свои окопы или в окопы чужой роты, похоронить по-христиански, если будут убиты, а раненых снести на перевязочный пункт. Жуткое впечатление производило все это, действуя на нервы, — самому хотелось плакать и утешить каждого из них»⁴¹, — написал об этих ужасных мгновениях неизвестный прапорщик Юрьевского полка.

В какой-то момент этого все непрекращающегося обстрела наступила та невозможная минута, когда ноги у человека сами подгибаются от мучительного страха, а сердце подкатывает к горлу и колотится, как зверь, попавший в капкан. Мысли сбиваются, уходят куда-то далеко, и становится понятно, что уже невозможно ничего поделывать, когда вместе с огненным валом разрывов на тебя надвигается сама смерть. Именно эти чувства в те мгновения испытал неизвестный прапорщик Юрьевского полка, записав в своих воспоминаниях: «Солдаты, близко прижавшись, друг к другу сидели возле нас (офицеров — *Н.П.*), некоторые отползли дальше, думая этим спастись. <...>Наступила жуткая минута... Скрыться некуда, выстрелы чаще и разрывы ближе и ближе, будет что будет. <...>Все ждали только смерти. Солдаты собрались в кучу и прижались друг к другу»⁴².

снарядов, написал в своих воспоминаниях артиллерийский офицер, участник событий: «Почти у всех нас возникает такое чувство, будто мы виноваты в чем-то: наши дерутся, их сильно “расходуют”, а мы сидим и исполняем функции не то парка, не то могильщиков. Ходил в штаб корпуса и просил Алексеева (нач. штаба) поставить нас на позицию к своей бригаде. Получил ответ: “Ждите и не рвитесь, возьмут, когда будет нужно”». (См.: РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 91об.—92.)

Алексеев Михаил Павлович — генерал-майор. Начальник штаба 6-го армейского корпуса (16.11.1914–29.02.1916).

Так как немцы еще с декабря 1914 г. безнаказанно обстреливали русские позиции на этом участке фронта, то точно такие же чувства испытал командир батареи из состава 5-й Сибирской стрелковой дивизии, занимавший участок обороны у фольварка Могелы. В Журнале военных действий дивизии от 20 декабря 1914 г. записано: «Получено начальником штаба дивизии письмо от командира легкой батареи, в котором он описывает тяжелое положение нашей пехоты, обстреливаемой противником целый день, несущей потери, и наша артиллерия молчит, что рождает в стрелках подавленное состояние». (См.: РГВИА. Ф. 2517. Оп. 2. Д. 188. Л. 141об.—142.)

⁴¹ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 79.

⁴² Там же.

Только в 8-м часу вечера⁴³ немецкие орудия замолчали. Немецкая артиллерия сделала свое дело. Многие траншеи и блиндажи сравняло с землей, другие сильно пострадали. Потери полка были значительными⁴⁴. Немцы изготовились к атаке. Солдаты 49-й, 1-й резервных и 4-й, 36-й пехотных дивизий заняли передовые рубежи, чтобы на следующий день, согласно плану германского командования, нанести концентрированный удар по русским позициям в полосе фронта шириной не более пяти с половиной километров по линии Воля Шидловская — Боржимов⁴⁵. Между этими двумя деревнями, прямо по центру, в Гумине, находились позиции 98-го пехотного Юрьевского полка.

18/31 января 1915 г., в темноте морозного январского утра⁴⁶ позимнему медленно наступающего дня, в 7 часов 30 минут⁴⁷, немецкая артиллерия открыла безумный огонь по позициям Юрьевского и соседних полков⁴⁸. После почти трехчасовой сокрушительной артиллерийской подготовки⁴⁹ немцы поднялись из окопов и густыми цепями пошли в атаку. Цепь за цепью. Направив ее острие в стык между Юрьевским и Лифляндским полками. Они надвигались. Началось сражение за Гумин.

Немецкие наступающие цепи были встречены шквальным пулеметным и ружейным огнем. Пули сбивали с ног наступающих немцев. Первая цепь была «буквально скошена»⁵⁰ пулеметными очередями. Поднявшиеся за ними вторая и третья волны атакующих уже приближались к окопам Юрьевского и Лифляндского полков, когда их просто изрешетило пулеметным огнем. Все полегли.

Но за павшими, несмотря ни на какие потери, появились новые немецкие колонны и неустрашимо пошли в атаку прямо на пулеметы. Русская артиллерия открыла шрапнельный огонь по наступающим колоннам и они, не выдержав, дрогнули и начали отступать. Но ближние сильно поредевшие цепи местами всё же продолжали упорно идти

⁴³ РГВИА. Ф. 2190. Оп. 1. Д. 53. Л. 13.

⁴⁴ Там же. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 62.

⁴⁵ Reichsarchiv. S. 166.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 479. Л. 60.

⁴⁸ В артиллерийской подготовке участвовало около 100 немецких батарей из них около 40 батарей тяжелой артиллерии. (См.: Reichsarchiv. S. 166.)

⁴⁹ Reichsarchiv. S. 166.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 62об.

вперед. Роты Юрьевского полка бросились в контратаку. Прямо на линии окопов схлестнулись в рукопашном бою с остервеневшим до ожесточения врагом. И в это мгновение боя солдаты не думали ни о чем, они просто знали: если не убьешь ты, убьют тебя. Вот и вся правда. Русские отстояли свои позиции, но капитан Бородин и подпоручик Панов⁵¹, поднявшие в атаку своих солдат, пали в этом бою⁵². Первая атака немцев захлебнулась. И почти сразу за этим германская артиллерия опять открыла огонь по русским позициям. К часу дня обстрел прекратился и наступило затишье. В два часа дня неприятель пошел в атаку. Теперь немцы ударили в центр. Здесь до немецких окопов было шагов 150–200⁵³, и часть атакующих, несмотря на убийственный огонь, преодолев это расстояние, все же ворвались в окопы полка. «Произошла схватка врукопашную, в результате которой противник был переколот, оставшиеся же в живых 40 человек были взяты в плен»⁵⁴. Немцы отхлынули.

Несмотря на упорство и многочисленность атакующих, а также на понесенные ими потери, оказалось, что все прежние схватки были всего лишь прелюдией основных событий. Около 3 часов дня наступило время массивной атаки. Немцы пошли в решающее наступление «густыми цепями»⁵⁵ и широким фронтом на позиции Юрьевского и на прикрывающие его с флангов Лифляндский и Олонецкий полки. Кровопролитное сражение вспыхнуло с новой силой.

Шквальный огонь, открытый Юрьевским полком, остановил немцев и заставил их наступающие ряды упасть на землю. Казалось, атака «германца» захлебнулась, но, собрав значительные силы против окопов 7-й роты полка, до которых было ближе всего, немцы, как и часом ранее, выйдя из своих траншей плотной массой, бросились в атаку. Юрьевцы открыли огонь, и в те минуты боя вряд ли какая-либо из пуль пролетела мимо своей цели. Но наступавших было так много, что они, несмотря на потери, быстро преодолели пространство

⁵¹ За этот бой 18 января 1915 г. подпоручик Панов Михаил Павлович был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. (См.: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920: Библиографический справочник / отв. сост. В. М. Шабанов. М.: Русский мир, 2004. С. 682.)

⁵² РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 62об.

⁵³ Там же. Л. 63.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

в 80 шагов⁵⁶, отделявших их от линии обороны полка, и ворвались в окопы 7-й роты. Со всей жестокостью и остервенением вспыхнула рукопашная схватка, в которой не было места для раздумий, а действовали только инстинкт самосохранения и свирепая ярость выживания. В эти решительные моменты боя никто из юрьевцев не отступил, но немцы стали одолевать их своей численностью. Еще несколько минут — и всё было бы кончено. Понимая это, командир полка подполковник И. Г. Вагель направил на помощь 7-й роте 4-й батальон, стоявший в резерве⁵⁷. Подходящие роты батальона с ходу, не останавливаясь, забрасывая заполнивших ходы сообщения немцев гранатами, «бросились в штыки»⁵⁸. Немцы, не выдержав натиска, выскочили из окопов и в панике побежали. Юрьевцы перешли в контратаку. Разгоряченные боем, солдаты не жалели никого, ибо каждый из них сам всего лишь несколько мгновений назад стоял перед лицом смерти, когда в ярости вонзал штык в бросившегося на него с перекошенным от злобы лицом немца или, схватив «германца» за горло, лишал его жизни. «Бегут, падают, раненые ползут, поднимают верху руки, но поздно, — написал в своих воспоминаниях об этих минутах боя неизвестный прапорщик Юрьевского полка. — Великодушный наш солдат, рассвирепев (кричал. — *Н.П.*): “Не надо, бей их братцы!”»⁵⁹. После этой контратаки «немногим (немцам. — *Н.П.*) удалось достичь своих окопов»⁶⁰.

С таким же невероятным напряжением сил удалось отбить атаку и Лифляндскому полку. Пораженные мужеством и невероятной стойкостью лифляндцев, немцы, захватившие часть окопов полка, потеряли волю к сопротивлению и были все переколоты перешедшими в контратаку лифляндцами. Тогда, в те неуловимые мгновенья боя, немцы, увидев бросившихся на них русских солдат, даже не смогли открыть огонь, они, скованные ужасом, просто сидели и ждали, они уже приготовились к смерти. Вот как вспоминал эту контратаку подпоручик Лифляндского полка Антонюк: «Он помнит момент, когда с ротой ворвался в окопы

⁵⁶ РГВИА. Д. 479. Л. 60. Впрочем, по свидетельству начальника пулеметной команды Юрьевского полка местами траншеи противника подходили к окопам полка на 45–50 шагов. (См.: РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 67.)

⁵⁷ Там же. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 63.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Л. 63об.

⁶⁰ Там же. Л. 63об.

немцев. Немцы сидели, прижавшись к задней стенке окопа, держали ружья перед собою, упертыми прикладами в землю, сами были пассивны, как бы предоставляя нашим напарываться на ихние штыки.

Остервенение наших было велико; пощады никому не давали и, отводя немецкие штыки, кололи во что-то мягкое. Там же сидело несколько немецких офицеров с моноклями; они все подняли руки вверх и что-то лопотали; но и их не пощадили. Некоторые наши солдаты, посадив немца на штык, перебрасывали его назад, за себя»⁶¹.

Юрьевский полк и его соседи устояли. Бой стих, но не стихло непрекращающееся сражение за Гумин и Волю Шидловскую. Неприятельская артиллерия вновь открыла огонь из тяжелых орудий⁶² по позициям Юрьевского полка, утюжа траншеи, разметая в клочья еще уцелевшие блиндажи, между которыми на голой, скованной январской стужей, стылой земле лежали вперемешку убитые и раненые, мертвые и живые. «У нас не успевают перевязывать, все раненые, перемешавшись с убитыми, остались в окопах; перевязывают друг друга. Бруствера разбиты, окопы мелки; стрелки видны уже по пояс и мало стало их»⁶³.

Немцы, не сумев одолеть Юрьевский и Лифляндский полки, прикрываясь от них огнем артиллерии, большими силами повели атаку на соседей слева — Олонецкий полк, защищавший Волю Шидловскую. Уже в наступающих сумерках январского вечера немцы, прорвав оборону Олонецкого полка, стали, растекаясь по полю, заходить во фланг и далее в тыл Юрьевскому полку, двигаясь вдоль разбитых снарядами окопов. Командир полка, молниеносно среагировав, тут же отдал приказ укрепляться в траншеях, закруглив оборону и поставив пулемет.

Когда подошли немцы, заработал пулемет. Открыли огонь стрелки. В сгущающейся темноте, уже еле различимые на фоне белого снега и догорающей вечерней зари, падали скошенные очередями ряды наступавших, а уцелевшие, перешагивая через трупы своих товарищей, продолжали упорно двигаться вперед, стреляя на ходу. И в это мгновение длившегося уже без малого двенадцать часов боя стало понятно, что если сейчас пулеметчики и стрелки не удержат наступающие ряды германцев, то Юрьевский полк будет окружен и уничтожен. И теперь все зависело от силы духа и мужества русских и немецких солдат, одни из которых держали оборону, а другие, опьяненные успехом

⁶¹ РГВИА. Л. 92.

⁶² Там же. Л. 63об.

⁶³ Там же.

у Воли Шидловской, неустрашимо шли на русский пулемет. И первыми не выдержали немцы. «Почти все перераненные, истекая кровью, они (пулеметчики и стрелки. — *Н.П.*) долго удерживали противника, <...> но не сдали.

Дрогнул враг и, не выдержав огня, оставив массу трупов, выскочив из окопа и рассыпавшись, пользуясь темнотой, начал зарываться в землю, но ненадолго. По приказанию генерала Гунгадзе⁶⁴ были двинуты сюда две роты Лифляндцев, с помощью которых противник был выбит, он отошел и укрепился у винокуренного завода»⁶⁵. К 9 часам вечера стало окончательно известно, что немцы заняли Волю Шидловскую⁶⁶. Чтобы закрыть образовавшуюся прорывом брешь, начальник 55-й пехотной дивизии генерал-майор П. М. Захаров направил к Воле Шидловской 217-й пехотный Ковровский полк⁶⁷.

К половине седьмого вечера бой, длившийся, казалось, целую вечность, закончился⁶⁸. «Стемнело, кое-где еще перестреливались, изредка рвались “чемоданы⁶⁹”, взлетали ракеты противника и освещали поле мертвецов да медленно двигавшиеся вереницы раненых»⁷⁰. Подморозило. Взошла луна и стало светло, как днем⁷¹. И тогда открылась вся ужасающая панорама недавней битвы. «Окоп представлял собою неглубокую (один аршин), шириною шагов пять, канаву всю изрытую воронками снарядов без всяких траверсов и козырьков, пространство между окопами, и параллельно противника, было сплошь завалено трупами заколотых немцев, ворвавшихся в окоп»⁷², — написал в своих воспоминаниях начальник пулеметной команды полка⁷³. Продолжая

⁶⁴ Генерал-майор Д. К. Гунгадзе (Гунцадзе). Командующий 1-й бригадой 25-й пехотной дивизии.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 64. Винокуренный завод находился в Воле Шидловской.

⁶⁶ Там же. Д. 479. Л. 61.

⁶⁷ Там же. Л. 61–61об. 217-й пехотный Ковровский полк был направлен к Воле Шидловской, в том числе и с целью выбить немцев из Воли Шидловской, но атака была не удачной. (См.: РГВИА. Ф. 2190. Оп. 1. Д. 53. Л. 4.)

⁶⁸ Там же. Л. 61.

⁶⁹ «Чемоданы» — название снарядов тяжелой артиллерии.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 64.

⁷¹ Там же. Л. 68.

⁷² Там же. Л. 69.

⁷³ Сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве воспоминания поручика 98-го пехотного Юрьевского полка имеют неразборчивую

далее, в другом месте он писал: «Незаметно стало стемнеться. Поставили пулемет в гнездо, и когда я стал наводить, то мне показалось, что немцы густыми цепями ползут к нашему брустверу. Я хотел открыть огонь, но убедился, что это лежат за день набитые трупы. Так их было много набито, что лежа со спины мне показались они наступающими густыми цепями»⁷⁴.

Наступившая ночь не принесла успокоения. Боясь, что немцы совершат ночную атаку и она застигнет врасплох, солдаты стояли в полуразрушенных траншеях и «поддерживали непрерывный огонь по окопам противника»⁷⁵, другие «кипятили свои котелки. Бледные и грязные от дыма, они походили на каких-то рабочих сталелитейного завода»⁷⁶. «Все они были истомлены бессонными ночами»⁷⁷.

На следующее утро 19 января / 1 февраля все началось снова и сражение в «Болимовском мешке» вспыхнуло с прежней, свирепой силой. Немецкая артиллерия в 9 часов утра открыла по позициям Юрьевского полка «сильнейший огонь»⁷⁸. Окопы, разрушенные за предыдущие дни боев и так до конца и не восстановленные, не спасали солдат. Упав на дно полузаваленных мерзлой землей мелких окопов, они гибли от настигавших их разрывов снарядов. Корпусная же артиллерия за неимением боеприпасов молчала, отдавая врагу, уже который раз за эти три дня, на растерзание и гибель русских солдат, «так что в скором времени от некоторых рот оставалось по 25–30 человек»⁷⁹.

Прикрываясь артиллерийским огнем как щитом от Юрьевского полка, немецкая пехота повела атаку на соседний Олонецкий полк, позиции которого были ослаблены прорывом еще накануне. Олоненцы держались стойко, но, не получив вовремя подкрепления, гибли на глазах Юрьевского полка. Немцы, почувствовав свою безнаказанность, больше не «тратили» живую силу в массированных атаках, а, обнаружив очаги сопротивления, отступали, давая возможность артиллерии довершить начатое дело. Вот как о том страшном моменте вспоминал прапорщик Олонецкого полка Довгуль: «19-го января немцы

подпись. Возможно, фамилия поручика Малпов. Автор надеется, что дальнейшие поиски в архиве позволят точно определить фамилию поручика.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 69об.

⁷⁵ Там же. Л. 69.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. Д. 479. Л. 61об.

⁷⁹ Там же.

атаковали вдоль наших окопов. Артиллерия их, поставленная в Воле Шидлов[ской], была тоже вдоль наших окопов, атакующие части бросали бомбы и стреляли вдоль наших окопов, и если на каком-нибудь участке фронта встречали сильное сопротивление, то отходили немного назад, ставили желтый на длинный палке треугольник, а артиллерия с Воли Шидлов[ской] <...> разметывала бруствер и окоп в какие-то кучи и ямы. Число убитых и раненых росло неимоверно»⁸⁰.

К 5 часам вечера 19 января / 1 февраля 1915 г. 14 пехотный Олонецкий полк перестал существовать. Большинство его солдат и офицеров погибли смертью храбрых у винокуренного завода Воли Шидловской, другие попали в плен⁸¹. И немцы, расширяя прорыв, в 5 часов 35 минут вечера⁸² ударили по левому флангу Юрьевского полка, где их встретили сильно поредевшие батальоны подполковника Соколова и капитана Голубева. Батальоны, которым оставалось только продержаться до подхода подкреплений⁸³. И вновь, как и сутками ранее, наступающие немецкие цепи, упершись в стену смертоносного пулеметного огня, были остановлены и не смогли прорваться на позиции Юрьевского полка.

Сколько было тогда в окопах Юрьевского полка пулеметчиков и стрелков, которые, безмолвно посмотрев друг другу в глаза, поняли, что должны стоять до конца, нам неизвестно. Время не сохранило нам все имена. На страницах архивных документов остались лишь некоторые из них. И пожалуй, сегодня не имеет смысла самому пересказывать то, что совершили эти люди в тот угасающий январский день 1915 г. у польской деревни Гумин, а стоит дать слово очевидцам событий, чтобы лучше осознать всю ту внутреннюю цену совершенного ими поступка.

«Первыми из пулеметчиков встретили немцев 1-й взвод, поставили пулемет вдоль окопа и огнем встретили штурмующие колонны, немцы отхлынули, через несколько минут взвод не существовал, от взвода осталось в живых и не раненых, только ряд. Киселев (ездов[ой]). Видя, что не вытащить пулемета целиком, а помочь было

⁸⁰ РГВИА. Д. 442. Л. 70.

⁸¹ Там же. Д. 479. Л. 62об.

⁸² Там же.

⁸³ На помощь Юрьевскому полку приказом начальника дивизии были двинуты два батальона 217-го Ковровского полка и 55-й Подольский пехотный полк. (См.: РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 479. Л. 63; Там же. Д. 503. Л. 20, 21.)

некому, он отделил тело пулемета и понес его, пуля догнала его в окопе, и раненный в ногу навывлет, не бросил тело пулемета и по горло мокрый от воды⁸⁴ принес пулемет. Прапорщик Довгуль рассказал еще про действия нашего 4-го взвода пулеметов. Взводный Лыков поставил пулеметы вдоль окопа, и отбивал атаки немцев, наши⁸⁵ отходили вдоль окопов и гибли от артиллерийского огня. «Я сказал вашему взводному, — рассказ[ал] прапор[щик] Довгуль: «Держись пулеметчик, получишь свое, сейчас придет подкрепление». И действительно Лыков держался до последней возможности, ночью пришел батальон 219-го полка и занял наши окопы левее хода сообщения»⁸⁶. «Из числа прислуги 3-го взвода вернулись только раненые и контуженные. Пулеметчики, спасшиеся от плена, сказали, что пулемет вытащить не было возможности, один из них был разбит снарядами и завален землей навеса, вместе с пулеметным ун[тер]-оф[ицером] Вишневским, у другого пулемета ун[тер]-оф[ицер] Хозяинов вынул замок, спрятал его но, отходя, был убит»⁸⁷.

Благодаря мужеству и героизму этих людей немцы были остановлены и отброшены. Наступившая ночь на время прекратила сражение.

Положение полка перед началом следующего дня было очень тяжелым. В 2 часа 40 минут ночи командир полка И. Г. Вагель донес об этом командующему 1-й бригадой 25-й пехотной дивизии Д. К. Гунгадзе, сообщив также, что в полку «осталось штыков 503»⁸⁸, т. е. почти в четыре раза меньше списочного состава бывшего налицо в полку 15/28 января 1915 г.

Наступило холодное тревожное утро 20 января/2 февраля, утро четвертого дня сражения за Гумин и Волю Шидловскую. То, что началось в это утро, стало крошечным адом. Немецкая артиллерия вновь

⁸⁴ Многие окопы и ходы сообщения полка были заполнены водой, «так как лед был разбит снарядами противника почти сплошь». (См.: РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 67об.—68.)

⁸⁵ Прапорщик Довгуль под словом «наши» имел в виду солдат и офицеров Олонецкого полка.

⁸⁶ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 70–70об.

Батальон 219-го Котельнического пехотного полка занял позиции на левом фланге Юрьевского полка в 1 час 30 минут ночи. (См.: РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 479. Л. 63–63об.) До этого времени старший унтер-офицер Петр Лыков держал оборону самостоятельно.

⁸⁷ Там же. Л. 71–71об.

⁸⁸ Там же. Д. 503. Л. 24об.

начала ужасающий артиллерийский обстрел русских позиций⁸⁹. «Орудийные выстрелы сливались в общий вой, солнце померкло, было видно от лидитного⁹⁰ дыму не больше, как на пять шагов»⁹¹. Кроме того, на этот раз на позиции Юрьевского полка немцы обрушили снаряды с отравляющим газом⁹², и хотя из-за мороза действие газа ослабло⁹³, от него все равно краснели и болели глаза⁹⁴.

Артиллерийский огонь был такой интенсивности, что вскоре все телефонные линии связи со штабом полка были оборваны и все попытки восстановить их не увенчались успехом⁹⁵. Всё, что происходило дальше в этот день в окопах Юрьевского полка, стало известно только по отрывочным сведениям тех немногих солдат и офицеров, которые остались живы или не попали в плен.

После артиллерийской подготовки немцы ринулись в атаку на правый фланг и центр обороны полка. Несмотря на потери и отравление газом, юрьевцы отбили первую атаку. Отчаявшись прорвать оборону на этом участке, немцы ударили по левому флангу. Преимущество атакующих в численности было, видимо, столь велико⁹⁶, что немцы просто подавили юрьевцев своей массой, но даже тогда, когда сражаться, казалось, не имело смысла, солдаты и офицеры бились до конца, дорого продав свою жизнь врагу.

В 3 часа дня солдаты, посланные с передовой к офицеру связи, доложили, что «большинство <...> окопов в руках немцев»⁹⁷, но оставшиеся в живых солдаты и офицеры, стиснув зубы, продолжали стрелять в наседающего врага и убили столько, сколько смогли, и когда патроны закончились, никто не побежал и не сдался. В последние минуты

⁸⁹ Артиллерия VI армейского корпуса в силу своих возможностей вела огонь по немецким позициям и атакующим колонам, но гораздо реже и менее интенсивно, чем немецкая артиллерия.

⁹⁰ Автор этих строк имел в виду дым от разрывов снарядов, заряженных взрывчатым веществом «лиддит».

⁹¹ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 71об.

⁹² Позиции VI армейского корпуса немцы обстреляли снарядами с отравляющим газом (ксиллбромидом) также 4/17 января и 18/31 января 1915 г. (См.: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 38. Л. 43об.; Там же. Ф. 2190. Оп. 1. Д. 57. Л. 131.)

⁹³ Гофман М. Война упущенных возможностей. М.; Л., 1925. С. 70.

⁹⁴ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 65.

⁹⁵ Там же. Д. 479. Л. 63об.—64.

⁹⁶ Там же. Л. 64.

⁹⁷ Там же. Л. 64—64об.

своей жизни, уже сознавая, что смерть неминуема, «солдаты распоясывались и сбрасывали шинели»⁹⁸ и, выйдя из окопов, ударили в штыки, схватившись намертво с ненавистным врагом, и через мгновение «все перемешалось»⁹⁹. Как здесь не вспомнить строки Константина Симонова:

*На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди*¹⁰⁰.

Через два часа, «около 5 часов вечера», прибывший в штаб полка солдат доложил, что «передовые окопы заняты противником» и «от полка ничего не осталось»¹⁰¹. Это было последнее сообщение от командира 1-го батальона подполковника Соколова, пропавшего без вести в последнем бою своего полка, как пропали без вести и другие офицеры полка: капитан Вишнеревский, капитан Голубев, подпоручик Васильев. Всего восемь человек¹⁰². От полка действительно «ничего не осталось». Все солдаты, все до единого, пали смертью храбрых, пропали без вести, были ранены¹⁰³. А пленные? «Пленных не было», — написал один из оставшихся в живых офицеров полка и продолжил, подчеркивая величие совершенного солдатами и офицерами «железного»¹⁰⁴

⁹⁸ РГВИА. Д. 442. Л. 65об.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Симонов К. Стихи о войне. М.: Эксмо, 2010.

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 479. Л. 64об.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ В Журнале военных действий Юрьевского полка от 20 января 1915 г. записано: «Потери полка за четыре дня выразились в следующих цифрах: убито: офицеров — 3 (штабс-капитан Бородин, подпоручик Панов и прапорщик Кандрашёв), нижних чинов 437 чел., ранено и контужено: офицеров — 10 чел., нижних чинов 1300 чел. Пропало без вести: офицеров — 8 человек (подполковник Соколов, капитан Вишнеревский и Голубев, подпоручик Васильев). (См.: РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 449. Л. 64об.) То есть за период с 17/30 января—20 января / 2 февраля 1915 г. общая цифра потерь полка составила 1758 человек.

Для сравнения за период с начала войны до 1/13 января 1915 г. по отчёту командира полка подполковника И. Г. Вагеля потери полка составили «офицеров: убито 10 чел[овек], в плену 27 чел[овек], эвакуировано 31 чел[овек], чиновников: полковой священник, нижних чинов: убито 301, ранено 1793, без вести пропавших 2845». (См.: РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 503. Л. 8.) Всего — 5008 человек, из них убито — 311 человек.

¹⁰⁴ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 79об.

98-го пехотного Юрьевского полка подвига: «Тут все остались, но мы не отступили, и враг уже дальше не пошел»¹⁰⁵.

Враг был остановлен, и немцы, обескровленные на этом участке фронта, больше не смогли наступать, перейдя к активной, но обороне, признав на страницах «Der Weltkrieg 1914 bis 1918», что «единственным успехом стало овладение Волей Шидловской. На третий день боев был взят Гумин»¹⁰⁶, а «незначительное продвижение вглубь позиций противника было достигнуто тяжелыми потерями¹⁰⁷ и не имело тактического значения»¹⁰⁸. И в этих скупых строчках немецкой официальной истории войны сквозит невольное признание подвига солдат и офицеров 98-го Юрьевского полка, как и солдат и офицеров 97-го Лифляндского, 14-го Олонецкого и других полков, стоявших насмерть у Воли Шидловской и Гумина, на берегах неширокой реки Равки. Именно так и написал в свой реляции об этом сражении командир полка подполковник И. Г. Вагель: «Чины вверенного мне полка выполнили свой долг. Боролись до последней возможности и погибли, подавленные значительно превосходящими силами противника»¹⁰⁹. Приписав в конце по-военному лаконично горькие слова: «От полка осталась рота молодых солдат, численностью 241 человек, только что прибывшая на укомплектование и не принимавшая участие в бою»¹¹⁰.

С гибелью 98-го пехотного Юрьевского полка сражение за Гумин и Волю Шидловскую не закончилось. По приказу главнокомандующего Северо-Западным фронтом Н. В. Рузского войскам 2-й армии была поставлена задача: во что бы то ни стало вернуть утраченные позиции¹¹¹. С 21 января / 3 февраля русские войска перешли в наступление¹¹². В результате, несмотря на все усилия и огромные потери, частям 2-й армии удалось выбить противника только из окопов

¹⁰⁵ РГВИА. Л. 65об.

¹⁰⁶ Reichsarchiv. S. 166.

¹⁰⁷ Взятые в плен немцы заявили, что «дивизии атаковавшие район Гумин, Воля Шидловецка получили название дивизий смерти, из-за громадных понесенных потерь». (См.: РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 38. Л. 320об.)

¹⁰⁸ Reichsarchiv. S. 166.

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 110об.

¹¹⁰ Там же. Д. 479. Л. 64об.

¹¹¹ РГВИА. Ф. 2190. Оп. 1. Д. 57. Л. 173.

¹¹² В это время на данном участке фронта командованием были сосредоточены значительные силы в составе 11 пехотных дивизий. (См.: Стратегический

Юрьевского полка. Воля Шидловская осталась в руках немцев. После 23 января / 5 февраля 1915 г. бои на этом участке фронта постепенно сошли на нет, приобретая в основном позиционный характер.

За шесть дней беспримерных боев, с 18/31 января по 23 января / 5 февраля 1915 г., в полосе фронта протяженностью в шесть километров, по линии населенных пунктов Могелы—Воля Шидловская—Гумин—Боржимов, потери VI армейского корпуса составили ужасающе огромное число — 39 тысяч 264 человека¹¹³. Да, война не знает жалости¹¹⁴. И поэтому январские бои 1915 г. на Равке — это, кроме всего прочего, и скорбный памятник колоссальным людским потерям.

Минуло сто лет после начала Первой мировой войны, так много и так мало. А суровая реальность произошедших тогда событий только сейчас обретает черты, пробуждая память сердца у нас, потомков солдат Первой мировой, постепенно, шаг за шагом меняя представление о прошлом, которого мы были лишены. Прошлое возвращается к нам, наполняя новым смыслом нашу историю, нашу жизнь, наши поступки. И тогда, повернувшись лицом к событиям столетней давности, понимаешь, как порой тщетны любые слова перед тем ратным подвигом, который совершили русские солдаты, и что он, солдат, и есть главный человек на войне и не должности и звания определяют смысл человеческой жизни — ее определяют деяния.

очерк войны 1914–1918 гг. / Сост. А. Незнамов. М., 1922. Ч. 3. Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. С. 62.)

¹¹³ РГВИА. Д. 53. Л. 25об. По имеющимся на сегодняшний день данным, во время сражения за Гумин и Волю Шидловскую в январе — начале февраля 1915 г. «десять полков (русской армии. — *Н.П.*) прекратили свое существование». (См.: Reichsarchiv. S. 167.)

¹¹⁴ Для сравнения потери советских войск во время Берлинской наступательной операции (с 16 апреля по 8 мая 1945 г.) составили 78 291 убитый. (См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : стат. исслед. / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков. М. : Воениздат, 1993. С. 220.)

*Н. А. Копылов,
кандидат исторических наук, доцент МГИМО (У) МИД РФ,
ведущий специалист научного сектора РВМО*

**ЛАТЫШСКИЕ СРЕЛКИ
в Первой мировой войне 1914–1918 гг.:
ФОРМИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования и комплектования национальных воинских формирований в составе российской императорской армии в годы Первой мировой войны. Основным объектом изучения являются латышские стрелковые батальоны, возникшие в 1915 г. С началом летнего (1915 г.) наступления германцев был поднят вопрос о формировании национальных воинских частей из жителей Прибалтики. Взор русского командования обратился к идее создания латышских стрелковых батальонов. Они стали самыми боеспособными частями Северного фронта. В течение 1915–1917 гг. их бросали на самые опасные участки. Латышские стрелки покрыли себя славой в сражении на Тирельском болоте, на Острове Смерти, в «рождественских боях» 1916 г. и при обороне Риги летом 1917 г.

Ключевые слова: латышские стрелки, Первая мировая война, национальные воинские части, русская армия, формирование, Организационный комитет, военные операции, наступление 1915 г., Прибалтика, Латвия.

N. A. Kopylov

**LATVIAN RIFLE BATTALIONS IN THE WORLD WAR FIRST:
FORMATION AND ETHNIC ISSUE**

Summary. Article is devoted to national military formations in the Russian imperial army during the World War First. The main object of studying is the Latvian rifle battalions which have arisen in 1915. During spring campaign of 1915 the German armies took Lithuania and part of Latvia, having created direct threat of further advance to the main town to the main commerce and industry center of Baltic – Riga, and also to the capital of the Russian Empire – to Petrograd. The Latvian rifle battalions became the most efficient parts of the Northern front. During 1915–1917 they were thrown on the most dangerous sites. The Latvian shooters won glory in the battle on the Tirelsky bog, on the Death Island, in “Christmas fights” 1916 and at defense of Riga in summer of 1917. Courage and heroism

of shooters and officers of the Latvian battalions remain bright pages of World War I on the Russian front and need perpetuating in memory of descendants.

Keywords: Latvian shooters, World War I, national military units, Russian army, formation, Organizing committee, military operations, approach of 1915, Baltic, Latvia.

В современном общественном мнении словосочетание «латышские стрелки» неизменно идет вместе с прилагательным «красные», что неотрывно связывает деятельность латышских полков с событиями Гражданской войны в России 1918–1920 гг. К сожалению, из коллективной памяти выпали события, связанные с героической деятельностью латышских стрелковых батальонов в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Необходимо отметить, что латышские национальные части стали главной опорой русского командования на рижском направлении в 1915–1917 гг. и вписали немало героических страниц в военную историю.

За последние четверть века внимание исследователей в основном сосредоточивалось на боевых действиях латышских батальонов. Вопросы, связанные с возникновением, комплектованием, социальным составом латышских стрелков, можно назвать малоизученной страницей летописи Первой мировой. Именно этому сюжету посвящается данная работа.

Весной 1915 г. германское верховное командование одновременно готовило операцию по прорыву русского Юго-Западного фронта. Она была реализована во второй половине апреля 1915 г. под Горлицей. Хотя русские войска упорно сопротивлялись, к концу июня они отдали противнику всю Галицию. Стремясь отвлечь внимание русского верховного командования от района Горлицы, немцы планировали вторжение своей кавалерией в северную часть Литвы, чтобы оттеснить русские войска от Немана и Каунаса и потом окружить их главные силы. Как отмечал начальник штаба главнокомандующего на Востоке генерал Э. Людендорф, в предназначавшиеся для наступления немецкие силы входили три пехотные и три кавалерийские дивизии, которыми командовал командир 39-го запасного корпуса генерал Лауэнштейн¹.

Германскому натиску в районе Рига–Шауляй в апреле 1915 г. противостояли довольно слабо организованные русские войска, насчитывавшие примерно 20–25 тыс. штыков и 1000–1200 сабель. В состав войск также входили два батальона из Усть-Двинской крепости,

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М. ; Минск, 2005. С. 142.

состоявшие из восьми рот латышских ополченцев, мобилизованных в Риге и ее окрестностях и в Курземе. В боях при Эндреявас 2-й батальон ополченцев Усть-Двинской крепости потерял около 300 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, а также весь транспорт. Так как наступление немецкой армии продолжалось, латышские ополченцы были оттянуты к Елгаве. 1-й батальон ополченцев Усть-Двинской крепости участвовал в боях против наступающих германских сил у Картяны и потом также отступил к Елгаве².

19 апреля войсковые соединения, которыми командовали генералы Потапов и Апухтин, отступили к Елгаве и Бауске. В связи с продвижением немецкой кавалерии к Елгаве местная администрация и большая часть жителей постепенно покинули город. Командиры войсковых частей, отступавших к Елгаве, разместили свои силы на юге и западе от города. В числе этих соединений были также оба батальона латышских ополченцев, которые заняли позиции между рекой Лиелупе и дорогой Елгава—Добеле. Немецкой 6-й кавалерийской дивизии 19 апреля не удалось под Елгавой сломить сопротивление русских сил, главным образом обоих батальонов латышских ополченцев, и вечером она вынуждена была отступить. На следующий день наступление противника тоже не увенчалось успехом и немецкая кавалерия отошла от Елгавы в южном направлении. Таким образом, первое немецкое наступление на Елгаву было отбито.

Утром 25 апреля немцы заняли старый город, а вскоре после этого главные силы пробившись в новую часть Лиепайи и заняли ее без боя, захватив в плен около 1500 русских солдат.

В начале июля немецкие войска в Литве перешли во всеобщее наступление и, продвигаясь вперед, за пару недель заняли все крупнейшие центры Курземе. Уже 2 июля в руки немцев попала Кулдига, которую русские войска совсем не защищали. Затем германцы без серьезных боев заняли Салдус, Вентспилс и Добеле, а 18 июля — Бауску и днем позже — Елгаву. В результате наступления немецкой армии уже в июле была оккупирована большая часть Курземе до линии Скайсткалне—Бауска—Елгава—Слока. Одновременно с наземными операциями немцы пытались атаковать Ригу с моря, но неудачно. Немецкие войска добились значительных успехов также в Литве и Польше, где для дислоцированных русских войск серьезную опасность представлял прорыв Юго-Западного фронта в районе Горлицы.

² История латышских стрелков (1915–1920). Рига : Зинанте, 1972. С. 40.

Серьезным ударом по русской обороне в районе реки Неман была потеря Каунасской крепости, которую ее комендант генерал Григорьев 9 августа предательски сдал немцам, хотя имелись все возможности для ее обороны. 23 июля в руки немцев перешла Варшава и обширная территория на востоке от польской столицы до Пинска.

В середине августа немецкие дивизии из района Бауски и Биржай продолжали наступление и 21 августа заняли Яунелгаву. Это дало возможность немецким силам закрепиться на левом берегу Даугавы вплоть до Яунелгавы. До начала сентября немцы взяли восточную часть Курземе (Курляндская губерния) до Даугавы, за исключением Екабпилса и Илуксте, а в Литве 5 сентября — Вильнюс.

В начале октября ожесточенные бои происходили под Илуксте, который немцы заняли 10 октября. Их дальнейшее продвижение было остановлено контрнаступлением русских войск в районе озера Свентес, и захватить Даугавпилс немцам не удалось. На рижском направлении немецкие войска в начале октября достигли Кекавы, Олайнен и западной оконечности озера Бабитес. Русские войска удерживали небольшой плацдарм на левом берегу Даугавы напротив Икскюле. В результате до начала зимы 1915 г. германская армия заняла значительную территорию и была остановлена в 20–30 км от Риги³.

Таким образом, в течение весенней кампании 1915 г. германские войска захватили Литву и часть Латвии, создав непосредственную угрозу дальнейшего продвижения к главному торгово-промышленному центру Прибалтики — Риге, а также к столице Российской империи — Петрограду.

Потерпев серьезное поражение на центральном и южном участках Восточного фронта и не имея достаточных сил для прикрытия северного направления, верховное командование русской армии было вынуждено изыскивать различные источники резерва. С началом летнего наступления германцев был поднят вопрос о формировании национальных воинских частей из жителей Прибалтики. Взор русского командования обратился к идее создания латышских стрелковых батальонов.

Еще в апреле 1915 г. в связи с вторжением немецких войск в Курземе группа студентов Рижского политехнического института предложила создать из латышских студентов команды разведчиков и связистов, однако этот вопрос нельзя было решать из-за препятствий

³ История латышских стрелков... С. 42–43.

политического характера: органы власти не доверяли студентам. Когда немецкое наступление под Елгавой было остановлено, идею о создании отдельных латышских частей подхватила латышская интеллигенция.

Инициативу проявил депутат Государственной думы Я. Гольдманис, по предложению которого 19 мая 1915 г. в Риге состоялось совещание видных буржуазных деятелей. Кроме Гольдманиса в нем принимали участие депутат Государственной думы Я. Залитис, присяжные поверенные А. Берг, Г. Кемпелис, В. Замуэл и др. На совещании было решено создать организационный комитет, который должен был хлопотать в высших военных инстанциях о разрешении сформировать латышские отряды и вербовать добровольцев для этих частей⁴.

28 мая того же года Гольдманис обратился к и. д. начальника Генерального штаба генералу от инфантерии М. А. Беляеву с письмом, в котором, в частности, отмечал: «События последних дней особенно усилили естественное стремление латышского народа, и в целях его осуществления представители его обратились ко мне с просьбой довести до сведения надлежащих властей об искреннем желании латышей подняться на защиту России от наглого врага путем формирования особых боевых латышских дружин из добровольцев латышской молодежи, наподобие разрешенных уже правительством польских легионов и армянских дружин, и ходатайствовать о необходимом содействии со стороны Военного ведомства к осуществлению этого патриотического начинания». «Сформирование латышских боевых дружин (полков), — писал Гольдманис, — под непосредственным начальством военной власти могло бы оказать существенную помощь нашим войскам, оперирующим как в Прибалтийском крае, так и на других фронтах». Также необходимость призыва латышей на военную службу он видел в многочисленных полезных функциях, которые они могли бы выполнять помимо строевой службы: «Распространенные среди латышей общества велосипедистов, стрелковые, гимнастические и другие выработали в латышской молодежи много качеств очень ценных в военном отношении. Ввиду такого их воспитания проектируемые дружины, помимо чисто боевых задач, могли бы оказать крупные услуги нашей армии в виде вспомогательной службы при поддержании связи между отдельными войсковыми частями, по полевой разведке и летучей почты,

⁴ История латышских стрелков... С. 45.

в виде организации летучих отрядов самокатчиков, команд пулеметчиков, команд связи»⁵.

Согласно всем правилам делопроизводства, вопрос был передан на рассмотрение в Штаб Верховного главнокомандующего, а оттуда — главнокомандующему войсками Северо-Западного фронта М. В. Алексееву, который через своего начальника штаба сообщил, что против создания латышских частей возражений не имеет.

Хотя командование фронта и Верховный главнокомандующий дали положительный ответ, официальное разрешение на создание латышских частей было получено почти через два месяца. Отчасти это объяснялось отступлением войск Северо-Западного фронта, из-за которого непрерывно перемещались и штабы. Однако главной причиной были обстоятельства политического характера.

После письменного обращения Гольдманиса (Гольдман в русских документах. — *Н. К.*) к начальнику Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу 7 августа 1915 г. было утверждено «Временное положение о латышских стрелковых батальонах». Этот день можно считать рождением латышских национальных частей.

Первоначально командование главную задачу формируемых батальонов видело в том, чтобы «облегчить войскам, действующим в Прибалтийском крае, разведку и службу связи». Считалось, что «латыши, хорошо знакомые с особенностями края (язык, топография, устройство), могут оказать существенную пользу не только как разведчики, но и служа проводниками и переводчиками»⁶. Однако впоследствии было принято решение формировать самостоятельные воинские части. Первым батальонам, состоящим из четырех рот «нормального состава», присваивались наименования: 1-й Латышский Усть-Двинский и 2-й Латышский Рижский стрелковые батальоны. Всего же было сформировано восемь батальонов: 3-й Латышский Курземский, 4-й Латышский Видземский, 5-й Латышский Земгальский, 6-й Латышский Туккумский, 7-й Латышский Бауский, 8-й Латышский Вольмарский стрелковые батальоны.

Пунктом формирования латышских частей была избрана крепость Усть-Двинск. Личный состав должен был набираться из добровольцев, которые давали «присягу на верность службе Его Императорско-

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323. Л. 190–191.

⁶ Там же. Д. 324. Л. 14.

му Величеству, после чего считались состоящими на действительной службе, получали все права, связанные с воинским званием и подчиняются действиям военных законов». Также в части могли переводиться «по собственному желанию, состоящие на службе в войсках латыши из вольноопределяющихся, в количестве, определенном для этой категории нижних чинов штатами батальонов»⁷. При общепринятом для российских войск командном языке в латышских батальонах допускалась команда на латышском языке, равно последний допускался и при обучении.

Формирование латышских батальонов отличалось от общей практики, принятой в Российской империи. «Временное положение о латышских стрелковых батальонах» гласило: «Призыв добровольцев латышей, желающих поступить в отдельные стрелковые латышские батальоны, и запись их возлагается на особый организационный комитет латышских стрелковых батальонов. Организационный комитет составляется из 30 членов, представителей наиболее крупных латышских обществ по созыву председателя временного организационного комитета»⁸. Председателем организационного комитета был избран Я. Гольдманис.

Формирование латышских стрелковых батальонов производилось несколькими способами. Во-первых, сразу же после получения высочайшего разрешения на создание национальных соединений в Видземе и Курземе были мобилизованы резервисты, а потом и часть ополченцев. В начале осени 1915 г. в Лифляндской губернии прошла мобилизация ополченцев. Эти мероприятия проводились также для того, чтобы в случае дальнейшего отступления русской армии немцы не смогли использовать на работах мужчин оккупированных районов.

Кроме того, организационный комитет для привлечения добровольцев в латышские соединения объявил, что записавшиеся в них считаются на активной службе и пользуются всеми связанными с этим правами и преимуществами; тем молодым людям, которым в следующий призыв предстояло явиться на призывную комиссию, разрешалось уже заранее записаться в латышские стрелковые батальоны. Организационный комитет завербовал всего около 8000 добровольцев. Начиная с 1916 г. стрелковые батальоны пополнялись новобранцами, призванными мобилизационными комиссиями, и солдатами-латышами,

⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 324. Л. 16.

⁸ Там же. С. 18.

добровольно перешедшими или переведенными из других частей русской армии⁹.

Этот второй способ пополнения латышских частей во многом обнажил пороки русской военной бюрократии. Желание латышей служить в национальных батальонах было искренним. Доброволец отдельной запасной команды маршевых дивизионов полка Офицерской кавалерийской школы Антона Кальвова так мотивировал свое стремление перейти в латышские части: «Будучи латышом по национальности и плохо владея русским языком, вследствие чего я зачастую не усваиваю команду на строевом учении, прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия о перечислении меня для прохождения военной службы в 1-й Двинский Латышский батальон».¹⁰ Писарь штаба 6-го пограничного округа в г. Тифлисе Матиас Пинк изложил свою просьбу о переводе следующим образом: «Происходя из латышей Курляндской губернии Туккумского уезда, каковой в настоящее время занят неприятелем, покорнейше прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия о командировании меня в 6-й Туккумский латышский стрелковый батальон, дабы тем дать мне возможность, сражаясь бок о бок со своими единоплеменниками, отомстить врагу за попанную родину.

К сему докладываю, что стремление мое на позиции усугубляется еще тем обстоятельством, что оба мои брата сражаются на Западном фронте и только я вынужден сидеть в тылу в то время, когда моя родина поругана врагом, а родители или убиты, или томятся в плену у неприятеля, так как о них я ничего не знаю уже целый год»¹¹. Вопросами перевода латышей из части в часть занимался напрямую организационный комитет. Чтобы ускорить данный процесс, председателю комитета приходилось напрямую обращаться к командованию фронтовых округов с просьбой о переводе латышских военнослужащих: «Честь имею просить Ваше Превосходительство о переводе в Латышский запасной батальон рядовых 3-й роты Запасного батальона Лейб-гвардии Семеновского полка Яна Киркопа, Германа Гейде и Артура Берзина»¹². Порой это вызывало недовольство воинских начальников, привыкших в строгой армейской субординации. В частности, начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба не раз

⁹ История латышских стрелков... С. 52–53.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1361. Л. 60.

¹¹ Там же. Л. 287.

¹² Там же. Л. 184.

просил Я. Ю. Гольдмана «сделать распоряжение, чтобы все просьбы о согласиях на переводы латышей из войск Гвардии (расположенных на театре военных действий) направлялись непосредственно на имя начальника Штаба войск Гвардии»¹³. В свою очередь, организационный комитет отмечал, что ситуация с переводами военнослужащих отягощается тем, что «латыши, после неоднократного обращения к своему непосредственному начальству с просьбой перевести их в Латышские батальоны и получения отказа, что было и в данном случае, вынуждены обратиться ко мне для ходатайства перед Вашим Превосходительством о их переводе, иначе они лишены возможности служить в Латышских батальонах и сражаться со своим вековым врагом — немцами на родной земле»¹⁴.

Подобную активность со стороны Гольдмана и его коллег можно оправдать тем, что они были удивлены работой русской военно-бюрократической машины. К примеру, уже через несколько месяцев после начала формирования латышских батальонов командир Латышского запасного батальона докладывал начальнику 25-й стрелковой запасной бригады: «Доношу, что за последнее время из разных частей войск присылаются на пополнение вверенного мне батальона исключительно ратники-старики, страдающие вдобавок каким-нибудь физическим недомоганием, между тем как молодые, вполне здоровые латыши и унтер-офицеры не выпускаются из войсковых частей, особенно из Гвардии. Подобным явлением и объясняется большой процент болеющих и отправляемых в лечебные заведения на переосвидетельствование, где большинство из них признаются пригодными лишь на нестроевые должности, часть — увольнению в отпуск на разные сроки, а часть — увольнению вовсе от службы»¹⁵.

Подобная ситуация, продемонстрировавшая принцип полкового начальства: если переводить солдат, то лучше всего отправить ненужный полку элемент, оставив нужных людей в полку, вынудила Генеральный штаб издать циркулярное письмо на имя командующих внутренними округами Российской империи: «Латышские стрелковые батальоны несут весьма ответственную важную разведывательную службу, требуя молодые здоровые силы, между тем некоторые части, отказывая перевод молодым латышам, направляют в батальон старых,

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1361. Л. 279.

¹⁴ Там же. Л. 365.

¹⁵ Там же. Л. 160.

непригодных к этой службе. Прошу распоряжения, чтобы все желающие латыши отправлялись в Латышский запасной батальон в Юрьев. Лишь в исключительных случаях латышей можно не отправлять в Латышский батальон»¹⁶. Это во многом помогло не только сохранить боеспособность первых четырех латышских батальонов, но и сохранить их этнический состав.

К концу 1915 г. формирование латышских боевых частей было поручено штабу Северного фронта, который столкнулся еще с одной проблемой. В составе добровольцев, направляемых в запасной батальон, где они проходили азы воинского обучения, чтобы затем распределиться по стрелковым батальонам, выявлялись лица отнюдь не латышского, а тем более не балтийского происхождения. Учитывая свойственную общественному мнению и военному руководству боязнь шпиономании, тем более что недавно прошел громкий процесс военного министра В. А. Сухомлинова, обвиненного в предательстве, начальник Генерального штаба генерал-лейтенант П. И. Аверьянов решил возложить ответственность за процесс формирования латышских частей на организационный комитет. В частности, он писал: «Организационный комитет принимает все меры к тому, чтобы дать государству лучших своих сынов и не допустит в батальоны нежелательных элементов... *прием добровольцев будет производиться исключительно приемной Комиссией Организационного Комитета* (так в тексте. — Н. К.)»¹⁷. Кроме того, предписывалось, «чтобы воинскими начальниками принимались в Латышские батальоны исключительно добровольцы латыши и люди беспорочные, дабы избежать поступления в батальоны прочих инородцев, и особенно — немцев-колонистов». И латышское руководство, и военное командование старались строго сладить за сохранением этнического однообразия стрелковых частей. В переписке между организационным комитетом и мобилизационным отделом ГУГШ отмечалось, что «по донесению одного из командиров Латышских стрелковых батальонов в составе маршевых рот, прибывших на пополнение вверенного ему батальона, оказалось значительное число нижних чинов не латышей, а именно: русских, поляков, немцев, литовцев, эстонцев и даже один еврей.

Как выяснилось, эти нижние чины поступают в Латышский запасной батальон как из действующих полков, так и из запасных частей

¹⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1361. Л. 165.

¹⁷ Там же. Л. 187–187об.

внутренних округов империи. Так, например, запасным батальоном лейб-гвардии Измайловского полка 12 января сего года было выслано: поляков — 7; литовцев — 9; эстонцев — 9; немцев — 2»¹⁸.

Благодаря активной работе Организационного комитета удалось не только положить начало формированию латышских стрелковых батальонов, но и добиться постоянного притока пополнения. Главной «кузницей» стрелков стал расположенный в г. Тарту (Юрьев) запасной стрелковый батальон. В конце октября 1915 г. в нем насчитывалось 2227 стрелков, в том числе 300 стрелков постоянного кадрового состава, а в начале декабря 1916 г. в запасном батальоне числилось уже 12363 стрелка и 236 офицеров¹⁹. В течение осени 1915 г. — лета 1916 г., в ходе тяжелых боев на Рижском фронте, в которых стрелки несли тяжелые потери, их численный состав оставался на уставном уровне, что обеспечивало латышским батальонам высокую боеспособность, превращая их в постоянный войсковой резерв командования Северного фронта.

Мобилизационная кампания и постоянный приток добровольцев в стрелковые батальоны обеспечили им стабильный социальный состав, который практически не менялся за все время Первой мировой войны. Обработанные архивные данные восьми латышских стрелковых батальонов (в 1916 г. они были развернуты в полки) позволяют выявить социальный портрет латышского стрелка.

К началу 1916 г. во 2-м Рижском стрелковом батальоне насчитывалось 1639 стрелков. Из них было около 42,2% рабочих, 35,8% безземельных крестьян, 4,7% моряков и рыбаков, 2,2% ремесленников, 8,4% землевладельцев и арендаторов, 3,4% представителей городских предпринимателей. Таким образом, 81,2% стрелков этого батальона были представителями сельских и городских средних и бедных слоев населения. В 4-м Видземском латышском стрелковом батальоне в то же время было 1326 стрелков, среди которых рабочих и ремесленников было 42,2%, а крестьян — 38,2%²⁰. 5-й Земгальский латышский стрелковый батальон состоял из 1521 стрелка, 40% из которых составляли сельскохозяйственные рабочие, 34,6% — рабочие и ремесленники и только 13,4% — землевладельцы и их сыновья²¹. Примерно таким же был социальный состав остальных латышских стрелковых батальонов.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1361. Л. 330об.

¹⁹ Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 45. Л. 240.

²⁰ История латышских стрелков... С. 55–56.

²¹ РГВИА. Ф. 3458. Оп. 2. Д. 26. Л. 138.

В итоге можно сделать заключение, что четверти всех стрелков записались в батальоны добровольно. По этническому составу 90% из них были латыши. Кроме того, вместе с латышами как добровольцы или призывники в батальоны попали также эстонцы, литовцы, русские и представители других национальностей. Почти все стрелки умели читать и писать, число неграмотных не превышало 2%²².

На время формирования и обучения латышские стрелковые батальоны размещались в Милгрависе, Болдерае. Однако условия проживания там трудно назвать подходящими. Расположенные в Милгрависе стрелки в своих письмах домой жаловались, что они живут в тесноте, как сельди в бочке, спят на голых досках, а некоторые даже на холодном цементном полу. 6-й Тукумский батальон был размещен в главном корпусе судостроительного завода, превращенном в казарму. Стрелки 8-го Вольмарского батальона, укомплектованного в декабре 1915 г., из-за недостатка полевых кухонь стрелки в первое время не получали горячей пищи²³.

Еще одним важным вопросом, влиявшим на боеспособность латышских частей, было обеспечение их необходимым вооружением. Начало создания стрелковых батальонов пришлось на так называемый период «снарядного голода», когда не хватало вооружения и боеприпасов для полков и дивизий, сражающихся на фронтах. Кризис вооружения в русской армии заставил командование внутренних округов снабжать вновь формируемые части оружием различного производства, хранящимся на складах. Так, для латышских батальонов начальником снабжения Северного фронта было затребовано 2694 винтовки системы Винчестера. Причем, рассматривая этот вопрос, начальник мобилизационного отдела ГУГШ П. А. Аверьянов подчеркивал, что винчестеры следует направить латышским стрелкам «принимая во внимание более развитой состав этих батальонов и то, что они будут укомплектованы из одного и того же запасного латышского батальона, что позволяет вести однообразие подготовки, можно было бы все латышские батальоны перевооружить Винчестерами, что обеспечило бы их винтовками, в то же время немного сократило бы потребность в трехлинейных винтовках»²⁴. Всего же было дано распоряжение о выделении для латышских стрелковых батальонов 8071 винтовок Винчестера.

²² История латышских стрелков... С. 57.

²³ РГВИА. Ф. 2152. Оп. 1. Д. 1198. Л. 243–245.

²⁴ Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1361. Л. 57.

Более того, была разработана система обучения новобранцев обращению с этим оружием. ГУГШ, занимаясь этим вопросом, отдал распоряжение начальнику Офицерской стрелковой школы: «Прошу обучить обращению с винтовками Винчестера офицеров и нижних чинов, призываемых в школу из латышских батальонов»²⁵.

Плохое снабжение сильно повлияло как на качество обучения, так и на настроение добровольцев. Хотя в русской армии официальный срок обучения новобранца в военных условиях был рассчитан на три месяца, в связи с наступлением немцев на Слоку 1-й Усть-Двинский батальон отправился на фронт через 59 дней после зачисления в батальон последней группы добровольцев. Большая часть оружия была выдана стрелкам за месяц до окончания обучения, а пулеметчиков пришлось подготовить за 15 дней, так как только тогда были получены пулеметы. Подобным же было положение во 2-м и 3-м батальонах; предусмотренный курс обучения прошли те латышские стрелковые батальоны, которые были сформированы позднее. Таким образом, первые латышские батальоны были отправлены на фронт полуобученными и сразу же брошены в бой²⁶.

Однако усилия, направленные на формирование первых в истории русской армии балтийских национальных частей, не пропали даром. Латышские стрелковые батальоны стали самыми боеспособными частями Северного фронта. В течение 1915–1917 гг. их бросали на самые опасные участки. Латышские стрелки покрыли себя славой в сражении на Тирельском болоте, на Острове Смерти, в «рождественских боях» 1916 г. и при обороне Риги летом 1917 г. Мужество и героизм стрелков и офицеров латышских батальонов останутся яркими страницами Первой мировой войны на русском фронте и нуждаются в увековечении в памяти потомков.

²⁵ РГВИА. Л. 95.

²⁶ История латышских стрелков... С. 59.

*Я. А. Бутаков,
кандидат исторических наук*

ОНИ ОСТАЛИСЬ ВЕРНЫ РОССИИ: РУССКИЕ БРИГАДЫ ВО ФРАНЦИИ И НА САЛОНИКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются действия русских бригад на Балканском фронте, а также поведение русских солдат в 1918 г., когда Россия вышла из войны. Автор выдвигает тезис о том, что отказ многих тысяч русских солдат продолжать воевать на стороне Антанты был мотивирован не столько эгоистическими интересами, сколько их личным представлением о долге перед Родиной.

Ключевые слова: Салоникский фронт, Балканы, международные отношения.

Ya. A. Butakov

THEY REMAINED FAITHFUL TO RUSSIA: RUSSIAN BRIGADES IN FRANCE AND AT THE MACEDONIAN FRONT

Summary: The article analyses the combat activities of the Russian brigades at the Macedonian front and the position of the Russian soldiers in 1918 when Russia went out of the war. The author advances the thesis that the many soldiers refused to continue fighting with the French army because they were motivated by their own understanding of patriotism rather than egoistic interests.

Keywords: Salon front, Balkans, international relations.

Несмотря на то что с начала Первой мировой войны прошло уже почти сто лет, в ее изучении остаются огромные лакуны. Одним из таких «белых пятен» является судьба русских Особых бригад на зарубежных фронтах Великой войны 1914–1918 гг. Показателем слабой изученности данной темы является частое (даже в официальных мероприятиях) упоминание термина «русский экспедиционный корпус», между тем как этих слов невозможно найти ни в одном источнике того времени!

Нельзя сказать, чтобы эта тема совсем проходила мимо внимания историков и общественности. Однако интерес к ней довольно односторонний. В центре внимания прежде всего русские солдаты и офицеры во Франции, а среди них — те, кто в составе французских войск прослужил до конца войны в ноябре 1918 г. Так, в конце 2008 г. на конференции

в Москве в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» был показан фильм «Они сражались за Францию», посвященный боевому пути 1-й и 3-й русских Особых бригад и созданному из них в 1918 г. русскому добровольческому «батальону чести». В 2010 г. во Франции при поддержке России был установлен памятник сражавшимся там русским солдатам и офицерам Первой мировой войны.

Однако, как мы увидим дальше, те, кто выполнял «долг перед союзниками», составляли в обстановке конца 1917–1918 г. незначительное меньшинство военнотружущих русских Особых бригад. Судьба тех русских солдат (их было подавляющее большинство), которые после заключения Россией (советской) перемирия не пожелали вступить в иностранную армию ради продолжения войны и были за это репрессированы французскими властями, до сих пор затронута только в паре публикаций¹. В преддверии юбилея о них, похоже, предпочтут вовсе забыть. Далее, совсем в тени остается история 2-й и 4-й русских Особых бригад на Балканском фронте, сыгравших в ходе войны более значительную стратегическую роль, чем русские войска во Франции. Хотя последний пробел в какой-то мере восполняется републикацией книги бывшего генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего, писавшего об Особых бригадах уже из эмиграции², но этот источник довольно тенденциозен в том, что касается описаний настроений и мотивов тех русских военнотружущих, которые не согласились на продолжение войны в составе иностранной армии.

Вопрос, если угодно, «общественной реабилитации» русских солдат Первой мировой, в момент Октябрьской революции оказавшихся на чужбине и отказавшихся присягнуть иностранному государству, и призвана поставить эта статья в преддверии знакового юбилея.

Обстоятельства появления русских Особых бригад на зарубежных фронтах таковы. В декабре 1915 г. в Россию прибыл французский сенатор Поль Думер (будущий президент Франции в 1931–1932 гг.) с важным поручением от своего правительства — уговорить Россию отправить во Францию 400 тысяч солдат. Роль Думера в нашей литературе традиционно оценивается очень резко — «заготовитель пушечного

¹ Лисовенко Д. У. Их хотели лишить Родины. М., 1960; Летнев А. Б. Алжирская Одиссея. Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте // Мир истории. 2001. № 8; 2001. № 1, 2.

² Данилов Ю. Д. Русские отряды на французском и македонском фронтах 1916–1918 гг. М., 2010.

мяса»³ и т. п. Будем, однако, снисходительны к человеку, потерявшему на фронте четырех сыновей, тем более что он служил лишь передаточной инстанцией. И тем более что от российских правителей зависело — давать согласие на это требование или нет.

Генерал М. В. Алексеев считал требование Франции не только беспардонным, но и нецелесообразным с военной точки зрения — русские солдаты принесут больше пользы Антанте на русском фронте. Но Николай II настоял на «политическом» решении вопроса — русские воины должны были закрепить франко-русское «Согласие» своей кровью, пролитой на одном поле с французскими комбатантами. Правда, первоначальное требование 400 тысяч солдат было урезано до семи бригад общей численностью менее ста тысяч человек. В действительности же было сформировано и послано всего четыре Особые русские бригады, через которые за два года прошло в общей сложности около 60 тысяч военнослужащих. Все они (в разной степени) в 1916–1917 гг. успели поучаствовать в военных действиях.

История 1-й и 3-й русских Особых бригад во Франции освещена относительно подробно. Главное внимание советских историков было здесь привлечено к мятежу 1-й бригады в лагере Ла-Куртин в сентябре 1917 г. Русские же Особые бригады на Балканах известны мало. Даже в обстоятельной книге Д. У. Лисовенко⁴, подробно рассказывавшей обо всех злоключениях солдат русских бригад во Франции, не нашлось ни слова о русских войсках на Балканском фронте. Единственную причину этому факту можно увидеть лишь в том, что среди русских частей на Балканах не возникло чего-то подобного ла-куртинскому мятежу. Между тем их роль на общем фоне союзных армий (всего 20 дивизий) была там выше, чем на Западном фронте, где силы союзников насчитывали свыше 160 дивизий.

2-я особая пехотная бригада под командованием генерала М. К. Дитерихса (получившего известность в Гражданскую войну вначале как командующий армией у Колчака, затем как последний главнокомандующий белыми войсками в России — «воевода земской рати» на Дальнем Востоке в 1922 г.) прибыла в Салоники в сентябре 1916 г. Следом за ней, в октябре, прибыла 4-я особая бригада под начальством генерала М. Н. Леонтьева. 1-я и 3-я особые бригады соответственно еще раньше оказались во Франции.

³ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 184.

⁴ См.: Лисовенко Д. У. Указ. соч.

При формировании 2-й бригады были учтены ошибки, допущенные при комплектовании бригад, призванных действовать во Франции. Она набиралась из уже имевших боевой опыт солдат и офицеров, а не из запасных батальонов. Однако уже в 4-й бригаде этот принцип соблюден не был. В отличие от 1-й бригады, куда входило несколько французских офицеров на правах командиров, в бригадах, действовавших на Балканах, все офицерские должности были заняты русскими, а французы допускались лишь как переводчики.

В 1916 г. в четыре Особые бригады было отправлено в общей сложности 745 офицеров и 43547 нижних чинов. Из них 404 офицера и 18706 солдат состояли во 2-й и 4-й бригадах. Таким образом, по числу нижних чинов французский контингент русских легионеров был больше македонского, но офицеров было больше в последнем.

Македонский же контингент понес и наибольшие боевые потери. Если в 1-й и 3-й бригадах, воевавших во Франции, в 1916 г. погибли в общей сложности 3 офицера и 170 нижних чинов, то во 2-й бригаде, действовавшей на Балканах, только за первый месяц Битольской операции погибли 5 офицеров и 173 солдата. К концу 1916 г. число убитых и умерших в бригаде уже превысило 700 человек. Значительная часть личного состава находилась в госпиталях. В лазаретах к этому времени перебивало уже больше половины бригады. На доукомплектование из России прибыло свыше 3500 человек. Чувствительными были и потери в 4-й бригаде.

На Балканах нашим войскам предстояло действовать в сложных условиях горной местности, хотя они не имели ни соответствующего снаряжения, ни должной подготовки. Несмотря на это, 2-я бригада сразу по прибытии была двинута французским командованием на фронт. В ходе предпринятого союзным командованием наступления она была поставлена вместе с сербскими войсками, собиравшимися освободить свою родину, на острие главного удара.

В приказе от 19 октября 1916 г. главнокомандующий Восточной армией (так официально назывались войска Балканского фронта союзников) французский генерал Сарраиль отметил, что «3-й пехотный полк 2-й Особой русской бригады между 9 и 26 сентября 1916 г., действуя на высотах, достигавших 2000 м, выполнил блестящую операцию против болгарских войск. Последовательно выбив их с Синжакского, Сешрецкого и Неречко-Планинского хребтов, сокрушительным ударом, несмотря на чувствительные потери, овладел сильно укрепленной горной позицией к северу от Арменско, решительно содействуя взятию

г. Флорина»⁵. Вместе с сербами 19 ноября 1916 г. бригада вошла в город Битоль (другое название — Монастир; ныне в Республике Македония) — первый освобожденный в ходе Первой мировой войны сербский город.

В связи с освобождением Битоля необходимо отметить еще один любопытный факт, который не вписывается в традиционные представления. Под Битодем схватились как враги русские и болгарские войска. Это было самое крупное сражение между русскими и болгарами со времен древнерусского князя Святослава в X в. Его предыстория такова.

Настаивая на отправке русских войск на Балканы, союзники во многом исходили из представления, что болгары (которые составляли основную массу войск Центральных держав на Балканах) не окажут русским серьезного сопротивления в память о той роли, которую русская армия сыграла в освобождении Болгарии от турецкого гнета. Этот расчет, как показала практика, оказался неверным. Болгары до поры до времени были верны своему царю Фердинанду, как и русские — царю Николаю Гольштейн-Готторпу.

Главный просчет был допущен в том, что Николай II дал согласие на просьбу сербского королевича Александра (будущего короля Югославии, убитого в 1934 г.) включить 2-ю русскую бригаду в состав сербской дивизии на Балканском фронте. Для болгар же сербы — исконные исторические враги. Это отношение они автоматически распространили и на русских, шедших под сербским флагом. Тем более что Македония искони рассматривается в Болгарии как болгарская земля (там располагается Охрид — церковный центр средневековой Болгарии). Неудивительно, что болгары оказали русским ожесточенное сопротивление. 2-я Особая русская бригада потеряла в этих боях около трети своего личного состава...

Отличились и войска 1-й бригады во Франции. Летом 1916 г. ее доблесть была отмечена в приказе командующего 4-й французской армии генерала Гуро, которому она подчинялась, и заслужила личную признательность французского главнокомандующего генерала Жоффра. Весной 1917 г. 1-я и 3-я бригады приняли участие в генеральном наступлении союзных войск во Франции и понесли тяжелые потери. В некоторых полках в строю оставалось меньше половины бойцов, а потери

⁵ Павлов А. Ю. Русские войска на Македонском фронте во время Первой мировой войны // Новый часовой. 1997. № 5.

некоторых батальонов достигли 80% численного состава. После этого бригады были отведены на отдых в местечко Ла-Куртин.

Большие потери, разочарование от неудачного наступления вызвали особенно сильную деморализацию в частях 1-й бригады, воевавшей дольше, чем 3-я. Солдаты 1-й бригады потребовали отправки домой в Россию.

Попытки советских историков обнаружить в ла-куртинском мятеже следы какой-то большевистской организации не увенчались успехом, хотя в то время, как мы знаем, существовала установка — всюду в революционном движении искать «руководящую роль партии». Зато гораздо ближе к русским Особым бригадам был другой наглядный фактор — настроения французской армии. Она также тяжело переживала неудачу весеннего наступления и устала от беспросветной, казалось, войны без шансов на победу. Весной-летом 1917 г. во французских войсках прокатились массовые революционные выступления. Они происходили в 16 из 36 корпусов французской армии — почти в половине ее соединений!⁶ Необходимо рассматривать ла-куртинский мятеж 1-й русской бригады в тесной связи с революционным движением во французских войсках того времени.

Судя по донесениям французского командования, явления деморализации и разложения среди солдат русских Особых бригад стали замечаться еще в конце 1916 г.⁷ Однако к свидетельствам такого рода следует относиться с большой осторожностью. Как мы увидим на примере русских войск на Балканах, французские военные руководители нередко были склонны искажать действительное положение вещей, чтобы представить русских солдат в неблагоприятном свете перед русским правительством (царским, затем Временным) и обеспечить себе свободу рук в распоряжении ими.

По некоторым сведениям, французские власти были не прочь отделаться от мятежной 1-й бригады и отправить ее в Россию. Однако опасались, что это окажет деморализующее влияние на 3-ю русскую бригаду и на французские войска. Мятеж было решено подавить сначала голодной блокадой, потом, когда эта мера ни к чему не привела, — военной силой. Лагерь мятежников был обстрелян артиллерийским огнем недавно прибывшего из России артиллерийского дивизиона, после

⁶ *Зайончковский А. М.* Первая мировая война. СПб., 2000. С. 643.

⁷ *Павлов А. Ю.* Русские войска во Франции в период Первой мировой войны // Новый часовой. 1994. № 2.

чего мятежники сдались. Одна русская воинская часть стреляла в другую. Очень скоро всё это в гораздо большем масштабе повторилось в России...

Из бунтовщиков были сформированы штрафные маршевые роты, отправленные на всякого рода исправительные работы в армейском тылу. Наиболее ретивых мятежников уже тогда отправили на каторгу в Алжир. Вскоре там оказалась значительная часть солдат русских Особых бригад...

Среди участников ла-куртинского мятежа был будущий прославленный полководец, маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский. Во время подавления мятежа он был ранен, после лечения в госпитале — отправлен французскими властями вместе с большинством его товарищей на работы в каменоломни. Невыносимые условия заставили Малиновского попроситься на фронт. Ему удалось записаться в Иностраннный легион французской армии. Для человека, побывавшего на французской военной каторге, смерть в бою уже казалась лучшим исходом. Это необходимый штришок к уяснению того положения, в котором вскоре очутились многие солдаты русских бригад...

Отголоски Февральской революции докатывались до русских войск на Балканах с большим запозданием. Достаточно сказать, что войсковые комитеты в них были выбраны только в августе 1917 г., а «военно-революционные суды», учрежденные июльским приказом А. Керенского, — лишь в ноябре, уже после падения Временного правительства! Тем удивительнее, что французское командование на Балканах постоянно сигнализировало в Петроград Временному правительству, требуя замены тех или иных командиров под предлогом потери ими контроля над войсками.

В апреле 1917 г. генерал Саррайль сообщил русскому консулу в Салониках о беспорядках в частях 4-й бригады и потребовал отзыва ее командира генерала Леонтьева. Посетивший бригаду консул констатировал, что никаких беспорядков нет, однако признал, что многие не только солдаты, но и офицеры недовольны своим начальником. Тот был смнен. Однако летом 1917 года уже Временное правительство получило от французского посольства в Петрограде сообщение о беспорядках в войсках русского контингента на Балканах. Запрошенный по этому поводу русский посол в Афинах отвечал, что никаких беспорядков нет. Создается впечатление, что французское командование умышленно дезинформировало Временное правительство, чтобы создать себе легальное право распоряжаться русскими войсками.

В этом убеждает то, что союзники, видя слабость Временного правительства, перестали церемониться с особым статусом русских частей. В июне 1917 г. в Афинах возникли беспорядки на почве борьбы антантофильской и германофильской партий. Союзники оккупировали Афины, чем принудили короля Греции официально объявить войну Германии, причем в оккупации принял участие 3-й полк из 2-й русской бригады, перевезенный туда союзниками без уведомления России. Министр иностранных дел Временного правительства М. Терещенко через посла в Греции потребовал у французского командования вывода русских частей из Афин, что вскоре было выполнено. Но вслед за тем в Петрограде и было получено то самое сообщение о якобы имевших место беспорядках.

Между тем обе русские бригады продолжали выполнять свой долг. В них не было случаев отказа выступать на позиции, идти в наступление и т. д., хотя среди солдат и части офицеров росла деморализация, вызванная прежде всего оторванностью от родины и пренебрежительным отношением союзников. В мае 1917 г. 2-я бригада вновь отличилась, овладев высотой Дабица, взяв в плен более 100 солдат и офицеров противника, но, не будучи поддержана соседями, вынуждена была отойти, потеряв свыше тысячи убитыми и ранеными. Русские использовались союзным командованием как таранная живая сила. И что же удивительного, если среди них все чаще и громче раздавались голоса о возвращении домой?

Поведение французского главнокомандующего, в августе требовавшего заменить уже чуть ли не весь начальствующий состав русской дивизии, становилось все беспардоннее. Но когда в сентябре 1917 г. Временное правительство заявило, что рассматривает вопрос о замене дивизии на дивизию сербских добровольцев (сформированную в России из военнопленных австро-венгерской армии сербской национальности), то, по словам историка, «против отзыва русской дивизии немедленно выступили генерал Саррайль и принц-регент Александр, что говорит о том, что в это время ухудшение дисциплины еще не оказывало серьезного влияния на ее боеспособность»⁸.

23 октября (5 ноября) 1917 г. «Межведомственный комитет по заграничному снабжению» российского Временного правительства официально предоставил Франции право распоряжения военными русскими Особых бригад. Таким образом, Россия в лице Временного

⁸ См.: Павлов А. Ю. Русские войска на Македонском фронте...

правительства бросила своих солдат на чужбине на произвол судьбы. А через два дня Временное правительство пало.

3 (16) ноября 1917 г. военный министр Франции Жорж Клемансо издал приказ, согласно которому российские легионеры подлежали добровольной сортировке на три части (система трияжа). Им предоставлялось право выбора между: 1) службой во французской армии, 2) военными работами в тылу французской армии (типа строительных батальонов), 3) каторгой в Алжире. Самым выгодным выбором, очевидно, являлась работа в тылу, так как эти рабочие помимо своего легионерского жалования (75 сантимов в день; для сравнения — французский солдат получал 25 сантимов суточных) получали еще и зарплату — полтора франка в день. Алжирская каторга, про которую заведомо было известно, что оттуда мало кто возвращается, представляла собой выбор не менее опасный, чем перспектива продолжения ратной службы. Тем не менее значительная часть наших солдат предпочла именно третий вариант!

Среди солдат 1-й и 3-й бригад во Франции решили записаться во французскую армию 252 человека (в других источниках приводится цифра 266 человек). Из них был позднее образован «Русский легион чести». 11,5 тысяч записались в рабочие отряды. Однако около 5 тысяч предпочли всему этому каторгу в Алжире. Они присоединились к уже находившимся там примерно 8 тысячам осужденных участников лакуртинского мятежа.

Эта же система несколько позднее (в январе 1918 г.) была применена к русским солдатам на Балканском фронте. Там пропорции оказались еще более поразительными. Около 500 военнослужащих завербовались во французскую армию (здесь из них не стали формировать отдельную воинскую часть, а распределили по имевшимся). Примерно 1200 стали военными рабочими. Около 12 тысяч добровольно отправились на каторгу в Сахару. Очевидно, что в мотивах большинства этих русских солдат никакие «шкурные» мотивы не играли решающей роли, иначе они предпочли бы каторге тыловые работы.

Обратим внимание на международно-правовой аспект вопроса. Если Россия вышла из Первой мировой войны, то на ее военнослужащих должен был распространяться статус граждан нейтрального государства. Если Франция не нашла в себе достаточно великодушия, чтобы позволить этим солдатам после всего, что они сделали для союзников в 1916 и начале 1917 г., вернуться на Родину, то она обязана была уважать их права как интернированных лиц. Вместо этого власти Франции

того времени фактически применили к российским подданным такие же нормы, как к лицам без гражданства, завербовавшимся во французскую армию. Особую «пикантность» ситуации придает тот факт, что упомянутый приказ Клемансо отдал еще тогда, когда Россия не заключила перемирия с Германией и формально считалась воевавшей на стороне Антанты!

Теперь рассмотрим формальные основания поступков меньшинства и большинства русских солдат во Франции и на Балканах. Вообще-то поступление военнослужащего на службу в армию иностранного государства без разрешения своего — с юридической точки зрения чистой воды дезертирство. Коль скоро Россия вышла из войны, русский солдат обязан повиноваться своему правительству. При этом никакое иностранное государство не вправе ему указывать, какое правительство России законное, а какое нет! Ситуация, в которой русские солдаты были вынуждены делать свой выбор, всякий раз была непростой. И вряд ли можно отрицать, что необходимо было иметь прочный внутренний стержень и немалое личное мужество, чтобы в этой обстановке предпочесть алжирскую каторгу!

Нелицеприятный суд, разбирающий это дело, безусловно, принял бы во внимание сомнения в законности советского правительства у тех, кто завербовался в «батальон чести». Однако тот же суд не мог бы не признать, что действия тех, кто отказался от службы во французской армии и от работы на нее, в наибольшей степени отвечали духу и букве воинской присяги родному государству. Смягчающих обстоятельств своему дезертирству из русской армии пришлось бы скорее искать солдатам и офицерам «батальона чести», а не алжирским каторжанам!

Так что не будем забывать о тех тысячах наших соотечественников, кто поступил в соответствии со своим представлением о долге перед Родиной, пусть даже и заключающей сепаратный мир. На такое представление они имели полное моральное и юридическое право.

Судьба наших соотечественников, сосланных на непосильные работы в Сахаре, до сих пор исследована только в одной работе⁹. В 1919–1920 гг. французские власти начали репатриацию российских заключенных из Алжира. Но при условии — они обязаны были записаться в белогвардейские Вооруженные силы Юга России. Для русских узников французских лагерей это был единственный шанс попасть на Родину. Прибыв в Россию, они сразу оказывались в огне новой

⁹ *Летнев А. Б. Указ. соч.*

войны — Гражданской. Из огня да в полымя... Какие-то сформированные из таких репатриантов части Белой армии в первых же боях перебежали на сторону Красной армии. Какие-то — еще по дороге в Россию, на французских кораблях, поднимали бунт за свободу своего выбора...

По сравнению с тем, как увековечена память о ратном подвиге русских, сражавшихся во Франции, балканский контингент русской армии канул в реку забвения. Обидно, например, что в городе Монастир, который русские освободили вместе с сербами, есть памятник сербским воинам, имеется даже памятник французским солдатам, но ничем не отмечена память о павших там русских ратниках. В 1919 г. был открыт памятник павшим воинам русского контингента в 12 км от Салоник, в Греции, но о его состоянии давно нет никаких сведений в нашей печати. В алжирском местечке Джибба имелся небольшой памятник над братской могилой умерших русских из дисциплинарного батальона... Пора бы нам вспомнить обо всех этих солдатах, оставшихся верными Родине, но до сих пор не почтенных ею должным образом...

**II. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА:
СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
И ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ**

Е. Н. Наземцева,
кандидат исторических наук, научный сотрудник НИИВИ ВАГШ ВС РФ

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье представлены основные направления современной отечественной историографии Первой мировой войны, охарактеризованы актуальные тенденции и подходы, выявлена специфика исследований, касающихся гуманитарных последствий войны: плена, дезертирства, беженства, продовольственных проблем, психологических потрясений и связанных с ними психопатологий широких масс и трансформации менталитета бывших солдат и офицеров и общества в целом. Показано значение провинции Российской империи в Первой мировой войне. Особое внимание автора уделено влиянию гуманитарных проблем на общественно-политическую ситуацию в России в 1914–1918 гг., их роли в революционных потрясениях, крушении Российской империи, установлению в стране новой власти и образованию Советского государства.

Ключевые слова: Первая мировая война, историография, концепции, военная антропология, повседневность, военные действия, менталитет, плен, дезертирство, беженство, психоз, психопатологии, мобилизация, провинция, революции.

N. A. Nazemtseva

HUMANITARIAN ISSUES OF THE WORLD WAR FIRST IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Summary: The article deals with the main directions of modern Russian historiography of WWI, characterizes up-to-date trends and approaches and reveals the specific nature of researches concerning humanitarian consequences of war such as captivity, desertion, displacement of people, food problems and mental shocks which resulted in various psychopathologies of human masses and mental transformations of former soldiers and society as a whole. The author highlights the importance of Russian Empire's province in WWI and its role in the following solution of humanitarian consequences of the war. The author pays particular attention to the impact of humanitarian problems on the social and political situation in Russia in 1914–1918, establishment of bolshevik rule and formation of the Soviet Union.

Keywords: WWI, historiography, conceptions, regional studies, military anthropology, daily life, warfare, mindset, captivity, desertion, displacement of people, mental affection, psychopathology, mobilization, province, revolution.

История войны — это история тех людей, которые ее вели.

*Беккер Ж. Ж. Новое в изучении истории
Первой мировой войны во Франции
(«Новая и новейшая история», № 2 1999 г.)*

Современный этап развития исторической науки характеризуется усилением интереса к исследованию проблемы «человек и война». Она рассматривается в контексте социальной истории, военно-исторической антропологии, военной социологии, военной психологии и т. д. Это свидетельствует о том, что антропологизация и гуманизация, характерные для научного знания последних 15–20 лет, не обошли стороной и военную сферу. Ученые все чаще обращают внимание на человеческие аспекты войны и военного дела.

Подход к «человеческому измерению» войн и вооруженных конфликтов является принципиально новым для отечественной историографии. Это объясняется, с одной стороны, общественными изменениями; с другой — влиянием на российскую историографию новых тенденций мировой исторической науки. Теоретические вопросы, касающиеся темы человека на войне, отражены в работах Е. С. Сенявской, В. А. Шнирельмана, А. И. Першица, Ю. И. Семенова, А. М. Беляева, В. Н. Ведерникова, В. Н. Помогайбина, В. И. Бажукова и др.¹

Спектр вопросов, касающихся гуманитарной составляющей войн и получивших освещение в современной отечественной историографии Первой мировой войны, весьма широк: трансформация менталитета, специфика военной повседневности, роль социальных групп, национальных меньшинств в общественных и политических процессах периода войны и послевоенного времени². Все они в той или иной

¹ *Сенявская Е. С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. М., 2002; *Шнирельман В. А.* У истоков войны и мира // *Першиц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А.* Война и мир в ранней истории человечества : в 2 т. Т. 1 : Введение. Война как предмет исследования. М., 1994. *Беляев А. М.* Генезис метода военной социологии на рубеже XIX–XX веков. М., 2002; *Ведерников В. Н.* Военная социология: Вопросы теории, методологии, истории и практики. М., 1994; *Помогайбин В. Н.* Военно-психологические исследования: методологические основы. М., 2001; *Белик А. А.* Историко-теоретические проблемы психологической антропологии. М., 2005; *Бажуков В. И.* Военная антропология: объект, предмет, направления, методология // Армия и общество. 2008. № 3.

² *Завадский Н. Г.* Испытание войной: российское студенчество и политические партии в 1914 — февраль 1917 г. СПб., 1999; *Поршнева О. С.* Мента-

степени касаются тяжелых гуманитарных последствий, вызванных мировым конфликтом: плена, дезертирства, беженства, голода, психологического шока, последующей за ним депрессии, причем как общественной, так и индивидуальной. Всё это привело к общественным сдвигам и масштабным политическим кризисам, изменившим мир.

Изучение гуманитарных последствий Первой мировой войны позволяет составить комплексное представление о ее влиянии на общество, охарактеризовать те структурные изменения, к которым она привела, выявить их причины, понять последствия мировой катастрофы.

Одной из главных проблем в этом контексте является плен. Она весьма широко представлена в современной отечественной историографии Первой мировой войны³. Концептуальную основу большинства исследований составляет методология современной повседневной истории (нем. *Alltagsgeschichte*). Особое место принадлежит работам, авторы которых рассматривают проблематику плена в рамках регионалистики или локальной истории (*local history*).

литет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918). Екатеринбург, 2000; *Бибин М.А.* Совет объединенного дворянства в период Первой мировой войны : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2002; *Борщукова Е.Д.* Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; *Степанов А.И.* Россия в Первой мировой войне: проблемы статуса и власти : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; *Черниловский А.А.* Первая мировая война в сознании военной элиты России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2005; *Чертищев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание действующей армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 — март 1918 г.). М., 2006.

³ *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России. Хабаровск, 2004; *Талалин А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: июль 1914 — май 1918 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; *Гергишева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007; *Гуцин Ф., Жебровский С.* Пленные генералы российской императорской армии (1914–1917). М., 2010; *Нагорная О.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922 гг.). М., 2010; *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии Первой мировой: пленные, дезертиры, беженцы. М., 2011.

С точки зрения повседневной истории к проблеме плена обращается О. С. Нагорная. В основе ее концепции — категория *опыта*, которая объединила три тематических направления исследования: пространство опыта плена и факторы его формирования, непосредственное переживание плена, индивидуальную и институциональную переработку опыта.

Такой подход, а также широкий круг неопубликованных источников и новая методология обусловили соответствующие выводы, во многом изменившие принятые ранее в обществе и отечественной историографии представления о данном вопросе: показаны история «маленького человека», его переживания при столкновении с чужой культурой, лагерный быт, взаимоотношения внутри сообщества пленных, реакция на политические потрясения в Европе. Лагерь рассматривается как символ XX столетия, ведь именно с началом Первой мировой войны он превратился в «неотъемлемое средство ведения военных действий»⁴. Особенность лагерей Первой мировой войны заключалась в том, что они соединили в себе традиции предыдущей эпохи (стремление стран-участниц соответствовать образу цивилизованного государства, уважительное отношение к военной элите противника, проницаемость границы между лагерем и его окружением) и новые радикальные тенденции (репрессии, принудительный труд, национальная и политическая агитация)⁵.

Посвящая свое исследование русским военнопленным, оказавшимся в Германии, О. С. Нагорная рассматривает их в большей степени не как объект насилия, что ранее было общепринятой историографической тенденцией, а как «действующих субъектов, соопределивших облик лагерной системы и опыт заключения»⁶.

Изучение опыта русских военнопленных О. С. Нагорной показало, что сложившиеся отношения внутри сообщества не следует характеризовать как «лагерное товарищество». Наоборот, в ходе длительного заключения возникли многочисленные линии размежевания, бытовые, национальные и политические конфликты. Лагерный опыт приводил к выработке необходимых форм восприятия, толкования и конструирования окружающей действительности, таких как пассивное приспособление, скрытое и открытое сопротивление, новые каналы и приемы

⁴ Нагорная О. С. Указ. соч. С. 395.

⁵ Там же. С. 396.

⁶ Там же.

коммуникации, специфический вариант «народной религиозности» и лагерные мифологемы⁷.

Необходимо также отметить, что военный плен для русских в Германии стал своеобразным фактором эмансипации, трансформации сложившихся и выработки новых поведенческих моделей. Однако этот опыт не пригодился тем из них, кто вернулся в Россию. Необратимость изменений их менталитета оказалась практически непреодолимым препятствием для дальнейшей интеграции в послереволюционные условия уже нового государства. Советской власти не удалось использовать военный и профессиональный потенциал бывших русских военнопленных Великой войны⁸, что, в свою очередь, навсегда отодвинуло их в разряд «нежелательных чужих» в формирующемся советском обществе.

Таким образом, рассмотрение плена с точки зрения категории опыта позволило показать психологические особенности русских военнопленных в Германии, специфику их менталитета в условиях несвободы, а также влияние приобретенного за время плена опыта на дальнейшее их существование в послевоенном мире.

Количество русских солдат и офицеров, оказавшихся в плену, было огромным. Значительным было и дезертирство. К проблеме пленных как к гуманитарной катастрофе для России подходит М. В. Оськин⁹.

Пытаясь выявить причины высокой численности пленных и дезертиров, он не придерживается какой-либо конкретной методологии и концептуальной основы, балансируя на грани между классическим позитивизмом и широко распространенной в современной постсоветской историографии исторической публицистикой. Тем не менее закономерное в этом случае применение компаративного анализа позволило исследователю прийти к весьма критическим выводам относительно положения русской армии и выявления причин массового дезертирства и сдачи в плен. По его мнению, такими причинами являлись устаревшие стратегия и тактика высшего генералитета, низкий уровень дисциплины и организованности, высокая коррупция среди тыловых

⁷ Нагорная О. С. Указ. соч. С. 397.

⁸ Там же. С. 399.

⁹ Он приводит следующие цифры: 2,5 млн пленных военнослужащих, около 1 млн т. н. гражданских пленных, 200 тыс. дезертиров, 5 млн беженцев (Оськин М. В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные, дезертиры. Беженцы. М., 2011. С. 417).

и интендантских служб, демократизация армии. Таким образом, он обвинил в развернувшемся глубоком кризисе и военных поражениях «царизм как таковой»¹⁰.

В результате «русский солдат стал заложником» общей неготовности страны к войне, военной бездарности ряда представителей высшего командного состава, особенно в первый период конфликта, стремления решать возникшие по вине верховной власти негативные проблемы оборонного значения солдатской кровью, многовековой привычки командования российскими вооруженными силами воевать не умением, а числом¹¹.

Подобного плана выводы в значительной степени перекликаются с оценками, характерными для советской историографии, в которой Первая мировая война рассматривалась исключительно как иллюстрация кризиса царского режима.

Достаточно новая для российской историографии Первой мировой войны тема иностранных военнопленных на территории Российской империи получила отражение в отечественной регионалистике, поскольку именно в краевых и областных архивах отложились уникальные материалы, свидетельствующие о жизни и быте военнопленных австрийской и германской армий, оказавшихся, например, на территории Сибири и Дальнего Востока¹². Они воссоздают весьма неоднозначную картину существования иностранных военнопленных в специфических для бывших германских и австро-венгерских военных обстоятельствах: природно-климатических, национально-культурных и политических.

Концептуальную основу большинства исследований, представляющих современную отечественную регионалистику в изучении проблем иностранных военнопленных Первой мировой войны на территории Российской империи и впоследствии Советской России, составляют преимущественно идеи и методология новой локальной истории (*new local history*). Такой подход способствует выявлению особенностей политического, экономического, социального и культурного развития конкретного региона Российской империи, определивших положение

¹⁰ Оськин М. В. Указ. соч. С. 418.

¹¹ Там же. С. 426.

¹² Гергулева А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007; Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004.

иностранных военнопленных и особенности их адаптации к специфическим условиям российской действительности 1914–1922 гг.

Например, А. И. Гергилева, подробно разбирая понятие «военного плена», особенности международного права, российского законодательства, освещает экономическую и идеологическую политику официальных властей России в отношении военнопленных, рассматривает их взаимоотношения с представителями сибирской общности, характеризует влияние революций 1917 г. на положение военнопленных и изменение законодательства в их отношении, особенности жизни во время Гражданской войны и последующую репатриацию.

Она приходит к неутешительному выводу о том, что, несмотря на попытки стран решить проблемы мира, определить и установить нормы войны, в условиях военных реалий принципы гуманизма опускались из виду и на первый план выходили задачи стратегического характера¹³.

Одной из важнейших проблем при изучении вопроса об иностранных военнопленных на территории России, безусловно, является проблема их численности и состава. На примере сибирской действительности исследовательница показывает несовершенство учета военнопленных в России в целом, также отмечая, что российское законодательство не подразумевало учет их этнической принадлежности. Военнопленных условно именовали «германские и австрийские пленные», хотя они составляли пестрый этнический конгломерат. Между тем это сыграло отрицательную роль впоследствии — во время Гражданской войны.

А. И. Гергилевой вскрыт комплекс причин, характеризующих противоречивость российской политики в отношении иностранных военнопленных и связанных с этим проблем: несовершенство двухступенчатой системы регистрации военнопленных на уровне штабного начальства и ведомств, в которых находились военнопленные, что не позволяло определить их точное количество¹⁴; необдуманная политика центрального руководства, а также подведомственных ему должностных учреждений в деле организации размещения и условий содержания военнопленных на территории Сибири¹⁵. Следствием

¹³ Гергилева А. И. Указ. соч. С. 102.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 103.

стали нехватка общественных зданий для их размещения, распространение заразных заболеваний среди местного населения и т. д.¹⁶

Позднее ситуация осложнилась тем, что на территории Сибири не действовали международно-правовые соглашения, касающиеся военнопленных, которые были подписаны с рядом стран уже советским правительством¹⁷.

В ходе изучения жизни иностранных военнопленных Первой мировой войны на территории Сибири А. И. Гергилева приходит к выводу о возможности проследить своеобразную эволюцию «антигуманности», обозначившуюся в одной эпохе и так масштабно проявившуюся в другой: опыт лагерей для военнопленных Первой мировой войны с широким применением дешевой рабочей силы впоследствии при строительстве концентрационных лагерей с обязательным использованием в них принудительного труда заключенных учло советское правительство¹⁸.

Ситуация на Дальнем Востоке была похожей, о чем свидетельствуют выводы Т. Я. Иконниковой. В то же время она обращает внимание на полиэтничность конгломерата иностранных военнопленных на территории России в целом и на Дальнем Востоке в частности, отмечая противоречивость отношения военнопленных к событиям в России, связанным с Гражданской войной: политическую индифферентность одних и вовлеченность в них других. Определяющим фактором для бывших германских и австро-венгерских военных при попадании их в водоворот политических и социальных сдвигов, разразившихся в России, по ее мнению, стали именно укоренившиеся веками этнические противоречия, которые приводили к параллельному выяснению отношений друг с другом¹⁹.

Исследование гуманитарных последствий Первой мировой войны с точки зрения современной регионалистики обусловило обращение исследователей к изучению роли тыла и в целом российской провинции в Первой мировой войне²⁰.

¹⁶ Гергилева А. И. Указ. соч.

¹⁷ Там же. С. 104.

¹⁸ Там же. С. 104.

¹⁹ Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004. С. 165.

²⁰ Иконникова Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; Смирнова А. М. Столичная интеллигенция в годы Первой мировой войны: июль 1914 — июнь 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; Петровицева Е. М. Земства Центральной России в период Первой мировой

Изучение данной проблемы имеет особое значение, поскольку провинция «несла основное бремя тяжести по выполнению мобилизационных кампаний, снабжению армии вооружением и продовольствием, обеспечению приема раненых, военнопленных, беженцев»²¹. В тылу наиболее ярко проявились масштабы гуманитарных проблем, вызванных войной, и противоречивость государственной политики в их решении. Проблемы нарастали как снежный ком: общее отступление армии вызывало панику и осуждение правящих верхов со стороны широких кругов общества. Местная власть предпринимала попытки регулировать ситуацию, однако это не всегда удавалось.

войны. М., 2001; *Посадский А.В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 г. (На материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002; *Голубин Р.В.* Военно-промышленные комитеты Нижегородской губернии: Организация и хозяйственно-экономическая деятельность в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2003; *Гущин Ф.А.* Военно-промышленные комитеты России в период Первой мировой войны: на материалах Нижнего и Среднего Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003; *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 2004; *Аленина Е.В.* Тамбовское земство в годы Первой мировой войны: 1914–1918 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005; *Ваганова Л.В.* Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2005; *Ерёмин И.А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005; *Полуаршинов А.В.* Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 – февраль 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; *Салова С.В.* Буржуазия России в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: историко-региональный аспект – Самарская, Симбирская, Саратовская губернии. Самара, 2005; *Шишкина С.Ю.* Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Тюмень, 2006; *Белов С.Б.* Патриотизм в годы Первой мировой войны (1914–1916). Взгляд из Нижнего. Нижний Новгород, 2008. Кн. 1; *Трошина Т.И.* Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008; *Черетица В.Н.* Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских лиц и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Минск, 2009; *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011; *Магомедов Р.Р.* Война и хлеб. История продовольственной политики государства на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Оренбург, 2012; и др.

²¹ *Ерёмин И.А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 8.

В этом отношении показательна работа Е. М. Петровичевой, в которой освещен уникальный опыт деятельности российских земств по снабжению фронта и обеспечению тыла²². Основываясь на анализе широкого круга источников, она показала, что правительство весьма активно привлекало земства к решению важнейших задач. В то же время автору удалось показать нарастание конфронтации между земской общественностью и властью, а также рост оппозиционных настроений в земской либеральной среде, что в условиях тягот и лишений, испытываемых народом в период военного лихолетья, сыграло роковую роль и привело монархию к гибели. Таким образом, правительство «недооценивало важность общественной психологии, не видело необходимости в формировании общественного мнения и влияния на него. Правительственный аппарат плохо пользовался гласностью и печатным словом; хотя в то время, особенно в условиях войны, ни одно правительство не обходилось без умелой и даже усиленной пропаганды»²³.

В результате в условиях крайней дискредитации власти, народ, уставший от тягот войны, совершил революцию и сверг существующий строй. Развитию событий по такому сценарию в значительной степени способствовала позиция земской общественности, вставшей на путь борьбы с властью. Эту борьбу общественность выиграла, но за гибелью думской монархии последовала и гибель земства²⁴.

Комплекс проблем, связанных с гуманитарными последствиями Первой мировой войны, на примере Томской губернии рассмотрел И. А. Еремин. Он отметил единство усилий правительства, региональных властей и общественности, которое проявилось в деле снабжения армии, в ходе мобилизационных кампаний, помощи семьям лиц, мобилизованных на военную службу, а также раненым, беженцам и всем пострадавшим от войны²⁵.

В то же время он не отрицает противоречивости государственной политики, которая заключалась, например, в ограничении деятельности военно-промышленных комитетов, игравших огромную роль в тылу²⁶; также обращает внимание на такие полярные проявления от-

²² *Петровичева Е. М.* Земства Центральной России в период Первой мировой войны. М., 2001.

²³ Там же. С. 105.

²⁴ Там же. С. 108.

²⁵ *Еремин И. А.* Указ. соч. С. 273.

²⁶ Там же.

ношения к военной службе, проявившиеся во время войны, как добровольческое движение и дезертирство, отметив, что добровольческое движение было характерным лишь для первого года войны, затем оно быстро угасло, ему на смену пришло массовое дезертирство, рост которого к 1917 г. достиг угрожающих масштабов²⁷.

Рассматривая положение сибирской провинции в годы войны, И. А. Еремин не мог не обратиться и к вопросам, касающимся беженцев и иностранных военнопленных. Появление в сибирских губерниях, в том числе в Томской, десятков тысяч вынужденных мигрантов-беженцев и военнопленных, по мнению исследователя, стало серьезной гуманитарной проблемой. Прежде всего надежды на беженцев, возлагаемые на них местным руководством, не оправдались: они не сыграли заметной роли в развитии экономики региона. Местные крестьяне предпочитали труду беженцев более дешевый труд военнопленных. В результате без средств к существованию оставались тысячи людей, прибывшие в совершенно чуждые условия. Правительственные же пособия обрекали их на нищенское существование²⁸.

Проблемы тыла на примере Дальнего Востока рассматривает Т. Я. Иконникова²⁹, отмечая особое влияние событий Первой мировой войны на положение в регионе. Серьезной проблемой здесь стала нехватка рабочих рук. Однако ее решение имело свои особенности: «мобилизации мужчин трудоспособных возрастов свели почти на “нет” прежние титанические усилия по заселению Приамурского края. Это вызывало необходимость привлечения “желтого труда”, а также таких нестандартных источников трудовых ресурсов, как вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные. Но наличие беженцев и здесь не могло решить проблемы, так как они рассматривали свое пребывание в крае как кратковременное и не желали работать “по разнарядке”. Уже с 1916 г. они частично добились разрешения выехать в другие губернии России»³⁰.

Единственным выходом оставалось привлечение «желтого труда», однако решение проблемы нехватки рабочих рук за счет привлечения мигрантов из Китая осложнило политическую ситуацию на Дальнем

²⁷ Еремин И. А. Указ. соч. С. 274.

²⁸ Там же. С. 275.

²⁹ Иконникова Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999.

³⁰ Там же. С. 361.

Востоке, поскольку происходившее в связи с этим изменение этнической картины привело к утрате Российской империей своих позиций в этом важном с точки зрения стратегических интересов регионе. Возвращать их пришлось уже советской власти.

Вклад российской провинции в процесс перестройки жизни страны на военный лад рассматривается И. Б. Беловой. На примере Орловской губернии она характеризует особенности хозяйственно-экономической и общественно-политической жизни провинции и приходит к выводу, что ситуация в провинции, вызванная тяготами военного времени, до февраля 1917 г. не носила катастрофического характера³¹. Однако она отмечает кризисные явления в организационной системе местной власти и противоречивость государственной политики в решении социально-экономических проблем, например при организации продовольственного снабжения.

Продовольственный вопрос стал одной из ключевых проблем Первой мировой войны. На примере Южного Урала его рассмотрел Р. Р. Магомедов³². Определив отношение крестьян-хлебодержателей к продовольственным мероприятиям царского и Временного правительств, соотношение частнособственнических интересов и национально-государственных приоритетов в сознании крестьянских масс, пути и методы осуществления хлебозаготовительных кампаний, он обратил внимание на то, что Россия вступила в войну, имея лишь государственные продовольственные запасы для армии в объеме, необходимом на период мобилизации войск и ведения боевых действий в первые месяцы войны. Более того, в российской армии до войны не существовало системы централизованного снабжения продовольствием. Воинские части осуществляли продовольственные закупки самостоятельно³³.

Систему продовольственного обеспечения не удалось наладить вплоть до начала Февральской революции. Между тем в аграрном секторе экономики, от уровня развития которого зависела продовольственная безопасность страны, катастрофического спада не произошло. Хлебные ресурсы страны были достаточными для того, чтобы обеспечить потребности армии и населения потребляющих регионов в продовольствии.

³¹ Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. М., 2011. С. 78.

³² Магомедов Р. Р. Война и хлеб. История продовольственной политики государства на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Оренбург, 2012.

³³ Там же. С. 149.

Следовательно, делает вывод исследователь, продовольственный кризис, разразившийся в годы войны, не являлся следствием исключительно объективных факторов, а был результатом воздействия субъективных причин, т. е. неспособности царского правительства наладить четко отрегулированный механизм продовольственного обеспечения страны в условиях войны³⁴.

Таким образом, война обнажила глубокие недостатки системы организации власти Российской империи, которые усугубили тяжелые гуманитарные последствия Первой мировой войны.

Взгляд через призму локальной истории позволил А. В. Посадскому, опираясь на материалы Саратовской губернии, исследовать процесс всеобщей мобилизации и его влияние на настроение крестьянства России.

Новые материалы и исследовательские подходы привели к выводу о противоречивости механизма взаимодействия народа и власти в России. Основываясь на теории функционального внутриэтнического конфликта, предложенной С. В. Лурье, А. В. Посадский считает, что внутриэтнический конфликт с заданным алгоритмом протекания заложен в саму структуру «центральной зоны» культуры русских, задан этническими константами и является структурообразующим (а не ситуативным) для каждого случая их этнической самоорганизации³⁵.

На уровне ментальной характеристики у русского народа существовала «своя» государственная логика, базировавшаяся на комплексе представлений о настоящем православном царстве и соответственно о должном поведении власти предрежащей. Принципиально конфликтный механизм взаимодействия народа и власти в России определял жесткий, провоцирующий характер «испытания» власти на прочность, своего рода завышенные требования к ней. Соответственно проблему, проявленную мобилизацией, можно усмотреть в органичном соединении целенаправленных централизованных усилий государства и низовой, прежде всего крестьянской, самоорганизации, корректирующей и дополняющей их. Если организационные усилия «сверху» неадекватны (т. е. крестьянин видит леность, равнодушие, нерачительность, нецелесообразность, с его, крестьянской, точки зрения), то и сама крестьянская самоорганизация имеет большие шансы пойти по негативному

³⁴ Магомедов Р. Р. Указ. соч. С. 151.

³⁵ Посадский А. В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 147.

пути. Если же крестьянин видит «сверху» распорядительность и самоотвержение, то даже весьма болезненные накладки преодолеваются с помощью самих крестьян и не приводят к катастрофе³⁶.

Несмотря на то что мобилизация проходила при общем подъеме, она вызвала «гигантское перенапряжение инфраструктуры и значительное количество частных беспорядков. В 1917 г. стихийная (а затем и плановая) демобилизация стала сильным революционным фактором»³⁷.

Таким образом, общая мобилизация в конкретно-исторических условиях России выступила своего рода индикатором как настроений крестьянской массы и ее восприятия «большого мира» и государственных задач, так и управленческого потенциала власти и основных точек социальной и иной напряженности.

По мнению другого исследователя — О. С. Поршневой, произошла так называемая «десакрализация монархической власти при сохранении в менталитете крестьян архетипической основы воссоздания культа верховного правителя, которая в новых условиях, после Февраля 1917 г., трансформировалась в вождизм, опирающийся на революционную харизму, высшие ценности социальной справедливости»³⁸.

В своем исследовании О. С. Поршнева применила социокультурный подход к комплексному изучению менталитета и социального поведения наиболее многочисленных слоев российского общества — «народных низов» — в один из самых драматических периодов истории. Это позволило ей прийти к выводу о глубоком социокультурном расколе, существовавшем в российском обществе в начале XX в., порожденном модернизацией, с одной стороны, и запаздыванием в проведении необходимых социально-политических преобразований — с другой, что в конце концов привело к обострению общественных противоречий. Предотвратить революционный взрыв, по мнению О. С. Поршневой, могли только постепенные структурные реформы, однако «трагическим поворотом для страны» стала именно Первая мировая война, поскольку она перечеркнула перспективы мирного эволюционного развития России³⁹.

³⁶ Посадский А. В. Указ. соч. С. 156.

³⁷ Там же. С. 145.

³⁸ Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2000. С. 261.

³⁹ Там же. С. 260.

Кроме того, социокультурный раскол свидетельствовал о духовной неготовности России к войне. На момент начала войны не существовало единых представлений об интересах страны, которые могли обеспечить устойчивую морально-психологическую и идейно-политическую консолидацию населения⁴⁰.

Ситуацию усугубила выработка милитаризованного сознания, что привело к ожесточению многомиллионной массы людей и девальвации ценности человеческой жизни. Кроме того, девальвированными, по мнению О. С. Поршневой, оказались и христианские этические нормы и ценности, которые могли бы препятствовать милитаризации сознания. Однако поскольку они существовали в сознании солдат — вчерашних крестьян — «преимущественно в форме бытовой обрядности», этого не произошло. Напротив, к жизни был вызван «психологический механизм эскалации ненависти низов по отношению к классовым врагам». Это привело к трансформации крестьянского менталитета, изменению психологии солдатской массы и психологии общества в целом и в конечном счете — к распаду государства.

Таким образом, применение социокультурного подхода показало влияние совокупности сложных общественно-политических и культурных условий, сложившихся в Российской империи в начале XX в., на изменение менталитета и поведения рабочих, крестьян и солдат, а также способствовало определению значения психологической составляющей отдельного субъекта в происходивших социальных процессах. Произошедшая в результате Первой мировой войны «ментальная эволюция» привела к смене социокультурной среды, выразившейся в революциях и последующей Гражданской войне.

Одной из серьезных проблем гуманитарного плана, возникших в период Первой мировой войны и повлиявших на послевоенную ситуацию, являлось изменение психологического состояния широких масс населения, развитие психозов, неврозов, депрессии, агрессивного поведения и т. д. Вопросам психологии войны, в том числе Первой мировой, сегодня уделяется значительное внимание⁴¹.

⁴⁰ Поршнева О. С. Указ. соч. С. 261.

⁴¹ Караянни А. Г. Психология войны: постановка проблемы с позиции военно-исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 38–50; Астахов А. Б.

Исследователи приходят к выводу, что адекватное понимание феномена войны возможно при применении теоретико-методологических конструкций современной конфликтологии и психологических концепций межгрупповых отношений⁴². В связи с этим одним из ключевых подходов к изучению психологии войны является так называемый межгруппоционный подход. Именно в его основе лежит изучение социально-психологических явлений при определении причин конфликтов и войн.

Одна из первых попыток осмысления философских и психологических аспектов Первой мировой войны в постсоветский период была предпринята на научной конференции «Первая мировая война: история и психология»⁴³. На ней поднимались вопросы необходимости изучения *человеческого* измерения Великой войны, ее психологических последствий, морально-психологического состояния русской армии, формирования образа врага и т. д.

Трагедия Первой мировой войны с точки зрения ее влияния на психологию масс состояла в том, что она «разорвала культурно-историческую континуальность цивилизации и миропорядка. Спровоцированные ею процессы породили ощущение, что культура перешла в некую особую фазу бытия. Эти ощущения вызвали мощную волну социально-философских исканий, которые попытались рационализировать эти ощущения, выявить ту неведомую реальность, которая их породила

Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 268–281; *Котылов Н. А.* Социально-психологический портрет русского офицерства в годы Первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М., 2005. С. 127–141; *Кунцова И. В.* «Образ врага» в сознании художественной интеллигенции в годы первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 276–287; *Коченасова Т. Ю.* Психоневрозы войны в начале 1920-х годов // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М., 2005. С. 399–411; Военно-историческая антропология. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007; Первая мировая война: история и психология : материалы Российской научной конференции. СПб., 1999.

⁴² *Караяни А. Г.* Психология войны: постановка проблемы с позиции военно-исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 41.

⁴³ Первая мировая война: история и психология: Материалы Российской научной конференции. СПб., 1999.

и в которой теперь предстояло жить европейскому человеку»⁴⁴. Более того, именно Первая мировая война ввела в социальный мир принципы тотальности: тотальное разрушение, тотальное господство, тотальные идеологии, тотальную дегуманизацию и положила конец рационалистическому оптимизму⁴⁵.

Изучение психологических проблем, вызванных Первой мировой войной, привело исследователей к выводу о всеобщем пессимизме, господствовавшем в русской армии, который неуклонно нарастал по мере удаления линии фронта⁴⁶.

Это подтверждают и слова военного атташе Великобритании в России в годы Первой мировой войны, генерала А. Нокса, записанные в его воспоминаниях: «Дух русской армии проходит через многие тяжелые испытания, только одного из которых было бы достаточно, чтобы подорвать дух многих других миллионных армий. Многие выдающиеся начальники настолько подавлены убеждением в техническом превосходстве немцев, что считают, что немец все может. Это естественное, но не здоровое явление. Среди солдатской массы много случаев сдачи в плен и дезертирства в тыл. Предпринимаемые меры и наказания мало действительны»⁴⁷.

Применение концептуальных подходов психологии в исследовании одного из важнейших составляющих русской армии — ее боевого духа — позволило В. А. Артамонову прийти к выводу о том, что народ отправился на Первую мировую войну «без идеи Родины и веры в правду дела»⁴⁸. В высшем обществе существовало убеждение в неисчерпаемости боевого духа русской армии, несмотря на противоречивость военного воспитания, теории боя, построенной на «недопустимо расточительном расходовании крови»⁴⁹. По мнению исследователя, данные проблемы стали ключевыми в общем процессе падения боевого духа армии в ходе Первой мировой войны и ее последующего распада.

⁴⁴ Солонин Ю. Н. Опыт войны: от впечатления к метафизике // Первая мировая война: история и психология. С. 7.

⁴⁵ Там же. С. 8.

⁴⁶ Куликова О. Ю., Куликов Ю. Н. Настроения русской армии и тыла в Первой мировой войне // Первая мировая война: история и психология. С. 60.

⁴⁷ Цит. по: Первая мировая война: история и психология: Материалы Российской научной конференции. С. 59.

⁴⁸ Артамонов В. А. Боевой дух русской армии XV–XX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 142.

⁴⁹ Там же. С. 142.

Безусловно, это не отменяло многочисленных примеров доблести и героизма и солдат, и офицеров на этой войне. Однако «общая дряхлость режима не могла наполнить их силой»⁵⁰. Ситуацию усугубляли отступления, массовые сдачи в плен и дезертирство, поголовное награждение рядовых Георгиевскими крестами. Последней каплей стало свержение самодержавия в 1917 г., что привело к провалу июньского наступления и окончательному разложению армии.

Таким образом, исследование боевого духа русской армии в XV–XX вв. свидетельствовало о невозможности предотвращения ее краха вследствие Первой мировой войны.

Серьезной проблемой стали патологии психического состояния населения. Психопатологическое состояние русской армии в Первую мировую войну исследовал А. Б. Асташов⁵¹. Отметив особое значение этой войны для русского воина как первой современной войны «нового типа», он пришел к выводу о неготовности российского общества и самого русского солдата к такой войне, прежде всего «в силу несовпадения культурной организации общества и характера войны»⁵².

Результатом этого стал культурный шок, который испытали миллионы солдат и офицеров, оказавшихся на фронте, что закономерно отразилось на ходе военных действий.

Пристальное внимание А. Б. Асташов обратил на трансформацию сознания, которой подвергалась личность военного при выходе из шоковой ситуации, выяснению характера и силы влияния военного опыта как фактора деформации личности, полученного в шоковой ситуации, с которым он вернулся домой, изучению связи специфики положения человека на фронте как носителя пограничных состояний с его ролью в последующих революционных событиях.

Исследование поведенческой культуры военных русской армии в период Первой мировой войны с помощью исторических методов, методов антропологии, с одной стороны, и использование достижений медицины в исследовании психоневрозов — с другой, привели автора к целому ряду нетривиальных выводов.

В ходе Первой мировой войны резко выросло число душевнобольных. К 1915 г. они составили 0,5 % от общего числа призванных (около

⁵⁰ Артамонов В. А. Указ. соч. С. 142.

⁵¹ Там же. С. 268–281.

⁵² Там же. С. 268.

50 тыс. чел.)⁵³. В русской армии оказалось намного больше душевнобольных в пограничных состояниях, чем в мирное время, по сравнению с западными армиями. Это означало, что подвергшиеся на фронте различным видам психозов оставались в армии, считаясь здоровыми. По мнению А. Б. Асташова, если бы учитывались все здоровые с пограничными психическими расстройствами, то встал бы вопрос о боеспособности русской армии⁵⁴.

Однако исследователь не погружается полностью в медицинские термины, а обращает внимание на необходимость изучения реакции личности на обстоятельства, поскольку именно личность стоит «у истоков психогенных реакций», что в конечном счете позволит определить социальную составляющую патопсихологической реакции, важную для историка⁵⁵.

Влияние на психологическое состояние оказывал ряд факторов: специфика военных действий (позиционная война, новые виды оружия, громадные потери, протяженность фронта и т. д.), качественно иной состав армии по сравнению с мирным временем. Последнее имело особое значение, поскольку в результате проведенной впервые в России всеобщей мобилизации в строю оказались все призывные возраста и состояния, что предполагало широкое включение в состав армии психопатологически предрасположенных.

Характеризуя качественный состав русской армии, А. Б. Асташов указывает на особый традиционалистский менталитет рядового солдата русской армии, обращая внимание то, что на 80 % она состояла из крестьян, для которых эта форма мировоззрения предполагала неразрывность их связи с родиной, семьей, домом. Начавшаяся война с ее новыми формами подрывала принципы крестьянской ментальности. Это вызывало рост психогенных реакций, что, в свою очередь, являлось особенностью Первой мировой войны. Именно психогенные реакции в значительной мере определили склонность индивидов к агрессии. Специфика военной ситуации определила такую ее форму, как неподчинение властям, убийства и т. д. В условиях революционной ситуации они переходили в неконтролируемую стадию

⁵³ Асташов А. Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 269.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 270.

аффективных состояний. Психосоциальный стресс стал условием для изменения социальной среды. Этапами выхода из стресса стали окончание войны, революция, Гражданская война, строительство нового государства⁵⁶.

Между тем во время Второй мировой войны количество депрессий уменьшилось. Исследователь объясняет это именно трансформацией менталитета, произошедшей в ходе кардинальных модернизационных процессов — коллективизации и индустриализации и завершившейся к началу новой мировой войны. В результате солдат советской армии стал иным: вышедший из крестьян и рабочих, он уже оторвался от малой родины, пройдя этапы социалистического строительства, для которого были характерны перемещения по стране, иной ритм и темп масштабного индустриального производства⁵⁷.

Таким образом, по мнению А. Б. Асташова, Первая мировая война явилась для русской армии психосоциальным стрессом, культурным шоком такой мощности, примеров которому в истории не было⁵⁸.

Тему продолжает Т. Ю. Кочepasова, исследуя психоневрозы войны начала 1920-х гг.⁵⁹. Они рассматриваются как социальная болезнь, своеобразие которой — конфликт, содержащий в себе основные противоречия исторического времени⁶⁰. Основываясь преимущественно на медицинских материалах — клинических исследованиях, она показывает типичные для этого времени невротические нарушения личности, связывая их с историческим моментом.

К примеру, во время Первой мировой войны происходит рост числа душевной заболеваемости среди женщин. Т. Ю. Кочepasова объясняет это непосильной нагрузкой, которая обрушилась на них вследствие ухода мужчин на фронт, длительности военного конфликта и необходимостью заботы о семье и просто выживании.

По мнению исследовательницы, характер невротических расстройств зависел от особенностей эпохи: мировая война, революции, голод создавали ситуацию, несовместимую с возможностью нормального существования. Наибольшее распространение в армии получают

⁵⁶ Асташов А. Б. Война как культурный шок... С. 278.

⁵⁷ Там же. С. 272.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Кочepasова Т. Ю. Психоневрозы войны в начале 1920-х годов // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М., 2005. С. 399–411.

⁶⁰ Там же. С. 399.

травматические психозы. Клиническую картину усугубляют сопутствующие заболевания войны, ранения, физические травмы. Позже к ним присоединяется психоз истощения как следствие разразившегося голода, инфекционный психоневроз, явившийся следствием эпидемий тифа, холеры, испанки, сифилиса и т. д., а также интоксикационные психозы, связанные с распространением алкоголизма и наркомании.

Массовое распространение невротических расстройств усугубляло социальную катастрофу. Кроме того, участие в Первой мировой войне могло оказаться социально наказуемым. По мнению Т. Ю. Кочepasовой, одной из форм компенсации психоневрозов войны стало политическое поведение⁶¹.

Психологии русского офицерства в Первую мировую войну посвящено исследование Н. А. Копылова. Однако основное внимание автора обращено на социальную составляющую облика русского офицера Первой мировой войны. Характеризуя большие потери офицерского состава уже в первый год войны и особенности вынужденной ускоренной подготовки новых офицеров, он пришел к выводу о качественно изменившемся офицерском корпусе: практически истребленный старый кадровый состав был заменен новым, выпущенным с краткосрочных курсов. Получив лишь азы военной подготовки, офицеры приходили на фронт плохо подготовленными⁶². Новые офицеры не были знакомы с офицерскими традициями и культурой, большинство из них не принадлежало к дворянскому сословию. Все это приводило к неприятию их кадровыми офицерами, возникновению конфликтов и как следствие — ухудшению боеспособности армии.

Одним из последствий войны стала феминизация вооруженных сил⁶³, широко проявившаяся в ходе Первой мировой войны на русском фронте.

Несмотря на то что привлечение женщин на театр военных действий имело место уже со второй половины XIX в. (в Крымскую и Русско-турецкую войны), именно начало XX в. характеризуется возрастанием

⁶¹ Кочepasова Т. Ю. Указ. соч. С. 409.

⁶² Копылов Н. А. Социально-психологический портрет русского офицерства в годы Первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 133.

⁶³ Феминизация (от лат. *femina* — женщина) вооруженных сил — противоречивый, многофакторный процесс изменения профессионального статуса, роли и места женщин в воинских подразделениях, органах военного управления и среди гражданского персонала армии и флота.

удельного веса женщин в армии и расширением их деятельности. Эти тенденции довольно ярко проявились в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и особенно в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. С ее началом женщины активно включились в оказание помощи милосердной российской армии через Красный Крест и общины. Массовое и активное участие российских женщин в войнах является историческим феноменом, исследование которого получило освещение в работах, основывающихся на гендерном подходе в военной антропологии⁶⁴.

Его применяет Ю. Н. Иванова при изучении роли женщин в отечественных войнах и приходит к выводу, что причины феминизации вооруженных сил заключались как в социально-общественной ситуации, так и в потребности самого военного ведомства⁶⁵.

Кроме того, мобилизация мужчин в армию привела к катастрофической нехватке рабочих рук в тылу, что, в свою очередь, впервые в истории вызвало необходимость масштабного применения женского физического труда. В результате это осложняло социальную, психологическую, экономическую и политическую ситуацию в стране.

Основываясь на идеях гендерного подхода, «мужской» фактор в Первой мировой войне исследует А. Б. Астахов, рассматривая его с точки зрения сексуального опыта русского солдата. Он приходит к выводу о сексуальной революции, произошедшей во время Первой мировой войны, которая, в свою очередь, стала частью социальной революции 1917 г.

Сексуальный опыт породил новые сексуальные ожидания солдат, повлиял на формирование новых сексуальных представлений. Это, в свою очередь, привело к стремлению перестроить свой семейный статус, что в прежних условиях было уже невозможно: «Это можно было сделать только на путях широкого социального реформаторства»⁶⁶. Война обнажила и сексуальные противоречия консервативного мышления солдат-крестьян, которые были ликвидированы в ходе революции, сломавшей «общественно-политический строй, являвшийся частью системы, блокировавшей сексуальную энергию, и направившей

⁶⁴ *Иванова Ю. Н.* Женщины в войнах отечества // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 346–356; *Астахов А. Б.* Сексуальный опыт русского солдата на первой мировой и его последствия для войны и мира // Военно-историческая антропология. Ежегодник. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2007. С. 367–382.

⁶⁵ *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 354.

⁶⁶ *Астахов А. Б.* Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира. 378.

ее на формирование малой семьи в рамках большого индустриального производства»⁶⁷. Сексуальная революция стала одним из катализаторов общественной реформации, наметившейся уже в ходе войны и продолжившейся впоследствии во время череды социально-политических потрясений, обрушившихся на Россию в 1917–1922 гг.

Таким образом изучение современными российскими историками гуманитарных проблем, возникших в ходе Первой мировой войны, свидетельствует о комплексном кризисе Российской империи начала XX в. Применение новых методологических подходов и концептуальных конструкций позволило большинству исследователей прийти к выводу, что война обнажила проявления кризиса и ускорила необходимость преобразований. Однако если при ее отсутствии еще был возможен эволюционный путь преобразования общества, то начало и ход военных действий исключили эту возможность. Исследования показали, что проблемы гуманитарного плана оказались непосильными не только для государственного аппарата, но и для всего общества.

⁶⁷ Там же.

И. Н. Гребенкин,
доктор исторических наук, проф.
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

АРМИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития российского общества в начале XX в. и их влиянию на состояние обороноспособности страны. Рассматриваются особенности солдат и офицеров российской армии как представителей различных социальных групп. Показана природа социальных противоречий в армии и их значение для развития общественного и политического кризиса в России в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: социальный конфликт, офицерский корпус, социальная психология.

I. N. Grebenkin

WARTIME ARMY AS A FIELD OF SOCIAL CONFLICT

Summary: The article covers the problems of the Russian society development at the beginning of 20th century which affected the quality of national defense. The peculiarities of Russian soldiers and officers as representatives of different social groups are analyzed. The nature of social contradictions in the army and their significance for the development of social and political crisis in Russia during World War I are shown.

Keywords: social conflict, officers, social psychology.

Первая мировая война застала Россию на сложном и противоречивом этапе, когда процессы модернизации, запущенные великими реформами второй половины XIX в., развивались, но были еще далеки от завершения. Архаичные черты социальной структуры и аграрный характер экономики обусловили множество проблем, которые остро сказывались на всех сферах жизни государства, в том числе и на его обороноспособности.

Свойственные российскому обществу в начале XX в. сословное деление и социальное неравенство своеобразно отражались на жизни и взаимоотношениях внутри такого специфического социального организма, каким являлись вооруженные силы империи. Преимущественно крестьянское население страны обусловило преобладание крестьян либо связанных с ними групп среди рядового состава армии и флота,

который более чем на 90% комплектовался за счет крестьян (до 60%), рабочих и ремесленников (более 30%). Офицерский корпус всегда включал не менее 50% представителей привилегированных сословий¹. Столь разительные различия, естественно, разобщали офицерский корпус с солдатской массой, противопоставляли их в плане психологическом, культурном, ценностном.

По выражению генерала П. И. Залесского, в дореволюционной России «были две расы людей: “барин” и “мужик”. Барин — это не только тот, кто был у власти, не только помещик и богатый человек, а всякий *прилично одетый* человек и притом, конечно, грамотный. В противоположность ему мужик — крестьянин, рабочий, прислуга, всё это — темнота, среди которой читавший и писавший человек — редкость»². Согласно такому положению солдат в неписаной социальной иерархии Российской империи непременно происходил из «мужиков», офицер же по условию являлся «барином». В условиях кадровой армии субординация и жесткая дисциплина лишь маскировали эти очевидные сословные пережитки, придавая им видимость отношений, естественных для воинской среды. Не могли в принципе разрешить этой проблемы и усилия части офицеров, пытавшихся «подойти к солдату», строить отношения с подчиненными на разумных началах. С другой стороны, как отмечают историки, исследовавшие социально-психологический тип русского солдата, покорность и подчинение солдат командирам имели в своей основе черты типично крестьянского менталитета: сложившуюся в поколениях привычку безропотно переносить все тяготы и притеснения³.

С началом Первой мировой войны и проведением небывалой по масштабам мобилизации армия военного времени многократно возросла численно, но социальный состав нижних чинов изменился мало: в нем лишь несколько возросла крестьянская составляющая⁴.

¹ См.: *Гаркавенко Д.А.* Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // *Революционное движение в русской армии в 1917 году.* М., 1981. С. 30–45.

² *Залесский П.* Грехи старой России и ее армии // *Философия войны.* М., 1995. С. 149.

³ См.: *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // *Отечественная история.* 2003. № 2. С. 72–86; *Поршнев О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 177.

⁴ В призывах 1914–1917 гг. доля крестьян превышала 66%. (См.: *Гаркавенко Д.А.* Указ. соч. С. 38.)

Присущий ей уровень культуры и образованности теперь определял качество российской вооруженной силы. Выходцы из среды крестьянства, на 80 % составлявшие массу гражданского населения и нижних чинов армии и флота, слабо усваивали сущность экономических и геополитических интересов государства. При этом стоит заметить, что подобное положение дел в области народных настроений не являлось совершенной неожиданностью и отмечалось прозорливыми современниками. Еще в 1910 г. князь В. С. Кочубей на страницах своей книги, посвященной проблемам национальной обороны, указывал на ненадежность в условиях большой войны массы российского населения, которая выразится в равнодушии к исходу вооруженной борьбы России с врагом, ибо большинство народа остается разобщенным в социальном, правовом и культурном отношении; исторически отчуждено от проблем и решений в области внешней политики⁵.

В реалиях мировой войны специфическая крестьянская ментальность ограничивала возможности понимания отвлеченных категорий мировой политики и государственной жизни. В сознании солдат-крестьян распадалась даже традиционная формула присяги «За Веру, Царя и Отечество». Отечество в восприятии русского крестьянина неизменно было связано с малой родиной — родной деревней, домом, хозяйством, семьей. Сражения же происходили на западных границах империи, в Закавказье и даже в Европе, вдали от родных мест, поэтому война и враг, в представлениях солдата, не могли угрожать его отечеству-дому в Центральной России, на Волге, в Сибири. Бесспорный, казалось бы, довод о необходимости защиты Отечества от вражеского нашествия все чаще наталкивался на наивную, но непреклонную крестьянскую отповедь: «Мы калуцкие (рязанские, вятские и т. п.), до нас германец не дойдет...»

Серьезную девальвацию испытывал до недавнего времени незыблемый, сакрализованный образ царя. Начало войны было воспринято широким общественным мнением как совершившийся факт, как данность, однако происхождение большой войны и преследуемые в ней цели массой российского населения так и остались непонятыми. В высочайшем манифесте о начале войны последовательно излагалась коллизия, связанная с австро-венгерским ультиматумом Сербии, российскими союзническими обязательствами и соответствующими

⁵ *Кочубей В. С.* Вооруженная Россия, ее боевые основы. Париж, 1910. С. 283–284.

ответными мерами, завершившимися мобилизацией и объявлением войны Германией. Однако, учитывая уровень гражданского сознания, культуры и образованности народных масс, трудно было рассчитывать на осмысленное и мотивированное отношение большинства населения к войне. Один из выдающихся российских военачальников Первой мировой войны А. А. Брусилов отмечал по этому поводу: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война стряслась им на голову, — как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы, не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, т. е. по капризу царя»⁶. Таким образом, фигура царя оставалась единственным явлением, объясняющим войну, выступая одновременно ее причиной и смыслом. В сознании самого массового участника войны — солдата — царь, будучи инициатором войны, становился ее заложником, и в дальнейшем разочарование и недовольство войной неизбежно разрушало авторитет императора и императорской власти.

Ежедневному испытанию на фронте подвергались христианские ценности солдата — вчерашнего крестьянина. Оказываясь в условиях опасности, ситуации непредсказуемой, не зависящей от воли и разума, люди склонны были искать защиты и поддержки у высших сил, что должно было выразиться в росте бытовой религиозности. Но жестокости и разрушительный характер военного конфликта Нового времени не вписывались и не могли найти в системе религиозной морали ни объяснения, ни оправдания. Впечатления от происходящего разрушали привычные представления, в которых антропоморфный бог правил миром в соответствии со своими заповедями. Характерный ход размышлений можно встретить в солдатских воспоминаниях. «Прибыл я на службу военную начетчиком священного писания и неплохим фанатиком верующим. В трудные минуты фронтовой жизни молился господу богу до одури. Война и жизнь начали вносить свои поправки, и я начал сомневаться в могуществе всевышнего бога. Что же он, всемогущий и всеведущий, без воли которого не упадет ни один волос в головы

⁶ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 69.

человека, в уме ли? Допускает, что сотнями тысяч гибнут люди. Во имя чего бьют их такими средствами, которыми не бьют ни одного зверя. В чем же дело?»⁷.

Солдата шокировала необходимость ежедневно переступать через основополагающие христианские заповеди: «Все наново переучиваю. Сказал господь, сын божий: “Не убий”, значит — бей, не жалей... Люби, мол, ближнего, как самого себя: значит — тяни у него корку последнюю. А не даст добром — руби топором...»⁸. Особенно волнует солдат мысль о греховности совершаемого и ответственности за это: «Грех аль нет?.. Почему я знаю, может, сотню али больше душ загубил... А как грех? На том свете начальство вперед себя не пустишь»⁹. Наконец, защита веры предполагала противостояние противнику-иноверцу, а необходимость сражаться с германцем-христианином неизменно вызывала недоумение, а порой и неприятие.

Разъяснительная работа, которую вели среди солдат командиры и священники, зачастую не достигала цели. А. И. Деникин склонен был объяснять неготовность офицеров к такой работе с нижними чинами существовавшей в старой армии установкой на недопустимость обсуждения любых политических вопросов в воинской среде¹⁰. Современные же исследователи указывают на то, что крестьянское сознание солдат было невосприимчиво к аргументации их более образованных начальников¹¹. В любом случае, офицер в глазах подчиненного являлся основным представителем государства — в сущности, чуждой и враждебной для солдата-крестьянина и солдата-рабочего силы. По мере же неблагоприятного развития военных событий, роста усталости и антивоенных настроений в солдатской массе офицер представлялся ей главным лицом, заинтересованным в продолжении войны.

Офицерский корпус военного времени приобрел социальный облик, заметно отличавшийся от довоенного. Прежняя кадровая основа сочеталась в нем с массовым пополнением, включавшим представителей всех образованных слоев общества. Полковник Генерального штаба А. А. Свечин, впоследствии известный советский военный ученый,

⁷ «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны // Исторический архив. 2007. № 4. С. 57.

⁸ Федорченко С.З. Народ на войне. М., 1990. С. 71.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. М., 1991. С. 98.

¹¹ См.: Поршнева О.С. Указ. соч. С. 178.

командовавший на фронте полком, давая высокую оценку большинству офицеров военного времени, рассматривал среди них несколько категорий. Наряду с прапорщиками из студентов и недавних гимназистов, хорошо образованных, отличавшихся храбростью и отвагой, он выделял группу, представленную воспитанниками учительских семинарий и народными учителями, более приспособленными и выносливыми, умевшими найти подход к крестьянину-солдату¹².

Манера поведения кадровых офицеров с солдатами особенно бросалась в глаза недавним резервистам. Один из них весной 1915 г. сообщает в письме: «Большинство кадровых офицеров держится от солдат особо и поговорить с солдатом запросто считает позором. Отдание чести даже теперь на первом месте»¹³. Демократичный стиль поведения офицеров-интеллигентов фактически противоречил традиционной для царской армии системе взаимоотношений между офицером и солдатом, в которой, например, немислимым явлением было рукопожатие между тем и другим. Такого рода вольности обычно вызывали со стороны начальства и большинства сослуживцев нарекания и упреки в панибратстве¹⁴. Тем не менее сама фронтовая жизнь требовала от младших офицеров строить свои отношения с солдатами рационально, соответственно условиям службы и реальной боевой работы. Несомненно, что часть офицерской молодежи не стремилась жестко следовать в русле сложившейся воинской этики, сознательно перенося в армейскую среду свои социальные опыт и манеры. Появление такого типа офицеров было отмечено и оценено солдатами. Рядовой-артиллерист вспоминал: «Батарея при формировании пополнилась офицерским составом. Прибавилось два прапорщика, два брата — москвичи, братья Щегляевы (сыновья профессора). Старшего из них звали Владимиром, оба они были совершенно другого склада люди. Владимир нас обучал, преподавал материальную часть орудий. На занятиях, если кого задел локтем руки, обязательно извинится. В одно время я встретился с ним и отдал честь. Он, поравнявшись со мной, взял от козырька мою руку, пожал ее и говорит: “Ну, давай договоримся, что если иду, нигде нет близко

¹² См.: *Свечин А.А.* Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005. С. 82–86.

¹³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 130об.

¹⁴ См., напр.: *Герасимов М.Н.* Пробуждение. М., 1965. С. 145; *Оськин Д.* Записки прапорщика // Откровенные рассказы. М., 1998. С. 220–221.

офицеров, подходи и будем здороваться. Как равный, подаешь руку. Есть ли что читать?” “Да где, — говорю — ничего солдаты вообще не читают и где взять книг?” “Приходи ко мне в землянку, книги у меня есть, будешь брат. Читай!”»¹⁵. Весьма схожий пример мы встречаем в прокурорском представлении о прапорщике 184-го пехотного запасного полка Е. А. Петрове, подозреваемом в революционной агитации среди солдат. В нем говорится, что «Петров держал себя с нижними чинами очень просто, позволял садиться в свое присутствие, опускал руку тем, которые брали под козырек...»¹⁶. В конце 1916 г. Е. А. Петров привлекался к дознанию как обвиняемый в революционной пропаганде среди солдат 184-го пехотного запасного полка, при этом его принадлежности к социал-демократическим организациям выявлено не было.

Образы прежних, кадровых офицеров сохранились в памяти солдата в связи с совсем иным отношением: «Офицеры-помещики солдата не считают человеком. При отступлении от Ковно, при переправе через Неман был взорван мост. Генерал кричал: “Господа офицеры, спасайтесь”. А о солдатах выразился так, что этого навоза у нас хватит. Наш штабс-капитан Ростиславский своего вестового кроме как “говнюшка” не звал, наверное, не знал его имени и фамилии»¹⁷. Мнение о том, что офицеры кадровой службы «солдата не считают человеком» не может считаться частным. Интерес представляет дневниковая запись, младшего унтер-офицера Штукатурова, который после излечения в госпитале в июле 1915 г. отправлялся обратно на фронт. «Пришел комендант и стал осматривать тех, которые заявили, что у них недостает некоторых вещей. Комендант в чине штабс-капитана; рассердившись, стал ругать всех нас, ни к кому в частности не обращаясь. Зачем он на прощанье поселял злобу в сердцах солдат? Если бы видел это немецкий кайзер, он, вероятно, был бы ему премного благодарен... Все были обижены, слышались негодующие возгласы: “Вот как нас понимают, хуже собак нас считают, зачем нас калечат, и т. п.”»¹⁸. Таким образом, стереотип отношения к солдату как к расходному материалу

¹⁵ «Была бы справедливость, о большем и не мечтали»... С. 57.

¹⁶ Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 — февраль 1917 г. М., 1966. С. 235–236.

¹⁷ «Была бы справедливость, о большем и не мечтали»... С. 57.

¹⁸ Дневник Штукатурова // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Вып. 1. М., 1919. С. 141.

войны и неразумной субстанции, требующей лишь властного нажима, был достаточно распространен. Сложившийся как его зеркальное отражение стереотип «офицера-помещика» вызывал постоянно копившуюся ответную неприязнь, вылившуюся в 1917 г. в бурю солдатской ненависти.

Особой категорией А. А. Свечин считал прапорщиков, произведенных из фельдфебелей и унтер-офицеров за боевые отличия. Прекрасные боевые командиры, близкие по выучке и служебному опыту к кадровым офицерам, они, тем не менее, гораздо труднее находили общий язык с солдатами, которые продолжали в них видеть «своих» и не воспринимали в качестве «благородий». Такое положение преодолевалось лишь дополнительной требовательностью и жесткостью с подчиненными. «Для них, — по словам Свечина, — дорога в офицеры лежала через резкий разрыв со своим классом». К началу 1917 г., когда брожение в войсках заметно усилилось, именно такие офицеры вызывали особое раздражение в солдатской массе¹⁹.

Фактором, усугублявшим неприязнь солдат к своим командирам, следует считать и низкие профессиональные и моральные качества последних. Слишком распространенные примеры некомпетентности, трусости и лени среди офицеров были очевидны для их подчиненных и дорого обходились в боевой обстановке. Тот же унтер-офицер Штукатуров, погибший в декабре 1915 г., записал в дневнике: «Из виденного и пережитого мной за последнее время приходится сделать заключение, что главное горе наше происходит от того, что мало хороших, преданных делу офицеров»²⁰.

Отмеченные характерные черты взаимоотношений офицеров с нижними чинами все же неверно было бы формально разграничивать по принадлежности к категориям офицерского состава, сложившимся во время войны. По данному принципу противостояли не кадровые офицеры офицерам военного времени, а способные неспособным; разумный демократизм, чувство такта в сочетании с требовательностью и компетентностью противостояли панибратству и беспомощному заискиванию либо, напротив, чванству, показной строгости и бессмысленной жестокости. В каждом конкретном случае эти черты зависели от индивидуальных представлений офицера о правильных отношениях с подчиненными и сослуживцами, умения и желания их строить, от его профессионального,

¹⁹ См.: *Свечин А. А.* Указ. соч. С. 94–98.

²⁰ Дневник Штукатурова. С. 165.

культурного, нравственного уровня. Очевидец отмечал, например, что рукоприкладство было более свойственно именно прапорщикам, так как некоторые пытались «поставить» таким образом себя среди фронтовиков²¹. Во фронтовых условиях, однако, этот сомнительный способ самоутверждения становился далеко небезопасен. В воспоминаниях описан случай, когда молодой прапорщик отвесил по оплеухе рядовым, не отдавшим вовремя честь. Через несколько дней эти солдаты, назначенные на артиллерийский наблюдательный пункт на передовой под началом своего обидчика, расстреляли его, представив дело, как будто офицер был убит немцами по собственной неосторожности²².

Значительные изменения в военные годы претерпел политический облик офицерства. Массовое пополнение принесло в его среду свой политический опыт и настроения. Влившиеся в его ряды многочисленные представители земской интеллигенции являлись носителями либеральных и умеренно левых взглядов. К 1917 г. в армии находилось немало участников революционного движения, членов политических партий и лиц, им сочувствовавших. Само их присутствие в войсках влияло на солдатскую и офицерскую массу, способствуя пропаганде левых взглядов и распространению оппозиционных настроений, хотя масштабы этой деятельности до февраля 1917 г. не следует преувеличивать. Во фронтовых условиях она чаще всего сводилась к беседам с солдатами, при которых следовало соблюдать известную осторожность. Образ действий и высказываний офицеров привлекал внимание охранных органов. В секретных донесениях жандармских управлений в Департамент полиции неоднократно отмечалось, что «большую роль в агитации среди солдат играют прапорщики-студенты»²³. А. А. Свечин характеризовал офицерское пополнение из среды интеллигенции, пришедшее в его полк, как преимущественно социалистически настроенное, но не видел в этом проблемы для себя как командира, так как в оценке качеств офицера в боевой обстановке на первый план выступало честное и профессиональное исполнение своих обязанностей²⁴. Участие в общем деле защиты Отечества до поры объединяло людей самых несхожих взглядов.

²¹ См.: Герасимов М. Н. Указ. соч. С. 93.

²² См.: «Была бы справедливость, о большем и не мечтали»... С. 60–61.

²³ Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. С. 190–191.

²⁴ Свечин А. А. Указ. соч. С. 86–87.

Политизации офицерского корпуса куда более способствовали сам ход военных событий и развитие общественной ситуации в России, нежели работа политических партий. Взгляды офицерства, как и большинство населения, воспринимавшего политическую жизнь на уровне примитивных, обыденных стереотипов и штампов, изменялись под влиянием сложной и динамичной обстановки. Важнейшим фактором, определившим рост оппозиционных настроений в офицерской среде, как и в обществе в целом, являлись военные неудачи России, временно сублимировавшие прочие ее проблемы. Попытки объяснить их неминуемо вели не столько к поиску причин происходящего, сколько к поиску виновных. Вина за неготовность страны к войне, слабости ее вооруженной силы, отсталость экономики и недостатки культурного развития закономерно возлагалась на политическое руководство страны и высшее военное командование. Далекий, в принципе, от политической борьбы и интересов А. А. Брусилов так обозначил общий фон настроений офицерства: «Можно сказать, что офицерский корпус и вся та интеллигенция, которая находилась в составе армии, были настроены по отношению к правительству в высшей степени враждебно»²⁵. Различия во мнениях наблюдались по линии оценок значения самодержавного порядка и степени личной ответственности за происходящее монарха. Наиболее прагматичная и не связанная монархическими иллюзиями часть армейской элиты способна была продвинуться в своих рассуждениях дальше. Подполковник Генерального штаба А. И. Верховский в начале 1917 г. записал в дневнике: «Всем очевидно, что главная причина, почему мы не победили до сих пор, это самодержавный строй, убивающий всякую самодеятельность в стране и дающий армии так много неудовлетворительных людей среди командного состава. Все это сознают, все об этом говорят и... на этом все стоит»²⁶.

Критика правящих кругов к тому моменту стала обычным явлением для армии как в тылу, так и на фронте. А. И. Деникин приводит слова некоего видного деятеля Земгора, который впервые побывал в армии в 1916 г.: «Я был крайне поражен... с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д., говорят о негодности правительства, о придворной

²⁵ Брусилов А. А. Указ. соч. С 201.

²⁶ Верховский А. И. Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 31.

грязи»²⁷. В конце 1916 г., когда непопулярность правительства достигла пика, взоры офицерства все более обращались к его главному легальному критику — Государственной думе. Гнев, обращенный к властям, и ожидания, связанные с Думой и думскими политиками, звучали в офицерских письмах с фронта: «А наше правительство и в ус не дует, оно делает не как лучше для народа, а как выгодно лично для себя... Волосы дыбом становятся от слухов, и все верят, потому что не созывают Думу, говорят, умышленно не созывают. Все удивляются на терпение в тылу»²⁸.

Тем не менее рост конфронтационных настроений среди солдат и офицеров развивался в значительной мере изолированно, в каждом случае по своим законам и причинам. Очевидцы отмечали, что солдатская масса была безучастна как к официальной, так и к оппозиционной пропаганде, откликаясь на нее лишь, поскольку та могла оказаться созвучна их повседневному интересам и чаяниям. Это обстоятельство отмечал ветеран социалистического движения, впоследствии крупный советский ученый, академик С. Г. Струмилин, который в чине прапорщика командовал ротой 432-го Ямбургского полка на Северном фронте: «Нетрудно было намекнуть, что и русские помещики сухомлиновы и мясоедовы не лучше немецких баронов, что немало у нас врагов и в собственной стране... Но гораздо труднее было проверить, в какой мере такие недосказанные мысли доходят по назначению, усваиваются и перевариваются в собственные выводы»²⁹. Даже оппозиционность и протест против существующих общественных и политических порядков не стали основой для сближения солдат и офицеров. В отношениях между ними продолжали преобладать недоверие и рознь, получившие новый виток развития с началом революционных событий 1917 г.

Принято считать, что начало разрушению тех основ, на которых держался традиционный порядок старой армии, положила Февральская революция. Между тем она лишь ускорила процесс разложения и распада вооруженных сил, в основе которого лежал один из острейших социальных конфликтов России, развивавшихся по линии солдаты—офицеры. «Между нами и ними — пропасть, которую нельзя

²⁷ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 106.

²⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 79. Л. 70об.

²⁹ Струмилин С. Г. Из пережитого (1897–1917 гг.) // Воспоминания и публицистика. М., 1968. С. 170.

перешагнуть, — писал родным с фронта один из офицеров в марте 1917 г. — Как бы они ни относились лично к отдельным офицерам, мы остаемся в их глазах барами. Когда мы говорим о народе, мы разумеем нацию, когда они говорят о нем, то разумеют демократические низы... В них говорят невымещенные обиды веков»³⁰.

Те великие испытания, которые приняла на себя Россия в годы Первой мировой войны, не послужили консолидации тогдашнего российского общества. Свойственные ему проблемы и противоречия с особой остротой дали о себе знать в таком специфическом социальном пространстве, каким являлась армия военного времени. В условиях прогрессирующего общественно-политического кризиса она становилась мощнейшим фактором социальной нестабильности и с избытком подготовила человеческий материал для будущего гражданского столкновения. Офицерский состав и солдатские массы выступили в качестве наиболее значимых социальных групп, чье противостояние предопределило черты надвигавшегося гражданского конфликта.

³⁰ Из офицерских писем с фронта в 1917 г. // Красный архив. 1932. № 1–2 (50–51). С. 200.

Ю.А. Бахурин,
архивный исследователь издательства «Тактикал Пресс» (Москва)

**ВЫНУЖДЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
ИЗ ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1914–1917 гг.)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме вынужденных переселенцев из западных окраин Российской империи в Москве и Московской губернии в 1914–1917 гг. Внимание уделяется статистическим показателям, а также той помощи, которую оказывали беженцам государственная власть и частные благотворительные организации.

Ключевые слова: Первая мировая война, вынужденные переселенцы, беженцы, Московская губерния, Татьянинский комитет.

Yu.A. Bakhurin

**INTERNALLY DISPLACED PERSONS
FROM THE WESTERN SUBURBS OF RUSSIAN EMPIRE
IN MOSCOW AND MOSCOW GOVERNORATE (1914–1917).**

Summary: The article is devoted to the internally displaced persons from the western suburbs of the Russian empire in Moscow and Moscow governorate in 1914–1917. The author also considers the statistical issues and assistance of state and national organizations to the refugees in this region.

Keywords: World War I, internally displaced persons, refugees, Moscow governorate, Tatiana committee.

В 2014 г. исполняется столетие с начала Первой мировой войны. Эта дата уже сегодня привлекает пристальное внимание историков, политологов и юристов, еще раз напоминая широким кругам общественности о тех лишениях и страданиях, которые несут войны и вооруженные конфликты гражданскому населению. Одной из малоизученных страниц истории войны по-прежнему остаются вынужденные переселения подданных Российской империи в ее внутренние губернии. Обернувшись тяжкими испытаниями для примерно 5 миллионов мирных жителей России¹, эти события оказались уникальным опытом и для

¹ *Курцев А. Н.* Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культура городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2009. С. 327.

государственной и общественной систем. Изучение проблемы беженства на региональном уровне позволяет детализировать течение событий и их последствий в общем масштабе. Настоящая статья посвящена вынужденным переселенцам из западных окраин империи, оказавшимся в Москве и Московской губернии в 1914–1917 гг. Поскольку количество пребывавших на их территории жителей пограничья России, интернированных насильно, было небольшим, дальнейшее употребление понятия «беженец» наряду с более широким определением представляется оптимальным.

Первая волна беженцев из западных губерний достигла Москвы вскоре после объявления войны. Уже в первые месяцы боевых действий вторая столица играла роль транспортного узла в следовании вынужденных переселенцев во внутренние губернии. Только с 12 сентября по 14 октября 1914 г. через московские вокзалы прошли 33 502 беженца — в среднем по 1000 человек ежедневно)². Однако в целом их количество не выходило за рамки внутренних миграций мирного времени. Даже эвакуация цирка и любительских театров из Царства Польского воспринималась горожанами скорее как гастроли³.

Численность прибывающих партий была сравнительно небольшой по сравнению с захлестнувшим Центральную Россию с середины 1915 г. людским потоком. Тогда, по воспоминаниям современника событий, московского художника Л. Н. Хорошкевича, «осенью фронт встал. Москва переполнилась беженцами, поляками из-под Ченстохова, Львова...»⁴. Между тем в научной литературе практически отсутствуют даже приблизительно точные количественные данные о числе беженцев в Москве и губернии как в первый, так и последующие годы войны, динамике их прибытия.

Исследовательница истории населения Москвы И. Н. Гаврилова указывает, что массовый наплыв переселенцев в город имел место во второй половине 1915 г. и составил 145 тыс. человек. По исчислению за 1915 г.

² Цовян Д. Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в России в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 98.

³ Руга В., Кокорев А. Война и москвичи: Очерки городского быта 1914–1917 гг. М., 2008. С. 338–340.

⁴ «...Это были годы разрушения, а не строительства». Из воспоминаний художника Л. Н. Хорошкевича. 1914–1919 гг. // Отечественные архивы. 2007. № 3. С. 91.

в Москве находилось 141,5 тыс. беженцев⁵. Также известно, что к лету 1917 г. в Московской губернии было зарегистрировано 212307 человек, в том числе в Москве — 170784⁶.

Дело регистрации беженцев на местах был поставлено следующим образом. Еще 7 августа 1914 г. уездным полицейским управлениям было адресовано циркулярное предложение № 125 об учете прибывающих в зону их ответственности беженцев. Соответствующие рапорты должны были подаваться исправниками и полицмейстерами в первый стол канцелярии московского губернатора с периодичностью примерно раз в 2 недели.

К сожалению, данные документы отложились в архивах далеко не в полном объеме. Однако их анализ формирует следующую картину развития событий. В первые месяцы 1915 г., до конца марта включительно, в большинство уездов беженцев из территорий, соседних с театром военных действий, не прибывало. Фиксировались лишь отдельные переселенцы, приискание жилой площади и работы для которых не создавало затруднений.

Канцелярия губернатора перенаправляла уездным исправникам запросы Комитета Татьяны Николаевны о пребывании во вверенных им уездах тех или иных персон из числа переселенцев и том, «в какой степени каждый из них нуждается в выдаче единовременного пособия»⁷. Вплоть до мая 1915 г. их имущественное положение в рапортах с мест в большинстве своем характеризовалось фразой «в помощи не нуждается». Не исключено, что уездные исправники не вникали надлежащим образом в условия жизни на новом месте каждого беженца или беженской семьи. Порой информация о вновь прибывающих в уезд запаздывала на месяцы — в частности, серпуховский уездный исправник докладывал об осевших на его территории с 15 января по 1 февраля в рапорте от 18 мая⁸. В текстах рапортов встречаются и курьезы: например, общественное положение у одной из беженок наряду с «крестьянками» и «мещанками» было определено, как «жена грузина»⁹.

⁵ Гаврилова И. Н. Демографическая история Москвы. М., 1997. С. 58.

⁶ Курцев А. Н. Беженство // Россия и Первая мировая война : материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 141.

⁷ Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива г. Москвы (далее — ЦХД до 1917 г. ЦГА М). Ф. 17. Оп. 96. Д. 971. Л. 49–51, 53–54.

⁸ Там же. Л. 97.

⁹ Там же. Л. 104.

Летом 1915 г., в период наиболее массового исхода вынужденных переселенцев с Запада в тыл, количество беженцев в губернии еженедельно пополнялось десятками человек. Многие из них изначально прибывали в Москву, откуда перенаправлялись в один из уездов — в частности, именно таким был маршрут осевшей в Подольском уезде партии из 32 человек, ранее жителей Риги, Вильно, Лодзи, Радома, Варшавы, Брест-Литовска и др.¹⁰ Одновременно с этим отмечалось и выбывание отдельных беженцев, следовавших в Москву¹¹.

К весне 1916 г. массовое передвижение беженцев по железным дорогам прекратилось, однако вынужденные переселенцы продолжали небольшими партиями прибывать в Москву и уезд. Положение с нехваткой жилых помещений обострялось выявляющимся нежеланием некоторых землевладельцев сдавать свои дачи на летний период под нужды беженцев. Как следствие, усилилась потребность в переселении последних в другие уезды.

Соответственно изобилию переселенцев в городе и уездах трансформировалось отношение к ним со стороны коренного населения. Если еще осенью 1915 г., по свидетельству беженца из Минской губернии Ф. М. Новика, москвичи «как-то странно, насмешливо оглядывали» его с родным братом¹², то к началу 1916 г. мировые суды оказались завалены делами, связанными с беженцами. В большинстве своем это были иски домовладельцев о выселении из квартир, которые отказывались освобождать приезжие, не желая притом вносить плату. Кроме того, наблюдалось немалое количество дел, связанных с личными оскорблениями. Рост нервозности среди жителей второй столицы объяснялся ухудшением условий жизни москвичей, дефицитом продовольствия и топлива, очередями¹³, на тот момент еще бывшими в диковинку. Это же всё, в свою очередь, было обусловлено пребыванием в Москве беженской диаспоры.

Отношение высокопоставленного московского чиновничества к прибывающим в город переселенцам иллюстрируют воспоминания уполномоченного Всероссийского союза городов Е. А. Никольского, сопровождавшего партию выходцев из Козениц Ивангородского крепостного

¹⁰ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 17. Оп. 96. Д. 972. Л. 5–8об.

¹¹ Там же. Л. 48–49, 73.

¹² Новик Ф. М. Беженцы. Повесть из нашего прошлого. Рукопись. С. 57 // Личный архив М. Р. Путилиной (г. Озёры Московской обл.).

¹³ Руга В., Кокорев А. Указ. соч. С. 353–354.

района: «Наконец, после десяти дней путешествия рано утром мы прибыли в Москву. <...> Тотчас же по прибытии поезда я отправился к московскому губернатору. Оказалось, что он еще спал. Он долго меня не принимал и, наконец, принял. Нравоучительным тоном учителя с учеником он долго объяснял мне, что дело нашего устройства его не касается, и указал, что мне надлежит обратиться к градоначальнику.

Я поехал к градоначальнику. После долгого ожидания меня принял его помощник. Он выслушал, попросил подождать. Через два часа вышел и сказал, что градоначальник просил передать, что беженцы его не касаются, что не может ничем помочь и советует обратиться к городскому голове. <...> Городской голова оказался в управе — опять просит очень вежливо подождать. Сижу я жду. Стрелки часов показывают пять часов вечера. На мою настойчивую просьбу, что у меня дело спешное, не терпящее замедления, дежурный чиновник отвечает, что в кабинете головы идет совещание, его присутствие там необходимо, а потому до окончания совещания он принять меня не сможет...»¹⁴.

Дабы попасть на прием к городскому голове М. В. Челнокову, Никольскому пришлось применить силу. В ответ на просьбу уделить внимание нуждам новых беженцев, не имеющих даже крыши над головой, Челноков попросил уполномоченного покинуть кабинет. Вышедший из себя Никольский «в каком-то иступлении начал истерически кричать, насколько я теперь помню, следующее:

— На всем пути с театра военных действий и здесь, в Москве, в сердце России, никому вообще — ни вашему губернатору, ни градоначальнику, ни вам, здесь сидящим, сытым, жирным и, видимо, довольным собой, — нет никакого дела до несчастных 1028 человек, сидящих в настоящее время в грязных товарных вагонах голодными, больными, с женами и детьми»¹⁵.

Скверно питаюсь в пути до Москвы и ослабев, он потерял сознание от волнения. Видимо, происшедшее впечатлило городского голову — он принес пришедшему в себя Никольскому извинения и пообещал принять вновь прибывших беженцев на попечение городской управы.

Складывающаяся ситуация поставила перед московским земством ряд сложных вопросов об оказании помощи беженцам, профилактики распространения инфекционных заболеваний в местах их размещения,

¹⁴ Цит. по: *Никольский Е. А.* Записки о прошлом. М., 2007. С. 209.

¹⁵ Там же. С. 210.

необходимости урегулирования в целом хаотичных процессов вынужденных переселений и т. д.

7 августа 1915 г. Московская губернская управа созвала совещание председателей уездных управ при участии представителей земских и городских союзов и г. Москвы. По его итогам было принято постановление о том, что «дело эвакуации и организации беженцев может быть решено лишь теми общественными организациями, чья деятельность имеет всероссийский характер»¹⁶.

Вопрос о ведении помощью и устройством беженцев, прибывающих в Московскую губернию, по мнению совещания, должен был решаться на уровне местных земских управ. Решения о распределении обязанностей между ними и уездными комитетами Всероссийского земского союза принято не было.

Не была достигнута ясность и в отношении находящихся на территории Москвы и губернии масс беженцев. Совещание признавало, что «уезды Московской губернии не должны и не могут вообще служить для эвакуации беженцев», но уже в следующем пункте резолюции признавало необходимость разгрузки переполненной вынужденными переселенцами Москвы. Было решено просить уездные земские управы о подготовке жилищ для их временного размещения, с установлением лимита не свыше 300 человек для каждого из уездов¹⁷.

По-прежнему оставался актуальным вопрос об организации врачебно-питательных пунктов по возможным путям следования беженцев, в частности грунтовыми дорогам. По нему было постановлено извещать губернский комитет Всероссийского земского союза об открытии новых пунктов как на грунтовых, так и на железных дорогах. Таким образом, вопрос о регулировании передвижения и размещения беженцев по решению совещания был передан в Общеземский союз¹⁸.

23 августа 1915 г. на заседании Московского губернского комитета ВЗС была избрана комиссия из числа видных земских деятелей и представителей медицины — В. А. Левицкого, С. М. Богословского, С. Ф. Кельх, И. И. Волоцкого и М. П. Поливанова. Им была поручена выработка плана организации помощи беженцам.

Стать основой для нее и задать направление этой помощи должен был вновь образуемый центральный орган. В его состав предполагалось

¹⁶ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 11об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 12.

вхождение представителей прежде всего главных комитетов Земского и Городского союзов и их санитарных бюро, кроме того — Московского городского самоуправления с санитарным бюро, губернского комитета ВЗС, Центрального комитета кооперативов, Общества помощи жертвам войны, национальных обществ и профсоюзов.

Функции данного органа определяли следующие направления работы: установление связи с эвакуируемыми местностями; общий учет беженцев; эвакуация беженцев в губернии распределения; информирование руководства губерний о количестве прибывающих на их территорию переселенцев; разрешение организационных вопросов, возникающих на местах.

Оно поручалось образуемым при губернских и уездных комитетах помощи больным и раненым воинам особым комиссиям, включающим также представителей кооперативов и других местных организаций.

В ведении губернских комиссий должны были находиться организация регулярного получения предварительных сведений о количестве движущихся в губернию беженцев, о путях, по которым они движутся, и о времени их прибытия в пределы губернии. Кроме того, на них возлагались организация помощи в пути, устройство распределителей в губернии, помещений для людей и скота, бань, медицинской помощи и ветеринарного контроля. Регистрация вынужденных переселенцев, учреждение бюро труда и вторичная эвакуация в случае необходимости в уезды, города и за пределы губернии также являлись первоочередными задачами.

Функции же уездных комиссий и местных комитетов заключались в призрении беженцев на местах (организации труда, устройстве жилых помещений, доставке топлива, питании, медицинской помощи, обучении и т. д.)¹⁹. Оно должно было осуществляться в соответствии с разработанными руководящими положениями о помощи беженцам на местах. В них подробно регламентировались условия размещения переселенцев, обеспечения их продовольствием и медицинской помощью.

В помещениях, предназначенных для расселения беженцев, на каждого из размещенных в них должно было приходиться не менее 7 квадратных аршин площади пола. Кроме того, каждого проживающего надлежало снабдить койкой, матрасом, подушкой, двумя сменами постельного (простыни, наволочки, полотенце) и «носильного» белья (ру-

¹⁹ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 12об.

баха, кальсоны или юбка, чулки или носки). Помещение должно было быть обеспечено умывальником, лампами, шкафом или полками для посуды.

Кухни в соответствии с руководящими положениями располагались отдельно от жилых комнат. Перечень необходимых для них предметов включал меблировку (кухонный стол, обеденный стол, табуретки или скамьи), ларь для припасов, кадку для воды, ковши, ведра, ушат, судомойку, котлы или чугуны для щей и каши, столовые приборы («разливательные ложки», большие вилки), куб для кипячения воды или самовар, швабры, корыта или лоханки для стирки и т. д.²⁰

Отмечалось, что при расселении беженцев семьями в отдельных квартирах было бы оптимально организовать их питание в общих столовых. В качестве возможной альтернативы обеспечению переселенцев квартирами в натуре предлагались выплаты так называемых «квартирных денег» в размере установленного в уезде казенного квартирного пайка для семей запасных либо одобренном губернским комитетом.

Также руководящими положениями о помощи беженцам на местах определялись размеры пищевого довольствия. Обеспечение им должно было производиться в натуре либо путем выдачи столовых денег в размере пайка для семей запасных. В первом случае рацион взрослого беженца предполагал утром и вечером — чай с хлебом, на обед — щи или суп с мясом, кашу, хлеб. Дневная норма мяса на одного человека равнялась $\frac{1}{4}$ фунта, хлеба — 2 фунта. Чай и сахар распределялись по месяцам ($\frac{1}{2}$ и 2 фунта соответственно). Детям, ко всем прочему, планировалось выдавать молоко²¹.

Медицинской помощью беженцы должны были пользоваться в земских лечебницах на общих с местным населением основаниях. Соответственно организовывать крупные поселения беженцев надлежало устраивать в местах, доступных для медицинского надзора со стороны земских и фабричных амбулаторий и госпиталей ВЗС. Кроме того, Руководящими положениями предписывалось отведение специальных помещений для изоляции заразных больных. В случаях, когда поселения беженцев окажутся удалены от лечебниц, в них следовало организовывать медицинскую помощь в соответствии с нормами, установленными для рабочих нефтяных разработок.

²⁰ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

²¹ Там же. Л. 13об.

Данный план работы наряду с Руководящими положениями о помощи беженцам на местах был заслушан на заседании губернского комитета ВЗС от 26 августа 1915 г., а затем разослан в уездные и местные комитеты помощи больным и раненым в Московской губернии.

Тогда же была выработана сеть питательных пунктов на железных дорогах. К осени 1915 г. они были частично организованы и продолжали устраиваться на станциях Можайск, Кубинка, Наро-Фоминск, Серпухов, Волоколамск, Лосино-Островская, Подмосковная и Перово²².

Однако, несмотря на улучшение условий транспортировки беженцев через территорию губернии, на тот момент немалое их количество уже осело в ней — как большими группами (например, на станции Лосино-Островской, в Гжели, Богородске и пригородах Москвы), так и отдельными семьями. 7 августа на заседании председателей уездных управ было озвучено мнение о неприемлемости такого положения вещей, однако оно так и осталось благим пожеланием. Дело помощи беженцам же не допускало отлагательств. В уездах за него взялись местные организации — комитеты помощи больным и раненым воинам, кооперативные товарищества, приходские и участковые попечительства, а также особые комитеты по вопросу о беженцах, организованные под председательством предводителей дворянства.

В своей деятельности на местах они неизбежно сталкивались с рядом проблем. Например, в Дмитрове и уезде осмотр домов для квартир беженцев обнаружил пригодность лишь одного дома, стоимость аренды жилой площади в котором составляла 30 рублей в месяц. В этой связи Исполнительная комиссия постановила «признать принципиально желательным найти помещение для временного помещения беженцев и для дешевых квартир»²³. Помочь в этом чиновникам вызвались помочь учащиеся земских школ. Для маленьких детей беженцев был организован детский сад на 50 человек, но также требовалось помещение для открытия начальной школы.

Не требующее отлагательств установление порядка выдачи пайков не удавалось разрешить одномоментно. Сначала на заседании Исполнительной комиссии комитета от 16 октября 1915 г. его было решено передать на заключение попечительства о семьях запасных. Обсуждение вопроса об обеспечении пайками группы еврейских беженцев было

²² ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

²³ Там же. Ф. 1894. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

отложено, с тем чтобы выяснить — последует ли параллельно какая-либо помощь им от национальных организаций в Москве.

На совещании от 28 октября было постановлено поручить учителям школ города и уезда «обследовать» положение отдельных семей беженцев и направить свои заключения в Исполнительную комиссию. Затем, в случае удовлетворения ходатайства нуждающихся, семьи, имеющие работоспособных членов, должны были обеспечиваться пайками в течение 2 недель. После чего им следовало подавать очередное прошение с его последующим обсуждением Исполнительной комиссией. Дело обеспечения беженцев продовольствием, таким образом, затягивалось. До наступления первых холодов в начале ноября не удалось решить вопрос и с размещением беженцев, по-прежнему пользующихся неотопливаемыми, малопригодными для жилья помещениями²⁴.

2 сентября 1915 г. губернским комитетом ВЗС была избрана особая комиссия по делу помощи беженцам, которой и были переданы все дела. В ее состав вошли П. П. Патрикеев, князь С. А. Щербатов, профессор Д. Ф. Сеницын, А. П. и В. А. Левицкие, С. М. Богословский, И. И. Волоцкой, С. Ф. Кельх и М. П. Поливанов. На том же заседании прозвучало признание в том, что «несмотря на все меры, предпринимаемые Всероссийским Земским Союзом и Всероссийским Союзом Городов в деле упорядочения движения и размещения беженцев, дело это мало подвигается и до сих пор находится в совершенно хаотическом состоянии: никто не знает, откуда ждать наплыва беженцев, куда их направлять, где размещать»²⁵. Разрешение этих и других проблем и дело помощи вынужденным переселенцам в губернии вообще было решено поручить на сей раз губернскому Комитету помощи раненым и больным воинам и их семьям.

Весна следующего года ознаменовалась очередной попыткой централизации помощи вынужденным переселенцам в Москве и губернии — согласно статье 8 «Руководящих положений по устройству беженцев», принятых 2 марта 1916 г., было образовано губернское по устройству беженцев Совещание. Его основной задачей виделось «объединение и планомерное направление деятельности всех призванных для обслуживания нужд беженцев местных учреждений»²⁶.

²⁴ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1894. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–7.

²⁵ Цит. по: ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

²⁶ Там же. Л. 16.

В состав вошли представители правительственной власти, земского и городского самоуправлений, а также национальных организаций.

Одной из функций губернского Совещания являлось рассмотрение смет беженских организаций с последующим направлением их в Особое совещание по устройству беженцев, учрежденное законом «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г.²⁷

29 марта 1916 г. отдел по делам беженцев Земского отдела МВД препроводил московскому губернатору смету расходов на содержание беженцев в апреле, мае и июне текущего года на общую сумму 840570 рублей. Ее следовало внести на рассмотрение губернского Совещания, после чего возвратить в отдел со сделанным по ней заключением. Тремя же днями ранее Московская губернская земская управа направила телеграмму радомскому губернатору, уведомляя его о том, что «в смету по устройству беженцев на Апрель, Май, Июнь, отправленную Вашему Превосходительству 21 марта сего года, вкралась при переписке 2 ошибки»²⁸. В частности, итоговая сумма оказалась уменьшена на 10 000 рублей. А, например, финансовой отчетности от Можайского уездного комитета за конечный период 1916 г. даже два года спустя тщетно дожидался уже земский отдел Совета рабочих, солдатских крестьянских депутатов²⁹.

Именно так, не безошибочно, но последовательно велось дело централизации помощи вынужденным переселенцам в Москве и губернии. Наряду с этим уже с первых месяцев войны действовал ряд благотворительных организаций. Главной из них являлся Комитет е. и. в. великой княжны Татьяны Николаевны, или Татьянинский комитет. Открытие его отделений в уездах Московской губернии было вызвано к жизни массовым наплывом беженцев с середины 1915 г. Из полученной губернским комитетом в качестве аванса суммы в 30 тысяч рублей 21 тысяча была распределена между уездами, по 1500 рублей на каждый из них. Московскому уезду ассигновали 3000 рублей, а еще 9000 рублей остались нераспределенными до поступления уточненных сведений о суммах, требующихся для покрытия дополнительных расходов³⁰. Помимо этого, уездными отделениями Татьянинского

²⁷ Ильин А. В. Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 — февраль 1917 г.) // Известия вузов. Правоведение. 1991. № 5. С. 50.

²⁸ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

²⁹ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 184. Оп. 11. Д. 132. Л. 1, 13.

³⁰ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–12об.

комитета организовывались кружечные сборы; например, два сбора в мае и октябре 1915 г. в Серпуховском уезде принесли 929 руб. 41 коп. и 414 руб. 33 коп. соответственно. Велась работа по обеспечению беженцев пайками и одеждой, крупные суммы тратились на оплату учебы детей на новом месте, для сирот устраивались приюты. На попечении одного Московского столичного отделения комитета к началу 1917 г. находилось 36 приютов, 48 очагов, яслей и детских садов, 19 интернатов, 41 низшее и 6 средних учебных заведений и т. д.³¹

Не оставались в стороне и национальные организации — социальное явление, порожденное тяготами беженства в годы Первой мировой войны. На территории Москвы действовали организации помощи русским переселенцам, подчас формировавшиеся по принципу землячеств — например, Комитет Гродненского софийского братства по оказанию временной помощи русским беженцам Гродненской губернии³². Кроме того, в Москве русские беженцы получали помощь от Московского отдела Всероссийского общества попечения о русских беженцах, образованного в Петрограде в октябре 1915 г. Он действовал под началом правомонархически настроенных митрополита Московского и Коломенского Макария и протоиерея о. Иоанна Восторгова. В течение первого года деятельности, с 15 ноября 1915 г. по 1 сентября 1916 г., за помощью к московскому отделению обратились почти 5,5 тыс. беженцев. Единовременными пособиями на питание и лечение воспользовались в общей сложности около 2 тыс. человек, в питательном пункте организации столовались ежедневно до 120 человек. Религиозные и культурные нужды беженцев обслуживались двумя православными священниками, осуществлялось призрение детей, учащихся и одиноких женщин и девушек в общежитиях-интернатах и приюте³³. Невзирая на это, и в середине 1916 г. в печати и беженской среде высказывались сетования на недостаточное внимание к нуждам русских переселенцев³⁴.

Одной из наиболее крупных национальных беженских организаций второй столицы являлся Польский комитет по оказанию помощи

³¹ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

³² Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М., 2010. С. 108.

³³ *Туманова А. С.* Гражданское общество и его адаптивные возможности в кризисных условиях // Материалы XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. М., 2012. Кн. 1. С. 220.

³⁴ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.

жертвам войны в Москве, образованный в июле 1914 г. в качестве комиссии при Благотворительном обществе вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания в Москве, комитет приобрел статус самостоятельной организации спустя год. К 1 декабря 1916 г. в работе этой организации участвовало более 1000 человек, из них более трети трудились безвозмездно. Возглавлял комитет поляк по национальности и известный общественный деятель А. Р. Ледницкий. Существовал Польский комитет на дотации Татьянинского комитета, средства, отпущенные ему Особым совещанием по устройству беженцев при МВД, а также на пожертвования (единовременные, членские взносы, самообложения польского населения, доходы от концертов и спектаклей и др.). Как и у других беженских организаций, львиную долю дохода организации составляли государственные средства.

20 мая 1916 г. состоялось заседание Московского совещания по устройству беженцев под председательством и. д. московского губернатора вице-губернатора А. М. Устинова. На нем была доложена смета Польского комитета за период с 1 апреля по 1 июня 1916 г., обсуждение которой было решено вести в порядке статей³⁵.

Польскому комитету удавалось уменьшить размер квартирной платы для своих подопечных — например, весной 1916 г. он был снижен до 1 рубля 20 копеек на фоне вздорожания квартир в губернии. По этой причине земство, стремясь избежать ухудшения положения беженцев и роста недовольства среди них, было вынуждено ходатайствовать об увеличении квартирного пайка до 2 и даже 2,5 рублей.

Продовольственный паек, выдаваемый полякам-беженцам, также был равен принятой губернским Совещанием нормой в 7,5 рублей в месяц. Пайки выдавались Польским комитетом 2884 людям; 577 из них относилось к категории, имеющей право лишь на половину пайка. Последним по смете на апрель-июнь 1916 г. отпускалось 1963 рубля 75 копеек на месяц, остальным — 19266 рублей 25 копеек на месяц, 57798 рублей 75 копеек — на 3 месяца.

В рамки деятельности комитета входило и здравоохранение — в частности, на его средства содержалась эвакуированная из Польши и развернутая в Богородском медицинская часть. Это направление деятельности согласовывалось с принятым планом санитарно-медицинской помощи населению губернии, однако лечение и лекарства в учреждениях Польского комитета обходились нуждающимся весьма недешево — в сред-

³⁵ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–45об.

нем по 1 руб. 80 коп. на каждого обратившегося. Вдобавок определенные проблемы создавал языковой барьер, хотя и не являвшийся повсеместным. Земство предлагало прекратить финансирование медицинской части Польского комитета, однако Губернское совещание не пошло на это. Врачебная помощь была общим делом для всех беженских организаций и в том же Богородске больные сыпным тифом содержались в земских больницах.

Важной расходной статьей смет Польского комитета была помощь беженцам одеждой, обувью и бельем. 75 % поляков из их числа обеспечивались суммой в 5 рублей на четверть года, остальные находились на попечении губернского земства, выдававшего каждому нуждающемуся по 4 рубля.

Всего с начала существования в июле 1914 и до 1 сентября 1916 г. регистрационным отделом Польского комитета было зарегистрировано в Москве около 91 тыс. беженцев. Почти все они воспользовались помощью организации, причем более 30 тыс. беженцев получали постоянное призрение. Все зарегистрированные беженцы были расселены по частным квартирам, убежищам и приютам для беженцев в самой Москве и в пригородах: Марьиной роще, Бутырках, селе Черкизово, по Ярославскому шоссе³⁶. Одним из таких поселений была община поляков-беженцев в Калитниковском поселке.

В ней наряду с перечисленными направлениями помощи особое внимание уделялось духовным нуждам беженцев и сохранению ими национальной идентичности. В одном из барачных корпусов наряду с православной церковью было отведено место для католической часовни. «Среди населения много старых лиц и много женщин, особенно жаждущих духовного утешения. Желательно, чтобы и священник, и церковник были из числа беженцев», — сообщалось в обращении в Польский комитет.

Общее несчастье сблизило русских и польских беженцев. Зачастую они селились вместе, выделить поляков из прочего населения Калитниковского поселка становилось непросто даже для уполномоченных Польского комитета. Аргументы о необходимости «сохранить в чистоте язык предков» расценивались как призывы к обособлению. Выходом из сложившейся ситуации стало открытие школы для детей поляков. По соглашению с представительницами Комитета на должность учительниц в ней были приглашены Елена Таудешевна Павловская и Софья

³⁶ *Туманова А. С.* Указ. соч. С. 221–222.

Станиславовна Мусятович — обе беженки (Павловская из Ломжи, Мусятович из Лодзи), польки, профессиональные народные учительницы³⁷.

На исходе 1916 г. администрация Калитниковского поселка решила организовать рождественскую елку для детей-беженцев, как польских, так и русских. Выделенных городской управой средств оказалось недостаточно даже для приобретения детям подарков и угощений. В Польский комитет поступила просьба «принять участие в осуществлении намерения доставить детям хотя какое-нибудь развлечение в наше тяжелое время». Три дня спустя правление Комитета ассигновало администрации Калитниковского поселка сумму в размере 500 рублей, выразив пожелание, чтобы эти деньги были потрачены на одежду для детей. В знак признательности за пожертвование члены правления Польского комитета были приглашены на устроенную 25, 26 и 27 декабря общую елку. В ретроспективе это, малозначительное на первый взгляд, событие представляется весьма важным. То, что казалось невозможным в первые месяцы исхода и обострения национальной розни в беженской среде, демонстрировало ростки ее объединения — увы, накануне череды революционных потрясений 1917 г.

Месяцем ранее правление Комитета обращалось в отдел помощи беженцам Московской городской управы с просьбой предоставить десяти больным детям и сопровождающей их сотруднице Комитета Марии Мизельгорн бесплатные билеты на проезд в Симферополь³⁸. Судя по отложившимся в архивах телеграммам, отправки детей под попечительством Польского комитета на ряд курортов — в Симферополь, Севастополь, Алушту и т. д. — регулярно организовывались и в 1917 г.

Наступление осени ознаменовалось для Москвы растущей нехваткой продовольствия и топлива. Правлением Комитета было принято решение об эвакуации из города части своих учреждений, в том числе приютов. Один из них, состоявший из ста девочек, предполагалось перевести в Одессу. Там была открыта новая попечительская организация, названная «Домом Марии», организованная католической общиной францисканок-миссионерок Марии под руководством м. Марии Држевецкой. Вместе с детьми отправлялись десять работников учебного персонала и инвентарь — кровати, столы, скамейки,

³⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-5115. Оп. 1. Д. 67. Л. 10.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-5115. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.

стулья и корзины с домашней утварью. В этой связи Комитет 6 сентября 1917 г. просил управление Московско-Киевско-Воронежской железной дороги предоставить необходимое количество отдельных вагонов для перевозки детей и багажа³⁹.

Кроме того, крупной организацией, оказывавшей помощь вынужденным переселенцам польской национальности в годы Первой мировой войны, в том числе — осевшим на территории Москвы и губернии, являлся Центральный обывательский комитет (ЦОК) губерний Царства Польского. Он был учрежден 29 августа 1914 г. для оказания помощи пострадавшему от войны населению под председательством помощника варшавского генерал-губернатора Д. Н. Любимова.

Активизация деятельности ЦОК приходится на лето 1915 г. Комиссией по распределению кредитов Особого совещания по устройству беженцев на нужды Центрального обывательского комитета было отпущена сумма в размере 1,5 миллионов руб.⁴⁰ 9 сентября 1915 г. он был перенесен в Петроград, «сообразуясь на фронте с Главноуполномоченным по устройству беженцев, а вне фронта подчиняясь руководству Отдела МВД по устройству беженцев»⁴¹. Тогда же в циркуляре московскому губернатору министр внутренних дел сообщал об оказываемой Комитетом помощи польским беженцам, располагая подробной информацией о его деятельности, поскольку сметы ЦОК направлялись на утверждение в МВД.

Наряду с этим активная помощь оказывалась прибывавшим в Москву и губернию беженцам-евреям. В Москве функционировало Московское еврейское общество помощи жертвам войны. О масштабах его деятельности позволяет судить общая сумма расходов с августа 1914 г. по декабрь 1915 г., составившая 863 000 руб.⁴² Обществом устраивался вещевой сбор в пользу беженцев и бедных г. Москвы. «Комитет содержит 8 общежитий, комиссию пособий, столовую, амбулаторный пункт и не имеет возможности тратить из сумм самообложений на одежду», — говорилось в воззвании ко всем проживающим в Москве евреям⁴³.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5115. Оп. 1. Д. 123. Л. 1. Подробнее см.: Бахурин Ю. А. «Одиноким с родины»: дети-беженцы Первой мировой в Московской губернии // Родина. 2013. № 8. С. 139–141.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.

⁴¹ ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 8. Л. 33.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 41. Л. 8об.

⁴³ Там же. Л. 5.

До 1 мая 1916 г. вещевой комиссией было собрано 1017 пудов вещей, в основном теплых одежды и платья.

Московский пункт накормил и одел свыше 30 000 еврейских беженцев, из них проезжавших через Москву: на 1 октября 1915 г. — 1112 человека, на 1 мая 1916 г. — 4398 человек, на 1 октября — 5439 человек⁴⁴. Была учреждена Комиссия помощи проезжающим.

Обществом в Москве было открыто 22 общежития, в том числе 5 зимних квартир в Богородском. С августа 1915 по октябрь 1916 г. в общежитиях проживало свыше 2500 человек: на 1 октября 1915 г. — 600 человек, на 1 января 1916 г. — 490 человек, на 1 мая 1916 г. — 430 человек, на 1 октября 1916 г. — 411 человек⁴⁵. Функционировала «Интеллигентская комиссия», содержащая общежитие на 25 человек и столовую.

11 августа 1915 г. открылся юридический отдел МЕВОПО. Всего были зарегистрированы обращения 11 108 человек. Уделялось внимание и духовной стороне жизни: открылись новые молельные дома, главным образом на квартирах; в пригороде с. Богородского была создана иешива. В числе беженцев в город прибыли видные раввины, разного рода специалисты в обрядовой сфере. Однако Москва, как и Петроград, была по-прежнему закрыта для евреев, несмотря на фактическую ликвидацию «черты оседлости». Те из них, которые все-таки решались задержаться в городе, старались останавливаться в пригородах, где контроль властей был, как всегда, несколько меньшим⁴⁶.

Существовали в Москве и организации, помогавшие претерпевшему исход коренному населению прибалтийских губерний — литовцам, латышам и т. д. В их числе следует упомянуть Литовский комитет по оказанию помощи жертвам войны, образованный при Литовском вспомогательном обществе в Москве осенью 1914 г. и начавший оказывать помощь беженцам в июне 1915 г. Литовский комитет имел традиционный для беженских обществ набор отделов: жилищный, выдачи денежных пособий, хозяйственный, медицинский, училищный, организации трудовой помощи, юридический.

По общему для беженских обществ правилу выделение беженцам пособий производилось только после обследования их семейного и имущественного положения. Пособиями пользовались исключительно

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-9538. Оп. 1. Д. 37. Л. 3об.—4об.

⁴⁵ Там же. Л. 5.

⁴⁶ *Снопов Ю.А.* Евреи в Москве: динамика численности и расселение (XV–XX вв.) // *Этнографическое обозрение.* 2002. № 6. С. 76.

по нуждающиеся и нетрудоспособные. Безработные беженцы, способные к труду, получали только месячное пособие. Силами Комитета для беженцев-литовцев в Москве к октябрю 1915 г. были открыты шесть начальных училищ (в них обучалось 400 детей), детский приют, белошвейная мастерская со школой кройки и шитья и общежитие для студентов-литовцев. За период с 1 июля 1914 по 1 сентября 1916 г. в Литовский комитет обратились за помощью 13 тыс. беженцев; 4,3 тыс. из них проживали в общежитиях Комитета, 200 призревались в приютах, интернатах и богадельне для нетрудоспособных одиноких старцев и около 8 тыс. жили на наемных квартирах по 20–30 человек в каждой. С помощью открытого обществом Бюро труда почти 1,5 тыс. беженцев получили работу⁴⁷.

Помощь беженцам-латышам оказывалась прежде всего московским Латышским обществом, в составе которого в июне 1915 г. был открыт специальный комитет. Первоначально в его распоряжении не было никаких финансовых средств, кроме частных пожертвований; практически вся помощь прибывающим в город латышам оказывалась городской управой, а комитет представлял из себя скорее исполнительный орган последней.

Однако с осени 1915 г. субсидии из Петроградского центрального комитета стали поступать с относительно стабильной периодичностью. Это позволило комитету при МЛО развить деятельность, прежде всего по организации общежитий и приютов для беженцев и их детей в Москве и пригороде. Во главе него стояло правление из 5 лиц: председателя Ф. Е. Тумшевича, товарищей председателя П. А. Залита и О. И. Вальдмана, казначея К. Х. Калеина и секретаря Г. Я. Кубданца.

Комитет занимался регистрацией беженцев-латышей — правда, лишь тех, кто обращался в него за помощью, без общего учета по городу.

Комитет помогал беженцам в трудоустройстве: при его содействии к осени 1916 г. работу получили 17 983 латыша, 463 из которых выехали в уезд на сельскохозяйственные работы. Были открыты швейная, седельная и столярная мастерские, организованные на коммерческих началах.

Проживавшим на частных квартирах вынужденным переселенцам выплачивались пособия, из специально устроенного склада выдавались одежда и обувь. Размер пособий соответствовал заданным

⁴⁷ Туманова А. С. Указ. соч. С. 223.

«Руководящими положениями по устройству беженцев» нормам: латыши обеспечивались продовольственными пайками в размере 6 руб. в месяц, квартирными — 2 руб. и, кроме того, деньгами на приобретение одежды и обуви не более 20 руб. в год. Единовременные пособия выдавались в зависимости от степени нужды беженцев, но не превышали суммы в 50 руб. на одно лицо. Одежду и обувь либо денежное пособие на них к осени 1916 г. получили 25 074 человека на общую сумму в 203 326 руб. 43 коп. Отделом питания Комитета при МЛО были открыты 3 столовые, предлагавшие беженцам дешевые обеды стоимостью 10 коп. В ведении жилищного отдела находились 19 общежитий и богаделен, приютивших в общей сложности 1450 человек.

Уделялось внимание и образованию, в первую очередь беженцев-учеников и детей дошкольного возраста. Комитет содержал 10 начальных школ, 4 интерната для учащихся, 2 приюта и 6 детских садов-очагов. Дети обеспечивались одеждой и обувью (по ордерам отдела по образованию из того же склада, что и взрослые), пособиями в размере 10 руб. пользовались приблизительно 2600 учащихся. Наряду с этим Комитет при МЛО ведал медицинской и санитарной помощью беженцам — его врачебно-санитарным отделом с 1 сентября 1916 г. содержались 2 амбулатории и больница, до того находившаяся вместе с одной из амбулаторий в юрисдикции московского отделения Латышского общества вспомоществования беженцам «Родина».

Между тем последние два направления деятельности Комитета были сопряжены с проблемой преодоления языкового барьера. Еще в августе 1915 г. столица со всей очевидностью нуждалась в создании особого санитарного отдела с привлечением врачей, «знающих наречия беженцев». К началу 1916 г. проблема не разрешилась. Как писала газета «Время», «в Москве сейчас до 20 тыс. беженцев-латышей... врачей-латышей нет, а русские врачи, не владеющие латышским языком, не могут справиться с малокультурной массой беженцев»⁴⁸. Ситуация с обучением детей же отчасти компенсировалась присутствием в Москве и беженцев с педагогическим образованием — поступавшие из Рижского учебного округа в дирекцию народных училищ Московской губернии запросы свидетельствуют об их трудоустройстве на новом месте⁴⁹.

⁴⁸ Цит. по: *Руга В., Кокорев А.* Указ. соч. С. 353.

⁴⁹ См., например: ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2647. Л. 3.

Кроме московского Латышского общества помощь находившимся в Москве беженцам оказывалась Московским отделением Латышского общества вспомоществования беженцам «Родина», Московским отделом Латышского латгальского общества помощи жертвам войны и др. В августе 1915 г. при московском Эстонском обществе был открыт Комитет оказания помощи беженцам эстонцам. Однако ввиду немногочисленности вынужденных переселенцев эстонской национальности (в Москве к осени 1916 г. их насчитывалось всего 379 человек, из которых в помощи нуждалось не более 150), его деятельность проявилась в скромных масштабах: при обществе было открыто общежитие, действовала амбулатория, была внесена плата за обучение 10 учащихся. С 1 октября 1916 г. Комитет был упразднен, а все дела его были переданы в ведение Отдела помощи беженцам при Московской городской управе. Следует особо отметить, что большинство средств каждая из национальных организаций получала всё от того же Татъянинского комитета.

В начале 1917 г. возникла необходимость в составлении подробных статистических выкладок и сборе сведений об усопших и погребенных в Московской губернии переселенцах, начатом циркуляром товарища председателя Татъянинского комитета от 17 января 1917 г. Однако работа была прервана революционными событиями февраля 1917 г.

Они серьезно сказались на системе помощи беженцам, деформировав ее. Одно за другим ликвидировались уездные отделения Татъянинского комитета. На совещании Московского столичного отделения 2 июня 1917 г. утверждалось, что «минусы Татианинского комитета значительно превышают плюсы его деятельности». Председательствующий Н. И. Гучков признавался в незнании даже адреса организации (Городское совещание), унаследовавшей функции уездных отделений, а потому просил предоставить его. Точка над *i* была поставлена бывшим членом управы М. И. Приклонским: «Татианинскому Комитету вообще трудно существовать, так как он дискредитирован наименованием, как учреждение Великой Княжны. Цепляться за сохранение Отделения при создавшихся условиях не следует». Против упразднения выступил лишь председатель Польского комитета И. В. Эверт, восклицавший: «Миллионы рублей, выброшенные, по выражению некоторых теперешних общественных деятелей, Татианинским Комитетом на нужды беженцев, поддержали тысячи бедных детей... Едва ли найдется хоть один представитель какой-либо национальной организации, который решился бы подписаться под постановлением о ликвидации

Столичного Отделения»⁵⁰. Его реплика была внесена в протокол, а ликвидацию отделения почти единогласно назначили на 1 августа.

Аграрный кризис, вызванный в немалой степени репрессивной политикой в отношении немецких колонистов на западе империи, предполагалось преодолеть с помощью труда тех же самых беженцев, организации рабочих артелей для уборки хлеба из числа переселенцев. Но скромное по меркам московских типографских мощностей число (4000) копий воззвания к ним не было подготовлено газетным столом при Московском губернском правлении даже месяц спустя.

Начало шириться движение беженцев на родную землю. Ему были неспособны воспрепятствовать ни циркуляры Особого совещания, ни решения главного начальника снабжения армий Юго-Западного фронта генерала Эльснера⁵¹. Как следствие, генеральный секретарь внутренних дел украинской Центральной рады в конце сентября 1917 г. призывал московского губернского комиссара «употребить силу [зачеркнуто. — Ю. Б.], все меры для оставления» вынужденных переселенцев в регионе проживания⁵². Однако в действительности сделать этого на тот момент не представлялось возможным. Октябрьская революция окончательно упразднила существовавшие организации и механизмы решения проблемы вынужденных переселений, поставив его на новые социальные рельсы. Решать накопившиеся проблемы и первоочередную задачу возвращения домой тысяч переселенцев теперь предстояло Центральной коллегии о пленных и беженцах.

⁵⁰ Цит. по: ЦХД до 1917 г. ЦГА М. Ф. 170. Оп. 1. Д. 32. Л. 105, 105об., 106, 109.

⁵¹ Там же. Ф. 17. Оп. 101. Д. 303. Л. 6, 7.

⁵² Там же. Ф. 1927. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.

*Я. А. Голубинов,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры
философии и культурологи ГБОУ ВПО СамГМУ Минздрава РФ*

**«ПОТРЕБНОСТЬ В САМОПОМОЩИ»:
РЕШЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА
В СРЕДНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДАХ В 1914–1917 гг.**

Аннотация. В годы Первой мировой войны большие и малые города оказались в трудном положении из-за дефицита продовольственных товаров. Городские управления и кооперативные организации пытались решить эту проблему. В 1917 г. после Февральской революции кооперативы взяли в свои руки дело снабжения, но из-за развала центральной и местной власти уже мало что могли сделать.

Ключевые слова: Первая мировая война, продовольственный вопрос, кооперативы, Среднее Поволжье.

Ya. V. Golubinov

**NEED IN SELF-HELPING:
FOOD ISSUE IN MIDDLE VOLGA REGION TOWNS IN 1914–1917**

Summary. During the Great War Russian cities and towns were in a difficult situation because of the scarcity of food. Urban governance and cooperative organizations had tried to solve this problem. In 1917, after the February Revolution, cooperatives took over the business of supply but due to the collapse of the central and local authorities they could not cope with that.

Keywords: the First World War, food supply, cooperatives, Middle Volga region.

До начала Первой мировой войны в России не существовало государственной централизованной системы снабжения населения предметами первой необходимости. Власти оказывали продовольственную помощь только крестьянству, ссужая его зерном в неурожайные годы. Подобная хлебозапасная система отлично зарекомендовала себя в мирное время, но была неспособна нормально функционировать в годы войны¹.

¹ См. *Мацузато К.* «Общественная ссypкa» и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны // Acta slavica iaponica. Sapporo,

В городах вообще не было специальных организаций, ответственных за снабжение населения, ни в мирное, ни в военное время. Городские поселения в годы Первой мировой войны столкнулись с дефицитом определенных продовольственных товаров, который постепенно перерос в настоящий голод. В данной статье, основанной на материалах трех средневожских губерний (в первую очередь — Самарской, а также Симбирской и Пензенской), я постараюсь раскрыть некоторые особенности тех способов снабжения в городах, которые использовались в годы войны (с начала войны и до октября 1917 г.).

Прежде всего необходимо выделить те организации (формальные и неформальные), которые приобретали и распространяли продовольственные товары. Это, во-первых, торговцы, во-вторых, органы самоуправления (земства и городские думы), в-третьих, кооперативные товарищества, в-четвертых, непосредственные объединения домовладельцев и жильцов (в том числе мешочники). Отношения этих агентов снабжения с государственной властью (центральной и местной) и между собой складывались различным образом.

Часть из этих агентов действовала и до войны (торговцы, кооперативы, органы самоуправления). Но Первая мировая война изменила их деятельность, привнесла в нее новые элементы, связанные в первую очередь с самостоятельной деятельностью масс. Последние были вынуждены перейти на режим так называемого «самоснабжения», под которым понимаются все пути самостоятельного (без помощи государства или органов самоуправления) получения сельскими и городскими обывателями «продуктов повседневного спроса». Кроме того, словом «самоснабжение» я предпочитаю называть явление, в котором ясно видна деятельность не отдельных людей (торговцев), а больших коллективов. Именно в деятельности таких «общественных» (в полном смысле этого слова) объединений раскрываются механизмы выживания народа в эту экстремальную во всех отношениях эпоху.

1997. Vol. 15. Электронный ресурс: режим доступа URL: <http://src-hokudai-ac.jp/publicn/acta/15/matsuzato/matsuzato.html> (дата обращения: 04.02.2014); *Мацузато К.* Земство во время Первой мировой войны: Межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен: Политологический подход. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2001. Электронный ресурс: режим доступа URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/kaken/matsu2001/zemstvo.pdf> (дата обращения: 04.02.2014).

Самоснабжение осуществлялось тремя способами: 1) кооперативная торговля; 2) «мешочничество»; 3) воровство или продовольственные погромы, т. е. присвоение или насильственный захват (грабеж) имущества другого лица — торговца, помещика, потребительского общества, армейских складов и т. д. Наиболее привычный путь — обыкновенная частная торговля — очень быстро превратился в нечто сродни преступлению, поскольку все торговцы подозревались в спекуляции товаром.

Средневолжские потребительские кооперативы и до 1914 г. составляли конкуренцию частным торговым фирмам². Первая мировая война необычайно сильно повлияла на кооперативное движение в регионе. Во-первых, кооперативы помогали бороться с дороговизной в городе и деревне. «Уже один тот факт, — отмечала земская печать, — что в селениях возникало потребительское общество, являлся угрозой для завравшегося торговца и сдерживал его неумеренные, алчные аппетиты»³. Во-вторых, брали поставки в армию продовольствия и фуража. Этим занимались в основном сельские кредитные товарищества. Кроме того, кооперативы взяли на себя заботу о семьях воинов и помогали беженцам.

К августу 1917 г. только в Самарской губернии было утверждено уже 608 уставов потребительских обществ. По некоторым данным, за четыре года войны количество потребительских обществ в губернии утроилось и выросло к концу 1917 г. до 750–800. Журнал самарского земства давал образную оценку развитию потребительской кооперации в крае: «Что касается потребительных обществ, то, глядя на их развитие в последнее время, невольно вспоминается, что именно у нас на Руси создалась поговорка: “гром не грянет — мужик не перекрестится”. Расстройство товарообмена и транспорта было тем громом, который особенно подчеркнул необходимость “перекреститься” и вспомнить о той могучей силе, которая заложена в кооперацию и одна может бороться с создавшимися затруднениями»⁴.

Рост потребительской кооперации в годы войны был вызван во многом изменением отношения к ней со стороны властей⁵. В условиях

² Целовальникова И. И. Деятельность развития потребительской кооперации в Среднем Поволжье в 1906–1917 годах // Крестьянин в миру и на войне: материалы III Меркушкинских чтений. Саранск: типография «Красный Октябрь», 2005. С. 394–403.

³ Симбирский хозяин. Симбирск, 1916. № 1. С. 32–37.

⁴ Самарский земледелец. Самара, 1917. № 1. С. 19–20.

⁵ Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России-СССР (1905–1930). М.: ИРИ РАН, 1996. С. 151.

острого дефицита большинства продуктов первой необходимости через потребительские общества стало возможным наладить систему нормированного распределения товаров среди населения. Система кооперативов одновременно спасала от злоупотреблений частных торговцев и давала возможность обойтись без раздутого бюрократического аппарата распределения. Также подобный рост стал возможен благодаря поддержке новых обществ уже существующими кредитными товариществами. Последние выступали в качестве кредиторов, ссужая необходимые средства на покупку продуктов. Часто бывало так, что члены кредитного товарищества одновременно стояли во главе потребительского общества.

Учредители самого крупного самарского кооператива «Самопомощь», созданного в сентябре-октябре 1915 г., прямо указывали, что «чрезвычайно обострившийся за время войны «продовольственный вопрос» особенно ярко выдвинул и подчеркнул громадное значение кооперативных организаций там, где они существовали, и настоятельную необходимость создать эти организации там, где их не было. Стала явно ощутительной потребность в самоорганизации, в с а м о п о м о щ и (разрядка в тексте. — Я. Г.). На фоне всеобщего хаоса и разрушения зарождались кооперативные организации. Не отстала и Самара: была вызвана к жизни новая организация — общество «Самопомощь»⁶. Сразу же новая организация столкнулась с трудностями в виде нехватки средств, мобилизации ратников, дефицитом товаров и дороговизной. Особенно не хватало опытных работников, например «Самопомощь» тяжело пережила мобилизацию ратников второго разряда, так как правление лишилось бухгалтера и его помощника⁷. Но это не помешало обществу открывать отделения в разных частях города: так, через полгода после создания было открыто вне плана 3-е отделение, исключительно для продажи чая и сахара. Число членов общества непрерывно росло и составило на 1 января 1916 г. 4653 человека, на 1 февраля уже 8327, на 1 марта — 9944 и на 1 апреля — 10026⁸. Паевой капитал на 1 апреля 1916 г. составил 32 118 руб. 95 коп., а вместе с вступительной платой — 35 199 руб. 26 коп.

В Самаре это потребительское общество не сразу нашло общий язык с отцами города. Практически сразу же после открытия правление

⁶ Известия Самарского общества «Самопомощь». Самара, 1916. № 1. С. 2.

⁷ Там же. № 5. С. 6.

⁸ Там же. Самара, 1916. № 1. С. 3.

общества обратилось в городскую управу с просьбой о предоставлении ему одного или двух торговых помещений в районе Троицкого и Воскресенского базаров, поскольку первоначально выделенные управой помещения были, по мнению правления, совершенно непригодны к торговой деятельности. В дальнейшем общество обращалось в городскую управу с разными просьбами: закупать на средства, отпущенные в ее распоряжение на борьбу с дороговизной, по указанию общества продукты первой необходимости и передавать их по покупной цене «Самопомощи» для перепродажи местному населению и выдать кооперативу беспроцентную ссуду в размере 20 000 руб. с условием уплаты этой ссуды в течение пяти лет, начиная со следующего по окончании войны года. Последняя просьба эта была вначале отклонена управой, но затем все же рассмотрена городской думой. Дума одобрила предложения общества, но взамен потребовала включения представителя думы в состав правления с правом решающего голоса. Несомненно, что последнее условие было неприемлемо для правления, о чем тут же было заявлено.

Самарская городская исполнительная комиссия по борьбе с дороговизной, критиковавшаяся и гласными городской думы, проявила, по мнению правления «Самопомощи», не лучшее отношение к обществу. Комиссия передоверила решение просьб общества городской управе, которая во многих случаях отказывалась их выполнять. Именно поэтому, а также из-за безрезультатности работы комиссии, правление общества постановило отозвать своих представителей из исполнительной комиссии.

С уполномоченным председателя Особого совещания по продовольственному делу Иньковым у общества установились совершенно иные взаимоотношения. Благодаря его содействию общество получало большие партии продуктов первой необходимости. Его же помощью кооператив воспользовался и при перевозке грузов по железной дороге, поскольку целый ряд их направлялся в адрес уполномоченного, что обеспечило более быстрое получение товаров. Через уполномоченного стали проходить и некоторые заказы общества. Так, например, был дан заказ арендаторам Илецких соляных промыслов на поставку обществу ежемесячно шести вагонов соли.

Однако при всем том содействии, которое оказывали обществу уполномоченные Министерства земледелия и Особого совещания по продовольственному делу, не было уверенности в одном и самом главном — в своевременном получении грузов по железной дороге. Расстройство

железнодорожного транспорта — «вот то зло, которое побороть нет никакой возможности и которое разбивало всякую планомерную работу», — отмечали в правлении. Потому оно тщетно добивалось от председателя Порайонного комитета по железнодорожным перевозкам приглашения на заседание комитета представителя общества. Однако ответа не последовало.

Пример «Самопомощи» вдохновил и подстегнул работу других кооперативов. Служащие и рабочие различных предприятий образовывали потребительные общества. Так, служащие Самаро-Златоустовской железной дороги образовали свой кооператив⁹. В 1915 г. в его собственности оказались склад в Самаре, семь магазинов в разных пунктах дороги, три вагона-лавки, и мясная лавка в Самаре, а на 1 июня 1916 г. в нем состояло 4825 членов.

Были и попытки организовать кооперативы по указке властей. Так, в марте-апреле 1916 г. правительство ассигновало Самарскому трубочному заводу 71 тыс. руб. на устройство «кооперативной» лавки¹⁰. Кооперативность предполагаемого учреждения, как с издевкой отмечали самарские кооператоры, должна была заключаться в чем угодно, только не в паевом взносе членов и не в выборном принципе ее организации. После довольно долгой борьбы рабочие добились предоставления им контроля над лавкой. От каждой мастерской было избрано по два представителя, которые и образовали правление с непременным членством чиновника заводского управления, только с совещательным голосом и «без всякой ответственности за деятельность правления кооператива». Капиталы общества образовались из ассигновки правительства (уже в сумме 109 тыс. руб.) и вступительной платы в размере по 1 рублю с члена.

Подобное стремление к образованию кооперативов отразило отношение населения к прежним формам снабжения. Прежние выходки торговцев (например, завышенных цен, обмера, обчета и обмана покупателей) теперь воспринимались большей частью народа как предательство и худшее из возможных преступлений.

Отношение государственной власти к купцам тоже было неоднозначным. С одной стороны, многие крупные хлеботорговцы вошли в состав новых органов по обеспечению армии либо были посредниками при приобретении продуктов, и купечество, «очень подозрительно

⁹ Известия Самарского общества «Самопомощь». Самара, 1916. № 5. С. 6.

¹⁰ Там же. Самара, 1917. № 3. С. 7, 8.

державшее себя в 1905–1907 гг., ныне в общем довольно существующим строем, особенно теперь, наживая от войны громадные капиталы», как отмечал симбирский губернатор Ключарев в своем отчете от 10 сентября 1916 г. С другой стороны, оно «не прочь подставить “ножку” и высшему правительству, и высшим его представителям» по причине зависти к дворянству¹¹. В сообщениях на имя самарского губернатора указывалось: «Местные купцы, торгующие крупными изделиями и прочим продовольственным товаром, хранят у себя на складах огромные запасы в тысячи пудов... И продают их лишь в незначительном количестве, твердо уповая на дальнейший рост спроса и связанное с ним спекулятивное вздутие цен. Барыши уже мерещатся местному купечеству, зарекомендовавшему себя ранее таким же «патриотическим» настроением и глубоко проникнутым сознанием своего долга перед Родиной»¹². Однако власти ничего не оставалось, как пойти на компромисс с купечеством, поскольку оно до поры до времени не было замечено в политических интригах. Организаторский опыт, большие мобилизационные возможности, громадные капиталы делали крупную буржуазию бесценным партнером в деле снабжения много-миллионной армии.

Со стороны общественности критика звучала обыкновенно от представителей интеллигенции. Надо признать, что у них был повод быть недовольными торговым сословием. Среди предпринимателей военного времени, отмечала исследовательница, было немало людей авантюрного, а порой даже мошеннического склада, которых не мучил вопрос о происхождении их капиталов, цель которых заключалась в поисках «счастья и денег»¹³. Изменилась постепенно ментальность российской, в том числе региональной, буржуазии, весь спектр социального поведения и ориентаций предпринимателя, а главное — самих форм и методов хозяйствования. Чрезвычайно усилились негативные черты российского предпринимательства. В то же время купцы по-прежнему

¹¹ Государственный архив Ульяновской области (ОГБУ ГАУО). Ф. 76. Оп. 7. Д. 1495. Л. 2об.

¹² Цит. по: *Казанцев А.А.* Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: На примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. С. 71.

¹³ *Салова С.В.* Буржуазия России в годы первой мировой войны 1914–1917 гг.: Историко-региональный аспект — Самарская, Симбирская, Саратовская губернии / под общ. ред. М. В. Астахова. Самара, 2005. С. 63.

вели активную благотворительную деятельность — помогали Красному Кресту, Всероссийскому земскому союзу и Всероссийскому союзу городов, отдельным больницам и благотворительным обществам¹⁴. Нередко они выручали города, предоставляя бесплатно в их распоряжение определенное количество муки. Так поступил в конце 1915 г. глава Самарского биржевого комитета В. Н. Башкиров, а осенью 1917 г. самарский купец В. М. Сурошников пожертвовал 1000 пудов муки беднейшим жителям города¹⁵.

Горожане, тем не менее, находили повод для недовольства: торговцы мясом, не выполняя таксы, продавали всё по цене высшего сорта; в булочных и калачных черный хлеб перестал выпекаться совершенно, вес выпеченных булок много ниже нормы; спекулянты перехватывали продукты у крестьян, которые привозили их в город, и продавали по повышенным ценам¹⁶. В подобном положении обвиняли думцев и членов управ, которые находились в согласии с торговцами и не соблюдали интересы горожан при решении вопросов о таксе¹⁷. Отставной генерал А. В. Жиркевич в середине июля 1916 г. писал в своем дневнике, что «средний класс убивает на покупку необходимого последние сбережения. Зато торговцы нажили себе на чужом горе целые состояния. Правительство до сих пор не выработало ничего, что удержало бы этих разбойников от грабежей среди бела дня»¹⁸.

Подобные настроения существовали не только в средневожских губерниях. В. С. Измозик, приводя выдержки из перлюстрированных писем людей самых различных сословий, сделал вывод, что ни один из корреспондентов не находил доброго слова, оценивая экономическую деятельность правительства¹⁹. Тон корреспонденции самый мрачный: дороговизна, недостаток продуктов, алчность спекулянтов — вот самые распространенные темы. Член Русского монархического союза,

¹⁴ Салова С. В. Ук. соч. С. 61.

¹⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ГУСО ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 36. Д. 1471. Л. 28; Волжский день. Симбирск, 1917. 8 сентября.

¹⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 63. Д. 3а. Л. 35.

¹⁷ Вестник пензенского земства. Пенза, 1915. № 38. С. 680.

¹⁸ Симбирский дневник генерала А. В. Жиркевича. 1915–1922 // Волга. Саратов, 1992. № 7–8. С. 97.

¹⁹ Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война (Материалы Международного коллоквиума). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 161.

тульский землевладелец К. Н. Пасхалов утверждал в середине февраля 1917 г., что «хлеба в России достаточно, но он спрятался от твердых цен, не соответствующих вздорожанию других предметов потребления, и никакими мерами, кроме насилия, извлечь его на рынок невозможно. Последствием же насилия непременно будет бунт. Следует отказаться от твердых цен и предоставить зерну полную свободу передвижения, уничтожив таможенные заставы между губерниями, но строжайше... карая спекулянтов и банки, скрывающие предметы продовольствия». А другой корреспондент за несколько месяцев до этого, в октябре 1916 г., рисовал мрачные картины рабочего бунта «из-за голода», ведь «день-деньской — хвосты... у нас все холодно и голодно». Необходимо подчеркнуть, что исследователь абсолютно прав, замечая, что «вне зависимости от того, насколько все эти высказывания соответствовали реальному положению дел, они передавали совпадавшее по сути экономическое самоощущение людей из различных социальных, национальных и политических групп»²⁰.

Проблема «дороговизны» стала мощным фактором радикализации массовых настроений в городах. Так, пензенская газета «Чернозем» в январе 1916 г. отмечала, что «цены на товары повседневного спроса выросли в три раза и не хватает муки, крупы, соли, мяса, сахара и прочих продуктов ... нет даже мало-мальски съедобного хлеба»²¹. Общественное недовольство явно возрастало. Когда пензенская губернская земская управа предприняла ряд мер по организации торговли продуктами по твердым ценам, не обошлось без эксцессов. Полиция была не в силах обеспечить хотя бы некоторое подобие порядка, и «толпа приступом брала кассу управы и склад земства»²². А 15 февраля «на масленичном базаре не было приступа ни к маслу, ни к муке... Царила давка»²³. Страх остаться без хлеба подкреплялся разговорами о «распутинщине», раздутыми «до фантастических пределов сплетнями и слухами», которые разносились по стране и способствовали десакрализации царской власти. К этому добавились «недостаточный рост заработной платы, отсутствие продуктов, приостановка ряда предприятий в связи с отсутствием сырья, частая безработица квалифицированных рабочих, расстройство транспорта, невероятное количество мобилизаций

²⁰ Измозик В. С. Указ. соч. С. 163.

²¹ Чернозем. Пенза, 1916. 26 янв.

²² Там же. 9 февраля.

²³ Там же. 16 февраля.

и реквизиций, миллионы людей, оторванных от производительного труда и бездействующих в глубоком тылу армии» — все эти факторы послужили дополнительными причинами всевозрастающего раздражения населения и общественных сил²⁴. Всё это способствовало тому, что по городам Среднего Поволжья прокатились продовольственные погромы и бунты²⁵.

Городские управления Среднего Поволжья проводили до февраля 1917 г. в продовольственном деле политику, сходную с политикой многих других общественных управлений России: таксировка продуктов, закупка и продажа продуктов по заготовительной цене через городские лавки и т. п.²⁶ Некоторые из этих решений были предложены непосредственно гласными, другие — управой, губернатором или специальными продовольственными органами либо позаимствованы из практики других городов (в первую очередь равнялись, разумеется, на столицы). Эти решения нередко вызывали раскол среди гласных дум, однако практически всегда удавалось найти компромиссное решение. Думы действовали либо пытались действовать в интересах всех общественных слоев. В условиях расширявшегося с ходом войны продовольственного кризиса эти начинания нередко оказывались запоздавшими или недостаточными.

После Февральской революции регулирование продовольственного дела в городах изменилось. Кооперативы, до этого игравшие подчиненную роль в снабжении городов из-за ограничительного законодательства, вышли на первый план. Самара уже обладала достаточно развитой сетью кооперативов, самым крупным из которых были уже упоминавшиеся выше общество «Самопомощь», насчитывавшее к 1917 г. до 14 тыс. членов и владевшее пятью магазинами, и Общество потребителей Самаро-Златоустовской железной дороги с 20 тыс.

²⁴ Полнер Т. И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. М.: Русский путь, 2001. С. 314.

²⁵ См. Сухова О. А. Погромное движение в России в годы Первой мировой войны: социально-психологический аспект (По материалам Среднего Поволжья) // Исторические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2003.

²⁶ См. Голубинов Я. А. Городские думы Самарской губернии и продовольственное обеспечение население в годы первой мировой войны // Международный конкурс «Уроки благотворительности»: материалы конкурса исследовательских работ по вопросам благотворительности. Самара, 2007. Ч. 2. С. 57–63.

членов²⁷. Даже по общероссийским масштабам это были довольно крупные и влиятельные организации²⁸.

Именно кооперативы стали преемниками городских управлений. Городские думы, используя ситуацию всеобщих преобразований, стремились поскорее передать самые хлопотные дела, бывшие раньше в их компетенции, новым комитетам и комиссиям²⁹. В Самаре главой нового Продовольственного комитета был назначен А. В. Бородин, который давно занимался решением этого вопроса, возглавляя общество «Самопомощь». В состав комитета вошли: два представителя от городской думы, четыре — от комитета народной власти, восемь — от совета рабочих и военных депутатов, семь — от совета самарских кооперативов, пять — от центрального бюро профессиональных союзов, четыре — от торгово-промышленного общества, один — от биржевого комитета и 18 районных попечителей, избранных жителями соответствующих районов, на которые был разбит город. Этот комитет находился несколько в стороне от политических интриг революционного периода. На его плечах лежала задача обеспечить город продовольствием в условиях усиливающейся революционной анархии и продовольственного сепаратизма отдельных местностей. В уездных городах местные кооператоры столкнулись с такой же задачей.

Комитет встал на путь жесткой централизации распределения продуктов первой необходимости. В распоряжение городского комитета поступили все средства, полученные городским самоуправлением на ведение продовольственной кампании в г. Самаре, и все городские предприятия по продовольствию. В помощь горпродкому при обществе «Самопомощь» была образована особая Организационная комиссия, на которую возложено дело организации продовольственных попечительств.

Последовательно были осуществлены монополии на муку, крупы, затем выпеченный хлеб, мясо, яйца³⁰. Попутно комитет был вынужден

²⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 198. Л. 28; *Безгина О. А.* Из истории кооперативного движения в дореволюционной России (На примере Самарской губернии) // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара, 2004. С. 96.

²⁸ *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). Л. : Наука, 1985. С. 223.

²⁹ *Кабытова Н. Н.* Власть и общество в российской провинции в революции 1917 г. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2002. С. 106.

³⁰ Отчет о деятельности Самарского городского продовольственного комитета за март-октябрь 1917 г. Самара, 1917. С. 20 и сл.

взять на себя распределение таких необходимых в быту предметов, как нитки, мыло, свечи, галоши, так как они также исчезли из свободной продажи. Карточная система, введенная в 1916 г., продолжала действовать, и для уточнения норм выдачи вследствие увеличившегося населения пришлось в середине 1917 г. провести новую перепись³¹. Комитет увеличил число столовых, организовал несколько чайных, колбасную лавку. Городская дума для поддержания начинаний комитета была вынуждена возобновить ходатайство о займе в 4,5 млн руб.³² Был возрожден проект муниципальной пекарни, только на этот раз она досталась городу без каких-либо затрат: хлебопекарня Неклютина, одна из крупнейших в городе, была со скандалом и применением воинской силы реквизирована комитетом³³. С некоторыми другими хлебопекарнями комитет заключил добровольное соглашение, и в руках горпродкомитета находилось до семи хлебопекарен, которые могли выпекать хлеба ежедневно из 550–600 мешков муки (частные хлебопекарни более мукой не снабжались).

В отношении к частной городской торговле горпродком пошел на самые решительные меры. Было принято на учет для продажи по твердым ценам все производство галош «Треугольника» и «Богатыря». Продовольственные продукты, обнаруживаемые в больших количествах у частных лиц и фирм, немедленно реквизируются. Мясная торговля была целиком взята городом в свои руки, а городские лавки переданы обществу «Самопомощь»³⁴. На эти же органы был возложен контроль над продажей денатурированного спирта.

Но деятельность кооперативов, которые, по сути, заменили собой прежние органы самоуправления (по крайней мере в деле продовольствия), встретила неожиданное сопротивление со стороны самоорганизовавшихся горожан. Члены новообразованных в революцию районных продовольственных попечительств желали вести свою, отдельную от «Самопомощи», работу, что вызывало у кооператоров раздражение и чувство недоверия. «Соберутся 5–8–10, иногда 30 скупающих

³¹ Перепись населения в Самаре в 1917 г. Самара, 1918. С. 5–7.

³² ГУСО ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 40. Д. 2. Л. 19, 20.

³³ *Климушкин П. Д.* История Комитета народной власти второго периода // Кабытов П. С., Курсков Н. А. Вторая русская революция: Борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918). Самара, 2002. С. 115.

³⁴ Известия Самарского общества «Самопомощь». Самара, 1917. № 6. С. 8.

обывателей из числа домовладельцев и квартирохозяев и выберут Ивана Ивановича или потому, что речисто говорит, или высок и грозен видом, или — «именитый гражданин», — с раздражением писали в кооперативном журнале³⁵. В число «речистых» попали торговцы, чиновники, домовладельцы и только незначительная часть рабочих, учителей, людей свободных профессий. Естественно, такие попечители иногда вели действительно прямо противоположную делу общества работу, настраивая обывателей против кооператоров и кооперативных лавок. По анонимному доносу попечительства был даже устроен обыск в квартире одного известного деятеля кооперации³⁶. К попечителям иногда присоединялись и крайние элементы, вроде представителя пекарей Львова, заявившего, что все неустройство в продовольственных организациях происходит из-за того, что там «засели жида».

Удовлетворить спрос на продукты питания было не так просто, все усилия соответствующих организаций все чаще и чаще не достигали цели. Потому после фактического развала власти в феврале 1917 г. появилось и начало распространяться по губерниям явление, получившее название «мешочничество». Последнее определяется исследователями как «мелкое нелегальное снабжение», характерное для эпохи революции 1917 г. и Гражданской войны³⁷. Испытали на себе этот феномен и средневожские губернии.

Особенного размаха это явление достигло к моменту падения Временного правительства. В конце октября 1917 г. в Самаре отмечали, что «несмотря на тяжелое положение Самарской губернии, спекулятивный и неспекулятивный, но тайный вывоз муки из пределов губернии за последнее время достиг грандиозных размеров, и в частности на Волго-Бугульминской ж.-д.»³⁸. С этим злом власти намеревались бороться самыми решительными мерами, с помощью вооруженных отрядов, но проект организации последних встретил резкий отпор в лице самарского Совета солдатских депутатов; по мнению

³⁵ Известия Самарского общества «Самопомощь». Самара, 1917. № 10. С. 5.

³⁶ Там же. Самара, 1917. № 9. С. 7.

³⁷ Давыдов Ю. А. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1922 гг.: Мешочники. СПб.: Наука, 2002. С. 10, 11.

³⁸ Известия Самарского губернского продовольственного комитета. Самара, 1917. № 12–14. С. 17, 53–54.

последнего, применение отрядов, формируемых из гарнизона и ранее посылавшихся для этой цели, к желательным результатам не привело.

В начале октября 1917 г. в Бугульме к уездному комиссару явились 75 человек из Симбирской, Нижегородской и Пензенской губерний, настаивая на разрешении купить двадцать пудов хлеба своим семьям. Люди эти имели удостоверения от различных органов о своей нужде. Были среди них и действительно нуждающиеся, но были и спекулянты, повышавшие твердые цены, мешавшие казенным заготовкам. Уездный комиссар просил разрешить поставить на пограничных станциях уезда воинские отряды с офицером, чтобы реквизировать найденный у них хлеб в пользу армии по твердой цене, а также создать в помощь милиции конный отряд в 50 человек. Из Бузулука просили сделать распоряжение начальникам почтовых отделений уезда о прекращении приема посылок с мукой ввиду массовой отправки таковой в спекулятивных целях. В Бугурусланском уезде хлеба у зажиточных крестьян имелось с избытком, и спекулянты вывозили ежедневно от 100 до 400 пудов хлеба, скупая у сельских хозяев по 10–15 руб. за пуд. А находившиеся на некоторых станциях команды, охраны и транспортные комиссии, имея, в свою очередь, разные предписания от уездных властей и продовольственных комитетов, активного участия в борьбе с этим злом не принимали.

Одновременно с мешочничеством начали набирать силу погромы в городах и деревнях. Поводом было наличие, как отметил современник, «своего рода “буржув”», которые, «пользуясь общей разрухой до революции и во время нее, составили себе состояние путем искусственного взвинчивания цен на продукты и предметы первой необходимости»³⁹.

Таким образом, можно заключить, что, во-первых, потребительская кооперация в городах к 1917 г. превратилась в мощную экономическую силу. Но, несмотря на ее очевидные успехи, отечественные кооператоры не обольщались по поводу победы над спекулянтами. Только в годы Первой мировой войны в регионе стали складываться союзные объединения потребительских обществ, а до тех пор последние находились в зависимости от уездного или в лучшем случае от губернского оптового торговца, который снабжал их всем необходимым. Но при этом важным достижением являлся уже тот факт, что в ряде областей под влиянием открывшихся обществ потребителей местные торговцы вынуждены были снижать цены на товары и следить за их качеством.

³⁹ Симбирский дневник генерала А. В. Жиркевича. С. 110.

У потребителя появлялась возможность выбора, безраздельная монополия частных торговцев если и не была ликвидирована, то, несомненно, ослабла.

Во-вторых, формирование независимых от власти систем снабжения не остановило население на пути насильственного решения продовольственного вопроса. Смута 1917 г. поселила во многих людях уверенность в безнаказанности подобного поведения и возможности решить проблему снабжения путем безвозмездного отъема продуктов у других.

Сама по себе война принесла тяготы, но среди них именно продовольственный вопрос постоянно держал население в состоянии стресса. И крестьяне, и горожане по-разному реагировали на него, соглашаясь только в методах решения этого вопроса насильственным путем. Позитивный путь преодоления продовольственного вопроса и двух его главных проблем — дороговизны и недостатка продуктов, толкал население на организацию собственных независимых систем снабжения. Однако именно выступления на фоне дороговизны при всей своей стихийности имели важное значение, поскольку вовлекали в число недовольных местной и центральной властью, «купцами», старыми органами общественного управления в городах и селе все новые слои населения, до этого социально себя никак или слабо проявившие.

После февраля 1917 г. городские управления испытали на себе влияние всеобщего политического хаоса и развала прежней властной вертикали. В этих условиях была сделана ставка на опору на достижения кооперативов в деле продовольственного снабжения населения, но она оказалась неудачной. Города уходили все дальше по пути жесткой продовольственной политики, требуя тотальной реквизиции в деревнях.

*К. А. Пахалюк,
ведущий специалист научного сектора
Российского военно-исторического общества,
руководитель интернет-проекта
«Герои Первой мировой» (hero1914.com)*

**ОТРАЖЕНИЕ ГЕРОИЗМА РУССКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Аннотация: В статье рассматривается, как и каким образом тема героизма русских войск затрагивалась в советской мемуарной литературе. Автор указывает на особенности репрезентации героев и их подвигов в рамках общей структуры дискуссии о Первой мировой, развернувшейся в Советском Союзе.

Ключевые слова: герои, дискурс, образ, пропаганда.

К. А. Pakhalyuk

**HEROISM OF RUSSIAN SOLDIERS AND OFFICERS
IN THE WORLD WAR FIRST IN THE SOVIET MEMOIRS**

Summary. The article analysis the structure of heroism during World War I in the memoirs of participants published in the USSR. The author highlights main discursive practices that allowed representing heroes in the context of soviet WWI public discourse.

Keywords: heroes, discourse, image, propaganda.

Введение

Существует мнение, что в советское время героизм русских войск в годы Первой мировой войны находился в забвении. Действительно, это верно для общественного дискурса (где история используется для интерпретации социальных процессов и объяснения наиболее значимых проблем в обществе): войне отводилась роль всего лишь катализатора социально-экономических противоречий Российской империи, который ускорил ход объективных тенденций и привел к «торжеству Великого Октября». Вместе с тем для героизма в публичном пространстве место все же осталось: им были страницы мемуаров, опубликованных в это время.

Воспоминания являются не просто личными свидетельствами, отражающими субъективное осмысление событий. Скорее внимание необходимо обратить именно на влияние социокультурного контекста, в котором тот или иной участник Первой мировой писал мемуары, т. е. формулировал собственное понимание событий, свидетелем или даже участником которых он был. Иными словами, речь идет о том, как личный опыт превращается в память, которая затем претерпевает изменения и становится текстом, причем обладающим характеристиками, позволяющими его опубликовать.

А потому мемуары теснейшим образом связаны с публичным пространством (задающим общие границы того, что и каким образом может быть сказано публично), которое в советское время находилось под жестким воздействием государственной идеологии. Идеологическая установка на дискредитацию царской России задавала ориентиры стремлению участников событий критически переосмыслить собственный фронтовой опыт. Однако для мемуарной литературы 1920–1930-х гг. следование жестким канонам марксизма-ленинизма было скорее исключением, нежели правилом. Вариативность представлений о Первой мировой отмечала и американский профессор К. Петроне, подробно исследовавшая память о войне в советском обществе¹. Другой вопрос, что на переосмысление тех событий намного более серьезное (нежели догмы марксизма-ленинизма) влияние оказывал набор базовых установок интерпретации социальной реальности (в т. ч. и прошлого)², а также сложившаяся коллективная дискуссия о Первой мировой, в частности кристаллизовавшиеся в ходе нее наиболее значимые темы, подходы, способы постановки проблемы. В этой связи нас волнует следующий вопрос: поскольку мемуары представляют собой результат «примирения», с одной стороны, переосмысления фронтового опыта, а с другой — социокультурного контекста, в котором они были написаны, то каковы свойства героизма в представлении советских мемуаристов и как они вводят его в общее представление о событиях Первой мировой?

¹ *Petrone K.* The Great war in Russian memory. Bloomington: Indiana university press, 2011. P. 199.

² В данном случае мы отсылаем к понятиям дискурса и социальной онтологии: см.: *Коктыш К.Е.* Социокультурные рамки институционализации политических практик и типы общественного развития // Полис. 2002. № 4, 5; *Коктыш К.Е.* Закономерности и динамика развития социальных онтологий // Полис. 2002. № 2; *Бирюков Н.И., Сергеев В.М.* Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2002; *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004.

Обзор источников

В основу исследования положены воспоминания 77 участников боевых действий (как самостоятельные, так и журнальные публикации)³ за период с 1918 по 1979 г.⁴ Некоторые из них выдержали несколько изданий⁵. В 1920-х — начале 1930-х гг. они выходили в основном в Государственном издательстве, в дальнейшем — преимущественно в Воениздате, что лишний раз свидетельствует о том, что, по мнению цензуры, эти издания являлись «идеологически верными». Статьи, как правило, публиковались в тематических журналах: в «Военно-историческом», по морской проблематике — в «Морском сборнике» и «Красном флоте», по авиационной — в «Аэро» и «Вестнике воздушного флота».

В первые годы после окончания войны (1918–1923) преобладали журнальные статьи, посвященные отдельным наблюдениям или эпизодам. Для появления более широких обобщений было нужно время. По сути, первой книжной публикацией о боевых действиях русской армии стали обработанные дневниковые записки журналиста М. К. Лемке, в которых он подробно описал деятельность Ставки Верховного

³ За пределами внимания остались дневниковые записи, вышедшие либо после смерти авторов (например, Д. А. Фурманова или Штукатурова), либо в то время, когда сам автор находился в эмиграции и не был причастен к публикации (дневник вл.кн. Андрея Владимировича). Также к отдельной группе источников были отнесены публикации авторов-эмигрантов, а также переведенные воспоминания иностранцев. Вместе с тем в общее количество были включены работы А. А. Свечина и Б. М. Шапошникова, которые были написаны при широком использовании различных документов, а потому носят не только мемуарный, но и научный характер.

⁴ Поиск мемуарной литературы осуществлялся прежде всего на основе справочника: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннот. указ. книг и публикаций в журн. / научное рук., ред. и введ. П. А. Зайончковского: В 4 т. М., 1976–1989. Т. 4. Ч. 1. М., 1983. Вместе с тем необходимо отметить, что в него были включены не все вышедшие воспоминания участников Первой мировой.

⁵ В частности, мемуары генерала А. А. Брусилова выдержали пять изданий: 1929, 1941, 1943, 1946 и 1963 г. Воспоминания генерала А. А. Шихлинского сначала были опубликованы в 1944 г., а затем переизданы в Баку в 1984 г. Точно так же записки И. Т. Черкасова сначала увидели свет в 1933 г., а затем — в 1963. Воспоминания М. Д. Бонч-Бруевича публиковались в 1957, 1958 и 1964 г., а А. А. Самойло — в 1958 и 1963 г.

главнокомандующего⁶. Первая волна публикационной активности прослеживается с 1924 г. (десятилетие Первой мировой) до начала 1930-х гг.: в этот период опубликованы 24 книги и статьи. Отметим, что в их число вошли крупные и обстоятельные мемуары таких участников событий Первой мировой, как А. А. Брусилов, В. Н. Войтоловский, В. А. Арамилев, Г. М. Чемоданов, А. А. Свечин и Д. П. Оськин⁷. Они внесли значимый вклад в общественную дискуссию, которая развернулась в советские годы о Первой мировой. В целом, авторы стремились обобщить полученный боевой опыт, зафиксировать собственный взгляд на сложнейшие социальные процессы, завершившиеся торжеством социалистической революции, а также зачастую отразить собственный путь, который привел их к ее признанию.

С 1930-х гг. возникшая дискуссия стала выхолащиваться и сводиться к набору штампов и идеологических утверждений. В целом, процесс забывания, перерождения «живой» коллективной памяти в память-историю можно признать объективным⁸. Окончательно эта тенденция утвердилась со второй половины 1940-х гг. В некоторых случаях (как, например, у И. Х. Баграмяна)⁹ память о Первой мировой фактически заменена пересказом научных исторических работ, в других (в частности, у А. И. Верховского или М. Д. Бонч-Бруевича)¹⁰ идеологические положения стремятся подчинить текст своей логике, в третьих можно наблюдать смесь идеологии, исторических экскурсов и личных свидетельств¹¹.

⁶ Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пг., 1920.

⁷ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1963; Войтоловский Л. ...По следам войны. Л., 1931; Арамилев В. В дыму войны: Зап. вольноопределяющегося (1914–1917 гг.). [Л.], 1930; Чемоданов Г. Последние дни старой армии. М.; Л., 1926; Свечин А. А. Искусство вождения полка. По опыту войны 1914–18 гг. М.; Л., 1930. Т. 1; Оськин Д. П. Записки прапорщика. М., 1929.

⁸ См., например: Нора П. Между памятью и историей // Франция память. СПб., 1999. С. 17–51; Копосов Н. Е. Память строгого режима. М., 2011.

⁹ См. Баграмян И. Х. Мои воспоминания. Ереван: Айастан, 1979.

¹⁰ Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959; Бруевич М. Д. Вся власть — советам. М., 1957.

¹¹ См., напр., Лезин М. Воспоминания рядового. Горький, 1958; Давыдов П. В огне трех войн. Ставрополь, 1974; Козлов А. Проданные за снаряды. М., 1931; Лисовенко Д. У. Их хотели лишить родины. М., 1960; Егеров М. Русские солдаты во Франции // Военно-исторический журнал. 1959 № 9. С. 97–96; Шаевский Д. Русские солдаты на Балканах // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 66–74; Карев П. Экспедиционный корпус. Куйбышев, 1957;

Однако было бы неверным утверждать, что обозначенная тенденция характеризует абсолютно всю мемуарную литературу¹².

На «оттепель» (с середины 1950-х до середины 1960-х) пришла вторая волна публикационной активности: 24 издания и журнальные статьи (тогда же были переизданы мемуары А. А. Брусилова и И. Т. Черкасова). Подобный интерес можно связать, во-первых, с частичной либерализацией публичного пространства, во-вторых, с 50-летним юбилеем Первой мировой, в-третьих, с появлением определенной исторической дистанции, в-четвертых, с личной судьбой отдельных мемуаристов (например, реабилитация репрессированного А. И. Верховского). В этот период была издана большая часть воспоминаний бывших унтер-офицеров и прапорщиков военного времени, которые сделали военную карьеру при советской власти (преимущественно в период Великой Отечественной), а потому в мемуарах Первая мировая затрагивалась, за некоторыми исключениями, в контексте участия в других войнах, зачастую — как своеобразный пролог к последующим событиям. Среди таковых необходимо назвать С. М. Буденного, И. Х. Баграмяна, А. К. Туманского (в советское время — летчик-испытатель), И. В. Болдина (во Вторую мировую — командующий армией), В. Л. Абрамова (в годы Великой Отечественной — командир корпуса), М. Н. Герасимова (в 1944 г. — командующий армией), С. А. Калинина (в 1941 г. — командующий армией, а затем — военными округами), Г. С. Родина (в 1943–1944 гг. — комкор), А. В. Горбатова (во время Великой Отечественной стал генералом армии), П. М. Давыдова (в 1941–1945 гг. — комдив). К этому же периоду относятся воспоминания генералов М. Д. Бонч-Бруевича и А. А. Самойло, которые в советское время находились на преподавательской работе. Более того, в 1964 г. выходят мемуары и выдающегося русского оружейника В. Г. Федорова — в годы Великой Отечественной войны он состоял консультантом по стрелковому оружию при Наркомате вооружения¹³. В 1969 г. появляются воспоминания маршала СССР Р. Я. Малиновского (где он подробно описывает свое участие в Первой мировой), а в 1974 г. выходят

Ховриши Н. А. Балтийцы идут на штурм. М., 1966; *Родин Г. С.* По следам минувшего. Тула, 1968.

¹² В качестве наиболее ярких исключений можно назвать, например, следующие работы: *Малиновский Р. Я.* Солдаты России. М., 1969; *Герасимов М. Н.* Пробуждение. М., 1965.

¹³ См.: *Федоров В. Г.* В поисках оружия. М., 1964.

мемуары генерала И. В. Тюленева, а также публикуются написанные еще в 1930-е гг. воспоминания Б. М. Шапошникова¹⁴.

Таким образом, видно, что после 1945 г. о Первой мировой в публичном пространстве рассказывают прежде всего те, кто либо сражался в рядах Красной армии в годы Второй мировой, либо достиг достаточно высокого положения в советское время. Критика «царских порядков» по-прежнему присутствует, однако в большинстве случаев патриотизм русских солдат и их готовность сражаться за Родину во все не скрываются. В этом можно видеть фундаментальное отличие от резко критических (подчас — антивоенных) воспоминаний «первой волны», особенно тех, что вышли из-под пера представителей «левой» интеллигенции (Д. П. Оськин, Л. Н. Войтоловский, В. Арамилев, Л. С. Фридланд). Заметим, что антивоенные настроения были характерны не только для Советской России в 1920–1930-е гг., но и для значительной части интеллектуалов в других странах Европы.

С точки зрения положения, которое занимал автор мемуаров в русской армии в годы Первой мировой, заметно определенное преобладание воспоминаний нижних чинов и обер-офицеров (как правило, прапорщиков военного времени), что и неудивительно: многие из них, как показано выше, стали полководцами Великой Отечественной. Вместе с тем в советское время вышло немало и «генеральских» воспоминаний: А. А. Брусилова, М. Д. Бонч-Бруевича, А. А. Самойло, А. А. Свечина, А. И. Верховного, А. А. Шихлинского. В них авторы не просто описывают свой боевой путь, но и уделяют внимание недостаткам императорской армии и военной администрации. Таким образом, они по сути занимают сторону других критиков царского времени и публично дистанцируются от « пороков царизма », при этом стремясь продемонстрировать, каким образом они перешли на сторону революции.

Ценность мемуаров в качестве источника, в т. ч. и для данного исследования, неравнозначна. Так, проблема героизма не затрагивается той частью свидетельств, которая посвящена деятельности русского флота: в них внимание уделяется либо преимущественно нейтральным организационно-техническим и тактическим аспектам (весьма

¹⁴ *Малиновский Р. Я.* Солдаты России. М., 1969; *Тюленев И.* Через три войны. М., 1972; *Шапошников Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974. Впервые отрывки из мемуаров Б. М. Шапошникова увидели свет в «Военно-историческом журнале» под заглавием «Пройденный путь» (1966. № 6–9, 12; 1967. № 1, 3, 6).

интересные и качественные статьи из «Морского сборника»), либо революционной борьбе и нарастанию антиправительственных настроений¹⁵. В этом нет ничего странного, если учитывать особенность морской службы, а также преимущественно пассивную роль, которую играл тогда русский флот.

Точно так же и в воспоминаниях 12 нижних чинов, служивших в русском Экспедиционном корпусе во Франции и на Балканах, доминируют такие темы, как трудности быта простых солдат (включая далеко не всегда лицеприятные сравнения «отсталой» русской и «передовой» французской армий) и те злоключения, которые им пришлось пережить, чтобы после Октябрьской революции попасть в Советскую Россию¹⁶. Вместе с тем, например, нижние чины А. Вавилов, А. Коз-

¹⁵ Бои Черноморского флота с крейсером «Гебен»: Бой 5 ноября 1914 г. (по воспоминаниям и донесениям) // Морской сборник. 1920. № 8/9. С. 10–23; Бой эскадренного миноносца «Новик» с двумя германскими эсминцами 4 августа 1915 г.: (Операция 1915 г. в Рижском заливе) // Красный флот. 1922. № 1. Стб. 56–58; *Вогак В.А.* Последние дни канонерской лодки «Кореец»: (Из воспоминаний участника последней войны) // Морской сборник. 1918. № 7/8. С. 35–60; Воспоминания участника мировой войны на Черном море: Трапезонд // Морской сборник. 1920. № 1/3. С. 207–219; *Давыдов Л.В.* Гибель транспорта «Ормесби» в Ледовитом океане: Эпизод из Великой войны 1914–1918 гг. // Морской сборник. 1919. № 2. С. 101–134; № 3. С. 109–136; *Естюин Т.В.* Гибель корабля «Императрица Мария»: Воспоминания моряка Черноморского флота. М.; Л., 1931; *Лемшиевский Н.* Гибель крейсера «Паллада» 28 сентября (11 октября) 1914 года // Морской сборник. 1922. № 8/9. С. 10–119; *Лукашевич С.* Гибель миноносца «Летучий» и «Исполнительный» // Морской сборник. 1934. № 8. С. 176–178; *Невинский А.М.* Бой с линейным крейсером «Гебен» 5 ноября 1914 г. у мыса Сарыч // Русское военно-морское искусство. М., 1951. С. 40–415; *Ховрин Н.А.* Балтийцы идут на штурм. М., 1966.

¹⁶ *Стетной Н.А.* Белье рабы: Воспоминания о фр. фронте. М.; Л., 1925; *Вавилов А.* Записки солдата. М.; Л., 1927; *Егеров М.* Русские солдаты во Франции: (Воспоминания участника первой мировой войны) // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 87–96; *Карев П.Ф.* Экспедиционный корпус: (Воспоминания о рус. экспедиц. корпусе во Франции во время Первой мировой войны). Куйбышев, 1957; *Кидяев П.* В кровавых лапах «прекрасной» Франции // Октябрь за рубежом: Сб. воспоминаний. М., 1924. С. 31–47; *Козлов А.* Проданные за снаряды. Л., 1931; *Лисовенко Д.У.* Их хотели лишить Родины / под общей ред. И.И. Зубкова. М., 1960; *Новиков В.Н.* Мытарства русских солдат: Воспоминания рус. солдата о пребывании во фр. лагерях. М.; Л., 1929; *Рыжов И.* В Македонии // Октябрь за рубежом: Сб. воспоминаний. М., 1924. С. 54–63; *Сорокин Т.* Страничка из воспоминаний: Встреча и проводы русских во Франции //

лов и Д. У. Лисовенко вводят тематику героизма, правда, через указание на него и номинальное признание высоких боевых качеств русских солдат, без более подробного описания¹⁷. И лишь маршал Р. Я. Малиновский описывает боевой героизм русских солдат максимально подробно¹⁸.

Для изученных советских мемуаров (вне зависимости от времени их выхода) характерен общий критический подход: поиск противоречий, высвечивание неприглядных сторон русской армии, стремление к переосмыслению этого сложного периода отечественной истории. При этом социалистическая революция оценивается как благо, а вся критика царской России становится обоснованием ее объективного характера. Можно выделить и ряд общих тем, которые в большей или меньшей степени затрагивались всеми мемуаристами: осмысление целей войны в солдатской массе (угасание патриотических настроений и разочарование в происходящем), взаимоотношения офицеров и солдат (как противостояние двух враждебных социальных классов), нарастание недоверия к правительству, а также социальная несправедливость в армейской среде.

Отметим и распространенную сюжетную линию (как для солдатских, так и офицерских и генеральских воспоминаний): трансформация отношения к царским порядкам под влиянием войны, а именно перерастание патриотических настроений в оппозиционные, а затем — в коммунистические. Подобное построение сюжета нередко позволяло авторам продемонстрировать, каким образом они приняли идеи революции. При этом патриотические и даже монархические чувства далеко не всегда скрывались: мемуарист просто низводит их до разряда «иллюзий», разрушенных войной. Например, унтер-офицер Давыдов вспоминал о том, как в 1915 г. он должен был получить Георгиевский крест из рук императора Николая II: «В числе таких самых одурманенных слепцов был и я. “Сам царь будет вручать мне Георгиевский крест третьей степени!” — думал я и пьянел от радости. Не верилось, что он, наместник бога на российской земле, как нам внушалось, низойдет ко

Огонек. 1924. № 31; *Шаевский Д. А.* Русские солдаты на Балканах (Воспоминания участника первой мировой войны) // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 66–74.

¹⁷ См.: *Вавилов А.* Указ. соч. С. 29; *Козлов А.* Указ. соч. С. 14; *Лисовенко Д. У.* Указ. соч. С. 49.

¹⁸ *Малиновский Р. Я.* Солдаты России. М., 1969.

мне, крестьянскому парню, им же одетому в шинель для защиты его трона и отечества»¹⁹. Тем самым «неудобные» (с точки зрения господствовавшей идеологии) факты не умалчиваются, а реинтерпретируются в нужном ключе.

Общественный дискурс и пропаганда: память о героизме

Прежде чем перейти к анализу отражения непосредственного героизма, стоит обратить внимание, что многие мемуаристы считают важным остановиться на том, как в пропаганде и общественном дискурсе (т.е. при публичном осмыслении текущей войны) создавалось ложное представление о реальной боевой работе армии, в т.ч. и о подвигах. В этом следует видеть не просто стремление лишний раз раскритиковать порядки царского времени (и тем самым дистанцироваться от него, представив свой личный — претендующий на объективность — взгляд на проблему), но влияние фронтового опыта, который сам по себе свидетельствовал о несостоятельности помпезно-героической риторики.

Анализ материалов периодики и различных популярных изданий военного периода (1914 — начало 1917 г.)²⁰ позволяет утверждать, что разговор о героизме в основе свелся к воспроизводству четко фиксированного образа, который в совокупности состоял из ряда неотъемлемых элементов. Особая духовность, готовность к самопожертвованию и добровольность подвига — всё это становилось сущностью героического поведения. При этом подвиг обязательно должен принести определенный успех, а сам герой — получить соответствующее вознаграждение (как правило, Георгиевский крест). У нижних чинов выделялось удалство. Здесь можно вспомнить первого георгиевского кавалера К. Крючкова, который в одном бою, по официальным сведениям, собственноручно убил 11 германцев²¹. Образ же

¹⁹ Давыдов П. Указ соч. С. 7–8

²⁰ Речь идет о газетах «Биржевые ведомости», «Утро России», «Русское слово», «Московские ведомости». Первые итоги исследования были представлены на Международной научной конференции «Первая мировая война в истории и культуре России и Европы», г. Калининград, 24–26 октября 2013 г. (БФУ им. И. Канта, Калининградский историко-художественный музей). В настоящее время готовится к выходу статья в сборнике, который издается по итогам конференции.

²¹ О Крючкове и созданном образе см.: Пахалюк К. Безликая война // Рейтар. 2010. №. 1. С. 122–149.

штаб-офицеров и генералов обязательно включал полководческий талант в совокупности с высокими моральными качествами и заботливым отношением к солдатам. Важно то, что героизм весьма редко вписывается в контекст фронтовой действительности, зачастую он выделяется из нее с целью продемонстрировать подвиг человеческого духа, способность отдельной личности переломить обстановку (от отдельной стычки до целых фронтовых операций). Эта личность идеализируется, и тем самым создается образ, который должен служить предметом для подражания. В этом плане задача тех же газет заключалась в том, чтобы предъявить широкой публике образцы правильного (оно же — героическое) поведения. Поскольку последние представлялись как *реальные* примеры фронтового героизма, то фигуры героев детализировали общий идеологический тезис о «народном характере войны».

Неудивительно, что сравнение фронтового опыта и обозначенного выше способа его описания вызывало у многих солдат и офицеров чувство неприязни, граничащей с обидой на отсутствие внимания к реальным проблемам сражающейся армии. Подобные попытки поднять боевой дух встречали зачастую негативную реакцию в войсках и подрывали веру к прессе²². Так, полковой телефонист И. Бояков-Анжерский рассказывал о том, какое откровенное недоверие вызвали преувеличенные рассказы о героических подвигах других нижних чинов, тиражируемые в приказах по армии. Например, в приказе по 4-й армии от 11 июля 1916 г. рассказывалось о разведчике Тимофее Романовиче Кошелеве, который «с оторванной выше щиколотки правой ногой, еле державшейся на лоскутке кожи, и многими ранениями всего тела осколками» сумел перейти вброд речку и принести с собой винтовку и две ручные бомбы. Мемуарист сопровождал это следующими комментариями: «Я не могу понять, как мог разведчик Кошелев “нести винтовку и две бомбы на одной ноге”. Ведь другая нога, как видно из приказа, фактически в то время уже не существовала! Возможно, что Кошелев, собираясь поправиться и опять “показать русского солдата”, такого пустяка, как отсутствие одной ноги, не заметил»²³. Военный врач Л. Н. Войтоловский весьма

²² См.: Пахалюк К. Идеологические причины делегитимизации самодержавия в России // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 5. С. 45–52.

²³ Бояков-Анжерский И. Записки полкового телефониста // Сибирские огни. 1931. № 1. С. 18.

красочно писал о разнице «окопной» и «газетной» правды: «К судорогам чужого страдания привыкнуть можно. Мрачное молчание смерти скоро перестает волновать. Но стонущие поля сражений, но кишасщие воплями вокзалы впиваются в сердце, как раскаленные пули. Только тут война встает во весь рост и поражает вечной скорбью. Вот они — романтические залпы орудий, немые цифры газетных донесений и гнусные фразы о патриотизме, героизме и рыцарских подвигах на войне»²⁴.

Ради справедливости необходимо отметить, что источниками преувеличений о героических подвигах становились и сами нижние чины. «Солдаты добродушно курят папиросы, уплетают за обе щеки шоколадные плитки и в знак признательности врут корреспондентам в три короба о своих подвигах, о немецких зверствах», — писал вольноопределяющийся В. Арамилев (выходец из интеллигенции, человек «левых» взглядов) об обстановке в госпиталях²⁵. Однако скорее ввиду отсутствия опыта общения с прессой солдаты стремились говорить так, как считали принятым это делать в данной ситуации. Они выстраивали свою речь в соответствии с «рассказами» других нижних чинов, публиковавшихся в газетах (которые, в свою очередь, активно читались в войсках), т. е. воспроизводили сложившийся способ репрезентации фронтовой действительности со всеми его акцентами и штампами.

Эту разницу между личным восприятием, ощущением фронтовой жизни и тем, какой она вырисовывалась при попытке облечь эти чувства и мысли в слова в диалоге с журналистом, прекрасно описал Вс. Вишневский, который в 14 лет бежал на фронт. Вернувшись домой для лечения от чесотки зимой 1915 г., юный доброволец (а в будущем известный поэт) дал интервью «Петроградскому листку»: «Я кратко отвечал на вопросы, рассказывал сам... Потом чувствовал, что то, что я рассказываю, — ужасно бледно и просто. Но ведь так и было... Я был еще мальчиком, и журналисту нетрудно было сбить меня и заставить плести правдоподобные небылицы, которые он тут же записывал. Потом “я прочитал в газете о “Володике В.”, который побывал в “огненных вихрях войны” и т. п. Чорт бы побрал и журналиста и меня!»²⁶. Как видно, Вс. Вишневский не снимает с себя ответственность за то, что при

²⁴ *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 270.

²⁵ *Арамилев В.* Указ. соч. С. 163.

²⁶ *Вишневский Вс.* Мои воспоминания (1914–1921 гг.) // Собрание сочинений. М., 1954. Т. 2. С. 685

общении с журналистом он не смог отобразить полученный боевой опыт иначе, чем на языке пропаганды.

Однако, несмотря на столь резкое неприятие героической риторики, тематически критикуемый образ героев и память о героизме, нашедшая отражение в мемуарах, во многом совпадают. Это позволяет предположить, что в сознании российской общественности и фронтовиков было некое единое определение о героизме. Однако поскольку свидетели и участники Первой мировой находились в разных не просто социальных, но и дискурсивных пространствах²⁷, то конечные репрезентации этого явления отличались между собой. В дальнейшем, строя анализ мемуарной литературы, мы будем делать отсылки к общественному дискурсу, сложившемуся в 1914–1917 гг. Этот по большей части риторический прием нам необходим лишь для того, чтобы выделить то своеобразие в понимании героизма, которое удалось обнаружить непосредственно в мемуарной литературе.

Героизм как профессионализм

Начать стоит с того, как позиционировалась суть героизма. Выше уже отмечалось, что для общественного дискурса военного периода его неотъемлемой чертой стало самопожертвование, а сам подвиг знаменовал собой торжество человеческого духа. Все это напрямую вовсе не опровергается в исследованных мемуарах, однако авторы вступают в полемику (нередко прямую) с таким представлением, предлагая собственное, иное (не всегда полностью противоположное) видение этого явления. Для них истинный героизм и подвиг — не торжество духа, не однократное преодоление неблагоприятных условий для достижения подчас ошеломительных результатов. Героизм — часть неприглядной фронтовой действительности, лишенной поэтической эстетики. Подполковник Г. Н. Чемоданов приводил следующие слова неизвестного полковника, приехавшего инспектировать позиции (осень 1916 г.) и попавшего под обстрел: «Пред вами, пред вашей жизнью надо преклониться, — с пафосом говорил он. — Я понимаю, можно решиться,

²⁷ В данном случае понятие дискурса отсылает к особому способу понимания и вербализации действительности. Дискурсивное пространство, в свою очередь, представляет собой систему, задающую ключевые смыслы и границы осмысления и высказывания.

можно принести себя в жертву, но это будет миг, внезапность, порыв. Находиться же в ваших условиях, жить дни, недели, горы у смерти в лапах, чувствовать ее дыхание — это ужасно, это действительно истинное героичество»²⁸. А затем и сам добавляет: «Для меня, участника нескольких войн, не существует людей ни храбрых, ни трусливых, а есть лишь люди, умеющие в большей или меньшей степени владеть своими нервами. Я знал людей, распускавшихся от небольшой опасности и хладнокровных в минуту смертельных ужасов. Настроение, самолюбие, чувство долга — вот главные факторы, руководящие человеком в боевой обстановке»²⁹.

Героизм лишается поэтически-восторженной привлекательности, он «профессионализируется», превращаясь в добросовестное исполнение своих обязанностей (и тем самым становится неотъемлемой частью фронтовой реальности и боевой работы). Конечно, это подразумевает и готовность ежечасно жертвовать собой, руководствуясь идеями долга, и отсутствие страха смерти. Однако бесстрашие — лишь констатация определенного поведения во время боя, его же глубинные причины оцениваются весьма неоднозначно. Военный врач Л. Н. Войтоловский так оценивал бесстрашие солдат и офицеров: «Из жажды жизни рождается боевой фатализм. Из боевого фатализма вырастает равнодушие к чужой смерти: так суждено, так полагается на войне!..»³⁰ А. Горбатов писал о пренебрежении смертью как о психологическом аспекте, добавляя весьма показательные строчки о трансформации его отношения к войне: «Моя всегдашняя готовность ввязаться в рискованное дело превратилась в разумный риск солдата-фронтовика»³¹.

Действительно, подвиг лишается элементов иррационального, неразумного. «Безумство храбрых» — тоже героизм, однако в цене иное поведение — рациональное, продуманное, не приводящее к напрасным жертвам. Например, А. А. Свечин так вспоминал об одном из командиров рот своего полка: «Некоторые из них были прекрасны, например Сережа Тимофеев, тонкий, стройный, красивый, которого всегда надо было удерживать от какой-нибудь глупости: например, прикинувшись дезертиром, он хочет идти на австрийский пост, чтобы неожиданно

²⁸ *Чемоданов Г.* Последние дни старой армии. М.; Л., 1926. С. 33.

²⁹ *Чемоданов Г.* Там же. С. 78.

³⁰ *Войтоловский Л. Н.* Указ. соч. С. 96.

³¹ *Горбатов А. В.* Годы и войны. М., 1989. С. 38.

выхватить ручную гранату и увести австрийцев в плен»³². Если исходить из надлежащего исполнения своих прямых служебных обязанностей, то по-другому назвать такое поведение сложно.

Рациональное начало героизма подчеркивает и прапорщик военного времени (во время Великой Отечественной — генерал, командующий армией) М. Н. Герасимов, воспроизводя слова своего командира — начальника команды пеших разведчиков штабс-ротмистра С. Муромцева: «В начале работы в разведке мне казалось, что так называемые “лихие ребята” наиболее подходят для разведки. Вскоре мне, однако, пришлось отказаться от этого мнения, так как я дорого поплатился за него потерей нескольких прекрасных людей. С той поры я очень недоверчиво отношусь к “лихим ребятам”... Я не отрицаю допустимость риска, но бесшабашная удаля, как вы определили некоторые качества, необходимые разведчику, в большинстве случаев простое безрассудство. Разведчику нужно иметь горячее сердце, в этом я полностью согласен с вами, но наряду с горячим сердцем ему нужна холодная голова»³³. Молодой прапорщик (бывший крестьянин) Герасимов признался: «Моя военная романтика, которой я был, нечего греха таить, напитан, тускнела в моих собственных глазах, лишаясь своего еще недавнего обаяния»³⁴. Точно так же и бывший рабочий И. Бояков-Анжерский, не без иронии рассказывая о том, как он под вражеским обстрелом собирал осколки снарядов (чтобы по ним определить наличие новых батарей противника), назвал свой подвиг «безрассудным героизмом» и оказался далек от мысли, что так надлежит действовать каждому³⁵.

О неприятии безрассудного удаляства писал и военный врач Войтоловский, рассказывая об отношении солдат к двум офицерам их полка. Один из них — полковник Нечволодов, у которого была репутация «бесстрашного офицера. Об его неустрашимости из уст в уста передаются окопные легенды... Солдаты относятся к нему с полным доверием. Они знают, что он ни одним человеком не пожертвует без крайней необходимости»³⁶. Абсолютно иную репутацию имел капитан Радзилл, «который идет в атаку, ни разу не наклонившись. Солдаты ползут

³² Свечин А.А. Искусство вожения полка. По опыту войны 1914–1918 гг. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 31.

³³ Герасимов М.Н. Указ. соч. С. 119–120.

³⁴ Там же С. 121.

³⁵ Бояков-Анжерский И. Указ. соч. С. 10.

³⁶ Войтоловский Л. Указ. соч. С. 213.

на брюхе, боятся голову приподнять, а он во весь рост прет, не сгибая голову, прямо на пулеметы. Воля железная. Но солдаты его не ценят: “Зря смерти ищет”»³⁷.

Некоторые авторы не просто фиксируют неприятие «удальства», но и фактически осуждают подобное поведение, особенно если оно противоречит приказам начальства. Так, командующий 8-й армией А. А. Брусилов в мемуарах останавливается на эпизоде, который относится к событиям ноября 1914 г. в Карпатах, когда 48-я пехотная дивизия генерала Л. Г. Корнилова прорвалась к Венгерской равнине, но затем с потерями была вынуждена отступить. Командующий обвиняет будущего лидера Белого движения в неповиновении приказам. Причем генерал Цуриков (командир корпуса, ближайший начальник Корнилова) защищал последнего, оценивая его действия как безрассудную храбрость, что служило слабым оправданием: «Тут уже я считал необходимым предать его суду за вторичное ослушание приказов корпусного командира, но генерал Цуриков вновь обратился ко мне с бесконечными просьбами о помиловании Корнилова, выставляя его пылким героем и беря на себя вину в том отношении, что, зная характер Корнилова, он обязан был держать его за фалды, что он и делал, но в данном случае Корнилов совершенно неожиданно выскочил из его рук. Он умолял не наказывать человека за храбрость, хотя бы и неразумную, и давал обещание, что больше подобного случая не будет. Кончилось тем, что я объявил в приказе по армии и Цурикову, и Корнилову выговор»³⁸. Важно здесь даже не то, что А. А. Брусилов вряд ли мог в советское время положительно написать об одном из лидеров Белого движения (хотя в реальности между ними конфликт действительно существовал). Значение имеет сам факт, каким образом мемуарист счел нужным представить ситуацию и какое место он отвел героизму.

Интересен и другой пример. Генерал А. А. Свечин, описывая обстановку, в которой в конце августа 1915 г. оказался его полк, замечает: «Однако бороться с собственным эгоистическим чувством, когда начальство начинает раздраживать полк, крайне трудно. Много значит и недоверие к соседу, к обстановке дезорганизации, которая имеет у него место и в которую жаль бросать свои лучшие части... Особенную остроту эгоистические соображения приобретают в такие периоды общего упадка, в котором находилась русская армия в августе 1915 г.

³⁷ *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 213.

³⁸ *Брусилов А. А.* Воспоминания. М., 1963. С. 130–131.

Общие моральные условия были таковы, что поступить иначе можно было бы, только поднявшись на высшую ступень геройства»³⁹. В данном контексте «геройство» выступает синонимом и самопожертвования (во имя спасения соседних частей), и высокого боевого духа, но в то же самое время мемуарист фактически ставит под сомнение возможность подобного поведения в реальных условиях.

Героизм и духовность

В общественном дискурсе военного время характерной чертой героя становились его высокие морально-нравственные качества и присущая ему особая духовность, отличающая его от «варвара-противника» (и тем самым свидетельствующая о Богоизбранности русского народа). В мемуарной литературе, безусловно, подобных широких обобщений обнаружить невозможно. Однако тема «духовности» не исчезает полностью, а сужается до обращения к психологическому облику конкретного солдата или офицера. Если в общественном дискурсе каждый герой свидетельствует об особой духовной составляющей, характерной для русской армии («православного воинства»), то в воспоминаниях речь идет о личных качествах отдельных знакомых или в лучшем случае о признании (как правило, без дальнейшей детализации) высоких боевых характеристик русского солдата.

Примечательно, что как для прессы 1914–1917 гг., так и для последующих мемуаров общим стало утверждение о скромности героя. Например, М. Н. Герасимов отмечал, что ефрейтор Мокеев, который был «первым героем среди разведчиков», отличался большой скромностью и «терпеть не мог быть начальником или старшим»⁴⁰. Да и сам начальник команды пеших разведчиков штабс-ротмистр С. Муромцев следующим образом говорил про успешный поиск, произведенный М. Н. Герасимовым: «Но вы смотрите теперь на сделанное вами не как на нечто героическое. А примерно так, как смотрят настоящие солдаты, то есть не придаете ему особенного значения и не любуетесь собой»⁴¹. Видимо, подобного мнения придерживался И. Бояков-Анжерский, полковой телефонист, когда на похвалу со стороны командира полка он заявил:

³⁹ *Свечин А. А.* Указ. соч. С. 89–90.

⁴⁰ *Герасимов М. Н.* Указ. соч. С. 124.

⁴¹ Там же. С. 157.

«Это наш долг, ваше высококордие, и я похвал не заслуживаю»⁴². Военный летчик-офицер Н. С. Мачавариани в мемуарах передавал рассказ нижних чинов-артиллеристов об одном вражеском обстреле, когда был убит любимый ими конь. Сам автор сопровождает этот рассказ следующими словами: «И ни слова о том, что постромки “рубали” под жестоким обстрелом, под градом пуль, увертываясь от копыт бьющих в страхе лошадей. Никто не говорил о том, что рассказавший о гибели Галатеи (кличка коня. — *К. П.*) был в числе рубивших постромки, о том, как, освободив ездовых из-под навалившихся на них лошадей, все орудейные номера вместе с фейерверкером бросились к своему орудию и, отвлекая огонь от своей удалявшейся батареи, били до последнего снаряда по врагу, обрушившему на одинокое орудие всю ярость своей батареи»⁴³. По сути, солдаты не захотели акцентировать на всем этом внимания, считая, что все трудности и сложности являются частью их «обыденной» фронтовой действительности.

Конечно, для большинства мемуаристов вопрос о духовном облике героев не является первостепенным. Однако сама по себе «духовная составляющая» не исчезает — просто акценты смещаются с этического и нравственного измерений на личные боевые качества, которые выражаются в таких понятиях, как «боевой дух», «личная храбрость» и «патриотизм». Так, военный летчик Н. Д. Анощенко, не без попытки выделить свой род войск, писал: «Понятно, что современная воздушная война, требующая от своих участников еще большего героизма, создала большое количество сильных духом людей»⁴⁴. Другой авиатор Первой мировой, в советское время ставший полковником, в 1945 г. опубликовал статью о трех выдающихся летчиках Первой мировой П. Н. Нестерове, А. А. Казакове и Е. Н. Крутене. В ней он, с одной стороны, выделял высокий профессионализм каждого из них, тесно связанный с постоянной работой и совершенствованием, а с другой — беззаветный патриотизм и высоких моральный дух⁴⁵.

⁴² Бояков-Анжерский И. Указ. соч. С. 12.

⁴³ Мачавариани М. С. «Глаза — на юг». Тбилиси, 1969. С. 46.

⁴⁴ Анощенко Н. Д. Война в воздухе. М., 1923. С. 121. Стоит лишний раз обратить внимание читателя на то, что даже в этом отрывке, где автор пытается выделить авиацию как совершенно особый вид службы, героизм предстает перед нами как «нормальная» работа.

⁴⁵ Шуков А. Зачинатели летно-боевого мастерства русской авиации // Вестник воздушного флота. 1945. № 18. С. 53–58.

Героизм и награда

Наконец, третьим ключевым элементом образа героя в общественном дискурсе времени Первой мировой стало наличие георгиевской награды. С одной стороны, она являлась формальным свидетельством того, что ее обладатель — истинный герой, а с другой — постоянные упоминания о награждениях были призваны убедить общество, что отечество не забудет их. Взаимосвязь «подвиг/герой — награда» являлась практически неразрывной, а на страницах газет имела нормативный характер: герой должен быть награжден, награда — справедлива и позволяет выделять особо отличившихся. Поставить же под сомнение награждение в публичном пространстве (на страницах газет или других печатных изданий) было невозможно.

В мемуарной литературе, несмотря на все особенности отношения к царскому прошлому в советские годы, авторы вовсе не стеснялись писать о желанности и престижности георгиевской награды. Генерал А. И. Верховский вспоминал: «Я получил телеграмму из штаба армии, извещавшего, что за бои под Бялой я представлен к Георгию. Белый крестик был моей мечтой еще с детских лет. Эта телеграмма особенно живо напомнила о фронте, и потянуло опять туда, где бились за родину друзья, где один не потерявший голову человек мог решить судьбу боя»⁴⁶. С гордостью пишут о боевых подвигах, за которые они получили георгиевские награды, и бывшие унтер-офицеры С. М. Буденный, М. Н. Герасимов, П. М. Давыдов и Н. Н. Биязи⁴⁷. Упоминает о представлении к награде в своих скупых воспоминаниях и П. А. Чеботаев⁴⁸. Вс. Вишневский вспоминал о своем желании получить Георгиевский крест⁴⁹. И. Черкасов оставил следующие строки, весьма смелые для 1935 г., но под которыми могли бы подписаться и многие другие мемуаристы: «За разгром турецкой батареи и за то, что остался на фронте, несмотря на контузию, меня наградили Георгиевским крестом третьей степени. Медаль и крест украшали мою грудь. Я мог гордиться тем, что честно несую службу царю и родине. И гордился»⁵⁰.

⁴⁶ *Верховский А. И.* Указ. соч. С. 52.

⁴⁷ *Буденный С.* Указ. соч.; *Давыдов П. М.* В огне трех войн. Ставрополь, 1972; *Герасимов М. Н.* Пробуждение М., 1965; *Биязи Н. Н.* В огне трех войн // Ставрополье. 1970. № 1. С. 25.

⁴⁸ *Чеботаев П. А.* Немало нами хожено. Свердловск, 1967. С. 12.

⁴⁹ *Вишневский Вс.* Мои воспоминания (1914–1921 гг.) // Собрание сочинений. М., 1954. Т. 2. С. 670.

⁵⁰ *Черкасов И.* Указ. соч. С. 73.

Вместе с тем это вовсе не мешает подвергнуть сомнению связку «герой — награда». Каждый из мемуаристов, затрагивающих данную проблему, делает это по-своему, но не выходит за рамки общего критического подхода и более общих способов осмысления социальных процессов.

Так, одной из ключевой тем коллективной дискуссии о Первой мировой стало осмысление целей войны. А потому И. Черкасов следующим образом продолжил процитированные выше строки: «И гордился. И в то же время все чаще и чаще рождались сомнения: “А принесет ли война то освобождение, ради которого я с песней шел на фронт и ради которого рискую жизнью каждый день и каждую минуту?”»⁵¹. Георгиевский крест не был той наградой, которая могла бы в полной мере удовлетворить чаяния тех, кто шел отдавать жизнь.

Другой весьма резонный вопрос — справедливость выделения и награждения одних и обхождения наградой других, что лишний раз становилось подтверждением порочности царской военной системы. Поскольку героизм является частью фронтовой повседневности, тесно вплетенной в боевую работу, то весьма справедливыми будут следующие слова В. Арамилева о принципиальной сложности определения и выделения героев, особенно если все сражались достойно: «На наш полк отпущено изрядное количество георгиевских крестов. Нужно кого-то “выделить”, кого-то “представить” в герои и кавалеры. Но как выделять, когда перебит чуть не весь офицерский состав, ходивший с нами в атаку? Как выделять, когда вообще героев не было, геройства не было, когда была просто слепая, стихийная человеческая масса, загипнотизированная дисциплиной? Правда, когда наступали, то некоторые длинноногие ходоки бежали впереди, обгоняя других. Но где видано, чтобы выдавать за длинные ноги кресты и медали? <...> Неловко без героев. В других корпусах есть, почему ж у нас нет?»⁵².

Недооценка заслуг с точки зрения награждения и известности является сквозной линией для мемуаров выдающегося русского генерала А. А. Брусилова, которая восходит к более высокому обобщению — неумению страны оценить собственных героев: «Повторяю: я славы не искал, но, проливая тогда солдатскую кровь во имя родины, теперь я имею право желать, чтобы хотя бы история достойно оценила моих

⁵¹ Черкасов И. Указ соч. С. 73.

⁵² Арамилев В. Указ соч. С. 137.

самоотверженных героев — солдат и офицеров. В память погибших воинов я пишу эти строки, а не для прославления своего имени»⁵³.

Ради справедливости стоит все же отметить необоснованность многих претензий А. А. Брусилова. В частности, после победы в Галицийской битве (август-сентябрь 1914 г.) его имя также было известно России, как и другого героя тех сражений генерала Н. В. Рузского. Конечно, можно спорить о личном вкладе последнего, но несомненно: его армия внесла большой вклад в разгром правого крыла австро-венгерских войск⁵⁴, а войска Брусилова играли по большей части второстепенную роль. При этом и в адрес последнего можно высказать упрек в нерасторопности при наградах, что вызывало определенное недовольство: в частности, начальник 3-й кавказской стрелковой дивизии осенью 1915 г. написал даже в Ставку Верховного главнокомандующего. Согласно приказу Верховного главнокомандующего от 15 апреля № 272 (на тот момент — вл. кн. Николай Николаевич), боевые награды строевым офицерам должны выдаваться в ускоренном порядке: не позже двух месяцев со дня боя их следовало утверждать приказом по армии. Реальность же оказалась несколько иной. 3-я кавказская стрелковая дивизия вела бои на р. Сан с 6 по 25 мая 1915 г. (по ст. ст.). 29 июня наградные листы были представлены в штаб 8-й армии. Окончательно решение было принято лишь в сентябре: только 18 сентября (по ст. ст.) вышел приказ о награждении 82 офицеров из представленных 153. О судьбе остальных представлений ничего не было известно, что делало практически невозможным награждение этого 71 офицера в дальнейшем. Осенью 1915 г. дивизия уже находилась в составе 5-й армии генерала П. А. Плеве, а ее штаб требовал сведений о судьбе предыдущих представлений, чтобы иметь возможность представить офицеров к награде⁵⁵.

⁵³ *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 157. Отметим, что внимание Брусилова к солдатам отмечал и военный корреспондент Н. Каржанский, пересказывая его слова: «Русский солдат искони показывал себя самоотверженным воином, беззаветно храбрым в бою, стойким в походе и стремительным в атаке. Еще Фридрих Великий говорил, что русского солдата мало убить — его надо еще повалить. Таковы не только свойства солдата, но и русского народа, из рядов коего вышел солдат». См.: *Каржанский Н.* Записки военного корреспондента // *Знамя.* 1940. № 4/5. С. 107.

⁵⁴ См.: *Белой А.* Галицийская битва. М., 1929.

⁵⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 67. Л. 293.

Более того, в мемуарах зачастую судьба наград связывалась с личностью командиров: кто-то внимательно относился к подчиненным и был щедр на награды, кто-то, наоборот, весьма скуп подходил к этому вопросу, полагая, что награждать следует лишь за наиболее выдающиеся подвиги. Например, А. А. Брусилов выделял командира 8-го армейского корпуса генерала Орлова, который, несмотря на свои профессиональные качества, был нелюбим подчиненными офицерами за то, что «он страшно скуп на награды, с ними редко говорит и, по их мнению, относится к ним небрежно»⁵⁶. Зато офицерам 5-го финляндского стрелкового полка, судя по воспоминаниям А. А. Свечина (командир 6-го финляндского стрелкового полка), повезло больше: «Штаб 5-го полка отличался, между прочим, своим красноречием. Представления офицеров к наградам составлялись с изысканной тщательностью и любовью. Несмотря на гораздо большую боевую работу моего полка, в 5-м полку офицеры получали больше наград, в особенности орденов Георгия»⁵⁷.

С другой стороны, если героизм является частью повседневного боевого опыта, то выделить подвиг становится действительно сложно. Так, военный летчик А. К. Туманский вспоминал, как весной 1917 г. командир корпуса отменил его представление к очередному Георгиевскому кресту за сбитый германский самолет на том основании, что «сбивать немцев — воинский долг наших летчиков и никакого подвига в этом нет...»⁵⁸. То разочарование, с которым об этом пишет автор, лишний раз указывает на всю сложность вопроса награждения.

Отсутствие справедливости в вопросе награждения порой вызвало переосмысление наградного процесса в целом. В этом плане стоит привести цитату из воспоминаний В. Арамилева, который записал следующее предложение нижнего чина Николая Власова ротному командиру: «Нельзя ли, ваше благородие, кресты по очереди всем носить: неделю бы тот, неделю бы энтот или ба хто в отпуск в деревню проедет — тому креста три на грудь на временное пользование. Справедливо бы было, ей-богу! Я первый...»⁵⁹.

Интересно и то, как в общий контекст вопроса о заслуженности вплетается характерное для Первой мировой отношение в высших

⁵⁶ Брусилов А. А. Указ. соч. С. 130.

⁵⁷ Свечин А. А. Указ. соч. С. 28.

⁵⁸ Туманский А. К. Полет сквозь годы. М., 1962. С. 59.

⁵⁹ Арамилев В. Указ. соч. С. 138.

штабах к наградам как к чему-то само собой разумеющемуся⁶⁰. Подобное нашло отражение в мемуарах генерала М. Д. Бонч-Бруевича (генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта). В них он сокрушался, что генерал Н. В. Рузский (главнокомандующий фронтом) наградил его лишь георгиевским оружием, а представить к ордену Св. Георгия 4-й ст. обещал, но так этого и не сделал. Вопрос о том, заслужил ли он сам столь высокого отличия, М. Д. Бонч-Бруевич не поставил. Это, однако, не мешает ему критиковать А. И. Деникина, который якобы ушел из штаба 8-й армии на строевую должность для того, чтобы вступить «на желанный путь быстрого продвижения к “чинишкам” и “орденишкам”»⁶¹.

Соответственно мы видим, что вопрос о награждении в мемуарах получает одновременно системное и личностное измерение, которые постоянно перемешиваются. Награда желаемая, однако четких критериев выделения героев не существует. С одной стороны, этот вопрос ставится в зависимость от решения начальства, с другой — от личных (подчас эгоистичных) устремлений отдельных офицеров получить незаслуженную награду⁶². Проблема фиксируется, однако объясняется (разрешается) через традиционные отсылки либо к чьей-то (злой) воле, либо к порочности общей системы.

При этом вопрос о награждении нижних чинов получает и «классовое» (вернее, «наивно-классовое») измерение через противопоставление героизма простых солдат («трудовой класс»), честно сражавшихся за Родину, и офицеров («эксплуатирующий класс»), которые получали за это награды. С. М. Буденный вспоминал, как за его подвиг под Бжезинами получил награду и командир эскадрона, вообще не участвовавший в лихой атаке⁶³. Ему как будто вторит рядовой Вавилов: «Благодаря русским солдатам наши офицеры слыли героями, производились в высокие чины и нашивали себе наградные знаки»⁶⁴. На несправедливость в распределении наград указал и военный летчик А. Петренко: «Большинство летчиков-офицеров еле

⁶⁰ Это особенно ярко явствует из сохранившихся документов управления дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 67, 70.

⁶¹ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть — советам. М., 1957. С. 29 — 30.

⁶² См., напр.: *Чемоданов Г. Н.* Указ. соч. С. 33; *Мачавариани М. С.* Указ. соч. С. 110–112.

⁶³ *Буденный С. М.* Указ. соч.

⁶⁴ *Вавилов А.* Указ. соч. С. 29.

вылетывало в месяц положенные шесть часов, иные не выполняли и этой нормы; я в августе налетал 36 часов, неоднократно рисковал жизнью, а в благодарность получил выговор командира за “грубое обращение с офицером”»⁶⁵.

Заметим, что при этом заслуженное награждение офицера нередко преподносилось как исключение. Например, большевик А. Пирейко, работавший в типографии 7-й армии, писал: «Между прочим, в штабе 7-й армии зимой 1916 г. работал в контрразведке один полковник (фамилия мне неизвестна). Работал он днем и ночью, был очень серьезен, задумчив. Когда поступала его работа к нам в печать, то тут уже было не до сна. Он грозил расстрелом, если работа не будет выполнена вовремя... А этот полковник за успешный брусиловский прорыв под Бучачем, у реки Стрыпы, в мае 1916 г. получил генерала. Когда впоследствии мы рассматривали карты, которые мы печатали, в той местности, где шли бои, то оказалось, что этот полковник имел точные сведения о расположении неприятельской армии, и генерала он получил не зря, что очень редко бывало в царской армии»⁶⁶.

Хотя подобные свидетельства тесным образом сопряжены с отрицательным образом русского офицера, сама постановка вопроса имеет смысл. Здесь открывается пространство для изучения того, как выделить и зафиксировать роль того или иного начальника в успехе его войск (и что делать, если успех имеется, но начальник к этому непричастен). На этом фоне обратным (и более узким) выглядит подход, свойственный эмигрантским мемуарам: выделять подвиги исключительно офицеров, по сути, приписывая им героизм подчиненных солдат⁶⁷.

Героизм и контекст

Выше мы прояснили сущность героизма и ключевые темы, которые всплывают в случае, если данная проблема затрагивается мемуаристом. Однако анализ вряд ли стоило бы признать адекватным без изучения того, как героизм включается в общий контекст повествования о Первой мировой войны.

⁶⁵ Петренко А. В небе старой и новой России. М., 1952. С. 55–56.

⁶⁶ Пирейко А. В тылу на фронте империалистической войны. Л., 1926. С. 38.

⁶⁷ См., напр.: Пестержецкий М.И. Воспоминания командира 12-го гренадерского Астраханского императора Александра III полка. М., 2011.

Частично ответ на данный вопрос ясен из приведенных выше примеров. Во-первых, это повествование о собственных подвигах (особенно о тех, за которые мемуарист был награжден), которые позиционируются как часть повседневной боевой работы, лишенной излишней поэтичности. Во-вторых, это свидетельство о героизме своих товарищей, тех, кого автор знал лично (и здесь героизм предстает в куда более ярких красках). Все это — сфера личного опыта и личных отношений, рассказ о частностях, коими полон фронтовой путь каждого солдата.

Совсем по-иному предстает героизм, когда мемуарист обращается к более широким категориям или стремится делать обобщения, касающиеся не только его и близкого круга друзей. На этом уровне наиболее ярко видно влияние сложившейся коллективной дискуссии и тех ее ключевых характеристик, которые были выделены выше.

Так, героизм простых солдат становится частью общего представления о силе духа простого (трудового) народа, который противопоставляется «сгнившей элите». Например, А. Горбатов вспоминал о двух унтер-офицерах, которые во время одного из боев спасли от поражения полк, за что были произведены в прапорщики, но их перевели в другую часть, т. к. «господа офицеры нашего полка заявили, что не желают подавать руку бывшим нижним чинам»⁶⁸. Другой известный полководец Великой Отечественной И. Тюленев описывает подвиг своего 5-го драгунского полка, когда в одном из боев осенью 1914 года командир полковник Чайковский не хотел спешить на помощь соседу. Тогда нижние чины, не дожидаясь приказа сверху, сами перешли в наступление. Немцы были отеснены, и в итоге русские вошли в Сандомир⁶⁹.

Правда, не всегда отношение к офицерскому корпусу было столь однозначным и безапелляционным. Более распространенная структура — противопоставление «достойных» и «недостойных» офицеров, что можно с большой долей вероятности считать попыткой примирить на страницах мемуаров, с одной стороны, фронтовой опыт, а с другой — сложившееся в советское время негативное отношение к представителям офицерского корпуса. Но было ли это исключительно риторическим приемом? Можно ли сказать, что, находясь тогда, в 1914–1916 гг., в окопе, мемуарист думал точно так же? Дать однозначного ответа на поставленные вопросы нельзя, однако логично предположить, что отношение к офицерам в реальной жизни было более дифференцируемым, более

⁶⁸ Горбатов А. Указ. соч. С. 38.

⁶⁹ Тюленев И. Через три войны. М., 1972. С. 34–35.

глубоким, индивидуализированным и не сводилось к «черно-белому» тону. Для нас же важно то, что указанная структура (противопоставление «достойных» и «недостойных») обнаруживается в большинстве мемуаров и именно она вводит в текст тематику героизма⁷⁰.

Например, в воспоминаниях подполковника Г. Н. Чемоданова противопоставление можно усмотреть между штабс-капитаном Андреевым, который без страха выходил на бруствер в полный рост, с тем чтобы ободрить свою роту, и штабс-капитаном Юрченко, который постоянно уклонялся от боя⁷¹. Точно так же Б. К. Колчигин критикует офицеров ряда гвардейских полков, выделяя отдельных из лейб-гвардии Литовского и Кексгольмского⁷². Рядовой С. А. Калинин (в советские годы генерал-лейтенант) противопоставлял своего первого командира роты капитана Частухина, который умел своим внимательным отношением завоевать авторитет среди солдат, и капитана Сухарева, который жесткой дисциплиной стремился «подавить в солдатах все живое, превратить их в безропотное “пушечное мясо”»⁷³. При этом значительную роль в положительном образе офицера играли его личные качества, прежде всего уважительное и понимающее отношение к солдатам. Именно таковые и становятся героями, проявляя себя на поле боя с лучшей стороны.

Помимо этого, героизм нижних чинов лишь усиливает передачу социальной несправедливости в императорской армии. Летчик унтер-офицер А. Петренко дал такую оценку: «Значит, все равно, как ты ни летай, какую ни проявляй храбрость, но если ты “нижний чин”, любой прапорщик может безнаказанно тебя обругать»⁷⁴. Рядовой В. Дмитриев вспоминал о том, как солдатам приходилось вести тяжелейший бой фактически без патронов, в то время как после первого разовравшегося вражеского снаряда их командир (некий капитан) спрятался в блиндаж⁷⁵. Такой же эпизод приводил И. Черкасов, когда нелюбимый

⁷⁰ Исключение представляет цитированная выше работа А. А. Свечина, который дал подробные характеристики многим своим сослуживцам. Однако стоит помнить, что речь идет о выдающемся теоретике, а его работа хоть и носит мемуарный характер, но является при этом и полноценным исследованием.

⁷¹ Чемоданов Г. М. Указ. соч. С. 78–79.

⁷² Колчигин Б. К. Брусиловский прорыв // История СССР. 1971. № 3. С. 148–152.

⁷³ Калинин С. А. Размышляя о минувшем. М.: Воениздат, 1963. С. 11.

⁷⁴ Петренко А. Указ. соч. С. 55.

⁷⁵ Дмитриев В. Доброволец. М.; Л., 1929. С. 8.

всеми командир батареи подполковник Сикорский во время одного из боев на Кавказском фронте предпочел отсидеться в блиндаже, предоставив солдатам самим решить исход боя⁷⁶. Военный врач А. Михайлов прямолинейно сформулировал заложенную в основе подобных рассказов мысль, очистив ее от всех дополнительных контекстов, нюансов и уточнений: «Требуя проявления геройства от солдат, офицерство в своем большинстве всячески старалось перед боем и во время боя исчезнуть с фронта, не брезгуя никакими средствами»⁷⁷.

Героизм помещается не только в контекст социальных («псевдоклассовых») противоречий, но и общего развала Российской империи и «загнивания» общества. Весьма характерно, как военный врач Л. Н. Войтоловский передавал обсуждение подвига П. Н. Нестерова (тараном сбил вражеский самолет) в кругу офицеров артиллерийского парка и военных врачей. Акцент был сделан именно на бессмысленность поступка героя-летчика: «Таких днем с огнем поискать, — сказал командир, — а у нас зря погиб, безо всякой пользы...»⁷⁸. В приведенном в мемуарах диалоге никто не отрицает величественность подвига, скорее Нестеров противопоставляется всей остальной России, что лишь раз подчеркивает трагедию героизма.

Показательна статья полковника авиации А. Шиукова, которая была опубликована осенью 1945 г. Рассказ о выдающихся русских авиаторах Первой мировой также представлен как повествование о выдающихся личностях, которым приходилось противостоять системе и непониманию требований времени со стороны высшего военного руководства. Однако героизм вовсе не принимает столь трагических черт: «Сказанного достаточно, чтобы видеть, как беззаветно любили они свою Родину, как мужественно, преодолевая многочисленные трудности того времени, дрались с ненавистным врагом и неизменно выходили победителями»⁷⁹. Другой военный летчик, А. Петренко, писал сходным образом: «Горько вспоминать о том времени (речь в мемуарах шла о той несправедливости, с которой приходилось сталкиваться нижним чинам. — П. К.), но все же и тогда мы гордились и верили в творческую мощь нашего великого народа, и тогда любили свою родину, верили

⁷⁶ Черкасов И. Указ. соч. С. 72–73.

⁷⁷ Михайлов А. Из воспоминаний врача о русско-германской войне // Наш край. Царицын, 1924. С. 48

⁷⁸ Войтоловский Л. Н. Указ. соч. С. 38.

⁷⁹ Шиуков А. Указ. соч. С. 58.

в ее грядущее счастье, в то счастье, которое открыла перед всеми народами бывшей Российской империи Великая Октябрьская социалистическая революция...»⁸⁰.

Заключение

Таким образом, мы видим, что проблематика героизма в советских мемуарах хоть и находится на периферии, но и не обойдена стороной. Более того, фиксируется определенная взаимосвязь между восприятием героизма во время Первой мировой и осмыслением его бывшими фронтовиками. Она прослеживается и через резкое отрицание (в частности, неприятие репрезентации героизма в пропаганде), и через диалог (опровержение мемуаристами поэтической романтики фронтового подвига), и через наличие общих тем («духовное» измерение и вопрос награждения). И если конкретное описание героев и их подвигов, как правило, опирается на фронтовые реалии, то в случае более широких обобщений, попыток вписать тематику героизма в общий контекст повествования или прийти к каким-то заключениям обозначается сильное влияние именно коллективной дискуссии советского времени. Эти две перспективы переплетаются, в конечном итоге дополняя друг друга. А потому обращение к героизму усиливает критическое отношение к императорской России. В итоге, героизм либо позиционируется как исключение, либо противопоставляется некоей «порочной» системе.

И здесь мы выходим на одну из центральных проблем коллективной дискуссии: в чем авторы видели прагматику героизма, его высший смысл, ради которого стоило жертвовать собой. Да, героизм — часть фронтовой повседневности, лишенный поэзии, он тесно связан с каждодневной боевой работой. Его сущность заключается в повседневном исполнении своего долга, в этом и состоит ключевая задача героя. Но что делать, если война оказывается бессмысленной, а правительство превращается в главного врага? Тогда и героизм начинает терять высший смысл и приобретает оттенок трагизма (его степень зависит от восприятия мемуариста). Не случайно военный врач Войтоловский, постоянно говоря о разложении страны, считает подвиг Нестерова ярким, но бессмысленным. Не случайны и попытки соотнести героизм с личными смыслами, что зачастую также подводит к мысли о бессмысленности подвига. Однако в подобном

⁸⁰ Петренко А. Указ. соч. С. 58.

ракурсе проблема не имеет решения. Те, кто ставит этот вопрос (особенно характерно для мемуаристов, писавших воспоминания в 1920–1930-х гг.), не могут дать вразумительного ответа, тем более приемлемого с точки зрения законов публичного пространства Советского Союза. А потому они и не стремятся прояснить феномен героизма, переводя разговор на то, почему армия в массе пришла к коммунистическим идеям.

Более того, потрясения 1917 г., из которых и родилась Советская Россия, выдвинули на первое место иную ценность, претендующую на всеобщий статус, а именно — революцию, которая требует служить себе. Соответственно в этом контексте героизм солдат Первой мировой не только меркнет, но и становится чем-то неудобным: ведь в почете те, кто выступал против войны и вел антивоенную пропаганду, а не рисковал собой, сражаясь в царской армии. Для мемуаров, изданных после 1945 г. (к тому времени произошел фактический пересмотр государственной идеологии), свойственна попытка примирить две ценности: патриотизм («образца царского времени») и революцию. Теперь доблестная служба в императорской армии сама по себе не имеет оттенка контрреволюционности, от которого надо откреститься. Патриотические чувства 1914–1916 гг. во многом реабилитируются. Как писал Вс. Вишневский, повествуя о своем военном прошлом: «Я сохранил в себе эту готовность к войне все годы, вплоть до 1921-го, но чувство патриотизма обогатилось жадной борьбой за идеи революции»⁸¹.

Тем не менее героизм, каким бы образом он ни вводился, какими бы смыслами не наполнял его автор и какое бы место он ни занимал в повествовании, остается свидетельством (и одновременно данью памяти) того, как русские войска (идет ли речь об отдельных личностях, редких исключениях или всех русских солдатах) выполняли свой долг в годы Первой мировой войны.

Автор выражает искреннюю благодарность М. С. Бобковой и О. Ю. Малиновой за ценные советы, высказанные при редактировании статьи.

⁸¹ Вишневский Вс. Указ. соч. С. 679.

Список использованных мемуаров

1. *Абрамов В.Л.* На ратных дорогах. М., 1968.
2. *Арамилев В.* В дыму войны: Зап. вольноопределяющегося (1914–1917 гг.). [Л.], 1930.
3. *Баграмян И.Х.* Мои воспоминания. Ереван, 1979.
4. *Белькович Л.Н.* Воспоминания участника войны // Военное дело. 1918. № 10 С. 11–12; № 14. С. 8–9; № 15; С. 14–15; № 16. С. 7–8.
5. *Биязи Н.Н.* В огне трех войн // Ставрополье. 1970. № 1.
6. Бои Черноморского флота с крейсером «Гебен»: Бой 5 ноября 1914 г. (по воспоминаниям и донесениям) // Морской сборник. 1920. № 8/9. С. 10–23.
7. Бой эскадренного миноносца «Новик» с двумя германскими эсминцами 4 августа 1915 г.: (Операция 1915 г. в Рижском заливе) // Красный флот. 1922. № 1. Стб. 56–58.
8. *Болдин И.В.* Страницы жизни. М., 1961.
9. *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть — советам. М., 1957.
10. *Бояков-Анжерский И.* Записки полкового телефониста // Сибирские огни. 1931. № 1. С. 3–19.
11. *Брусиллов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963.
12. *Буденный С.М.* Пройденный путь. Кн. 1. М., 1959.
13. В немецком плену // Огонек 1924. № 35.
14. *Вавилов А.* Записки солдата. М.; Л., 1927.
15. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1978.
16. *Верховский А.И.* На трудном перевале М., 1959.
17. *Вишневский Вс.В.* Мои воспоминания (1914–1921 гг.) // Вишневский Вс. В. Собр. соч. Т. 2. М., 1954. С. 647–794.
18. *Вогак В.А.* Последние дни канонерской лодки «Кореец»: (Из воспоминаний участника последней войны) // Морской сборник. 1918. № 7/8. С. 35–60.
19. *Войтоловский Л.Н.* Выходил кровавый Марс: По следам войны. М., 1998.
20. Воспоминания участника мировой войны на Черном море: Трапезонд // Морской сборник. 1920. № 1/3. С. 207–219.
21. *Герасимов М.Н.* Пробуждение / предисл. В. Поликарпова. М., 1965.
22. *Горбатов А.В.* Годы и войны. М., 1965.
23. *Гринштейн О.* В немецком плену // Вопросы истории. 1975. № 9. С. 115–126.
24. *Давыдов Л.В.* Гибель транспорта «Ормесби» в Ледовитом океане: Эпизод из Великой войны 1914–1918 гг. // Морской сборник. 1919. № 2. С. 101–134; № 3. С. 109–136.
25. *Давыдов П.М.* В огне трех войн. Ставрополь, 1972.
26. *Дмитриев В.* Доброволец: воспоминания о войне и плене. М., 1929.
27. *Егерев М.* Русские солдаты во Франции: (Воспоминания участника Первой мировой войны) // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 87–96.

28. *Есютин Т.В.* Гибель корабля «Императрица Мария»: Воспоминания моряка Черноморского флота. М. ; Л., 1931.
29. *Калинин С.А.* Размышления о минувшем. М., 1963.
30. *Карев П.Ф.* Экспедиционный корпус: (Воспоминания о рус. экспедиц. корпусе во Франции во время первой мировой войны). Куйбышев, 1957.
31. *Каржанский Н.* Записки военного корреспондента // Знамя. 1940. № 4/5 С. 59–120.
32. *Каррик В.* Война и революция // Голос Минувшего. 1918. № 4/6. С. 5–47; № 7/9. С. 26–76.
33. *Кидяев П.* В кровавых лапах «прекрасной» Франции // Октябрь за рубежом: сб. воспоминаний. М., 1924. С. 31–47.
34. *Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма. М., 1925.
35. *Козлов А.* Проданные за снаряды: Рус. солдаты на фр. фронте в 1916 г. Л., 1931.
36. *Коллонтай А.М.* Отрывки из дневника. Л., 1924.
37. *Колчигин Б.К.* Брусиловский прорыв // История СССР. 1971. № 3. С. 148–152.
38. *Крейсон П.* Из воспоминаний // Вестник воздушного флота. 1927.
39. *Лезин М.А.* Воспоминания рядового М., 1958.
40. *Лемитшевский Н.* Гибель крейсера «Палюлада» 28 сентября (11 октября) 1914 года // Морской сборник. 1922. № 8/9. С. 102–119.
41. *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пг.: Госиздат, 1920.
42. *Лисовенко Д.У.* Их хотели лишить Родины / под общ. ред. И.И. Зубкова. М., 1960.
43. *Лукашевич С.* Гибель миноносца «Летучий» и «Исполнительный» // Морской сборник. 1934. № 8. С. 176–178.
44. *Любимов Л.Д.* На чужбине: (Воспоминания). М., 1963.
45. *Малиновский Р.Я.* Солдаты России. М., 1969.
46. *Мачавариани М.С.* «Глаза — на юг». Тбилиси, 1969.
47. *Меньчуков Е.А.* Воздушный флот в начале мировой войны на русско-германском фронте // Вестник воздушного флота. 1927. № 6. С. 3-6.
48. *Михайлов А.* Из воспоминаний врача о русско-германской войне // Наш край. Царицын, 1924. № 1. С. 47–49.
49. *Невинский А.М.* Бой с линейным крейсером «Гебен» 5 ноября 1914 г. у мыса Сарыч // Русское военно-морское искусство. М., 1951. С. 407–415.
50. *Новиков В.Н.* Мытарства русских солдат: Воспоминания рус. солдата о пребывании во фр. лагерях. М.; Л., 1929.
51. *Оськин Д.П.* Записки прапорщика // Откровенные рассказы. М., 1998.
52. *Петренко А.К.* В небе старой и новой России. М., 1952.
53. *Пирейко А.* В тылу на фронте империалистической войны. Л., 1926.
54. *Рассказы участников войны в воздухе* // Анощенко Н.Д. Война в воздухе. М., 1923. С. 121–137.

55. *Родин Г. С.* По следам минувшего. Тула, 1968.
56. *Рыжов И.* В Македонии // Октябрь за рубежом: сб. воспоминаний. М., 1924. С. 54–63.
57. *Самойло А. А.* Две жизни: Воспоминания ген.-лейт. в отставке. Л., 1963.
58. *Свечин А. А.* Искусство вождения полка. По опыту войны 1914–1918 гг. М.; Л., 1930. Т. 1.
59. *Сорокин Т.* Страничка из воспоминаний: Встреча и проводы русских во Франции // Огонек. 1924. № 31.
60. *Степной Н. А.* Белые рабы. М.; Л., 1925.
61. Страницы из обороны Новогеоргиевска // Военно-инженерный журнал. 1920. № 1. С. 38–46.
62. *Туманский А. К.* Полет сквозь года. М., 1962.
63. *Тюленев И. В.* Через три войны. М., 1972.
64. *Федоров В. Г.* В поисках оружия. М., 1964.
65. *Фридланд Л. С.* Шесть баллов. М., 1932.
66. *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. М., 1966.
67. *Чеботаев П. А.* Немало нами хожено. Свердловск, 1967.
68. *Чемоданов Г. Н.* Последние дни старой армии. М., 1926.
69. *Черкасов И. Т.* Повесть о простых людях. М., 1957.
70. *Чичаев И. А.* Незабываемые годы. Саранск, 1976.
71. *Чоп Э. М.* Годы в огне // Южный Урал. 1958. № 1. С. 12–36.
72. *Шабашев Н. И.* Работа 14-й воздухоплавательной роты под Ивангородом в 1914 году: (Воспоминания участника) // Аэро. 1923. № 7. С. 122–123.
73. *Шаевский Д. А.* Русские солдаты на Балканах: (Воспоминания участника первой мировой войны) // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 66–74.
74. *Шапошников Б. М.* Мои воспоминания. М., 1974.
75. *Шушков А.* Зачинатели летно-боевого мастерства русской авиации // Вестник воздушного флота. 1945. № 18. С. 53–58.
76. *Шихлинский А. А.* Мои воспоминания. Баку, 1984.
77. *Яковлев С. М.* Пионер русской авиации Глеб Васильевич Алехонович. Смоленск, 1960.

*М. А. Российский,
кандидат исторических наук,
советник Первого Европейского департамента МИД России*

ДНЕВНИКИ В. П. КРАВКОВА ЗА 1914–1917 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. К 100-летию со дня начала Первой мировой войны готовится издание ранее малоизвестного и труднодоступного памятника из фондов РГБ — дневников военного врача Русской императорской армии, действительного статского советника В.П. Кравкова (1859–1920). Автор дневника начал войну в должности корпусного врача XXV армейского корпуса, в сентябре 1914 — декабре 1915 г. занимал должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии, в январе-марте 1916 г. был корпусным врачом XLIV и XXXVII армейских корпусов, с марта 1916 по июль 1917 г. служил корпусным врачом 7-го Сибирского армейского корпуса. Записки В.П. Кравкова интересны не только оценками событий военной жизни, но также и анализом внутривойсковых процессов в России, оценками военных и политических деятелей эпохи, с рядом которых автору довелось общаться лично.

Ключевые слова: военно-медицинская служба, Русская императорская армия, русская Польша, Гродно, Рига, Февральская революция.

М. А. Rossiysky

VASILY P. KRAVKOV'S WAR DIARIES OF 1914–1917 AS A SOURCE OF HISTORIC INFORMATION

Summary: On the occasion of the centenary of World War I *Veche* Publishers (Moscow) publishes for the first time the diary of the Russian Imperial Army Sanitary Service high-ranking official, the actual state councilor Vasily P. Kravkov (1859–1920). Till recent days this text conserved as a manuscript in the funds of the Russian State Library was scarcely known and not easily accessible. The author of the war diaries began participating in World War I in August 1914 as a 25th Army Corps doctor (4th Army, Southwestern front); in September 1914 — December 1915 he occupied a position of chief assistant of the 10th Army Sanitary Department (Northwestern, later Western front); in early 1916 he was appointed 37th Army Corps doctor (12th Army, Northern front); in March 1916 — July 1917 he was a 7th Siberian Army Corps doctor (12th Army, Northern front; later 7th Army, Southwestern front). Vasily P. Kravkov's notes are not just of interest due to the assessments of the military life, but also due to the analysis

of the internal political process in Russia and the appraisal of the military and political figures of the age some of whom the author happened to know personally. While reading the diaries the full impression about particular qualities of the views on life of Kravkov's contemporaries is being made up.

Keywords: Russian Imperial Army, sanitary service, Russian Poland, Grodno. Riga, February Revolution of 1917.

Во 2-м квартале 2014 г. издательство «Вече» планирует опубликовать ранее малоизвестный и до последнего времени труднодоступный литературный памятник. Речь идет о дневнике, который с 8 (21) августа 1914 по 3 (16) августа 1917 г. вел участник Первой мировой войны, высокопоставленный военный врач Русской императорской армии действительный статский советник Василий Павлович Кравков¹.

Сегодня, накануне 100-летия Первой мировой войны, на повестке дня все еще стоит вопрос о выработке многоплановой картины этого сложнейшего исторического феномена, во многом заслоненного в нашем общественном сознании более поздними по времени событиями бурного XX в. Поэтому в данном контексте особую ценность приобретают живые голоса современников, свидетелей и непосредственных участников событий вековой давности, сохраненные во фронтовых дневниках и мемуарных записках, особенно еще не изданных и малоизвестных, но обладающих несомненной источниковедческой ценностью.

В. П. Кравков был высокообразованным и разносторонним человеком. В его записках отражены не только события военной жизни, которым он сам был свидетелем. Его интересовали происходившие в России политические процессы, он анализировал тенденции общественной жизни, о которых узнавал из попадавших на фронт газет. При чтении записок складывается довольно полное впечатление об особенностях взгляда на мир человека его поколения.

В. П. Кравков родился 20 февраля (3 марта) 1859 г. в семье старшего писаря Управления Рязанского губернского воинского начальника. Его младшими братьями были выдающийся русский ученый академик Николай Павлович Кравков (1865–1924), основоположник советской школы фармакологии, первый лауреат Ленинской премии (1926,

¹ В декабре 2013 г. был опубликован фрагмент дневника В. П. Кравкова за октябрь–ноябрь 1914 г. См.: *Российский М. А. Первая мировая война глазами доктора Кравкова // Международная жизнь. История без купюр: от прошлого к настоящему : специальный выпуск. 2013. С. 89–137.*

посмертно), а также один из пионеров отечественного почвоведения профессор Сергей Павлович Кравков (1873–1938).

В 1883 г. В. П. Кравков окончил Императорскую Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге и начал действительную службу по Военному ведомству с должности младшего врача 26-го пехотного Могилевского полка. В 1891 г. старший врач 11-го гренадерского Фанагорийского полка коллежский асессор Кравков успешно защитил диссертацию на степень доктора медицины.

В 1904–1905 гг. дивизионный врач 35-й пехотной дивизии XVII армейского корпуса статский советник Кравков принимал участие в Русско-японской войне. Во время Ляоянского сражения (1904 г.) в течение нескольких дней ему довелось работать под огнем противника. За эту кампанию В. П. Кравков был награжден мечами к имевшемуся у него ордену Св. Анны 2-й ст., а позднее — орденами Св. Владимира 4-й и 3-й ст. с мечами. По окончании войны в 1906 г. он был произведен в действительный статские советники — гражданский чин 4-го класса, соответствовавший армейскому генерал-майору.

Русско-японская война стала этапным событием в жизни В. П. Кравкова. Во время пребывания в Маньчжурии у него выработалась привычка вести дневник, в котором он суммировал ежедневные впечатления, подвергая их критическому осмыслению. В начале 1910-х гг. В. П. Кравков занимался литературной обработкой своих дневниковых записей, намереваясь впоследствии их издать, однако этим планам не суждено было осуществиться. До настоящего времени из его записок времен Русско-японской войны был опубликован лишь значительный фрагмент, повествующий о Ляоянском сражении, который появился в 1991 г. на страницах альманаха «Время и судьбы» благодаря усилиям В. Ф. Молчанова². Основной же массив дневников В. П. Кравкова периода Русско-японской войны еще ждет своих исследователей и публикаторов.

Кампанию 1914 г. Василий Павлович начал в должности корпусного врача XXV армейского корпуса. В составе 4-й армии Юго-Западного фронта он участвовал в сражениях Галицийской битвы, обеспечивал эвакуацию раненых в ходе сражения у Замостья в августе-сентябре 1914 г., затем вместе с частями корпуса вошел в австрийскую Галицию.

² Свет милосердия. Дневник участника Русско-японской войны (1904–1905) дивизионного врача В. П. Кравкова // Время и судьбы. «Военные мемуары». М., 1991. Вып. 1. С. 259–286.

Обстановку в штабе XXV армейского корпуса В. П. Кравков рисует преимущественно через призму своих не очень приятных отношений с командиром корпуса генералом от инфантерии Д. П. Зуевым и начальником штаба генерал-майором Л. В. Федяем. Им хорошо передано замешательство штабных чинов в первые дни военных действий, атмосфера подозрительности и шпиономании (не всегда, впрочем, обосновательных), недостаточное внимание корпусного начальства к вопросам санитарного обеспечения и снабжения войск, сумятица и неразбериха поспешного отступления частей корпуса от Замостья на Красностав, а затем и на Избицу. Горький опыт неудачной для русского оружия войны в Манчжурии заставил автора дневника быстро пасть духом, увидев в действиях корпуса знакомые по прошлой кампании признаки военного поражения. Видимо, воспоминаниями о пережитом на Русско-японской войне вызвано то крайнее недоверие, с которым В. П. Кравков относился к известиям об успехах русских войск в Восточной Пруссии и на львовском направлении. Однако возвращение взятого было австрийцами Красностава, а затем Замостья и уверенное продвижение частей корпуса к русско-австрийской границе подействовало на него воодушевляюще.

2 (15) сентября 1914 г. В. П. Кравков, следуя со штабными чинами в обозе корпуса, пересек государственную границу Австро-Венгрии у деревни Мощаницы. «Сердце замирает от сознания, что австрийцы из нашей земли изгнаны и мы ступаем на их землю», — записал он вечером того же дня. Страницы дневника точно отражают обстановку, в которой проходило вступление русских войск в Галицию: толпы австрийских пленных, масса брошенного отступавшим противником имущества, проблемы с продовольствием и ночлегом в бедных польских деревушках. Большое впечатление произвело на автора пребывание в Сеняве, роскошном и богатом памятниками духовной и материальной культуры имении князей Чарторьских.

Фоном для событий конца 1914 — начала 1915 г., описанных в дневнике В. П. Кравкова, стала Лодзинская операция, проводившаяся войсками 1-й, 2-й и 5-й армий Северо-Западного фронта генерала от инфантерии Н. В. Рузского. 10-я армия генерала от инфантерии Ф. В. Сиверса прикрывала тыл операции со стороны Восточной Пруссии. Перед ней была поставлена задача овладеть районом Мазурских озер.

Фронтальное наступление в лесисто-болотистой местности Восточной Пруссии развивалось тяжело. Его условия усугубились еще тем, что к концу первой недели ноября 1914 г. установилась морозная

погода, русские же войска оказались без теплой одежды. Итогом продвижения частей 10-й армии по германской территории стал выход на линию Мазурских озер, овладеть же этим районом так и не удалось. В середине ноября события на Висле потребовали переброски резервов армии к Варшаве.

Лодзинская операция завершилась с неопределенным исходом. С одной стороны, удалось предотвратить осуществление плана германского командования по окружению 2-й и 5-й русских армий. С другой стороны, планировавшееся наступление русских войск вглубь Германии также было сорвано. По окончании операции лишились своих постов командующие 1-й и 2-й армий генералы от кавалерии П. К. фон Ренненкампф и С. М. Шейдеман.

Дневниковые записи В. П. Кравкова отразили циркулировавшие в среде генералитета и офицерства слухи, обвинявшие П. К. фон Ренненкампфа в преступном бездействии в дни катастрофы 2-й армии А. В. Самсонова в августе 1914 г. Негативное отношение автора к личности командующего 1-й армии во многом подогревалось его постоянным собеседником генерал-майором Г. Д. Яновым, начальником этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии, которому за время службы в штабе П. К. фон Ренненкампфа удалось накопить немало компромата на своего бывшего шефа.

В ноябре 1914 г. штаб армии вслед за наступающими войсками переместился на территорию Восточной Пруссии и расположился в городке Маргграбова (ныне Олецко в Польше). 7 (20) ноября в дневнике В. П. Кравкова появились первые впечатления от пребывания в Германии: «Боже мой, какая потрясающая картина всеобщего разрушения; в селениях ни одной живой души; здания все исковерканы, как после землетрясения. Около часу дня прибыл в Маргграбово, бывшее, очевидно, до войны весьма благоустроенным местечком, а теперь... теперь представляющ[ее] все ту же надрывающую душу картину опустошения и разгрома; выбиты зеркальные стекла в магазинах, всё в них перевернуто, разбито, перековеркано; по улицам разбросаны зонты, манекены, шляпы, платки, битые бутылки, лампы, вазы, изорванные книги, ноты, картины, всякая утварь. Здания с пробитыми крышами и зияющими без рам и стекол окнами; водопроводные, электрическ[ие] осветительные и обогревательные сооружения в домах все приведены в негодность злобно-мстительной рукой удалившегося врага; жизнь, когда-то бившая ключом, здесь совершенно замерла; и как-то странно видеть, что среди всеобщего разрушения часы на костеле продолжают ходить и бить».

В Маргграбове В. П. Кравкову довелось задержаться надолго. Частые поездки по военно-санитарным учреждениям, расположенным в городках Восточной Пруссии, оставили на страницах его дневника много интересных заметок о жизни этого региона в период пребывания в нем русских войск.

Вскоре после начала Августовской операции в январе 1915 г. штабу 10-й армии пришлось поспешно эвакуироваться из Маргграбовы. «Отступаем в большом беспорядке, — отмечал Василий Павлович в первых числах февраля, — много утеряно обозов, интендантск[ого] имущества, скота и пр. Не со всеми частями штаб вошел в связь... Положение наших войск в отношении продовольствия — отчаянное».

Вину за беспорядочный характер отступления, повлекшего за собой гибель в окружении 20-го армейского корпуса генерал-лейтенанта П. И. Булгакова, автор дневника возлагал преимущественно на командование 10-й армии — Ф. В. Сиверса и начальника штаба генерал-майора барона А. П. фон Будберга. В этом плане интересно сопоставить дневник В. П. Кравкова с «самооправдательными» мемуарными записками самого А. П. фон Будберга, впоследствии видного деятеля Белого движения и русской эмиграции, в которых он освящал действия штаба 10-й армии в период зимних боев 1915 г. под Августовом в подчеркнуто выгодном для себя ключе³.

С февраля 1915 г. новым пристанищем штаба 10-й армии стал губернский город Гродно. Здесь В. П. Кравкову довелось неоднократно быть застольным собеседником великого князя Андрея Владимировича, приехавшего для выяснения причин отступления 10-й армии. Заслуживают также внимания отзывы автора дневника о новом командующем армией — генерале от инфантерии Е. А. Радкевиче, о начальнике штаба генерал-майоре И. И. Попове, о других чинах штаба и их взаимоотношениях.

В Гродно В. П. Кравков узнал, что его работа в начальный период войны была отмечена орденом Св. Станислава 1-й степени, пожалованным ему высочайшим приказом от 25 января (7 февраля) 1915 г. «Теперь я, значит, генерал настоящий, — с юмором комментировал свое награждение Василий Павлович, — со звездой и лентой через плечо». Вскоре последовало и новое отличие — 3 (16) мая 1915 г. он стал кавалером ордена Св. Анны 1-й степени.

³ Будберг А. П. Из воспоминаний о войне 1914—1917 гг. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25.01.—08.02.1915. С.-Франциско, [б. г.].

Все лето 1915 г. прошло под знаком начавшегося «великого отступления» русской армии из польских и прибалтийских губерний. В. П. Кравков тяжело переживал неудачи русского оружия, видя его основную причину в несовершенстве государственного устройства империи, бесталанности полководцев, равнодушии военно-бюрократической машины к судьбам простых защитников Родины.

До конца августа 1915 г. санитарный отдел штаба 10-й армии был эвакуирован из Гродно в Вилейку, а осенью был переведен к остальным штабным учреждениям в Минск. Вращение в специфической среде высокопоставленных кадровых военных, не отличавшихся широтой интеллектуальных горизонтов, угнетало В. П. Кравкова. Ежедневно видя перед глазами картины нравственного разложения штабного офицерства и генералитета, он все больше приходил к выводу о необходимости поиска иного места службы, пусть и на более низком уровне, чем штаб армии. Воспользовавшись отпуском на Рождество и новый 1916 год, проведенным, как и прежде, в Петрограде и Москве, Василий Павлович добился своего перемещения на менее престижную, но более соответствовавшую его жизненной позиции должность корпусного врача.

В ходе непродолжительной службы в штабе XLIV армейского корпуса, располагавшегося в селе Ивенец Минского уезда и губернии, В. П. Кравкову довелось познакомиться с генерал-лейтенантом Н. А. Бржозовским, бывшим комендантом крепости Осовец и руководителем ее обороны в минувшем году, а также с будущим советским военачальником и военным историком М. С. Свечниковым, в то время — подполковником, исполнявшим обязанности начальника штаба корпуса. Люди и обстановка в прифронтовом штабе корпуса разительно отличались в лучшую сторону от той, которую Василий Павлович наблюдал в штабе армии. Это позволило ему несколько успокоиться душой.

В конце января 1916 г. В. П. Кравков узнал о своем переводе в 12-ю армию Северного фронта на должность корпусного врача XXXVII армейского корпуса, который формировался в Риге. Столица Прибалтийского края очаровала его. «Вкушаю своеобразные прелести жить в большом культурном центре при отсутствии в нем людского кипения, — писал Василий Павлович 14 (27) февраля 1916 г. — Тишина и покой — нет суеты, нет снующей массы людей, да и солдаты попадают не на каждом шагу, скромно погромыхивают трамваи под аккомпанемент редкой артиллерийской канонады, музыкально как-то звучат бубенчики изящных фурманщиков; здесь люди иной нации,

по привычке ошибочно иногда в обращении их назовешь “пане”. Все-все здесь пропитано немецким духом».

Одной из основных забот В. П. Кравкова в это время была организация противогазовой защиты вверенных его попечению воинских частей. Также пристальное внимание уделялось борьбе с цингой и тифом.

Теплые, дружеские отношения сложились у В. П. Кравкова с корпусным командиром — генерал-лейтенантом Д. А. Долговым, с которым он был знаком еще по службе в XXV армейском корпусе. Человек разносторонних интересов, он разделял и либеральные политические взгляды Василия Павловича. Поэтому, когда в апреле 1916 г. Д. А. Долгов был переведен на должность командира 7-го Сибирского армейского корпуса, также державшего оборону в окрестностях Риги, за ним вскоре последовал и корпусной врач.

В июле 1916 г. военно-санитарные учреждения 7-го Сибирского корпуса успешно справились с массовым потоком раненых, вызванным неудачным наступлением частей 12-й армии на Бауском направлении. Командир корпуса Д. А. Долгов «за боевые отличия» представил В. П. Кравкова к производству в следующий чин — тайного советника, соответствовавший армейскому генерал-лейтенанту. Однако в штабе 12-й армии документу не дали ход, и корпусной врач был награжден лишь мечами к имевшемуся у него ордену Св. Анны 1-й степени. Этого отличия В. П. Кравков был удостоен высочайшим приказом от 1 (14) января 1917 г.

Записки «рижского периода» службы Василия Павловича также интересны его оценками командующего 12-й армии генерала от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриева, начальника штаба армии генерал-лейтенанта В. В. Беляева, сведениями о деятельности общественных организаций, содействовавших работе военно-медицинских учреждений.

В августе 1916 г. 7-й Сибирский корпус был переведен на Юго-Западный фронт и включен в 7-ю армию генерала от инфантерии Д. Г. Щербачева⁴. В. П. Кравков вновь оказался в занятой русскими

⁴ Интересной параллелью дневникам В. П. Кравкова этого периода является финальная часть записок Ф. А. Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста», относящаяся к периоду с ноября 1916 по февраль 1917 г. Их автор служил в это время на 5-й батарее 12-й Сибирской стрелково-артиллерийской бригады в составе 7-го Сибирского армейского корпуса. Примечательно, что В. П. Кравков в записях от 25 марта и 11 мая 1917 г. упоминает и самого Ф. А. Степуна, запомнившегося ему выступлениями на революционных митингах.

войсками австрийской Галиции. После элегантной Риги местом его пребывания стало захолустное местечко Завалов (ныне село в Подгаецком районе Тернопольской области Украины). Здесь в октябре 1916 г. ему довелось пережить неудачную попытку наступления войск 7-й армии, стоившую поста командиру корпуса Д. А. Долгову. По дневниковым записям этого времени видно, как все отчетливее проявлялись грозные симптомы разложения армии, а политическая обстановка в России, за которой на фронте следили по газетам, становилась день ото дня все напряженнее.

В декабре 1916 г. В. П. Кравков отправился в очередной отпуск домой. Накануне его отъезда вся русская пресса писала лишь об одном — о загадочном убийстве фаворита царской семьи Г. Е. Распутина. Василий Павлович искренне возмущался: «Смерть какого-то проходимца Распутина заслонила, по-видимому, все события фронта и тыла; и это — в момент великой трагедии, решающей судьбы русского народа! До какого падения дошла страна, доведенная бухарской системой управления!»

31 января 1916 г. (12 января 1917 г.) В. П. Кравков записал в свой дневник: «Последний день проклятого года. Прочитал на досуге литературу по истории французской революции. Как много похожего на переживаемый теперь кавардак во внутренней политической жизни России!»

В первые дни нового 1917 г. Василий Павлович посетил Петроград. Визит по служебным делам в Главное военно-санитарное управление произвел на него тягостное впечатление: «Карьерный пафос, протекционистское засилье без разбора средств достижения идут во всю ширь российского бесстыдства... Великие князья, великие княгини... наибольшие военные магнаты бесцеремонно расправляются ставленничеством на жирные и пухленькие местечки чуть ли не своих денщиков и камердинеров. Главный инспектор беспрекословно творит волю господ положения... Творятся подлости безо всякого оттенка благородства...» Общественные настроения в столице империи также оставляли желать лучшего: «По адресу “темных сил” и творящегося озорства в “сферах” все настроены возбужденно и озлобленно, можно сказать — революционно. Жаждают с нетерпением все дворцового переворота... с удовольствием это все смакуют». «Кошмарное ожидание имеющего совершиться чего-то катастрофического», — подытожил он свои впечатления от внутреннего положения в уставшей от войны стране.

Несмотря на то что во время отпуска В. П. Кравков констатировал назревание революционной ситуации в России, Февральская революция 1917 г. стала для него полной неожиданностью. Человек либеральных взглядов, симпатизировавший партии кадетов, поначалу он воспринял ее восторженно. 12 (25) марта 1917 г. он писал: «Переживаю медовые дни нового мирозидания — российского возрождения! Теперь мы, россияне, на к[ото]рых наши культурные союзники вправе были смотреть брезгливо, делаемся равными среди них. Уж не будет теперь наш экс-бухарский режим находиться в кричащем противоречии с возвышенными освободительными началами, из к[ото]рых сложилась для союзников наших идеология текущей войны! Союзники наши уже не будут теперь в компании с “дурным обществом”... Самодержавие проклятое, как ни на какую из живых сил не опиравшееся, довело себя до логического конца: навеки сгнуло в атмосфере смрадных газов!»

Однако картины прогрессирующего разложения армии и падения воинской дисциплины уже в конце апреля заставили Василия Павловича разочароваться в «обновленной России». Не помогло и запоздалое производство в чин тайного советника, о котором он был извещен телеграммой из Петрограда 11 (24) мая 1917 г. Словно по иронии судьбы, как раз в это время обращение «господин тайный советник», введенное вместо старорежимного «ваше превосходительство», уже активно вытеснялось новыми — «гражданин» и «товарищ»...

Заслуживают внимания запечатленные не страницах дневника взгляды В. П. Кравкова и окружающего его офицерства на политические процессы в стране, на их влияние на боеспособность армии. Весьма характерны для рассматриваемой эпохи и той социальной среды, к которой принадлежал Василий Павлович, критические оценки деятельности левых партий, и в частности — большевиков, появляющиеся в дневнике с апрельских дней 1917 г.⁵

⁵ Критические стрелы В. П. Кравкова по адресу партии большевиков и ее руководителей затруднили доступ исследователей к его дневнику в советское время, когда он хранился в фондах отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: на обложках трех рукописных тетрадей за апрель — август 1917 г. (НИОР РГБ, Ф. 140, к. 7, ед. 13–15) имеется датированная 20 октября 1955 г. карандашная надпись: «Выдается по разрешению зав. отделом».

В июне 1917 г. Н. Н. Бурденко, только что оставивший пост и. д. главного военно-санитарного инспектора, предлагал кандидатуру В. П. Кравкова для замещения вакантной должности московского окружного военно-санитарного инспектора, однако это назначение так и не состоялось. Василий Павлович с грустью констатировал: «До революции существовал царский и бюрократический протекционизм и nepoтизм, теперь загулял во всю ширь протекционизм и nepoтизм “революционный”!»

Провал плохо подготовленного Временным правительством июньского наступления 1917 г., вызвавший отход полностью разложившихся соединений русской армии из последних остававшихся под ее контролем районов Австро-Венгрии, поверг В. П. Кравкова в еще большее уныние. «Русь теперь в параличе, из всех способностей сохранилась у нее еще единственная способность неистощимого словоговения, обусловленного неизлечимой болезнью зуда языка, и во власти разгула стихий, слившихся из фанатизма, невежества, авантюризма, провокации и предательства!..» — писал он в начале июля 1917 г. Разгулявшаяся солдатская вольница невольно заставляла его задаваться вопросом: «Было ли в истории человеческих революций что-нибудь подобное нашей революции, чтобы свобода превращалась в безумный разврат, и воины “революционной” армии теряли чувство чести, совести и любви к родине?!»

7 (20) июля 1917 года В. П. Кравков был уволен из армии приказом начальника санитарного управления Юго-Западного фронта. Как ему удалось выяснить, за ним стояли интриги Совета санитаров Упсанюоз, подозревавшего заслуженного военного врача в «недостаточном углублении демократических начал» в работе. По этому поводу Василий Павлович пророчески писал: «Я так рад, что окончательно уезжаю с этого кровавого поля битв славной “революционной” всероссийской армии, оскверненного небывалой еще в истории человечества какой-то отвратительной мешаниной людского идиотизма с классическо-русским срамом, позором и бесчестьем. Еду теперь уже на третью кампанию — на гражданскую войну, ч[то]б[ы] умирать вместе с своей семьей».

С фронта В. П. Кравков отправился домой в Москву. Об окружавшей его действительности он с грустью писал: «Бюрократическая самодержавная сволочь прежнего режима сменилась самодержавной хамократической сволочью нового режима». Новые политические тенденции в жизни страны вызывали у него мрачные предчувствия.

«Чувствуется, что мы, взрослые люди, попали в плен к озорникам-гимназистам!.. — писал он в июле 1917 г. — Были раньше царские холуи, теперь — не оберешься холуев презренной черни, явочным порядком захватывающих себе вкусные жареные кусочки и теплые местечки... Одно утешение, что все эти проходимцы будут иметь продолжительность жизни мыльных пузырей».

3 (16) августа 1917 г. В. П. Кравков вернулся в Москву и прекратил ведение своего дневника. За три года войны из-под его пера вышел оригинальный исторический источник, полный ценных свидетельств очевидца важных исторических событий. Записки Василия Павловича содержат уникальные сведения «из первых рук» об обстановке в штабах русских армий и в войсках, повествуют о его встречах с великими князьями и видными военачальниками русской армии. Его талант ученого-медика, с присущими ему наблюдательностью, скрупулезной методичностью и аналитическим подходом к окружающей действительности, таким образом, сослужил хорошую службу также и отечественной исторической науке.

В первые годы советской власти В. П. Кравков принимал участие в организации военно-санитарных органов РСФСР. В октябре 1918 г. под его руководством была создана амбулатория управления делами Реввоенсовета Республики. Он возглавлял ее до осени 1919 г., в дальнейшем продолжал сотрудничество с советскими военно-санитарными учреждениями.

Жизнь В. П. Кравкова оборвалась трагически. В июле 1920 г. он было арестован органами ВЧК по обвинению в злоупотреблениях при оформлении освобождений от призыва в РККА. 13 июля 1920 г. Василий Павлович был осужден Президиумом ВЧК и приговорен к высшей мере наказания. Скорее всего, он был расстрелян в тот же день.

Чуть более чем за год до своей гибели, в мае 1919 г., В. П. Кравков передал московскому Румянцевскому музею рукописи своих военных дневников за годы Русско-японской и Первой мировой войн. Ныне они хранятся в фондах Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки и до последнего времени были доступны лишь узкому кругу специалистов.

Военные дневники В. П. Кравкова — уникальный комплекс исторических документов, отличающихся ярким и образным языком. В них раскрываются картины жизни русской армии в ходе двух войн начала XX в., оказавших значительное влияние на дальнейшее развитие российского общества. Подмеченные автором дневников сцены

прифронтовой жизни подвергаются осмыслению хорошо информированным, думающим человеком с широкими интересами, обширным научным и общекультурным кругозором. Оценки видных деятелей и знаковых событий своего времени, даваемые В. П. Кравковым, заслуживают внимания отечественных историков, которые в канун 100-летнего юбилея Первой мировой войны получают в свое распоряжение ранее малоизвестный и труднодоступный исторический источник.

Как представляется, научная ценность военных дневников В. П. Кравкова заключается прежде всего в богатой информации о социально-психологической стороне Русско-японской и Первой мировой войн, о восприятии этих событий различными сегментами русского общества как на фронте, так и в тылу, в том числе — с оглядкой на происходившие в стране общественно-политические процессы. В этом контексте понятен интерес современных исследователей к наследию В. П. Кравкова. Показательным, на наш взгляд, является факт использования опубликованных на тот момент фрагментов его дневника периода Русско-японской войны в работах основоположника военно-исторической антропологии и психологии Е. С. Сенявской⁶. С публикацией записок В. П. Кравкова за 1914–1917 гг. существенно расширяется источниковая база для работы специалистов, занимающихся вопросами психологии участников вооруженных конфликтов.

Очевидно, что комплексное изучение дневников В. П. Кравкова принесет немало нового и в историографию собственно Первой мировой войны. Нельзя не согласиться с современным исследователем И. В. Образцовым, справедливо отметившим, что «история Первой мировой войны в отечественной и зарубежной литературе в основном представлена работами, анализирующими военно-политическую, оперативно-тактическую и социально-экономическую составляющие конфликта. Социологическая и социально-психологическая стороны проблемы оставались, как правило, вне поля зрения исследователей. А ведь сущность причин, по которым Россия по окончании Первой мировой войны не оказалась ни в лагере победителей, ни в стане побежденных, лежит именно в области анализа ее “живой силы” — психического состояния и социального самочувствия военнослужащих на фронте

⁶ См., в частности, *Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999.*

и гражданского населения в тылу»⁷. Военные дневники В. П. Кравкова дают богатый материал для анализа именно этих аспектов военного конфликта, пропущенного через призму личного восприятия автора.

Таким образом, в настоящее время имеются все основания полагать, что дневники В. П. Кравкова, первым шагом к изучению которых станет их публикация в издательстве «Вече», окажутся востребованными как российским и зарубежным научным сообществом, так и всеми, кто интересуется отечественной историей.

⁷ *Образцов И. В.* «Неизвестный анализ Первой мировой» // Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский ; М. : Кучково поле, 2001. С. 417.

*Е. С. Сенявская,
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН*

ПАМЯТЬ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена особенностям формирования исторической памяти о Первой мировой войне 1914–1918 гг. в России (СССР) и странах Запада в XX столетии. Рассматриваются значение героических символов, отражение войны в официальной и народной памяти, в художественной литературе «потерянного поколения», вопрос о роли исторической памяти о Великой войне в контексте идеологии и политики.

Ключевые слова: Первая мировая война, историческая память, героические символы, ретроспективная пропаганда, влияние политических элит, культурная фиксация военного опыта, литература «потерянного поколения».

E. S. Senyavskaya

MEMORY ABOUT THE WORLD WAR FIRST IN THE WEST AND IN RUSSIA: HISTORICAL FEATURES AND WAYS OF FORMATION

Summary: The article is devoted to the features of formation of historical memory of the First World War 1914–1918 in Russia (the USSR) and the West countries in XX century. Value of heroic symbols, war reflection in official and national memory, in fiction of «the lost generation», a question on a role of historical memory on the Great War in context of ideology and policy are considered.

Keywords: World War, historical memory, heroic characters, retrospective propaganda, the influence of political elites, cultural fixation costs of the military experience, the literature of the “lost generation”.

Отношение к войне в России: от патриотизма к нигилизму

Первая мировая война 1914–1918 гг. буквально потрясла мировое общественное сознание, явилась психологическим стрессом для всей современной цивилизации, показав, что весь достигнутый людьми научный, технический, культурный и якобы нравственный прогресс не способен предотвратить мгновенное скатывание человечества

к состоянию кровавого варварства и дикости. 1914 г. открыл дорогу войнам новой эпохи, в которой проявились «невиданная до тех пор массовая и изощренная жестокость и гекатомбы жертв» после «относительно благонравных» войн XVIII и XIX столетий, когда все еще сохраняли свою силу «традиции рыцарского благородства и воинского великодушия»... «В кровавой бойне отныне были попораны все законы морали и нравственности, в том числе воинской. Людей травили газами, втихомолку подкравшись, топили суда и корабли из-под воды, топили и сами подводные лодки, а их экипажи, закупоренные в отсеках, живыми проваливались в морские бездны, людей убивали с воздуха и в воздухе, появились бронированные машины — танки, и тысячи людей были раздавлены их стальными гусеницами, словно люди эти и сами были не людьми, а гусеницами. Такого, да еще в массовом масштабе, не происходило в любых прежних войнах, даже самых истребительных»¹.

Как же это поистине грандиозное событие начала XX столетия закрепились в исторической памяти последующих, не столь уж многочисленных (к XXI в.) поколений? Каким запомнилось в разных странах, принадлежавших в той войне к противоборствующим коалициям? В чем особенности его восприятия в России и на Западе?

Начнем с того, что в условиях войны особое значение имеет моральный дух армии, в формировании которого важную роль играет совокупность факторов: убежденность в справедливом характере войны, вера в способность государства отразить нападение врага при всех трудностях и даже временных неудачах, наличие духовных и нравственных ценностей, ради которых солдаты готовы отдать свою жизнь. «Высокое моральное состояние войск, — отмечает английский военный психолог Норман Коупленд, — это средство, способное превратить поражение в победу. Армия не разбита, пока она не прониклась сознанием поражения, ибо поражение — это заключение ума, а не физическое состояние»².

Идеологическая и психологическая составляющие в любой войне теснейшим образом взаимосвязаны. Целью любой войны является победа, а достичь ее невозможно без определенного морально-психологического состояния населения страны в целом и ее армии в особенности. При этом и народ, и армия должны быть убеждены прежде

¹ Семанов С. Н. Предисловие // Первая мировая (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 8.

² Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1960. С. 22.

всего в своем моральном превосходстве над противником и, разумеется, в конечной победе над врагом. Всё это относится не только к умонастроениям, но и к области собственно массовых настроений, чувств народа. Однако, как можно заметить, смысловое содержание этих психологических явлений принадлежит к сфере идеологии. Поэтому любая морально-психологическая подготовка к войне, а также обеспечение определенного морального духа в ее ходе осуществляются прежде всего идеологическими средствами и инструментами.

Важнейшим среди них является пропаганда официальной мотивации войны. Каждая война имеет свое идеологическое оформление, своеобразную идеологическую мотивацию, которая может выражаться как в официальном определении войны высшими политическими и идеологическими институтами, так и в непосредственных лозунгах, используемых в пропагандистской работе в войсках. Почти каждая из войн, в которых участвовала Россия (СССР) в XX в., имела такую официальную мотивацию, а некоторые даже символические определения, закрепившиеся в памяти народа и в официальной истории. Неопределенность такой мотивации или ее непонятность народным массам, неадекватность их умонастроениям нередко становились факторами поражения в войне.

Так, просто катастрофическими оказались результаты недоучета русским правительством роли идеологического фактора в Первой мировой войне. Хотя пропагандистский аппарат предпринимал немалые усилия для возбуждения патриотических и антигерманских настроений в стране и в армии, его работа оказалась недостаточно эффективной.

Действительно, в самом начале войны правительству удалось обеспечить общий патриотический подъем (который в дальнейшем оппозиционная, прежде всего революционная пресса, назвала «патриотическим угаром»). Впрочем, это вовсе не было спецификой России. «Никогда, пожалуй, за всю историю мировых злодейств не расцветала так открыто и так нагло социальная демагогия, как в начале Первой мировой войны. Все средства тогдашней пропаганды истошно заголосили вдруг о родине, свободе, защите отечества, о миролюбии и гуманности... Осенью 1914-го большинство немцев, русских, французов и англичан были твердо убеждены в том, что именно на их страну напал враг, что их страна — невинная жертва агрессии»³.

³ Первая мировая. М., 1989. С. 8–9.

Армейское командование находило в целом адекватные формулы для мотивации участия России в войне, подчеркивая справедливый и оборонительный ее характер, ориентируя войска на победу, опираясь при этом на славные боевые традиции русской армии, в том числе и на победоносный опыт в борьбе с собственно немецким противником. Так, подобная мотивировка присутствует в приказе № 1 главнокомандующего войсками Северо-Западного фронта генерала Я. Г. Жилинского от 20 июля (2 августа) 1914 г.: «20 июля 1914 г. Германия объявила России войну и открыла уже военные действия. Мы должны отстоять нашу родину и честь нашего оружия. Не в первый раз приходится нашим войскам воевать с немцами; они испытали наше оружие и в 1757 г., и в 1812 г., причем всегда мы оставались победителями. Убеден, что вверенные мне войска проявят присущую им доблесть в наступившую войну и, как всегда, честно и самоотверженно выполняют свой долг»⁴.

Однако мотивировка эта, как видно даже из приведенного выше документа, была, как правило, слишком общей, абстрактной и не вполне понятной для основной массы населения и армейских низов, состоявших в основном из неграмотного или малограмотного крестьянства. Можно привести еще пример образчика такой пропаганды целей России в войне, присутствующей в другом приказе — по 2-й армии от 4 июня 1915 г.: «В настоящей войне с вековым врагом славянства — с немцем, мы защищаем самое великое, что только когда-либо могли защищать, — честь и целостность Великой России»⁵.

Подобная абстрактность в сочетании с высокопарностью явно не могла затронуть ни ум, ни сердце малообразованного, но прагматичного крестьянина, плохо представлявшего себе не только умозрительные понятия «о чести и величии России», но и не имевшего представления о таких более конкретных категориях, как славянство, Германия, Австро-Венгрия и их взаимоотношения между собой и Россией. Обо всех этих проблемах, упиравшихся не только в неэффективность пропагандистского аппарата империи, но и в конечном счете в глубочайшую пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения, в том числе и рядового состава армии в Первой мировой войне, написал в своих мемуарах генерал А. А. Брусилев. Сетую на то, что техническое оснащение русских войск было значительно хуже, чем у противника, он отмечал: «Еще хуже была у нас подготовка

⁴ Восточно-Прусская операция : сб. документов. М., 1939. С. 77.

⁵ Лемке М. 250 дней в царской ставке // Первая мировая. М., 1989. С. 401.

умов народа к войне. Она была вполне отрицательная... Моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили». Далее он свидетельствует о полном непонимании народными массами причин и целей войны: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову, — как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз я спрашивал в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, т. е. по капризу царя. Что же сказать про такое пренебрежение к русскому народу?!»⁶

И наконец, А. А. Брусилов делает неутешительный вывод о причинах отсутствия в народных низах чувства патриотизма: «Можно ли было при такой моральной подготовке к войне ожидать подъема духа и вызвать сильный патриотизм в народных массах?! Чем был виноват наш простолюдин, что он не только ничего не слышал о замыслах Германии, но и совсем не знал, что такая страна существует, зная лишь, что существуют немцы, которые обезьяну выдумали, и что зачастую сам губернатор — из этих умных и хитрых людей. Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?!»⁷.

Патриотическая пропаганда того времени, по признанию многих современников, была малоэффективна и почти не действовала собственно на солдат. Однако попытки такого воздействия, безусловно, имели место, о чем свидетельствуют хотя бы названия выпускаемых в то время пропагандистских брошюр: «Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян» (1914), «Почему Россия не может не победить Германию» (1914), «Как воюем мы и как воюют немцы» (1914), «Что делают немки, когда немцы воюют» (1915), «Россия борется за правду» (1915), «Война за правду» (1915),

⁶ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 81–83.

⁷ Там же. С. 83.

«О значении современной войны и о долге довести ее до победного конца» (1915), «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью» (1916) и т. п.⁸ Уже в самих этих заголовках заметны и основные направления этой пропаганды (объяснение причин, целей и характера войны, формирование образа врага, призывы к исполнению воинского долга), и эволюция ее методов — от возвышенных обращений и абстрактной риторики в начале войны до предостережений и прямых угроз на ее завершающих этапах, когда у солдатской массы накопилась усталость от войны, усилились антивоенные настроения, падала дисциплина и нарастала угроза разложения армии. Интересно, что русские пропагандисты попытались нащупать те струны народного сознания, которые могли отозваться на соответствующее воздействие. Низкий образовательный уровень, культурная ограниченность, зачастую даже мировоззренческая примитивность солдат требовали адекватных форм обращения к личному составу армии: простоты идей, близких народному сознанию понятийных категорий, упрощенной лексики, разговорного языка. Надо отметить, что, несмотря на то что в начале века идеологические инструменты обработки массового сознания еще не получили такого мощного развития, как в последующие десятилетия, военным идеологам-пропагандистам русской армии удалось найти некоторые эффективные приемы и адекватные формы, которые, однако, не получили достаточно широкого распространения. Например, от непонятных для солдата-крестьянина идей защиты славянства, поддержания славы русского оружия и т. п. они нередко переходили к смутной, абстрактной, но отзывающейся в русской православной душе идеи борьбы «за правду» как главной мотивировке войны против Германии.

Конечно, и общество, и армия были весьма неоднородны, и вследствие этого достаточно дифференцированным было в них отношение к войне. Так, в дворянских, купеческих и даже мещанских городских слоях патриотические чувства, особенно в начале войны, были чрезвычайно сильны. Этот факт и его разительное отличие от изначальной не-

⁸ Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян. Киев, 1914; *Сенигов И.* Почему Россия не может не победить Германию. СПб., 1914; *Орлов В. Г.* Как воюем мы и как воюют немцы. М., 1914; *Смерчинский Е.* Что делают немки, когда немцы воюют. Киев, 1915; Россия борется за правду. М., 1915; *Назаревский Б.* Война за правду. М., 1915; *Иваненко С.* О значении современной войны и о долге довести ее до победного конца. Беседа с нижними чинами. Казань, 1915; *Навоев П.* Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами. Пг., 1916; и др.

популярности предыдущей, Русско-японской войны отмечают многие современники. Формы выражения патриотизма были разнообразны и многочисленны. Среди них и такие «символические», как торжественные молебны, шествия с портретами государя, хоругвями и знаменами, поздравительные письма и телеграммы, и т. п. Примером таких настроений может служить телеграмма генерала Курлова о верноподданнических чувствах обывателей города Риги от 11 марта 1915 г.: «Войска гарнизона, военные и гражданские чины, представители общественного самоуправления и население города Риги, вознеся благодарственную молитву Всевышнему по случаю падения Перемышля, повергают к стопам державного Вождя России Государя Императора одушевляющие их горячие чувства восторженной любви и верноподданнической преданности и просят представить Верховному Главнокомандующему вернопреданные пожелания и поздравления по случаю блестящей победы руководимой им во славу русского оружия Армии»⁹.

Другие формы проявления патриотических настроений относятся к категории действенных. Среди них были добровольчество, материальные пожертвования в пользу армии, помощь раненым и т. п. В широких слоях народа традиционно теплым было отношение к солдатам, отправляющимся на фронт, и к раненым, возвращающимся с передовой. «Простонародье здесь, как и повсюду, пожалуй, горячее отзывается на войну, — записал в августе 1914 г. военный корреспондент А. Н. Толстой. — Например, торговки булками и яблоками ходят к санитарным поездам, отдают половину своих булок и яблок раненым солдатикам. При мне к знакомому офицеру на улице подошла баба, жалобно посмотрела ему прямо в лицо, вытерла нос, спросила, как зовут его, офицера, и посулилась поминать в молитвах»¹⁰.

К активным формам проявления патриотизма можно отнести и подачу военнотружущими тыловых частей рапортов и прошений о переводе в действующую армию. Такие настроения были распространены как в аристократических «верхах» общества, так и в средних городских слоях. Вот что писал 24 апреля 1915 г. в прошении на имя своего крестного великого князя Петра Николаевича подполковник П. В. Аскоценский: «...Имея от роду 44 года и будучи совершенно здоров, считаю неудобным оставаться на административной должности, когда мои

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2020. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.

¹⁰ Толстой А. Н. По Воьны // Первая мировая. М., 1989. С. 371.

братья по оружию проливают свою кровь за дорогого нам всем Государя Императора, православную веру и родное Отечество»¹¹.

Как следует из документа, в высших кругах общества официальная идеологическая формула «За Веру, Царя и Отечество!» принималась очень серьезно и искренне. Но она же, пусть и в несколько трансформированном виде, принималась и более широкими слоями, о чем свидетельствует, в частности, рапорт служившего на Дальнем Востоке подпоручика Сильниченко: «Стремясь лично и непосредственно принять участие в настоящей второй Отечественной войне против заклятых врагов Царя, России и Славянства ненавистных немцев, испрашиваю ходатайства Вашего Превосходительства о переводе меня в одну из тяжелых артиллерийских частей вверенного Вам корпуса»¹², — писал он 27 января 1915 г.

С такими просьбами обращались не только сами военнослужащие, но и их близкие родственники. Так, 8 марта 1915 г. из Риги на имя великого князя Николая Николаевича была послана телеграмма от матери вольноопределяющегося унтер-офицера Закржеского, который был уволен из армии после тяжелого ранения, «затосковал по любимому делу» и отказался оставить службу. И мать сама настоятельно просит направить сына в одну из автомобильных частей действующей армии!¹³

Именно широкое распространение патриотических настроений, особенно на начальном этапе войны, наряду с масштабностью боевых действий и значимостью для судеб страны позволило и в официальной пропаганде, и в народном сознании утвердиться таким определениям Первой мировой войны, как Великая, Отечественная и Народная. Лишь многие годы революционного нигилизма и отрицания старых ценностей постепенно стерли из исторической памяти народа эти названия, заменив их на большевистское определение войны как «империалистической» или более нейтральное — «германской».

Но все вышесказанное не отменяет того очевидного факта, что для основной крестьянской армейской массы война осталась во многом непонятной и чужой. Это обстоятельство отмечают многие современники, причем не только из радикального революционного лагеря, который не приминул им воспользоваться в своих целях. О подобных настроениях пишет в своих записках сестра милосердия княгиня Лидия

¹¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 19. Л. 563.

¹² Там же. Л. 312.

¹³ Там же. Л. 332.

Васильчикова, которая заметила, что военные действия вдали от собственного дома совершенно не волновали крестьян. Они были равнодушны к тому, кто оказывался победителем, но лишь до тех пор, пока война не затянулась и не было нарушено обещание, что она закончится к Рождеству. С этого момента крестьяне стали видеть в войне бесполезную затею в интересах лишь союзников России, сводивших счеты с германцами. Сыновей крестьян призывали на фронт, лишая хозяйство рабочих рук, и безразличное отношение к войне вскоре сменилось антивоенным. В этом Васильчикова отчасти видит причину успеха большевистской пропаганды в 1917 г., призывавшей солдат дезертировать, бросать оружие и возвращаться домой¹⁴.

Таким образом, уже в ходе самой войны в сознании большинства народа закрепились ее «непонятность», «ненужность», «непопулярность». В дальнейшем на это восприятие наложились еще более драматичные для России события — две революции и Гражданская война, а затем и отношение к Первой мировой со стороны победившей советской власти, активно и грамотно проводившей идеологическую обработку населения, в том числе и в области формирования отношения к историческим событиям, расстановке необходимых политических акцентов.

Действительно, огромное влияние на историческую память, на оценки минувших военных событий оказывают политические элиты, находящиеся в определенный период у власти и ориентированные во внешней политике на сохранение либо пересмотр итогов прошлых войн. В этом процессе, как правило, задействованы текущие геополитические, политические, экономические и другие интересы. В механизмах интерпретационных изменений исторической памяти особую роль играет влияние доминирующих смысловых контекстов общества, особенно его идеологические трансформации, как это и произошло в начале XX в. в результате Первой мировой войны и последовавших революций в России, Германии, Австро-Венгрии и ряде других стран. В этом контексте особенно сильно на историческую память народа влияла ретроспективная пропаганда, причем степень воздействия этого инструмента на массовое сознание оказалась столь мощной, что пропагандируемые события потеснили иные, гораздо более значимые для мировой истории, освещение и оценка которых были серьезно искажены.

¹⁴ Бовкун Е. Крушение старой России началось в августе 1914-го // Известия. 1994. 30 июля.

Тем самым наглядно высветилось такое явление социальной психологии, как отсутствие прямой, жесткой связи между масштабностью, объективной значимостью для страны события и его фиксированием в исторической памяти. В России ярким тому пример — Первая мировая война, потрясшая до основания все российское общество, но память о которой была вытеснена событиями революции и Гражданской войны. Для русского сознания именно они объективно стали гораздо большим испытанием, заслонившим мировую войну, почему она и оказалась на периферии общественного сознания своего времени. Однако не меньшую роль в этом «вытеснении» мировой войны сыграла идеологическая политика советского государства. Называвшаяся современниками Великой, Отечественной, Народной, при большевиках Первая мировая была радикально переосмыслена и переоценена, получила ярлык «империалистической» и «захватнической» с обеих сторон. Идеология новой власти отвергла ее как классово чуждую, развела участников по разные стороны баррикад, активно формировала в исторической памяти народа ее негативный образ, запретила героям носить царские награды, да и сами герои перестали считаться таковыми.

Героические символы Первой мировой

Особо следует поговорить о героических символах как феномене массового, во многом мифологизированного сознания.

Любая, а тем более крупномасштабная война является экстремальной для общества ситуацией, нарушающей привычное течение жизни, подвергающей жесткому испытанию существующую в мирных условиях систему ценностей, моральное здоровье общества, его психологическую устойчивость. Регулирование морально-психологического состояния общества является одним из важнейших факторов мобилизации его ресурсов в чрезвычайных военных условиях. А наиболее действенный инструмент такого регулирования — формирование **героических символов**, т.е. обобщенных социальных образцов индивидуального, группового, массового поведения, на которые общество ориентирует своих членов в аналогичных, значимых в данный исторический момент ситуациях. Символы приобретают значение самостоятельной социальной ценности, становятся предметом подражания в жизни и идеологическим инструментом широкого профиля — агитации, пропаганды и воспитания, прочно закрепляясь затем и в исторической памяти социума.

Первая мировая, спровоцировавшая в России внутренние революционные потрясения, закончившиеся распадом Российской империи и Гражданской войной, до сего времени носит ярлык неудачной для страны и непонятной для народа «проигранной» войны, несмотря на принадлежность к коалиции победителей. «Ряд за рядом направлялись мужественные, печальные, равнодушные лица в сторону запада, к неведомым боям за непонятное дело»¹⁵, — такими, например, увидел идущие на фронт русские войска летом 1915 г. американский корреспондент Джон Рид. А для подобных войн в исторической памяти как форме общественного сознания обычно находится не слишком много места. Поэтому не случайно в народной памяти практически не сохранилось героических символов Первой мировой войны. Но все же главной причиной подобной исторической «амнезии» явилось то, что германская война переросла в революцию, которая смела и старые ценности, и олицетворявшие их символы, заменив новыми. Закономерно, что советские люди в массе своей могли назвать немало имен «героев Гражданской» (разумеется, победителей-«красных»!), но уже через десяток лет не помнили никого из героев войны предшествующей, «империалистической», которая еще недавно называлась Отечественной. (Кроме, быть может, А. А. Брусилова с его знаменитым «брусиловским прорывом», и то в основном потому, что этот царский генерал перешел на службу к советской власти.)

Это не значит, что в Первую мировую был недостаток в героических символах: широко известными становились и полные георгиевские кавалеры, и представители нового рода войск — авиаторы. Например, безногие летчики Александр Северский и Юрий Гильшер, предшественники Алексея Маресьева¹⁶. И автор «мертвой петли», основоположник высшего пилотажа Петр Николаевич Нестеров, который 26 августа 1914 г. впервые в истории совершил воздушный таран и сбил двухместный австрийский самолет-разведчик. О его подвиге и трагической гибели широко извещали газеты. «...Как-то совсем неожиданно на глаза мне попался клочок газетной бумаги, — записал в своем дневнике офицер Л. Войтоловский. — Чувство брезгливости боролось во мне с нахлынувшим любопытством; я не видал уже газеты около трех

¹⁵ Рид Джон. Вдоль фронта // Первая мировая (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 384.

¹⁶ Поляновский Эд. Русский американец // Известия. 1997. 12 апреля; Он же. Юрочка // Известия. 1996. 2 ноября.

недель и колебался недолго. В этом обрывке “Нового времени”, которое я узнал по шрифту, я прочитал о смерти штабс-капитана Нестерова. Было подробно описано его столкновение в воздухе с австрийским летчиком, завершившееся гибелью обоих пилотов. Сообщение было несколько раз перечитано вслух, и все заговорили о Нестерове»¹⁷.

Пресса была основным источником информации о героях-символах Первой мировой, а также средством их популяризации. Но не только она занималась пропагандой подвигов русских солдат и офицеров. Например, сведения о георгиевских кавалерах собирала учрежденная еще весной 1911 г. «Комиссия по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен». В годы войны созданный при этой комиссии Военно-художественный отряд, куда входили художники и фотографы, запечатлевал для истории картины сражений, делал зарисовки подвигов, за которые воины награждались георгиевскими знаками отличия, создавал портретную галерею самих героев. Комиссия издавала специальную литературу, распространявшуюся среди населения, в том числе серию «Герои и трофеи народной войны»¹⁸.

Георгиевским кавалерам, которые воспринимались народным сознанием как истинно русские богатыри, в героической символике дореволюционной России принадлежало особое место. Солдатский знак отличия орден Св. Георгия был учрежден в 1807 г. и предназначался для награждения солдат, матросов и унтер-офицеров, которые «действительно выкажут свою отменную храбрость в борьбе с неприятелем». Заслужить солдатский Георгиевский крест можно было, только совершив боевой подвиг: захватив неприятельское знамя, пленив вражеского офицера или генерала, первым ворвавшись во время штурма в крепость противника или на борт его корабля, а также за спасение в бою знамени или жизни своего командира. Не случайно Георгиевскими крестами, дававшимися исключительно за боевые подвиги и отличия «в поле сражения, при обороне крепостей и в битвах морских», гордились больше, чем любыми другими наградами. В Первую мировую (к 1917 г.) 1-ю степень ордена получили (т. е. стали полными георгиевскими кавалерами) около 30 тыс. человек, а 4-й степенью было награждено более 1 млн воинов¹⁹.

¹⁷ *Войтоловский Л.* По следам войны // Первая мировая (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 508–509.

¹⁸ Родина. 1993. № 8–9. С. 156–157, 185, 191.

¹⁹ *Дуров В.* Георгиевские награды // Георгиевские кавалеры : в 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 11–12.

Кого же из них мы знаем? И кого из отмеченных высшей наградой солдатской доблести можно отнести к героическим символам своей эпохи?

Георгиевским кавалером еще до создания знаменитого «батальона смерти» стала женщина — доброволец Первой мировой войны Мария Леонтьевна Бочкарева — фигура действительно символическая. Известно, что будущие «красные командиры» С. М. Буденный, В. И. Чапаев и некоторые другие имели Георгиевские кресты, однако в советское время данный факт старались не афишировать. Эти люди, несомненно, являлись символами, но уже другой, Гражданской войны, к которой «царские кресты» отношения не имели. Иметь награды старой русской армии при советской власти было небезопасно. Тем не менее во время Великой Отечественной войны многие солдаты — участники Первой мировой — с гордостью носили георгиевские знаки отличия: в обеих войнах врагом была Германия... Так, полный георгиевский кавалер донской казак Константин Иосифович Недорубов в Великую Отечественную был удостоен звания Героя Советского Союза, но при этом так и не стал символом ни одной из двух войн, в которых проявил доблесть.

Героиня Первой мировой сестра милосердия Римма Михайловна Иванова прославилась не только тем, что оказывала помощь раненым непосредственно на передовой, под огнем неприятеля. Когда командир роты и все офицеры были убиты, она приняла на себя командование и повела солдат на штурм вражеской траншеи, во время которого была смертельно ранена. Награжденная посмертно офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени, Иванова оказалась единственной женщиной (если не считать учредившую орден императрицу Екатерину II), удостоенной этой высокой награды²⁰, но и она не превратилась в символ, сохранившийся в исторической памяти народа.

В то время главными национальными символическими фигурами, воплощавшими народный патриотизм, стали казаки, более близкие к народной аудитории по своему социальному облику²¹. Так, например, Кузьма Крючков — реальный герой, убивший в кавалерийской атаке нескольких немцев, превратился в персонаж лубочной пропа-

²⁰ Там же. С. 8–9; *Сенявская Е. С.* «Душа моя была уставшая...» // Родина. 1996. № 3. С. 101.

²¹ Из рецензии на монографию немецкого историка Х. Ф. Яана «Патриотическая культура в России в период Первой мировой войны». См.: Отечественная история. 1998. № 4. С. 187.

ганды — почти мифическую фигуру, собирательный образ лихого русского казака. В армии и среди гражданского населения распространялись брошюры и открытки (аналог листовок более позднего времени) с описанием его подвигов, сильно приукрашенных и преувеличенных.

Кто же такой Кузьма Фирсович Крючков и почему он оказался одним из главных претендентов на роль символа? Донской казак (род. ок. 1890 г.), первый георгиевский кавалер в войну 1914–1918 гг., к ее концу он имел два Георгиевских креста и две медали, т. е. даже не стал кавалером полного банта, хотя и был первым, получившим крест 4-й степени. Дослужился до звания подхорунжего. Его именем были названы папиросы и пароход, портреты печатались на первых страницах журналов, подвиг был запечатлен на многочисленных плакатах и лубках. Показательно, что на фронт, чтобы специально познакомиться с героем, приезжали столичные дамы. В Гражданскую казак К. Крючков сражался против большевиков. За боевые отличия в восстании против них на Дону был произведен в чин хорунжего. Погиб он в 1919 г. в бою под д. Лопуховка Саратовской губернии²².

В советское время (и далеко не случайно!) казаки воспринимались как «главная опора царизма», «душители революции», «белогвардейцы». Новая власть не только ликвидировала казачество как особое военное сословие, но и старалась вытравить саму память о нем. Поэтому и этот символ Первой мировой не закрепился в долговременной памяти народа, оставшись знаковой фигурой лишь своего времени. Однако интересно такое свидетельство. 14 декабря 1941 г., в разгар контрнаступления под Москвой, московский журналист Н. К. Вержбицкий записал в своем дневнике: «Боец Ибрагимов в один день из автомата, винтовки, штыком и гранатой уничтожил 70 солдат и 3 офицера. Получил Героя Советского Союза. Промелькнула о нем газетная заметка, и через два дня он забыт, как и тысячи других героев. А как при царе возились с Кузьмой Крючковым!»²³. В сознании людей образованных, современников и участников Первой мировой, это имя все-таки сохранилось. И здесь интересны как сами проводимые аналогии между героями двух войн, так и упрек к советской пропаганде, быстро забывающей солдатские подвиги. Но в целом можно констатировать, что Первая мировая

²² Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 728.

²³ Там же. С. 494–495.

война не оставила в исторической памяти россиян устойчивых героических символов.

Было приложено максимум усилий, чтобы вытравить все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти. Причем в качестве противопоставляемого образца поведения, возводимого в ранг героизма, средства пропаганды преподносили действия большевистских агитаторов по разложению русской армии и даже дезертирство. Именно Октябрьская революция и Гражданская война оказались в советское время главными пропагандируемыми событиями, причем средствами массовой информации, произведениями литературы и искусства (особенно кино) в сознание внедрялись героические символы-образцы новой эпохи: красные командиры, комиссары и партизаны (Чапаев, Котовский, Буденный, Лазо и др.).

Первая мировая в художественной литературе

Всем вышесказанным объясняется тот парадоксальный факт, что крупнейшее потрясение начала XX в. — Первая мировая война — в отечественной художественной литературе в отличие от зарубежной осталась преимущественно «в тени». В основном она была отражена в полухудожественных-полумемуарных произведениях малоизвестных авторов, выходявших в годы самой войны и сразу после ее окончания, которые не оставили заметного следа в литературе, хотя в качестве исторического источника представляют немалую ценность²⁴. Что касается произведений крупных советских писателей, то в них она, как правило, за редким исключением, проходила второстепенным фоном, так как их военная проза была посвящена преимущественно революции и Гражданской войне²⁵.

²⁴ См.: *Окунев Я.* Воинская страда. Пг., 1915; *Федорченко С.* Народ на войне: Фронтовые записи. Киев, 1917; *Лугин Н.* [*Степун Ф. А.*] Из писем прапорщика-артиллериста. М., 1918. *Ропшин В.* [*Савинков Б. В.*] Из действующей армии (лето 1917 г.). М., 1918; *Тимофеев Б.* Чаша скорбная. М., 1918; *Чемоданов Г. Н.* Последние дни старой армии. М.; Л., 1926; *Оськин Д.* Записки солдата. М., 1929; *Арамилев А.* В дыму войны. М., 1930; *Войтоволский Л.* По следам войны. Походные записки. Л., 1931; *Падучев Вл.* Записки нижнего чина. М., 1931; и др.

²⁵ *М. Шолохов* «Тихий Дон»; *А. Толстой* «Хождение по мукам»; *Вс. Вишневский* «Война»; *Н. Тихонов* «Война»; *К. Федин* «Города и годы»; *С. Сергеев-Ценский* «Брусиловский прорыв» и др.

За пределами Советской России тема мировой войны продолжала волновать русских писателей-эмигрантов, однако среди созданных ими произведений на эту тему не оказалось действительно масштабных и заметных, хотя некоторые из них интересны как разновидность художественной мемуаристики. В то же время на Западе Первая мировая породила целый поток произведений, созданных в межвоенный период 1920–1930-х гг. и ставших классическими. В них проявились две противоположные тенденции. Одна из них, антимилитаристская, которую тесно связывают с получившим самостоятельную жизнь термином «потерянное поколение», предостерегала и предупреждала об опасности развязывания новой мировой войны²⁶, а вторая, напротив, психологически готовила войну, романтизируя и воспевая ее и подстегивая (особенно в Германии) реваншистские и милитаристские настроения²⁷. Причем характерно, что пацифистская тенденция доминировала в странах-победительницах, тогда как милитаристская — в странах, проигравших войну. Во многом это связано с объективными итогами Первой мировой, в которой потерпевшие поражение многое проиграли, но победившие, особенно с учетом заплаченной за это цены, — мало что выиграли. Бессмысленность «мировой бойни» была наиболее очевидна именно со стороны победителей. Эту позицию — в действительности массовую для непосредственных участников боевых действий — выражали писатели, которые сами еще недавно сидели в окопах в роли «пушечного мяса», а затем стали «голосом» своего поколения.

Одни исследователи считают, что к литературе «потерянного поколения» относятся все произведения о Первой мировой войне, которые вышли в свет в конце 1920-х — начале 1930-х гг., хотя и мировоззрение их авторов, и сами эти книги довольно разные. Другие включают в эту категорию лишь произведения, отражающие «вполне определенное умонастроение, некий комплекс чувств и идей» о том, что «мир жесток, что идеалы рухнули, что в послевоенной действительности нет места для правды и справедливости и что тот, кто прошел через войну, уже

²⁶ Анри Барбюс «Огонь» (1916); Ярослав Гашек «Похождения бравого солдата Швейка» (1923); Эрнест Хемингуэй «В наше время» (1925), «Фиеста» (1926) и «Прощай, оружие!» (1929); Арнольд Цвейг «Спор об унтере Грише» (1927); Эрих Мария Ремарк «На западном фронте без перемен» (1929), «Возвращение» (1931) и др., Ричард Олдингтон «Смерть героя» (1929) и др.

²⁷ Эрнст Юнгер «В стальных грозах» (1920).

не может вернуться к обычной жизни»²⁸. Но и в том и в другом случае речь идет о литературе, посвященной именно Первой мировой.

Что же такое «потерянное поколение» (или, в другой интерпретации, «погибшее поколение»)?²⁹ Это выражение, прозвучавшее в случайном разговоре применительно к молодежи, побывавшей на войне, и ставшее одним из самых распространенных литературных ярлыков XX столетия, получило известность благодаря Э. Хемингуэю, сделавшему его эпиграфом своего романа «Фиеста» («И восходит солнце»), вышедшего в свет в 1926 г.³⁰ Однако наиболее ярким выразителем мировоззрения «потерянного поколения» с его антивоенным пафосом считается другой писатель — Эрих Мария Ремарк³¹. Обычно в этой связи вспоминают его роман «На Западном фронте без перемен», который открывается эпиграфом, в котором также звучит слово «поколение»: «Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов». Есть у Ремарка и другой роман — с символическим названием «Возвращение», об «отсроченных» последствиях войны, где с почти медицинской точностью описаны симптомы, признаки и проявления посттравматического синдрома у вернувшихся с войны фронтовиков. Так, один из персонажей романа сходит с ума от ужасов пережитого (типичной боевой психической травмы!); второй убивает своего соперника, с которым ему изменила любимая девушка; третий, узнав, что заразился на фронте сифилисом, кончает с собой; четвертый тайком пересекает границу, чтобы побывать на местах боев, и, окунувшись в прошлое, тоже кончает жизнь самоубийством; пятый погибает во время уличной демонстрации, оказав сопротивление полиции; шестого мучают воспоминания, военные сны, призраки погибших товарищей; а всех вместе — одиночество, страх перед будущим, непонимание и равнодушие окружающих. Чувствуя себя изгоями, герои

²⁸ См.: *Топер П.* Ради жизни на Земле. Литература и война. Традиции. Решения. Герои. М., 1985. С. 142.

²⁹ *Lost generation* (англ.), *verlorene Generation* (нем.), *génération perdue* (франц.) — переводится и как «потерянное поколение», и как «погибшее поколение».

³⁰ Рассказ об эпизоде, связанном с появлением выражения «потерянное поколение», см.: *Хемингуэй Э.* Праздник, который всегда с собой // *Хемингуэй Э.* Собр. соч. : в 4 т. М., 1968. Т. 4. С. 395.

³¹ См.: *Ремарк Э.-М.* На Западном фронте без перемен. Возвращение. Романы / пер. с нем. М. ; Харьков, 1999.

Ремарка отчаянно держатся друг за друга и всегда готовы встать на защиту брата-фронтовика, готовы к конфликту с властями, с «тыловыми крысами», со всем враждебно настроенным миром, в который никак не могут вписаться. «Мы все еще солдаты, хотя и не осознали это», — размышляет один из них. «...Мы больны. Война еще слишком глубоко сидит в нас»³², — говорит другой. Кульминация романа — суд над убийцей, бывшим фронтовиком. В лице прокурора его обвиняет лицемерное общество, сначала пославшее мальчишку на войну, где он научился убивать, а затем отторгнувшее его. В защиту обвиняемого выступают боевые товарищи, в свою очередь обвиняя само общество, сделавшее их такими.

Антивоенный пафос этого произведения отражает в первую очередь мировоззрение автора. Однако, сам того не подозревая, Ремарк дает весьма полное и подробное описание клинической картины «посттравматических стрессовых расстройств», в которую идеально укладываются ощущения, переживания и поведение его героев, страдающих крайней возбудимостью, раздражительностью, взрывными агрессивными реакциями, приступами депрессии, разного рода психогенными истерическими расстройствами, склонностью к суициду, и т. д. Кстати, в советской литературе межвоенного периода весьма ярким (но при этом едва ли не единственным) произведением, отразившим данное явление и соответствующий тип «потерянного» героя, а точнее — героини, стал рассказ Алексея Толстого «Гадюка» (1928 г.) — об участнице Гражданской войны, так и не сумевшей адаптироваться к послевоенным реалиям. И в этом случае Первая мировая оказалась «заслонена» последующими, более значимыми и драматичными для русского сознания событиями.

Наиболее известным представителем другой — милитаристской тенденции в литературе стал Эрнст Юнгер — идейный антипод Ремарка, «певец войны», ее романтики, героического начала, чудовищного напряжения моральных сил человека и преодоления трудностей. В своем автобиографическом романе «В стальных грозах», созданном на основе дневниковых записей, он убеждает читателей в том, что война — самое естественное проявление человеческой жизни, что только она может принести народу обновление, а без нее начинают преобладать застой и вырождение. Именно в военных условиях человек проявляет свою истинную сущность, являя себя миру во время «танца на острие клинка», в момент пребывания между бытием и небытием. Многообразие

³² Ремарк Э.-М. Указ. соч. С. 483, 418.

жизненных форм упрощается до одного-единственного смысла: борьба, постоянный риск, балансирование на грани гибели, — все остальное становится незначительным и ничтожным. При этом чужая жизнь лишается какой-либо ценности, утрачивает всяческое значение: на войне управляет не разум, а глубинные «первородные» инстинкты — желание ощутить запах и вкус крови, принять участие в охоте на себе подобных. Иногда Юнгер буквально упивается натуралистическими описаниями смерти. «Наша работа — убивать, — пишет он, — и наш долг — делать эту работу хорошо». Война со всеми ее ужасами, страданиями и преступлениями интерпретируется им как приключение, высшее испытание человеческих качеств. По его мнению, война сама по себе есть оправдание любых действий³³. Эти взгляды убедительно характеризуют психологию «адреналиновых наркоманов», людей, зараженных «вирусом войны», больных «военным синдромом».

Творчество Юнгера, весьма популярное в послевоенной Германии, психологически готовило немецкую нацию к военному реваншу³⁴. Именно такими, а вовсе не пацифистскими, были распространенные настроения на стороне проигравших, прежде всего в Германии. Надежды на близкую победу, рухнувшие в результате ноябрьской революции 1918 г., несправедливость последовавшего затем Версальского мира, унижение и разорение страны — все это явилось фрустрирующими факторами немецкого национального сознания. И «певцами войны» стали не только вышедшие из окопов рефлексирующие «эстеты и интеллектуалы» (Э. Юнгер), но и новые политики. Не будем забывать, что «Майн Кампф» Адольфа Гитлера — продукт все тех же событий и тех же настроений, распространенных в послевоенной Германии.

³³ См. : *Junger E.* In *Stahlgewittern*. Berlin, 1920; *Юнгер Э.* В стальных грозах : пер. с нем. СПб., 2000; Геронка и страх как модусы человеческого существования. Ранние произведения Э. Юнгера // *Философия человека: Традиции и современность*. М., 1991. Вып. 2 : сб. обзоров. С. 196–221; Э. Юнгер и «новый национализм» // *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. С. 372–384; *Toner П.* Указ. соч. С. 120–124.

³⁴ См. : *Junger E.* In *Stahlgewittern*. Berlin, 1920; *Юнгер Э.* В стальных грозах. Пер. с нем. СПб., 2000; Геронка и страх как модусы человеческого существования. Ранние произведения Э. Юнгера // *Философия человека: Традиции и современность*. Вып. 2 : сб. обзоров. М., 1991. С. 196–221; Э. Юнгер и «новый национализм» // *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. С. 372–384.

* * *

Первая мировая война выявила широкий спектр психологических эффектов, связанных с отражением одного и того же события в исторической памяти разных стран, социумов, народов, социальных и иных слоев. Она выявила большую зависимость «официальной» исторической памяти от идеологии и политики и в то же время определенную автономность «стихийной» памяти массового сознания, питаемой непосредственным опытом широких слоев и отдельных личностей. Наконец, выявилась очень значимая роль «культурной фиксации» военного опыта в произведениях литературы, мемуаристики и т. д. Относительно кратковременная историческая память о Первой мировой войне — в масштабах поколения ее участников и современников — стала важным фактором дальнейшего развития мировой истории, повлияв на мотивацию реваншизма в потерпевших поражения странах, на реакцию «избегания» и нерешительности в отношении потенциального агрессора среди элит «западных демократий» накануне Второй мировой войны, вылившуюся в политику «умиротворения» Гитлера и Мюнхенский стовор. Более поздняя, «отсроченная» память о Первой мировой, безусловно, в массовом сознании была вытеснена более масштабными, значимыми, кровавыми событиями новой мировой войны, а в официальной исторической памяти — в политике, идеологии, системе образования и т. д. — Первая мировая война описывалась в соответствии с интерпретацией властных элит конкретных стран, в том числе и для обеспечения их текущих интересов с учетом международной конъюнктуры.

*А. С. Казеннов,
ведущий специалист Центра военно-мемориальных исследований
(БФУ им. И. Канта)*

СОСТОЯНИЕ ЗАХОРОНЕНИЙ И ПАМЯТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В докладе поднимается вопрос современного состояния захоронений и памятников Первой мировой войны на территории Калининградской области; рассказывается о группе энтузиастов, занимающихся выявлением и восстановлением захоронений и памятников, а также поддержанием уже известных в достойном состоянии.

Ключевые слова: Калининградская область, Первая мировая война, захоронения, памятники.

A. S. Kazennov

WWI MEMORIALS IN KALININGRAD REGION

Summary: The report raises the issue of modern state graves and monuments of the First World War in the Kaliningrad region, about a group of enthusiasts engaged in the identification, restoration of the graves and monuments, as well as cleaning the already known.

Keywords: the Kaliningrad region, World War I, military graves, monuments.

В связи с приближающимся столетием Великой войны появилась видимая заинтересованность властей и отдельных общественных групп в обустройстве захоронений и реставрации памятников той эпохи. Так, стали проводиться импровизированные субботники, точнее предприниматься попытки их проведения, отдельные лица пытаются объединиться в организации для совместной работы.

Губернатор области организовал разрозненных заинтересованных тематикой Первой мировой войны в единой Совет, получивший название Совет при губернаторе Калининградской области по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества (далее — Совет). Пока его работа не видна, но кое-какие наработки появились и начало положено.

С весны 2013 г. наша инициативная группа волонтеров объединилась с Центром военно-мемориальных исследований при БФУ имени Иммануила Канта. Взаимовыгодное сотрудничество вылилось в несколько субботников, проведенных на воинских захоронениях русских

воинов, павших в Первой мировой войне. Так к примеру, в мае и июне 2013 г. наша объединенная группа совместно со студентами БФУ выезжала на захоронение 265 русских воинов¹.

С лета 2013 г. к нам присоединилась российская ассоциация «Корпорация Джeneral Сателайт», выразившая свою заинтересованность в благоустройстве ряда захоронений ПМВ на территории области. Специально для ассоциации были разработаны проект и визуальный макет благоустройства захоронений, а также подобран ряд захоронений, на которых требовалось провести работы по восстановлению и благоустройству. Немногим позже всем желающим можно будет ознакомиться с разработанными визуальным макетом и общей концепцией благоустройства, которые планируется представить на одном из заседаний Совета.

В августе нами был проведен международный волонтерский лагерь «Триалог-2013» по благоустройству воинских захоронений Первой мировой войны². Совместными усилиями русских и польских волонтеров были проведены различные работы по расчистке и уборке нескольких воинских захоронений области. В день закрытия лагеря участники пообщались со Станиславом Сергеевичем Воскресенским, заместителем полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе, который поблагодарил волонтеров за выполненную работу и поддержал идею об учреждении ежегодного волонтерского лагеря для российских, немецких и польских студентов.

Осенью «Корпорация Джeneral Сателайт» начала работу на выбранных захоронениях по разработанным нами проекту и концепции. Так, на настоящий момент очищена территория двух захоронений Первой мировой войны, разрабатывается план работ на грядущий год, в который входит благоустройство еще как минимум 7 захоронений.

¹ См.: Субботник на воинском захоронении времен Первой мировой войны // БФУ. Им. Канта. 2013. 20 мая. Электронный ресурс: режим доступа <http://www.kantiana.ru/news/142/105118/> (дата последнего обращения: 19.02.2014); Работы по расчистке воинского захоронения Ширгупённен/Амтсхаген/Дальнее // БФУ им. Канта. 2013. 10 июня. Электронный ресурс: режим доступа <http://www.kantiana.ru/news/142/105920/> (дата последнего обращения: 19.02.2014).

² Международный волонтерский лагерь «Триалог-2013» провел работу по благоустройству воинских захоронений Первой мировой войны // БФУ им. Канта. 2013. 23 авг. Электронный ресурс: режим доступа <http://www.kantiana.ru/news/148/110962/> (дата последнего обращения 10.02.2014).

Благодаря ресурсам корпорации и привлекаемым в качестве волонтеров ее работников работы идут в хорошем темпе и накануне столетия Первой мировой им уже будет что показать гостям и жителям области.

Надеемся, что в новом году к нам присоединятся новые активные участники и мы продолжим свою работу по восстановлению и благоустройству воинских захоронений 1914–1915 гг. в нашей области.

И наконец, хотелось бы коротко рассказать о нашей группе.

С 2008 г. наша инициативная группа (Александр Казеннов, Николай Тронеvский, Александр Панфилов и Павел Качнов) занимается выявлением памятников и захоронений Первой мировой войны на территории Калининградской области. Мы осуществляем поездки по области с целью поиска следов братских могил и монументов в существующих и стертых с лица земли населенных пунктах нашей области. Все кладбища и памятники фотофиксируются и каталогизируются, а за отдельными ведется постоянный мониторинг. Подобная активная деятельность связана с тем, что на учете в органах охраны объектов культурного наследия состоят лишь десятки памятников и захоронений из общего числа, а их более тысячи.

Всего на территории области, по немецким источникам, находилось около 1200 захоронений. В настоящее время удалось обнаружить примерно 700 из них. Причем у половины из них уничтожена вся надземная часть, что без специальных поисковых мероприятий не позволяет их обнаружить. Также же на территории современной области находилось где-то 100 памятников: половина из них уничтожена, лишь единицы сохранились в нормальном состоянии.

Какова в целом ситуация с захоронениями, жителям, а тем более интересующимся краеведением и темой Первой мировой войны, конечно же, известно. У нас есть несколько «дежурных» памятников и кладбищ, которые всегда на слуху и которыми постоянно «затыкаются все дыры и проблемы». Это такие захоронения, как Лесное кладбище в Советске (Waldfriedhof Tilsit), кладбище Героев в пос. Совхозное (Heldenfriedhof Mattischkehmen), памятник на ул. Малоюрославской в г. Калининграде.

подавляющая же часть братских могил и отдельных обелисков находится в печальном виде. Большинство захоронений разграблено и раскопано т.н. «черными копателями», чему есть неоднократные свидетельства и подтверждения. Часто мы сталкиваемся с такой ситуацией на кладбищах: от немецких захоронений нет практически никакого следа, лишь осколки надгробий и несколько разрозненных могильных плит,

и судить о том, было ли тут захоронение Первой мировой, приходится лишь по этим артефактам.

Памятники большей частью разрушены, а уцелевшие находятся в аварийном состоянии. Часть обелисков восстановлена и поддерживается в надлежащем состоянии энтузиастами и поселковой администрацией. Примеры — поселки Пограничный, Лермонтово и Неманское.

Отдельно хотелось бы остановиться на таком моменте, как исчезновение части плит с захоронений. Просто появились своеобразные коллекционеры надгробий (пример — городское кладбище, которое находится на ул. Чапаева в г. Черняховске), в коллекции которых и «перекочевали» надгробия с некоторых братских могил.

Как известно, не нас одних беспокоит состояние захоронений и памятников, равнодушные имеются как у нас в области, так и за ее пределами. Мы неоднократно сотрудничали со следующими организациями и частными лицами:

- Народным союзом Германии по уходу за воинскими захоронениями;
- нестеровским священником протоиереем Георгием Бирюковым;
- автором и администратором сайта «Герои Великой войны» (hero1914.com) Константином Пахалюком;
- информационным павильоном «Вера. Память. Дело» при строящемся храме Всех Святых в г. Гусеве;
- корреспондентом «Комсомольской правды» Игорем Ореховым;
- директором Багратионовского музея А. А. Панченко;
- Калининградским клубом краеведов (В. А. Миловский, И. В. Афонин, А. Л. Лалэко);
- краеведом из Клайпеды А. А. Рамошко.

*Е.Л. Ломако,
кандидат исторических наук, заведующий отделом
муниципального бюджетного учреждения культуры
«Коломенский краеведческий музей» (МБУК «ККМ»)*

**ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ — ОБРЕТАЯ ПРОШЛОЕ
(ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ
ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МУЗЕЯ БОЕВОЙ СЛАВЫ Г. КОЛОМНЫ)**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы военно-мемориальной деятельности Музея боевой славы как ведущей в его работе. На примере Музея боевой славы г. Коломны показано, как ведется работа по подготовке выставки «Осколки империи: лица на фоне эпохи», в которой рассказывается о семьях, члены которых являлись участниками Первой мировой войны.

Ключевые слова: музей, город, выставка, комплекс, мемориал, деятельность, империя, война.

E. L. Lomako

**MEMORIAL DAYS AND FINDING THE PAST THE FIRST WORLD WAR
AND THE HISTORICAL AND MEMORIAL ACTIVITIES
OF THE MILITARY GLORY MUSEUM IN KOLOMNA**

Summary: This article presents the activities of the Military Glory Museum to commemorate Russian military history. The author shows the whole process of preparation for the exhibition “Debris of empire: people and the history” that is devoted to ordinary families who lived in Kolomna in the beginning of the XX century and took part in WWI.

Keywords: museum, town, exposition, complex, memorial, activities, empire, war.

В последние годы в России наметилась тенденция обращения к историческому опыту, глубокому осмыслению опыта предыдущих поколений, формированию современной национальной идеи. Власти страны постоянно обращаются к данным вопросам, о чем свидетельствуют и слова Президента РФ В. В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г.: «...идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть

построены на основе идеологической монополии. Такая конструкция неустойчива и очень уязвима, мы знаем это по собственному опыту, она не имеет будущего в современном мире. Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм. Только тогда наша идентичность будет основана на прочном фундаменте, будет обращена в будущее, а не в прошлое¹.

Идентичность нации может сформироваться только в одном случае: когда люди помнят о своих корнях и адекватно оценивают историческое прошлое страны. Во многом такому подходу способствуют памятные даты, позволяющие рассмотреть тот или иной период развития России с различных сторон. Не является исключением и 2014 г., когда мы будем вспоминать начало двух войн, перевернувших государственную сущность страны: Русско-японской и Первой мировой. Русско-японская война началась 27 января (9 февраля) 1904 г., а 19 июля (1 августа) 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну, или, как ее называли в Российской империи, «Великую войну», «Большую войну», «Вторую Отечественную», «Великую Отечественную», а также неформально — «германскую». Десятилетие, заключенное между обозначенными датами и завершившееся революцией 1917 г., навсегда изменило страну, став одной из тех вех, не поняв которую, мы не сможем сегодня двигаться дальше.

Тогда в водоворот событий оказались вовлеченными все слои общества и самые малые населенные пункты. Тем более интересным является рассмотрение ситуации на примере провинциальных городов. Коломна в этом плане отличается в выгодную сторону, поскольку в ней действует Музей боевой славы (филиал Коломенского краеведческого музея), благодаря работе сотрудников которого уже сейчас открываются многие неизвестные страницы истории первых десятилетий XX столетия. Способствует деятельности музея в данном направлении и то, что с момента своего открытия 7 мая 2010 г. он был нацелен на рассказ не только о событиях Великой Отечественной войны, как в большинстве российских музеев подобного профиля, но и о ратной славе коломенцев предыдущих столетий.

¹ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 2013. 19 сент. Электронный ресурс: режим доступа <http://www.kremlin.ru/news/19243> (дата последнего обращения: 08. 02. 2014).

В то же время необходимо признать, что до настоящего момента вопросы, касающиеся событий Русско-японской и Первой мировой войн, находили весьма небольшое освещение в трудах коломенских историков и краеведов. Их внимание на протяжении десятилетий занимали по большей части вопросы классовой борьбы. Наиболее информативными оставались работы О. П. Булич² и Г. П. Ефремцева³. Но в последние годы появился ряд публикаций, содержащих сведения об участниках военных событий начала XX в. Благодаря им стало возможным введение в ткань рассказа экспозиции Музея боевой славы о тех забытых войнах. Отметим, что и в фондах Коломенского краеведческого музея отложились материалы, в основном носящие единичный характер, интересующего нас периода. В результате на момент открытия Музея боевой славы удалось составить небольшой рассказ о коломенцах — участниках событий, а также о военной продукции Коломенского машиностроительного завода.

К юбилейному 2014 г. все более актуальным становился тезис о назревшей необходимости расширения знаний о событиях начала XX столетия, на что наталкивают и появившиеся в последнее десятилетие труды коломенских краеведов и исследователей: П. В. Галкина и Е. В. Ивановой⁴, А. И. Кузовкина и С. П. Швакина⁵, Л. Н. Соза⁶, В. С. Тимофеева⁷, а также публикации в материалах для энциклопедии «Коломенский край»⁸. Такая памятная дата, как 100-летие со дня начала Первой мировой войны способствует ведению активной работы с населением с целью установления неизвестных фактов истории Коломны, что служит основанием для подготовки выставки «Осколки империи: лица на фоне эпохи» (в сотрудничестве с благотворительным

² Булич О. П. Коломна: Пути исторического развития города. М., 1928.

³ Ефремцев Г. П. История Коломенского завода: 1863–1983 гг. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. С. 79.

⁴ Галкин П. В., Иванова Е. В. На городской службе: очерки по истории общественного самоуправления г. Коломны конца XIX — начала XX века. Коломна, 2002.

⁵ Кузовкин А. И., Швакин С. П. Черкизово. Даты. События. Судьбы. Коломна, 2004; Кузовкин А. И. Земляки-коломенцы. Коломна, 2011.

⁶ Соза Л. Н. Пореформенная Коломна: на пути к промышленному городу. Коломна, 2012.

⁷ Тимофеев В. С. О минувшем, памятном. Коломна, 2013.

⁸ Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Вып. 4. Коломна, 1998.

фондом «Коломенский кремль»). Итак, проведем небольшой экскурс в историю Коломны начала XX в. и обрисует намеченные пути реализации дальнейшего изучения интересующего нас периода.

Коломна к 1914 г. представляла собой город, входивший в тройку лидеров Московской губернии. Ее площадь определялась в 417 гектаров, где насчитывалось 45 улиц и переулков, 6 площадей, 3 общественных сада, освещавшихся 288 фонарями. Количество жилых строений в городе составляло 2300 единиц, из которых 320 были каменными, а 900 — смешанными. В Коломне функционировали 1 библиотека, 2 средних и 21 низшее учебное заведение. Городскую промышленность составляли 18 фабрик и заводов, 14 ремесленных заведений. В городе находились 2 сберегательные кассы и 2 нотариальные конторы. Приезжающие могли воспользоваться услугами 7 гостиниц, 15 постоялых дворов, 6 ресторанов и трактиров, 15 харчевен и чайных, 6 казенных винных и 11 пивных лавок. В это время в Коломне функционировали 23 церкви (из них 2 — старообрядческие) и 5 часовен⁹. В городе помимо достаточно многочисленных богаделен, попечителями которых выступали почетные граждане и купцы, действовали и благотворительные учреждения, такие как городской Мариинский дом призрения сирот, Елизаветинский благотворительный комитет, местный комитет Российского Общества Красного Креста и т. п. Активно проявляли себя указанные учреждения и в годы войны с Японией и Первой мировой войны¹⁰.

Вблизи Коломны, в с. Боброво, в 1863 г. был заложен Коломенский машиностроительный завод. Во многом благодаря предприятию, несмотря на формальную принадлежность к Коломенскому уезду, село с момента основания завода все более тяготело к Коломне. По справедливому замечанию Л. Н. Соза, оно «на протяжении второй половины XIX — начала XX в. испытывало сильное влияние близлежащего города, машиностроительного завода и железнодорожной магистрали, что способствовало урбанизации названной территории. Перечислим выраженные признаки урбанизации: во-первых, это изменение хозяйственной деятельности жителей села... Во-вторых, это создание

⁹ Населенные местности Московской губернии / под ред. Б. Н. Пенкина. М., 1913. С. 4–7; Памятная книжка Московской губернии на 1914 год / под ред. Б. Н. Пенкина. М., 1913. С. 296–311, 314, 412.

¹⁰ Памятная книжка Московской губернии на 1914 год... С. 306–307; Галкин П. В., Иванова Е. В. Указ. соч. С. 104.

инфраструктуры подобной городской, а именно: активная застройка (фактически поглощение) территории села рабочим поселком, что повлекло возникновение нового района городского проживания; замощение и освещение улиц; прокладывание канализации и водоснабжения; организация постоянного транспортного сообщения между городом и селом... В-третьих, интеграция пригородной территории выражалась в сближении границ городской и сельской территорий. Кроме того, городская полицейская власть распространялась и на указанное пригородное поселение»¹¹. В с. Боброво действовали кирпичные заводы Лозовского и Хренова. При машиностроительном заводе были расположены больница, мужское и женское училища, театр и столовая, а также чайные и винные лавки¹². Совершенно очевидно, что при рассмотрении ситуации, относящейся к указанному времени, необходим целостный подход к изучению истории Коломны и пригородных территорий, учитывая их взаимопроникновение.

Подобный подход позволил уже на первом этапе обобщения имеющихся материалов при открытии Музея боевой славы представить отдельные эпизоды жизни коломенцев и производственной деятельности в Коломне и округе начала XX в. Основная экспозиция музея ныне содержит фотографии, на которых запечатлены участники Русско-японской войны — Новокрещенов, Буланов, Филин, а также Первой мировой войны — полный георгиевский кавалер Яков Денисович Костенко, Сергей Густавович Струве, Гавриил Семенович Аксёнов. О георгиевских кавалерах впервые собрал сведения коломенский краевед А. И. Кузовкин. Он установил, что Я. Д. Костенко с 1913 г. жил в д. Молитвино Коломенского уезда, был награжден четырьмя Георгиевскими крестами и двумя Георгиевскими медалями¹³. Возвращение имени С. Г. Струве — сына совладельца Коломенского завода Густава Егоровича Струве — стало возможным благодаря Л. Б. Рябковой (научному сотруднику Коломенского краеведческого музея), исследования которой в настоящее время оформлены в обстоятельный очерк¹⁴. Блестящий кавалерист, автор книги «Совет молодому офицеру, назначенному в первый

¹¹ Соза Л. Н. Указ. соч. С. 30.

¹² Населенные местности Московской губернии / под ред. Б. Н. Пенкина. М., 1913. С. 309.

¹³ Кузовкин А. И. Герои-коломенцы. Коломна, 2010. С. 163.

¹⁴ Времен связующая нить. На службе Отечеству / Н. И. Демпке, Е. В. Бычкова, Л. Б. Рябкова. Коломна, 2012. С. 255–281.

раз заведовать новобранцами в кавалерии», флигель-адъютант его императорского величества, штаб-ротмистр С.Г. Струве героически погиб 27 февраля 1915 г. у д. Вышнеловка. Не менее интересна и судьба Г.С. Аксёнова. Из ответа командира роты, в которой служил солдат, на письмо отца становится ясным, что он пропал без вести 20 мая 1915 г. Как выяснится впоследствии, Г.С. Аксёнов попал в плен, а затем был освобожден и вернулся в родной город.

Среди продукции Коломенского машиностроительного завода до войны 1914 г. можно назвать военно-полевые паровозы и вагоны, дизели для канонерских лодок, пулеметные двуколки, зарядные ящики, стаканы для артиллерийских снарядов и т.п. Особо отметим изготовление заводом для управляемых аэростатов 9-й воздухоплавательной роты в городе Лиде весной 1912 г. металлических конструкций эллинга длиной 105 метров¹⁵. К Первой мировой войне Коломенский завод становится в России и признанным лидером по постройке теплоходов: на половине из 70 единиц, ходившим по рекам и морям страны, стоял знак КМЗ¹⁶. С 1912 г. выпускались и военные дизельные корабли: «Воин», «Диомид», «Патрокл», «Улисс»¹⁷.

Крупные военные заказы стали поступать на Коломенский машиностроительный завод практически сразу после начала боевых действий в 1914 г. Главное артиллерийское управление в январе 1915 г. заказало заводу 500 тысяч взрывателей (затем еще 150 тысяч), а также трехдюймовые чугунные бомбы и запальные снарядные стаканы¹⁸. Необходимо было наладить и производство 76-мм гранат. Широко развернувшая свою деятельность организация генерал-майора С.Н. Ванкова, с весны 1915 г. занимавшаяся кооперированием предприятий¹⁹, включила в свою орбиту и общество Коломенского завода²⁰. Комиссия Особого совещания под председательством А.З. Мышлаевского дала следующий анализ заказов завода, свидетельствующий о перестройке

¹⁵ *Ефремицев Г. П.* Указ. соч. С. 79.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ Коломенский завод. 150 лет труда, таланта, опыта... Рязань, 2013. С. 58.

¹⁸ *Ефремицев Г. П.* Указ. соч. С. 79.

¹⁹ С мая 1915 по январь 1918 г. генерал-майором С.Н. Ванковым было заключено 442 договора с различными многочисленными предприятиями, включенными в его организацию.

²⁰ *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 90–91; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 110–115.

производства Коломенского завода: «На 1 марта 1915 г. из общей массы заказов (31,4 млн руб.) снаряды составляли лишь 15,1%, прочие военные заказы казны морского ведомства и других заводов, работавших на войну, — 12,5%. Больше половины заказов — 52,5% — составляли заказы Министерства путей сообщения и 20% — частные заказы; к 1 сентября 1915 г. частные заказы сократились до 4%. Заказы Министерства путей сообщения сократились в 2 раза — до 27,4%, зато снаряды и прочие военные заказы занимали 68,6%, т.е. составляли 2/3 всех заказов»²¹.

Для выполнения военных заказов правление общества Коломенского завода весной 1915 г. решило купить расположенную в пяти километрах Бочмановскую фабрику для выпуска плугов и веялок товарищества «Эмиль Липгард и К°», открытие которой состоялось 23 июня 1914 г. Фабрика занимала участок земли в 59 десятин, купленной у крестьян деревни Бочманово в 1912 г., и имела восемь крупных корпусов, в которых размещались механические цеха, чугунолитейная, кузница и электростанция. Снарядный отдел Коломенского завода (так стала именоваться фабрика) в 1916 г. выпустил 378 295 взрывателей, 2047 фугасных снарядов, 525 375 гранат казенного образца, 79 374 гранаты французского образца, для чего за границей (в Англии, США и Швеции) и частично в Москве была закуплена большая партия токарных, фрезерных, шлифовальных и других станков²².

Выпускал Коломенский завод и иную продукцию. За годы Первой мировой войны было выпущено 600 паровозов (27,1% отечественного паровозостроения), из которых свыше 60% составили военно-полевые, маломощные и узкоколейные локомотивы. До 1916 г. продолжалось и строительство мостов (последним из построенных коломзаводцами стал Дворцовый мост в Петрограде). На предприятии производились также станки-автоматы для выделки колючей проволоки (в 1915 г. было изготовлено 200 таких станков). Одним из ведущих видов производства оставалось судостроение: создавались минные транспорты, теплоходы, дизели, изготовлялись крупные детали и узлы для морских и речных судов, запасные части. В январе 1915 г. по решению царского правительства Коломенский завод получил заказ на изготовление

²¹ Сидоров А.Л. Указ. соч. М., 1973. С. 114.

²² Беляев А.Т. Испытания на прочность: Предыстория создания и этапы развития Коломенского завода тяжелого машиностроения. М., 1994. С. 7–11.

судовых дизелей. Три канонерские лодки Амурской флотилии в начале 1915 г. были заново оснащены Коломенским заводом судовыми дизелями (в начале мировой войны с этих лодок коломенские дизели были сняты и водружены на подводных лодках Черного моря)²³. В 1917 г. спущены на воду канонерские лодки «Кубань» и «Терек», заложены «Березина» и «Яуза»²⁴.

Отразились события военного времени и на численности рабочих Коломенского завода. В 1913 г. на Коломенском заводе числилось 4838 рабочих, а в 1914 г. — уже 10 547; в последующем штат рабочих возрастал и составил к 1917 г. 12 838 человек²⁵. Многие рабочие с началом войны были призваны в армию: в 1914 г. — 1411 квалифицированных рабочих и 270 неквалифицированных, в 1915 г. — 1222 и 298 соответственно, в 1916 г. — 469 и 190. На место призванных приходили жены и дети рабочих завода: с 1 июля 1914 по 1 января 1916 г. количество работниц на заводе возросло в 4 раза, подростков — в 1,2 раза²⁶.

В настоящее время при подготовке к выставке «Осколки империи: лица на фоне эпохи» удалось придать сухим цифрам статистики живое звучание. Благодаря работе коломенского краеведа В.С. Тимофеева стала известна судьба Георгия Ивановича Кузьмичева — фрезеровщика Коломенского завода²⁷. Родившийся в семье коломенского рабочего, он в 1910 г. пришел в паровозомеханические мастерские, с началом войны был призван в действующую армию, где находился четыре года, после чего вновь вернулся на предприятие.

В ноябре 1915 г. связал свою жизнь с Коломной выпускник Комиссаровского технического училища Петр Иванович Комаров, работавший по февраль 1916 г. в снарядном цехе Коломенского машиностроительного завода токарем по изготовлению 3-дюймовых гранат французского образца. Затем он представил отчет и выдержал испытание на инструктора по изготовлению корпусов гранат, а 18 марта 1916 г. уже как студент Императорского Московского технического училища был командирован «на Коломенский завод для работ

²³ *Ефремов Г. П.* Указ. соч. С. 80–81.

²⁴ Коломенский завод. 150 лет труда, таланта, опыта... / [авт. С. А. Блинова, В. В. Боченков, Е. В. Бычкова, Е. В. Зорина, М. С. Каткова, Е. И. Леонова, Л. Б. Рябкова, С. А. Шикунова]. Рязань, 2013. С. 58.

²⁵ *Булич О. П.* Указ. соч. С. 68.

²⁶ *Ефремов Г. П.* Указ. соч. С. 81.

²⁷ *Тимофеев В. С.* Указ. соч. С. 289–292.

по обороне страны в качестве инструктора по изготовлению 3-дюймовых гранат».

Не менее интересны и судьбы других людей, которые постепенно становятся известными. Биографии многих из них связаны не только с Первой мировой войной, но и с Русско-японской. Так, Антон Евстратьевич Кулеш, происходивший из крестьян Люблинской губернии Грубешовского уезда, волости и села Долгобычи, начал свою службу в 1900 г., прибыв в 5-й мортирный полк, располагавшийся в Коломне. Участвовал в войне с Японией с 10 июля (по ст. ст.) 1904 г. по 1 октября 1905 г., получив два Георгиевских креста. Можно сказать почти наверняка, что А. Е. Кулеш был в рядах своего полка, когда его напутствовал перед отправкой на театр военных действий Николай II, прибывший в Коломну 27 июня (по ст. ст.) 1904 г. В дневнике императора сохранилась следующая запись об этом событии: «27-го июня. Воскресение. В 8 час. утра прибыли в Коломну. На поле, почти у самой станции, был небольшой парад. Представлялись: 5-й и 6-й Вост.[-]Сиб. саперные батальоны и 5-й мортирный артиллерийский полк. Толпа вела себя бурно, всюду залезала и очень мешала. В 9 час. отправились дальше»²⁸.

Еще более связал свою судьбу с Коломной А. Е. Кулеш в 1907 г., женившись на Евдокии Николаевне, происходившей из коломенских мещан Лебедевых. В браке родилось 5 детей, причем до нашего времени сохранилась «Выпись из метрической книги» церкви Воскресения на Посаде г. Коломны, свидетельствующая о рождении одной из дочерей — Татьяны в 1909 г. А. Е. Кулеш продолжал службу и с 6 августа (по старому стилю) 1914 г. принял участие в Первой мировой войне, за проявленную храбрость в которой был удостоен двумя Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью, став полным Георгиевским кавалером.

Открываются и такие страницы коломенской истории, как родственные связи жителей нашего города со знаменитыми писателями. С 1950-х гг. в Коломне живет Борис Борисович Бунин. Его дед — подполковник 5-го пограничного Заамурского пехотного полка Иван Иванович Бунин — приходился родственником писателю Ивану Алексеевичу Бунину. Иван Иванович, родом из потомственных почетных граждан, уроженец Орловской губернии, погиб 15 июля 1916 г.

²⁸ Дневники императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2011. С. 812.

Упомянем Николая Петровича Шишкова (родственника писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова), родившегося 14 января 1892 г., а в 1914 г. добровольцем ушедшего на фронт²⁹.

Нити истории протягиваются и далее. Активный участник Русско-японской войны, награжденный в ней тремя Георгиевскими крестами, Василий Сергеевич Бирюков, воспитал сына Бориса — Героя Советского Союза³⁰. Кавалер двух Георгиевских крестов и Георгиевской медали за Первую мировую войну Сергей Николаевич Луканин стал одним из первых коломенцев, награжденных в Гражданскую войну орденом Красного Знамени³¹.

Таким образом, уделяя пристальное внимание различным памятным датам, мы не только узнаем больше о событиях близкого и далекого прошлого, но и осознаем всю глубину тех подчас трагических событий, которые лично касались каждого жителя нашей страны.

²⁹ Тимофеев В. С. Указ. соч. С. 218–222.

³⁰ Кузовкин А. И. Указ. соч. С. 18, 163.

³¹ Молчанова Г. Бойцовский характер Луканина // Край родной (историко-краеведческое приложение к газете «Коломенская правда»). 2003. № 2 (25). 18 февраля. С. 6; Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926. С. 143.

III. ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ ГЛАЗАМИ СОЛДАТА: ВОСПОМИНАНИЯ НИЖНЕГО ЧИНА Е. В. ТУМИЛОВИЧА

Несколько лет назад при разборе старой мебели в тайнике письменного стола нами были найдены четыре тетради, содержавшие воспоминания о жизни моего деда по материнской линии Евгения Владиславовича Тумиловича. Часть этих рукописных воспоминаний касается его участия в Первой мировой войне в составе 326-го Белгородского пехотного полка 82-й пехотной дивизии. По какой причине эта часть воспоминаний была им спрятана, сказать не могу — очевидно, считал время неподходящим для публикации. По моему мнению, эти воспоминания — уникальное свидетельство времени не только для нашей семьи, но и для военной истории России. Тем более что сослуживцем деда был Василий Иванович Чапаев, с которым он познакомился, находясь в госпитале.

Обстоятельства сложились таким образом, что Евгений Владиславович, в 18 лет добровольцем ушедший на фронт с институтской скамьи, оказался не вольноопределяющимся, а рядовым разведчиком. Он участвовал в Брусиловском прорыве и тяжелых боях в Карпатах. За подвиги на полях битв Великой войны он дважды был награжден солдатским Георгиевским крестом.

К сожалению, воспоминаний рядовых солдат Великой войны сохранилось не так много, в том числе и в связи с низким уровнем грамотности рядового состава. Тем ценнее, на мой взгляд, эти мемуары. Представленный отрывок — часть книги, которая до сих пор не была опубликована и охватывает период от примерно 1900 года и до начала Финской войны.

В кровавом хаосе братоубийственной Гражданской войны дед не участвовал, в 1918 г. он поступил в Путьский институт. После Первой мировой войны судьба уготовила ему еще много испытаний — штурм линии Маннергейма в Финскую войну, строительство под бомбами и снарядами железной дороги к Дороге жизни в Великую Отечественную...

Много лет механизмы ленинградских мостов разводились благодаря заботам дедушки Жени, и одна из набережных города была построена по его проекту.

Его не стало в 1972 году. Светлая ему память...

О. С. Кошев

Брусиловский прорыв

В последние дни, когда заканчивалась постройка минных галерей, во время прогулок по бесконечно длинным ходам сообщений на кухню за обедом и ужином в тылу наших окопов за холмом чувствовалось какое-то необычное движение.

В садах появились повозки с лошадьми. Избы заполнились артиллеристами — их всегда можно было легко узнать по возрасту, по мощным фигурам и по сосредоточенным бородатым лицам. Пулеметные тачанки, зарядные ящики, горы свободно лежащих снарядов и другие военные средства заполняли сады и овраги наших тылов.

В разных местах участка артиллерия отдельными выстрелами вела пристрелку по окопам и тылам противника, на что последний отвечал массированным непрерывным огнем. Но наша артиллерия не поддавалась на вызов и не изменяла темпа.

В один памятный вечер солдатам пополнили запас патронов, а гренадерскому взводу, в котором состоял и я, выдали по 6 штук круглых чугунных бризантных гранат с капсюлями и велели проверить ножицы. По окопам осторожно и бесшумно проносили дополнительные пулеметы и бесконечное количество ящиков с пулеметными лентами. Появились какие-то новые, незнакомые нам минометы, с похожими на огромную свеклу минами.

Хотя мы еще не понимали и не знали причины этих непонятных и таинственных перемещений, но инстинкт, по-видимому бессознательно, подсказывал — о сне не было и мысли, по телу пробежала дрожь. Всю ночь в наших окопах стояла мертвая тишина — ни одна ракета, ни один выстрел не нарушали этот таинственный грозный покой. Но мертвое пространство между окопами было залито не прерывающимся светом множества ракет противника и летающими стрелами его прожекторов. Сколько можно было охватить бессонным взглядом в обе стороны вдоль окопов — всюду холодный свет ракет и огни прожекторов насыщали мрак встревоженной ночи и терзали тяжелыми предчувствиями возбужденное сознание «царицы полей». Ночь приближалась к концу. Зеленый луч еще не видимого солнца уже проник сквозь уходящие волны тумана, с его появлением слегка улеглась и ночная тревога людей.

Вдвоем с Золотницким в углу блиндажа вскрыли мы неразорвавшуюся австрийскую бомбу, зажгли тротил и, как обычно, повесили котелок с водой, чтобы согреть чайку, в обществе которого всегда

приходит успокоение возбужденных нервов, а его горячая влага выгоняет из организма озноб от сырого ночного тумана.

И вдруг в этот короткий миг ничтожного блаженства, в затаенной тишине небесного свода раздался страшный свист, рев и грохот, как будто небо разорвалось на две части и все предшествующие летние громы обрушились на грешную землю¹.

Рев нарастал с невероятной силой и скоростью, блиндаж задрожал, земля посыпалась в котелок и чашки. Мы выскочили на воздух. К грохоту орудий присоединилась нестерпимая трескотня пулеметов. Шестидюймовые снаряды безжалостно разрушали первую и вторую линию обороны противника. Вместе с огнем и столбами черной земли, кверху летели бревна, кровати шинели, трупы людей. Трудно описать и еще труднее представить не выдавшему эту ужасную работу нашей прекрасной артиллерии. К ее бешеному урагану примкнули отдельные потрясающие взрывы огромных мин².

Австрийская артиллерия пыталась беспорядочно отвечать, но никакого влияния на темп нашей артиллерийской атаки не могла оказать, быстро была подавлена и уничтожена.

Линия австрийских укреплений постепенно превращалась в подобие свежеспаханной пашни, поднятой невидимым колоссальным плугом.

Пулеметы не ослабевали своего треска, резали и рвали в клочья сплошную сеть проволочных заграждений. Разрушив передние укрепления, артиллерия переместила огонь на более глубокие тылы. Шрапнель осыпала свинцовым дождем ходы сообщений и районы командных пунктов. Солдаты в боевой готовности воспаленными болезненными глазами, полными неясной тревоги, молча наблюдали за работой свистящего металла и ждали атаки. Сейчас уже всем была ясна цель артиллерийской подготовки. По всем признакам можно было начинать атаку, но командование почему-то медлило — по-видимому, не были еще готовы соседние участки.

¹ 82-я пехотная дивизия располагалась на левом фланге 9-й армии, которую возглавлял талантливый полководец генерал П. А. Лечицкий. Сама дивизия была включена в состав Сводного корпуса вместе со 103-й пехотной дивизией. Во время Брусиловского прорыва 9-я армия должна была нанести отвлекающий удар. Непосредственно прорвать линию обороны австро-венгерцев предписывалось 11-му и 12-му корпусам. Сводный корпус лишь содействовал наступлению 11-го корпуса. — Прим. ред.

² На фронте армии артиллерийская подготовка велась с 4 часов утра до 12 часов дня 4 июня 1916 г. — Прим. ред.

Лишь только во второй половине дня, когда в окопы вошли новые, незнакомые солдаты, нашему гренадерскому взводу велено было по заранее подготовленным норам вылезти в мертвую зону и приступить к уничтожению проволочных заграждений.

Трудно вспомнить и невозможно описать то притупление чувств, во власти которого я находился с момента выхода в мертвое пространство железного кольца. Вытянув перед собою ножницы, мы ползли, как змеи, к колючей проволоке сплошных заграждений. Густая трава, постриженная сверху пулеметным огнем, который все еще не прекращался, служила прекрасной маскировкой для нашей работы.

Когда же мы подползли вплотную к заграждениям, то оказалось, что их уже не существует — всё было иссечено на куски пулеметным огнем и лишь кое-где на подрезанных кольях и рогатках висели отдельные куски колючей проволоки, которая не могла служить препятствием для атаки. Обследовав пространство перед расположением своего батальона, хорошо натренированные гренадеры теми же путями возвратились в свои окопы под массивованным прикрытием всех видов огня.

И вот только после этого была произведена короткая подготовка к атаке. Уплотненным строем люди были выстроены у бруствера. Бойцы вновь зарядили и проверили винтовки. Гренадеры вставили в бомбы капсюля и теми же тайными тропами выбрались из окопов. Пулеметный огонь прекратился. Артиллерия крошила тылы.

По условному сигналу мы вскочили на ноги, с криками «ура» и с бомбами в руках бросились на австрийские окопы. В этот же момент позади нас сплошной стеной поднялась наша пехота. Могучее «ура!» грозным ревом прокатилось по фронту.

На месте австрийских окопов беспорядочно затрещали отдельные винтовочные выстрелы, которые сразу же были заглушены и подавлены гранатами.

В несколько секунд была занята первая линия окопов противника. Какой-то обезумевший от страха австриец, бледный как полотно, стоял неподвижно с поднятыми руками. Прапорщик С. ударил его по голове наганом и тот медленно сел и опрокинулся набок. Артиллерия снова перенесла свой огонь в более далекие тылы. Таким же образом, но с большим азартом была занята и вторая линия обороны. Вдруг в нескольких километрах впереди к небу взвился сначала беззвучный огненный столб. Через две-три секунды земля вздрогнула и мощный ревущий звук взрыва докатился до нас.

— Ну все в порядке, склады взрывает! — почти восторженно закричал какой-то старый солдат.

— Теперь можно спокойно двигаться вперед,— добавил он.

Форсированным маршем продвинулись мы еще вперед на два-три километра и остановились у какого-то полуразрушенного завода. Здесь было приказано окопаться.

Трудно сказать, какую цель или какой тактический смысл имели эти остановки, так как впереди еще пылало зарево горящего склада боеприпасов и ясно было, что противник уходит на более отдаленные позиции. В густых цепях солдат кто окапывался, кто после дневных тревог уснул тут же глубоким беспробудным сном. Но есть люди, которые всегда чего-то ищут, что-то им нужно, точно что-то где-то забыли.

Полуразрушенное сооружение, у которого мы окапывались с вечера, оказалось винокурным заводом. Разведка и боевое охранение еще с вечера были двинуты вперед, и народ всю ночь мог отдыхать.

На рассвете после подъема кой-кого в строю не оказалось, а некоторые солдаты были очень развязаны и нетвердо стояли на собственных ногах.

Начались поиски в окрестностях завода, где и нашли трех солдат, в том числе и одного нашего гренадера-украинца по профессии борца, мертвецки пьяными в канаве под кустом. У него не оказалось даже при себе винтовки.

Ротным командиром — прапорщиком С. тут же было организовано наказание, причем досталось больше всех злополучному борцу. Его били по голой спине шомполами. Больше всех, конечно, злорадствовал и даже сам с нагайкой в руке принимал участие в наказании ротный командир. Могучий мужик перенес побои молча, но когда он встал с искаженным от боли лицом и, шатаясь, взглянул на прапорщика — тот вздрогнул и, съезжившись, ускользнул сквозь недобрый шепот солдатской, глядящей исподлобья массы.

Пострадавшему борцу хотели надеть гимнастерку, но она не влезла на распухшую, покрытую потоками крови спину. Так его и увели полуголого с арены импровизированного Колизея на берег заросшего кустами пруда.

На пути нашего движения стоял город Черновцы³. Австрийцы укрепились вдоль правого берега Прута и считали, как выяснилось потом, при опросе пленных, свои позиции совершенно неприступными.

³ Наступление началось 10 июня после шестичасовой артиллерийской подготовки и закончилось отступлением противника. 11 июня 82-я дивизия была включена в состав 11-го корпуса. — Прим. ред.

На левом берегу реки, куда подтягивались наши ударные силы, раскинулся густой старинный лиственный лес, что весьма благоприятно способствовало тактической подготовке очередного удара.

Пятого июня на рассвете вновь загрохотала наша тяжелая шестидюймовая артиллерия. Крутой обрывистый берег Прута, на котором в непосредственной близости от реки находилась первая линия обороны противника, быстро из ярко-зеленого начал краснеть, точно его кто-то красил невидимой кистью. Несколько цепей русской пехоты, как накаленная лава, незаметно двигались в условиях прекрасной лесной маскировки к исходным рубежам⁴.

Пулеметный и артиллерийский огонь огненным валом бушевал над австрийскими позициями, снова сметая на своем пути заграждения и живую силу противника. Огненный рев не утихал ни на секунду. Артиллерия противника, не имея точных сведений о расположении готовых к атаке русских войск, хотя и много, но беспорядочно обстреливала лес и левый берег реки. К исходу дня пулеметные роты вышли на рубеж и открыли жестокий огонь по переднему краю обороны врага. Под их прикрытием саперы бросились в воду и стали наводить узенькие без перил пешеходные мостики, и хотя переправы еще не были закончены, пехота непреодолимым потоком бросилась в атаку. Мощное «ура!» грозными волнами, не умолкая, колыхалось над почерневшим Прутом.

Длинными извилистыми цепочками бойцы устремились на незавершенные еще переправы. Перебегали, прыгали в воду, карабкались по откосам, разрушали заграждения. Многие падали с мостков в быстро бегущие воды реки и беззвучно исчезали, уносимые мутными кипящими волнами.

И когда под прикрытием крутого берега реки накопилось достаточно сил, атака возобновилась. За откосом загрохотали взрывы ручных гранат. Штыки судорожно склонились вперед, и снова загрохотало и покатилося по полям Галиции и Буковины русское могучее и неотразимое «ура».

Город пал⁵.

Утром на чистеньких улицах древнего украинского городка ничем не нарушался обычный покой и тишина. Усталые поредевшие части этот день отдыхали. Но по хлебным полям и пыльным дорогам

⁴ Переправа через Прут началась ровно полночь с 17 (4) на 18 (5) июня. Основная ставка делалась на внезапность и быстроту действий. — Прим. ред.

⁵ В город одновременно вошли части 82-й и 32-й дивизий. — Прим. ред.

Галиции непреодолимым валом продолжали двигаться новые, свежие части русских брусиловских армий.

Знойный безветренный день, накаленный воздух, насыщенный желтой пылью, клубящимися волнами тянулся по дороге вслед за густыми колоннами войск⁶. Пыль проникала всюду, хрустела на зубах, раздражала глаза, проникала под одежду и, смешанная с обильным потом, вызывала нестерпимое желание броситься в первый попавшийся на пути ручей. Усталая пехота двигалась молча. Тяжелая выкладка вместе с запасом патронов и гранат отягчала ее грузные движения. Кое-где побрякивали закопченные котелки да пустые стеклянные флаги. Медленно ползли походные кухни, выпуская в мутно-желтый воздух голубоватые струйки едкого дыма. Сквозь густую завесу легкой горячей пыли слабо обрисовывался медно-красный солнечный диск.

В глубоком овраге с остатками разрушенного моста застряла артиллерия. Широкоплечие бородатые мужики — солдаты запаса, напрягаясь, как буйволы, помогали выбившимся из сил лошадям. В воздушном пространстве над ними витала самая отборная русская брань, ибо никто во всем мире не владеет такой изощренной и крепкой руганью, как русская конная артиллерия. То, что подчас не могли сделать крепкие выносливые кони, с успехом выполняли сами артиллеристы, вынося на руках свои тяжелые орудия.

Тут же в хвосте двигалась в пестрых расшитых кафтанах с кривыми, чеканными серебром и золотом саблями кавалерия из так называемой туземной дивизии, которая никогда не принимала участия в боях, болтаясь по дорогам и селениям, наводила она животный страх на и без того напуганное население.

Армия двигалась в направлении Карпат. 12 июня на рассвете, растянувшись снова цепями, вышли мы к берегам реки Серет. Под слабым артиллерийским огнем, с незначительными потерями были быстро форсированы три отдельные рукава реки, и наш полк вступил в небольшой городок Куты, расположенный у подножия карпатских гор. После двухдневного отдыха подразделения 326-го пехотного Белградского полка заняли рубеж на опушке молодого букового леса.

⁶ 19 (6) июня генерал Лечицкий из-за проблем снабжения приостановил выдвижение основных сил, организовав преследование лишь частями 82-й и 103-й дивизий, а также 3-го кавалерийского корпуса в направлении Карпат. — Прим. ред.

Перед нашей ротой раскинулись обширное хлебное поле, на котором уже дозревала высокая густая пшеница.

За этой золотистой, волнующейся под горячим южным ветром полосой снова начинался стройный буковый лес. На опушке этого зеленого шатра закрепились австрийские, мадьярские и немецкие части.

С вечера у бойцов, как обычно, был полный запас патронов, гранат и сухарей. Ранний ужин состоял из хороших мясных щей и жирной рисовой каши, после которого было приказано окопаться в отдельных одиночных окопах. Офицерский состав был чем-то озабочен. Молодые прапорщики — взводные офицеры о чем-то шептались, их встревоженные лица выражали необычное волнение. Но что нас ожидало завтра, никто из солдат не знал и не предполагал. Противник не производил никаких признаков жизни — ни один звук, ни один выстрел не нарушал ложного покоя молодого дремлющего леса.

Короткая ночь быстро пролетела. Но утро, пробужденное радостным пением птиц и теплым ласкающим ветром, при всей своей внешней красоте таило в себе страшную тайну предстоящей гибели десятков тысяч людских жизней как с одной, так и с другой из враждующих сторон.

Гренадерский взвод, состоящий из шестидесяти человек отборных, вооруженных кроме всего основного гранатами и ножницами солдат был расположен в средней, более выдвинутой части окопов. На его долю выпала горькая честь начинать этот грандиозный прорыв в Карпаты, в осуществление которого в течение одного дня были брошены сотни тысяч людей.

В страшной томительной тишине лежала молча первая цепь в своих маленьких окопах. За густой высокой пшеницей противнику совершенно не было видно, что происходит у нас.

Наклонившись ко мне, прапорщик Семенов, простой добродушный парень, тихо сказал: «Ротный командир приказал выделить ему после прорыва для охраны двух надежных солдат. Я назначил тебя и Бурова, не забудь, если останешься цел».

Семенов ушел. Ко мне подполз Буров и наш борец, пострадавший под Черновцами за пьянку.

Здесь на обломках спичек и был решен вопрос, давно терзавший оскорбленные и униженные чувства солдат нашей злосчастной роты. Момент настал.

По беззвучному сигналу бесшумно поднялся гренадерский взвод и двинулся на свое тяжкое дело. Слегка шелестя, под ноги ложилась

высокая пшеница. Таинственная жуткая тишина продолжалась еще несколько секунд. Ее нарушал только отрывистый звук биения собственного сердца. Мысли пылали. Мутное предчувствие почти неминуемой смерти еще пока не покидало разум. Нервная дрожь пробежала по всему существу. Граната дрожала в руке. Но отдельные первые выстрелы заметившего наше движение врага сразу спутали все.

Граната в правой, а ножницы в левой — вот и все, что осталось в помутневшем сознании. Взвод прилип к земле и пополз. И вдруг все сразу затрещало, заревело. Скошенные пулеметным огнем колосья сыпались на голову, на спину. Эхо от бешеной стрельбы и разрывов бомб в буковом лесу было похоже на раскатистый, непрекращающийся небесный грохот и гром. Когда сквозь стебли пшеницы обнаружились горизонтальные нити колючей проволоки, я бросил в окоп одну за другой три бризантные гранаты. Резкий звук взрывов таких же гранат прокатился по всему атакованному нами участку. Ружейный огонь на несколько секунд почти прекратился.

Мгновенным прыжком я упал к заграждениям и, лежа на спине, с лихорадочной скоростью начал резать колючую проволоку. Обычная уверенность и разум снова вернулись ко мне. Для обеспечения дальнейшей работы я снова бросил через голову еще одну гранату, и она со страшной силой разорвалась на грани окопа, образовав густые клубы пыли. «А что же дальше?» — мелькнула страшная мысль. Но в момент массивного взрыва наших гранат встала на ноги дотоле молчавшая, готовая к бою пехота. Мощным неумолкающим взрывом «ура!» отозвалась она на призывный грохот гранат. Еще миг, и синеватая сталь вперед наклоненных штыков зловеще сверкнула по фронту и заменила собой остатки золотистой измятой пшеницы.

Снова зазвучал страшным громовым голосом молодой буковый лес. Зашипели в воздухе бомбы; их взрывы создавали столбы клубящейся пыли. Треск пулеметов стихался. Но миг был упущен противником, и наша пехота стремительно ворвалась в первую линию окопов.

Вместе со своими ребятами я спрыгнул в окоп и, несмотря на озлобление, был поражен жестокостью работы русских штыков. Но это были всего лишь секунды. Снова загремело «ура!», и живая волнуемая людская стена двинулась дальше.

Опьяненный первым успехом и кровью, я тоже бежал, кричал, стрелял на ходу, сам не соображая куда.

Вдруг впереди в 20–30 шагах отрывисто затрещал австрийский пулемет, но я продолжал бежать уже бессознательно. Кто-то над ухом

крикнул: «Ложись!» и толкнул меня в шею. Я упал и увидел рядом с собой искаженное злобой и страхом лицо Михаила Привалова. Пули, как озлобленные пчелы, засвистели над головой, и я чувствовал, как они резали на моей спине скатку шинели. Когда поток пуль отклонился в сторону, я вспомнил о последней гранате и с силой бросил ее прямо в пулемет, а сам снова припал к земле. Граната грохнула и пулемет умолк. Мы вскочили на ноги и снова бросились вперед. В десяти шагах от пулемет, лежала, уткнувшись лицом в землю, могучая, широкоплечая фигура — это был наш борец. Он был почти перерезан по груди пополам пулеметной очередью.

Соппротивление противника здесь было сломлено, серые, мышино-го цвета мундиры метались по лесу. Одни бежали, другие падали, как дрова, некоторые группами стояли у деревьев и тянули руки кверху.

Но живая ревущая и гремящая волна остановиться уже не могла и катилась без удержу, оставляя за собой на ярко-зеленой траве серые неподвижные трупы. Неудержимая атака продолжалась. Левый фланг наш оторвался от соседей и двигался вдоль отрогов гор, все шире и шире открывая свой тыл.

Буковый лес внезапно кончился. Перед нами открылась узкая лента просвета, за которым сплошной стеной растянулся невысокий густой кустарник.

Не знаю, какими судьбами я раньше других оказался на поляне и совершенно бессознательно устремился к кустам. Но в этот момент кусты зашевелились, и оттуда двинулась с винтовками на перевес густая мадыарская цепь контратакующих. Они поднимались в 3–4 метрах передо мной, их суровые и на вид покойные лица я помню до настоящего момента.

В это же время на левом фланге в тыл нашей части с гор спустилась другая группа противника.

Наша передняя цепь не приняла штыковой бой, в один миг залегла на опушке и открыла бешеный ружейный огонь по атакующим мадыарам. Последние, не выдержав огня, тоже залегли и открыли ответный огонь.

И вот здесь произошло что-то совершенно непонятное — ко мне н встречу бросился с винтовкой наперевес молодой австрийский солдат. Не сознавая, что ему нужно, я растерянно смотрел на него, но в расстоянии всего лишь полуметра от меня винтовка выпала из его рук, плечо потемнело, и по правой руке побежали красные струйки. Он начал извиваться, по-видимому, от страха и боли хватался рукой за плечо,

а по лицу текли потоки слез. Я указал ему на землю: «Ложись», но в этот момент что-то отрывисто щелкнуло, на лбу его появилось красное пятно и он грохнулся на землю. А вокруг стоял настоящий ад — во всех направлениях взвизгивали пули, грохотали гранаты. Я тоже упал на землю, один, посредине зеленой площадки. Как выяснилось позже, по цепи передали приказ отступить. Цепь быстро поднялась и покатила назад. Я вскочил и тоже бросился за ними. Над моим ухом раздался знакомый голос: «Что, австрийского штыка попробовать захотел? Скажи спасибо». Я крепко пожал руку Михея, и мы вместе, иногда отстреливаясь, бежали дальше, снова углубившись в буковый лес. Люди, потеряв взаимную связь, бежали уже кто куда попало. Среди зелени мелькали серые мундиры австрийцев и зеленые гимнастерки наших солдат.

Вдруг передо мной вырос как из-под земли блуждающий по лесу пьяный наш ротный командир прапорщик С.

— Стой, оставайся со мною, — крикнул он мне, и, по-видимому, боясь, что я убегу, пригрозил наганом.

Сзади, что-то показывая в землю, бежали на нас двое австрийцев. Я припал на колено и вскинул винтовку. Один из них тут же упал, разбросав руки, а через секунду, точно споткнувшись на что-то, упал лицом в землю второй. Все это происходило точно в тумане и было похоже на страшный длительный кошмарный сон. Но и в этот момент почти бессознательного, тупого [...] я не забыл обиду, нанесенную этим человеком моим товарищам. Вспомнил и труп перерезанного пополам пулеметным огнем нашего героя-борца.

— Гранаты где!? — заревел на меня С. и снова поднял наган. Я выбил из его руки наган и отскочил в сторону... Красное пятно вдруг стало расширяться прямо на сердце С.

— Санита.. — успел только вскрикнуть он, падая на спину; каблуки еще судорожно скользили по земле, но жизнь уже покинула этого озверелого негодяя.

Еще до начала боев мы с Михеем поменялись адресами с целью сообщить родным, если с кем-либо из нас что-либо случится. Лес, где мы бросались во все стороны, потеряв, по-видимому, ориентировку, был уже окружен со всех сторон врагом. Начался жестокий артиллерийский и бомбометный огонь. Стреляли всюду, вероятно, и наша, и австрийская артиллерия.

И вот здесь еще один момент, но уже в последний раз я увидел Михея Привалова. Что именно произошло, я не знаю, так как на этом моменте произошел провал в моем сознании.

Важность успеха в этом районе решала дальнейшее развитие успеха Брусиловского прорыва, а поэтому к подножью Карпат были подняты крупные силы в составе 3 корпусов.

Во второй половине дня наши отброшенные части, подкрепленные свежими силами, снова бросились в атаку, и стремительным ударом обеспечили полный прорыв фронта.

Когда я открыл глаза, сквозь ярко-зеленую листву виднелось синее небо, белые клочки разорванных облаков покойно плыли одно за другим.

Около меня лежало сбитое снарядом дерево и несколько изуродованных окровавленных трупов. Страшно болела голова; по временам какой-то туман застилал глаза и мысли. Смутно доносилась отдаленная беспорядочная пулеметная и ружейная стрельба; она постепенно усиливалась и нарастала. Где я находился и что произошло со мной, я так и не смог понять. Вблизи слышался шорох и треск сучьев — австрийские санитары несли мимо меня на носилках раненых. Я притаился, но звук стрельбы всё нарастал и приближался. Кое-где пробивая стволы старых деревьев, взвизгивали и шлепали пули. Показались отдельные бегущие австрийские солдаты. Вот трое из них с лихорадочной скоростью начали устанавливать пулемет. Где-то уже совсем недалеко прозвучало раскатистым эхом протяжное уверенное «ура!» Австрийцы уже бежали врассыпную, как стадо испуганного скота. Я закрыл глаза и затаил дыхание. Со всех сторон слышался топот ног, треск сучьев, непонятный гвалт и уже непрерывный свист пуль. Звуковая картина быстро менялась. Сначала невнятно слышались отдаленные звуки русской речи, возбужденные выкрики и крепкая брань. Я открыл глаза. В нескольких метрах от меня среди деревьев показался взмыленный конь. Его налитые кровью глаза блуждали в пространстве. На нем сидел помощник командира полка — полковник Рот. Сверкая в воздухе сталью своей сабли, он, повернув голову назад в иступлении кричал: «Вперед! Вперед ребята! Победа! Победа! Не отставай не отрывайся!» Измученные солдаты с воспаленными красными лицами с потеками грязного пота, с отпечатком голодной усталости, тяжело дыша, бежали, кричали, стреляли.

Сила азарта и голос победы подняли меня на ноги. Подобрал первую попавшуюся винтовку, раскачиваясь, как пьяный, от дерева к дереву, я тоже пошел вслед за бегущими солдатами. Какой-то незнакомый боец, пробегая мимо, взглянул на меня и остановился.

— Тут недалеко санитары, валяй-ка к ним, помогут, — крикнул он мне, указывая рукой назад. Но я ухватился за его плечо. Солдат,

по-видимому, сразу понял меня, и мы продолжали с ним путь в направлении общего движения вперед.

Через некоторое время между стволами деревьев замелькали полоски просвета. Лес внезапно кончился. Передо мной открылась страшная неповторимая картина массового бегства врага. Розоватые лучи клонящегося к закату солнца дымящимися потоками света заливали бесконечную безлесную равнину; и эта низменная пустынная гладь дышала неровным движением человеческих масс. Казалось, что здесь, внизу, на опушке леса, кто-то разорил огромный муравейник и обитатели его в страшном смятении двинулись в далекий нелегкий путь за поиском новых убежищ. Далеко впереди, по единственной дороге неслись, сбивая с ног людей, артиллерийские упряжки. Потоки людей колыхались, как волны потока под шквалами порывистого ветра. Дымки шрапнельных разрывов прыгали всюду над этой необъятной равниной страха и смерти. Взрывы фугасов вздымали к небу черные столбы смешанной с огнем земли, прыжками бросались по дымящейся пылью дороге. Обозные и артиллерийские лошади шарахались, падали. Орудия, кухни, телеги опрокидывались, летели в канавы.

И вдруг вся эта масса как будто вздрогнула в последней предсмертной судороге — справа появилась наша кавалерия. Широкий, плотный строй ее неудержимо врезался в серую массу солдатских мундиров.

Но напряжения моих нервов уже больше не хватало мне. Вид человеческого ужаса и гибели лишил меня последних сил, и я опустился на землю. Какой-то солдат или санитар перевязал мне распухшую голову и усадил на носилки. Лицо лежавшего в них человека показалось очень знакомым. Я заглянул в него и встретился с болезненным улыбающимся взглядом прапорщика Семенова — нашего взводного офицера. Оказалось, что он был ранен в обе ноги еще в конце первой, неудачной атаки. Как раз у того места, где хотел заколоть меня молодой ретивый австриец. Семенов, раненый, остался в плену и вот сейчас был отбит при повторной атаке. Его понесли на носилках, но я, верный закону солдата — никогда не бросать винтовку и держаться на своих ногах, пока хватает сил, встал с носилок и пошел сам вслед за носилками Семенова.

В госпитале от раненого солдата своей роты я узнал, что Михей Привалов был тяжело ранен в плечо во время первой атаки и отправлен в тыл.

А из нашего гренадерского взвода, что начинал прорыв в Карпаты, остался жив только я да добрый Михеюшка Привалов.

В этот же вечер я доложил командиру нашего батальона подполковнику Распопову о гибели ротного командира прапорщика С. Подполковник прослезился, но эти слезы сразу охладили во мне некоторое чувство уважения к этому человеку.

Как я узнал впоследствии, Михай Привалов был свидетелем моей контузии в затылок, по-видимому, осколком разбитого снарядом дерева. Далее после ранения Михай из госпиталя сообщил моей матери о смерти сына.

На Коломью

Свежие части русских войск в этот же день включились в общее наступление и продолжали преследовать противника в направлении г. Коломья.

После дневного отдыха наш полк в резерве двинулся в том же направлении. На закате солнца жар быстро спал. Обильная роса легла на пыльную дорогу и освежила воздух, деревья и травы. Я ехал в санитарной кибитке, т. к. голова моя болела и по временам немного путалось сознание.

Ночь была тихая, звездная, и если бы не далекие, почти беззвучные вспышки разрывов, похожих на пламя вечерних зарниц, на неяркий бледно-зеленый свет невидимых ракет, то можно было думать, что события вчерашнего дня — это только тяжелый кошмарный сон, а жизнь так же прекрасна, как это самое усеянное горящими звездами небо.

Солдаты шли быстро и молча. Кое-где на пути попадались селения. В окнах домиков не было света, и ни одно живое существо не проявляло признаков жизни.

Небольшие привалы иногда нарушали это безмолвное решительное шествие. Слышались сдержанные голоса, и появлялись блуждающие красные точки солдатских сигарок. Потом дорога снова оживала, сначала неровно, неуверенно раскачивалась и двигалась сонным человеческим потоком. Я несколько раз засыпал и снова просыпался, а перед самым рассветом вылез из кибитки и пошел за ней, держась рукой за заднюю перекладину.

Предрассветный ветерок слегка коснулся вершин молодых буков, и они робко зашелестели по сторонам дороги, освеженные чистой алмазной росой. Небольшой перелесок кончился, и навстречу живому потоку двинулся алый рассвет. По обе стороны дороги начали попадаться разбитые обозные телеги, зарядные ящики, перевернутые кверху

зубастыми разбитыми колесами. Кое-где у обочин дороги в поле лежали серые пятна солдатских безжизненных тел. Краски этой картины начали постепенно сгущаться.

Здесь, по-видимому, была ликвидирована неудачная австрийская контратака или просто достигнута и разгромлена какая-либо поздно выбравшаяся на дорогу воинская часть. Слева у дороги над холмиками могил и разнообразными крестами и памятниками виднелись группы развесистых ярко-зеленых деревьев. Чем ближе подходили мы к кладбищу, число трупов увеличивалось. Местами тела лежали группами, зеленые лица убитых возбуждали невольную нервную дрожь.

Далеко впереди, проходя мимо крайнего памятника, людская волна колыхалась и головы всех поворачивались влево. Вскоре и я поравнялся с тем же зловеще зияющим мрамором и вздрогнул невольно, пораженный ужасной картиной. По обе стороны памятника стояли два рослых солдата, два невольных свирепых врага. Штыки их винтовок вонзились взаимно в широкие груди того и другого. Винтовки опирались на мрамор креста, а потемневшие лица повисли на грудь, как будто были внезапно застигнуты непреодолимым глубоким сном.

Радостный розовый луч восходящего солнца, несущий отраду и жизнь всему миру, невольно, взглянув на эту страшную дикую картину, казалось, померк, негодуя, и скрылся в туманное облако ускользящей ночи.

Мои еще не окрепшие нервы вызвали сильный прилив крови к больной голове, и, чтобы устоять на ногах, я схватился за кибитку двумя руками и, закрыв глаза, пошел, не оглядываясь, мимо страшного кладбища.

В Коломые было совершенно пусто — население ушло или спряталось по лесам.

НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В МАРТЕ 1917 г. Из записок военного врача В. П. КРАВКОВА

Приводимый ниже отрывок взят из фронтового дневника действительного статского советника Василия Павловича Кравкова (1859–1920), занимавшего в 1916–1917 гг. должность корпусного врача 7-го Сибирского армейского корпуса. В марте 1917 г. штаб корпуса располагался в местечке Завалов на территории австрийской Галиции (ныне Подгаецкий район Тернопольской области Украины). В это время автору дневника удалось зафиксировать реакцию в войсках на первые известия о Февральской революции в Петрограде.

Фрагмент воспроизводится по рукописному оригиналу (РГБ, НИОР, ф. 140, к. 7, ед. 11, л. 11 об.—25) с незначительными сокращениями и публикуется впервые.

Публикация кандидата исторических наук М. А. Российского

1 марта. Дождит, с гор потоки. Ночью опять ожесточенная канонада; немцы атаковали на этот раз соседний наш справа 41-й корпус. Пускают убийственные газы, взрывают какие-то там горны, камуфлеты... Более или менее точные сведения о наших потерях людьми надеюсь получить сегодня-завтра; должны быть большими. Позиции свои мы будто бы в конце концов удержали и восстановили свое прежнее положение, забравши в плен всего-навсего двух немцев, и то одного из них тяжело раненного!

Вообще в штабе бравурно-хвастливого настроения победителей не замечается, стараются скрытничать и замалчивать. Без сомнения, в донесениях в армию постараются по принятому обычаю елико возможно передернуть карты в выгодную для себя сторону. Начдивы почтеннейшие Оссовский¹ и Архипович² (первому ужасно надоела батальная канитель, а второй, кроме того, и сильно устал) с нетерпением жаждут уйти из этой «грязной истории»; «комкор» же Ступин³ просил продлить

¹ Оссовский Петр Степанович (1860–?) — генерал-майор (1915), начальник 13-й Сибирской стрелковой дивизии в 1916–1917 гг.

² Архипович Николай Георгиевич (1869–?) — генерал-майор (1915), начальник 12-й Сибирской стрелковой дивизии в 1916–1917 гг.

³ Ступин Георгий Владимирович (1860–?) — генерал-лейтенант (1916), командир 7-го Сибирского корпуса в октябре 1916 — апреле 1917 г. В апреле-ав-

себе отпуск для лечения в Киеве до 15 марта. Мне так понятна психология и тактика этих трех весьма уважаемых мной военачальников, не желающих портить себе в дальнейшем репутации, хотя и по не зависящим от них обстоятельствам, подобно тому как опытные и хорошие врачи, оберегая свое *renomé*⁴, всячески стараются улизнуть от безнадежного больного, ч[то]б[ы] только он не умер у них на руках!

[...]

Пришел секретный приказ с фронта с воззванием к солдатам, к их патриотическим чувствам по поводу того, что-де в Петрограде и др[угих] городах внутренней Руси «проливается кровь» и т. д. Приводятся в нем сообщения о возникших забастовках и волнениях. Это обстоятельство и для высших-то чинов в передовом районе было некоторой неожиданностью, объявить же о нем солдатам значило бы подлить масла в огонь... Хотя немного, может быть, поздновато, но одумались и спохватились, что-де не ладно теперь открывать глаза воинам на совершившееся там, в тылу, скверное дело, а потому решили пробить телеграфно отбой: приказу сему не давать дальше никакого движения и даже изничтожить.

Передают, что в Петрограде кровопролитие было большое — действовали славные казаки с жандармами, забастовали в нем все заводы. Так крепкая наша власть бесстрашно и мужественно идет вперед... по пути государственного разрушения! Не поздно ли уж будет, если бы теперь политика бесчестного самодержавства пошла на те уступки обществу, к[ото]рыми последняя раньше и была бы, может быть, удовлетворена. Наши благородные союзники, кажется, вправе были бы вызвать теперь к барьеру русское правительство за грубую измену их общему делу.

Мне кажется, что в настоящее время каждая, даже самая маленькая вещь у нас намагничена политикой...

В занимаемых нами районах идет недурная охота на кабанов, коз, лисиц и зайцев.

2 марта. Снеготаяние; погода слякотная. У штабных офицеров идут почти ежедневно поочередно банкеты с усиленным жратвом и возлиянием Бахусу. На нек[ото]рые из них иногда приглашаюсь и я.

[...]

густе 1917 г. командовал 9-й армией, был уволен от службы в октябре 1917 г. В 1918 г. служил в армии Украинской державы.

⁴ реноме, репутация (фр.).

Беседовал с «наштакор⁵» по поводу странной телеграммы с фронта с обращением к солдатам по поводу происшедших событий в Петрограде. По всему видно, что события имели грандиозный характер, что заставили так растеряться и штаб фронта, и штаб армии, ч[то]б[ы] сломать такого большого дурака посылкой столь опрометчиво-легкомысленной телеграммы. *Quem Deus decipi vult — dementat!*⁶ Телеграмму эту, могущую служить интересным историческим документом, приказано сжечь при особой комиссии!!⁷ С целью смягчить содержание этой знаменитой телеграммы ночью пришла новая, пояснительная, что-де убитых в Петрограде было всего лишь двое, а раненых десять человек! В связи с событиями в Петрограде стоит, очевидно, и назначение бывшего главнок[омандующ]его Юго-Западн[ым] фр[онтом] Николая Иудовича Иванова⁸ чем-то вроде диктатора, к[ото]рому должны подчиняться все министры.

Потери у нас в корпусе за 28 февраля простираются до 800 человек, из них больше двух сотен полонены турко-германцами, у нас же не оказалось ни единого пленного! Приятные перспективы: ожидается удар немцев на рижский фронт, и тогда обязательно наш корпус будет переброшен туда; все мы с превеликой радостью поедем под очаровательную Ригу, штаб же армии весьма охотно расстанется с нашим корпусом, так много причинившим ему огорчений своей неудачливостью.

Из земских начальников Байдак второй день продолжает вселенскую выпивку у себя со штабной братией; после обеда затащил меня к себе в компанию; все были пьяно-распьяны; чуть не насильно хотели и меня опоить, но я, слава Богу, в этом отношении пребываю все тем же несокрушимым адамантом; выпивши бокальчик белого вина, через

⁵ Имеется в виду Степанов Федор Васильевич (1871–1917) — генерал-майор (1914), начальник штаба 7-го Сибирского армейского корпуса с мая 1916 по апрель 1917 г. Весной 1917 г. был назначен комендантом Выборгской крепости. В августе 1917 г. после подавления выступления Л. Г. Корнилова был арестован постановлением Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов по подозрению в сочувствии последнему. Вскоре после ареста был выведен из гауптвахты толпой солдат, подвергнут издевательствам и убит (брошен в залив).

⁶ Кого Бог хочет обмануть — лишает разума! (лат.).

⁷ В курсе дела стоит, между прочим, [офицер] штаба — серьезный господин прапорщик Паршевский. — Прим. авт.

⁸ Иванов Николай Иудович (1851–1919) — генерал от артиллерии (1908), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта в 1914–1916 гг. Член Государственного совета (1916).

½ часа ушел, вернее — вырвался из этой теплой компании «расплюевцев», отговорившись срочными делами, дикими криками заверяемый, что-де они меня очень любят. Земский начальник, к[ото]рый, вероятно, скоро поедет восвояси спасать бунтующую Россию, с чувством удовлетворения сообщил мне, что я очень понравился его денщику из латышей, высказавшему ему, что «его превосход[ительств]о корпусной врач у нас такой хороший да пригожий — никого не обидит...» В последнем «серая скотинушка» не ошибается: я это давно знаю и вполне покоен за то, что наши солдаты меня никогда штыками своими не приколуют, за что не ручаюсь в отношении большинства штабных офицеров, так развязно плюющих в душу им «вверенных»...

[...]

По донесениям мне, число газоотравленных все увеличивается. Но это, я думаю, лишь цветочки, а что будет с наступлением лета — увидим тогда и ягодки! Испытываю какое-то тупое чувство обреченности.

3 марта. Ночь прошла тихо; с вечера повалил мокрый снег, к утру же сегодня немного подморозило, и земля опять под сплошным белым покрывалом.

[...]

Вечером распространились между офицерством слухи, что в Петрограде образовалось Временное правительство, во главе его поставлен Родзянко⁹, что *rex*¹⁰ отказался от престола, Протопопов¹¹ — ранен, что расстреливать мирных жителей в Петрограде войска отказались, а усердствовали в этом отношении лишь казачки наши да утирающая слезы жандармерия. 26 и 27 февраля почти все газеты, кроме рептильных, не выходили. Без крутого переворота не жду я никакого облегчения для страждущей Руси, а в ней еще так много инертных, невежественных, могущих только быть в роли слепого орудия у всякого случайного гипнотизера сгноенных вековым гнетом рабов!..

Офицерство штабное продолжает бессмысленно, необузданно пить и жрать; как незначителен их духовный багаж и как могучи их утробы!

⁹ Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — лидер партии октябристов, действительный статский советник (1906), гофмейстер (1899), председатель III и IV Государственных дум (1907–1917).

¹⁰ царь (лат.).

¹¹ Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — действительный статский советник (1912), министр внутренних дел в 1916–1917 гг.

К какой стороне эти витязи прильнут в случае переворота? Несомненно, что к той, к[ото]рая в их мнении будет физически сильной! И где лично будет выгодней!

Стекается в лечебные заведения много солдатиков, по обывательской мерке — «лодырей», жалующихся на отравление газами безо всяких объективных на то симптомов, но в сущности больных тем, что искренне мнят себя газоотравленными. Сделал по сему вопросу надлежащее внушение коллегам, ч[то]б[ы] они обращались с этой категорией «симулянтов» поосторожнее и психологичнее.

4 марта. Голубой денек; солнышко так хорошо припекает. Мечтается о светлой поре беззаботной юности.

11 час[ов] утра; хотел продолжать свою летопись, как, запыхавшись от радостного волнения, прибегает ко мне д-р Толченев с сообщением о происшедшем в Петрограде настоящем *coup d'etat*¹² — об образовании ответственного министерства, кроме того — о назначении вновь Верховным главнок[омандующ]им Николая Николаевича. Бросивши все, побежал справиться к наштакор, к[ото]рый подтвердил, что это так и есть, что ночью об этом пришла телеграмма с фронта, к[ото]рая теперь перепечатывается в тысячах экземплярах для рассылки в войска. Очевидно, что произошли в Петрограде слишком грандиозные события, позволившие схватить, наконец, за жабры *rex'a*¹³, ч[то]б[ы] он решился на радикальный шаг. Он действительно отказался было от престола, но вследствие осложнения вопроса из-за престолонаследства ему предложили пока не рыпаться и оставаться на своем троне. Только министерский кабинет образован весь из народных избранников! Ура! Ура! Я от неожиданной радости не могу писать: дрожат руки, не нахожу себе места, ничем не могу заниматься... Весна, политическая весна для России! Теперь, думается мне, не нужны будут пулеметы в России, к[ото]рые расставлены были там по каждому участку; теперь их можно будет везти сюда, на фронт, а с ними и всю неустрашимую нашу полицию! Князя Львовы¹⁴, Милюков¹⁵,

¹² государственном перевороте (фр.).

¹³ царя (лат.).

¹⁴ Видимо, имеются в виду князь Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — член I Государственной думы (1906), министр-председатель Временного правительства в марте-июле 1917 г., и Львов Николай Николаевич (1867–1944) — член I, III и IV Государственных дум в 1906 и 1907–1917 гг.

¹⁵ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — один из лидеров кадетской партии, председатель ее ЦК с 1907 г., член I, III и IV Государственных дум

Керенский¹⁶, Мануйлов¹⁷, Терещенко¹⁸, Шингарев¹⁹, Годнев²⁰, Гучков²¹, Коновалов²², Некрасов²³ — вот истинные наши народные министры!.. Ура!.. Ура!..

Готов кувыркаться! Все мы ходим теперь именинниками. Теперь можно сказать, что «слава Богу, у нас имеется даже парламент». Полицейски-приказной режим, постыдно сгнивши, рушился. Пролилось много крови, ч[то]б[ы] раздавить эту гнусную гадину; теперь всякий из нас будет проливать кровь уже с определенным сознанием — за матушку-родину! *Rex*'а²⁴ же — Господь с ним, пусть продолжает его охранять единственный из оставленных прежних министров — Фреде-

в 1906–1917 гг., в марте-мае 1917 г. занимал пост министра иностранных дел Временного правительства.

¹⁶ Керенский Александр Федорович (1881–1970) — член IV Государственной думы в 1912–1917 гг., лидер фракции «трудовиков», в марте-апреле 1917 г. — министр юстиции, в апреле-сентябре 1917 г. — военный и морской министр, в июле-октябре 1917 г. — министр-председатель Временного правительства.

¹⁷ Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) — ученый-экономист, член ЦК кадетской партии в 1907–1914 гг., министр народного просвещения Временного правительства в марте-июле 1917 г.

¹⁸ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — крупный предприниматель, общественный деятель. Министр финансов (в марте-мае 1917 г.), министр иностранных дел (в мае-октябре 1917 г.) Временного правительства.

¹⁹ Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) — общественный деятель, член II, III и IV Государственных дум, в 1907–1918 гг. входил в состав ЦК кадетской партии.

²⁰ Годнев Иван Васильевич (1854–1919) — член I, III и IV Государственных дум в 1906 и 1907–1917 гг., Государственный контролер в марте-июле 1917 г.

²¹ Гучков Александр Иванович (1862–1936) — лидер партии «Союз 17 октября», председатель III Государственной думы (1910–1911), член Государственного совета в 1907 и 1915–1917 гг. С марта по май 1917 г. — военный и морской министр Временного правительства.

²² Коновалов Александр Иванович (1875–1949) — член IV Государственной думы в 1912–1917 гг., министр торговли и промышленности Временного правительства в марте-мае и в сентябре-октябре 1917 г.

²³ Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — член ЦК кадетской партии в 1909–1915 гг., член III и IV Государственных дум в 1907–1917 гг. Министр путей сообщения (с марта по июль 1917 г.) и финансов (с августа по сентябрь 1917 г.) Временного правительства.

²⁴ царя (лат.).

рикс²⁵, мы против этого ничего не имеем. Молодежь наша за обедом смело заявляла, что-де пусть он остается, пока его не повесят! Не будет теперь правительства из разбойной банды!

Немцы сегодня утром вывесили пред нашими окопами большие плакаты, гласившие: «Всех ваших министров посадили в тюрьму и повесили!» С течением времени последовательно было бы приняться за обновление нашей военной бюрократии, представляющей собой точный слепок с только что рухнувшей гражданской власти со всеми ее замашками, навывками и язвами. Вечная память и царствие небесное недавно убиенным в Петрограде, ценой своей жизни двигавшим ответственное министерство, и да благословит Бог труды нашей новой власти, принявшей на рамена свои, скрепя сердце, тяжелое бремя — из хаоса создать в короткое время порядок. Спасибо японцам, даровавшим нам Госуд[арственную] думу, немцам же спасибо — за дарование парламентаризма!

Русь-матушка демократизируется. Интересны теперь будут газеты. Интересен вообще исторический момент. Керенский — «трудовик», к[ото]рого недавно только Протопопов решил привлечь к ответственности за произнесенную им речь в Госуд[арственной] думе по 102 ст[атье] Угол[овного] уложения... Керенский теперь министр!! Какой-то сон... Темные реакционные смрадные тучи должны теперь рассеяться; черви, развившиеся в загнившем государственном организме, должны подохнуть... «яко тает воск от лица огня»...

Мой милый собеседник официант Егор высказался, что-де теперь «христианам-то будет получше, а господам, пожалуй, похужей». Ночью ожидается получение из штаба армии большущего манифеста, подлежащего распубликованию; кто знает, может быть, что скомпрометированный наш теперешний «самодержец» совершит благоразумный акт, если откажется от престола. «По несоответствию» должен быть «отчислен в резерв чинов», только какого округа? Самое бы лучшее — на французский фронт! Завтра узнаем. А какой чудный момент для «самодержца» представлялся 6 декабря, если бы он добровольно «даровал» то, что принужден был даровать теперь! История бы увенчала его ореолом славы!

Отмечаю, что Николай Николаевич пользуется среди нижних чинов и офицерских (не высшего ранга!) большой популярностью.

²⁵ Фредерикс Борис Владимирович (1838–1927) — граф (1913), генерал от инфантерии (1913), генерал-адъютант (1896), министр императорского двора в 1897–1917 гг.

Я лично признаю в нем лишь силу воли и решительность, но никак не силу разума и стратегических талантов, как бы он ни «осеял себя крестным знамением»!

5 марта. От нервной взбудораженности вследствие свершившихся грандиозных событий плохо спал ночью; все мерещилась радостная картина: «На Святой Руси петухи поют — скоро будет день на Святой Руси!..» Хожу с припрыгиванием от радости.

До самого почти вечера ожидали получения приказа с высочайшим манифестом. «Самодержец» действительно отказался от престола... Предстоит всенародное голосование, и в Учредительном собрании установят образ правления и новые основные законы. О, Боже мой, прямо кружится голова от тех великих событий, пред лицом коих приходится теперь стоять. Боюсь смуты в том отношении, что во всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании не может в настоящее время принимать участие та масса людей, к[ото]рая теперь на театре военных действий; создается таким образом почва для мощных агитаций с крайнего левого или правого фланга. Как красиво звучит выражение в манифесте: «...Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа!» Значил, легко может случиться, что в скором времени может быть у нас объявлена и республика?! Страшно подумать. Довольно было бы *пока* и одного парламентаризма!

Войсковые начальники побаиваются до окончательн[ого] выяснения, какому Богу молиться, могущих быть среди нижних чинов эксцесов. Священники наши в недоумении, кого им теперь в церкви помянуть... Пока приказано ограничиться формулой «правительствующий синклит и христоролюбивое воинство». Можно ли петь теперь «Спаси, Господи, люди твоя» и т. д.? Ничего не известно...

Передают, что Штюрмер²⁶, Горемыкин²⁷, Протопопов, Щегловитов²⁸ и многие из деятелей мрачной эпохи — кто арестован, а кто

²⁶ Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) — действительный статский советник (1891), обер-камергер (1916), министр внутренних дел с марта по июль 1916 г., председатель Совета министров с января по ноябрь 1916 г.

²⁷ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) — действительный тайный советник (1896), председатель Совета министров в 1906 и 1914–1916 гг. Действительный тайный советник 1-го класса (1916).

²⁸ Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) — министр юстиции в 1906–1915 гг., председатель Государственного совета в январе-феврале 1917 г.

убит²⁹. Офицерство во всех падежах ликующе склоняет слова «свобода» и «гражданин»... Цены будто бы на многие продукты в России уже значительно пали! Каждый теперь должен ближе чувствовать интересы своей родины [и иметь] больше готовности жертвовать собой ради только [н]ее, а не каких-то идолищ поганых. То, чего добилаась теперь, наконец, исстрадавшаяся, измученная наша Русь, даже если бы и проиграна была кампания — все же останется выше всяких побед на поле брани: лучше не владеть *Константинополем*, да иметь приличный образ правления, чем с *Константинополем*, да остаться при бухарском «самодержавии»! Земли у нас и без того много, неисчерпаемые источники природных богатств — дайте теперь только свободу жить каждому!

Немцы сегодня утром выставили новый плакат: «Царь отставлен...» Третий день не получаем ни московских, ни петроград[ских] газет; «Киевская мысль» второй день (1-го и 2-го числа) выходит на полулист тощего содержания.

Мне жаль Николашу³⁰ как частное лицо, но как лицу, обличенному дискреционным, ответственным «noblesse...»³¹ ему теперь бы подбало занять место рядом с Сухомлиновым³² и проч. государственными изменниками — с его супругой! Сколько за его царствование погублено было жизней лучших людей земли русской!! Будет актом большой справедливости, если бы их постигла судьба Людовика и Марии-Антуанетты³³! Им слишком много было дано, ч[то]б[ы] многое с них и взыскать.

6 марта. Плохо спал... Чувствую себя живущим в какой-то фантазмагории всего совершающегося теперь в России. Вышло так неожиданно гладко, операция отсечения гангренозного нароста — разыграна,

²⁹ Выпущены шлиссельбуржцы, дана свобода «во глубине сибирских руд хранящим гордое терпенье»... — Прим. авт.

³⁰ Имеется в виду Николай II (1868–1918) — император Всероссийский в 1894–1918 гг.

³¹ *noblesse oblige* (фр.) — положение обязывает.

³² Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — генерал от кавалерии (1906), генерал-адъютант (1912), в 1909–1915 гг. занимал должность военного министра.

³³ Людовик XVI (1754–1793) и Мария-Антуанетта (1755–1793) — король и королева Франции в 1774–1792 гг., после Великой французской революции были казнены на гильотине.

по-видимому, к[а]к по клавишам на рояле... Хвала и честь нашим народным избранникам! Мы теперь как будто вылезли из говенной ямы, повымылись и надели чистенькое белье. Созданная обстановка позволяет каждому сладко чувствовать себя — граж-да-ни-ном! К сожалению, еще очень и очень многие не понимают в полном объеме драгоценного значения этого золотого слова: слишком уж еще глубоко въелась в их организм эта смрадная, смердящая протрава свергнутого режима. Россия теперь сделалась для меня вдвойне дорогим отечеством, не хочу я теперь экспатрироваться; теперь я искренне и от всей души желаю ей всяких побед и одолений над германцами, и буду в этом видеть торжество демократизма над абсолютизмом. С нами Бог! Самый могучий и страшный внутренний враг России сражен, остается — лишь внешний; борьба значительно облегчилась. Ура! Каким-то кошмаром представляется картина проклятого прошлого, это — история многодесятилетней войны русского народа и общества с «императорским» правительством и всей царской бандой, чувствовавшими себя экстерриториальными, самовластными чего-их-нога-хочет расправителями-мародерами над несчастной страной. Говорят, что в числе властной сволочи арестован и смиренный каверзник Питирим³⁴... Арестованы будто бы вся жандармерия и полиция... «Охранные» дела сожжены... Теперь против германцев можно организовать могучую ударную группу человек эдак в 200–300 тысяч из оставшихся для внутренней России в ненадобности всяких урядников, стражников, полициантов, охранников, жандармерии. Не будет теперь в России «крамольников»; разве только поползет придавленная теперь гидра черносотенников, да и она, пожалуй, увидевши, что ей некому теперь служить, — сгинет, Бог даст, естественной смертью. Ура! Ура! Ура!

Весьма разное и своеобразное воспринимают смысл манифестов наши солдатики... Много еще темноты в серой массе. Передают, что кто-то из мужичков так выразился с сокрушением сердца, что-де был среди нас настоящий человек, к[ото]рый достиг до престола (разумеется — Распутин!), да и того-де убили!!! Среди «землячков» курсируют слухи, будто какая-то гимназистка уже убила Вильгельма³⁵! Из окопов немцы кричат: «Нет у вас царя!» Им на это с руганью отвечают наши:

³⁴ Питирим /Оков/ (1858–1920) — митрополит Петроградский и Ладужский в 1915–1917 гг.

³⁵ Вильгельм II (1859–1941) — германский император и король Пруссии в 1888–1918 гг.

«Ничего, зато есть у нас Николай Николаевич³⁶! А если его не будет, то выберем своего, еще лучшего!»

После обеда получена была трепетно ожидавшаяся почта из Киева с №№ «Киевской мысли» от 3 марта. Московские газеты — от 27 февраля, а петроградских не приходило. Читаешь — и глазам не веришь: какая-то фантастическая история из «Тысячи и одной ночи»... Какое Кирилл Владимирович³⁷?! А преинтересно, воображаю, это зрелище зверинца, к[ото]рый представляют теперь заарестованные и заключенные вкуче все эти государственные нигилисты и мародеры: Горемыкин, Штюмер, Щегловитов и проч. сволочь.

Пошли, Господи, поскорее создать условия, при к[ото]рых старая бухарская власть со своими прислужниками не могла бы более возвратиться к жизни. Во весь ход надо пустить «Гелиосы»!..

Запрещены как отпуска, так и командировки в Петроград офицерским и нижним чинам на неопределенное время; в другие же города — пока в силе последнее распоряжение: командировки допускаются, а отпуск лишь с 15 марта (если опять не отсрочат).

7 марта. Какая красота, какое благородство, что великий князь Михаил Александр[ович]³⁸ отсрочил свое согласие на престол до решения Учредительного собрания на основании общего голосования! Я все сомневаюсь, созрела ли масса к восприятию республиканского режима; боюсь, как бы не случилось того, что бывает с человеком, к[ото]рого из глубокого кессона, из-под давления нескольких атмосфер *сразу* вытащить на вольный воздух: как бы не лопнули у него кровеносные сосуды!.. На эту тему я разговаривал с моим Егором, и он уверяет меня, что народ не будет тосковать по царизму, и все так думают-де его товарищи-солдатики. Теперь здесь и все галичане говорят, что в настоящее

³⁶ Николай Николаевич (1856–1929) — великий князь, генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1904), Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи с августа 1914 г., с августа 1915 до марта 1917 г. был наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказским фронтом.

³⁷ Кирилл Владимирович (1876–1938) — великий князь, контр-адмирал (1915), командир Гвардейского экипажа в 1915–1917 гг. В дни Февральской революции 1917 г. признал власть Государственной думы.

³⁸ Михаил Александрович (1878–1918) — великий князь, младший брат императора Николая II. Генерал-лейтенант (1916), генерал-адъютант (1916), член Государственного совета в 1901–1917 гг.

время они согласны перейти в подданство российской державы! Новый режим, хотя и не без больших трений, должен будет воспитать из имеющих еще у нас дикарей — настоящих граждан великой российской республики. Мне все кажется, что для этого в настоящий момент мало еще у нас органических предпосылок, ч[то]б[ы] сразу шагнуть на республику³⁹; и за то надо благодарить Создателя, если будет у нас тот порядок, как в Англии! Мой Егор (а он — лишь собирательное лицо!) здраво по-своему рассуждает, что уж много у нас до последнего времени расходовалось и сил, и энергии, и материальных средств на поддержание и украшение пресловутого престола и «помазанников»⁴⁰ в ущерб живым силам страны. Все как будто прозрели, всем как будто совестно, что они до сих пор терпели и жили в такой сумбурной нелепости, в служении самодовлеющему самодержавию. Не должно быть теперь архаического, бессмысленного лозунга «За царя!»; теперь надо кричать «За родину и за народ!» Так хочется теперь жить и дожить до окончательного устройства человеческих отношений на Руси!

Есть еще мастодонты у нас в штабе — из земских начальников, полиции, да и сам «наштакор», к[ото]рые недовольны (скрыто, конечно) всем случившимся. «Наштакор» даже злопыхательно набросился на солдата, читавшего последние известия в «Киевской мысли», стараясь вразумить его, что-де за «эту свободу» он еще может «всех этих подлецов» перевешать! Должен отметить, что сей муж, как и все жестокие дикари, первогильдейный трусишка!

Вчера получено известие, что Штюрмер — подох! Поторопился, очевидно, сам прикончить с собой, не дожидаясь, когда бы на него набросили столыпинский (никалаевский тож) галстук! О, Боже, как все идет пока хорошо!

К обеденному времени получены были киевские газеты от 4 марта. Сплошное очарование! Керенский рассылает циркуляры и подписывается: «Член Госуд[арственной] думы, министр юстиции гражданин К[еренский]». Только странно, что в газете имеются еще лысины; или не хотят нас, граждан, сразу сильно накаливать, а лишь постепенно, как производят заковку стали?! Как бы то ни было, но на гнусном самодержавии вбит осиновый кол, и навеки вечные! Только насчет республики все же таки следовало поощрять: уж больно мы еще в массе готтеноты!

³⁹ Не надо ли еще предварительно немного подрасти? — Прим. авт.

⁴⁰ Со всей опричниной! — Прим. авт.

Офицерство из кадровых держиморд и военной аристократии с плохо скрываемой злобой взирает на предстоящую необходимость обращения с солдатами как с людьми. Настроение солдат — превосходное; многие из лежащих в лечебных заведениях просятся на выписку, говоря, что они теперь знают, ради чего им придется жертвовать собой. Егор мой, подавая мне к чаю мягкую белую булку, заметил, что-де сразу, ваше-ство, стало лучше!..

Выехавший из Петрограда, вернее — в паническом страхе бежавший оттуда 2 марта саперный наш офицер Петров передает большие ужасы, совершившиеся там последние дни; уверяет, что почти все офицеры, жившие в гостинице «Астория» были перебиты (до нескольких сот!); всех же жертв до 30 тысяч!

С умилением читаю, как распоряжением «министра юстиции гражданина Керенского» выпускаются теперь борцы за свободу из всех узилиц и «из глубины сибирских руд». Попы в смущении, как им теперь вести богослужение, чуть ли не на $\frac{3}{4}$ состоящее в молениях о самодержавнейших и благочестивейших!! Говорят, митрополит Макарий⁴¹ ответил попам: молитесь-де как знаете...

8 марта. Все мы поглощены захватывающим интересом совершающихся на Руси событий; толпимся спозаранку у канцелярии штаба и с нетерпением ожидаем приходящей почты. Только что получена телеграмма от «военного министра Гучкова», реформирующая форму официальных обращений офицерства к солдатам и солдат к офицерству; приказывается отныне называть солдата на «вы» и проч.; для меня лично переход к отношениям мне подчиненных лиц на основании «прав человека и гражданина» совершается не только безболезненно, но даже незаметно: каков был я всегда раньше к ним, таковым я остаюсь и теперь согласно нового правопорядка; не та реакция к этим новшествам — преимущественно к обязанности «выкататься», а не «тыкаться» с солдатом — у гг. офицеров кадрового состава, чувствующих себя в самом затруднительном положении перед вопросом, как это они теперь не только не могут позволить себе какого-либо Фильку обложить по матушке⁴², но даже и назвать его на «ты». По моему убеждению, с распоряжением (да еще телеграммой!) о «выканье» с солдата-

⁴¹ Макарий /Невский/ (1835–1926) — митрополит Московский и Коломенский в 1912–1917 гг.

⁴² А тем более «дать в морду»! — Прим. авт.

ми слишком поспешили; уж не настолько этот вопрос существенный и первоочередный; но видно здесь давление оттуда, из Питера, со стороны сознательных партий рабочих. Я советовал офицерам, не могущим солдату говорить «ты», самое лучшее — выпить с ним на брудершафт!!

Мои генералы Степанов и Ивашинцев⁴³ уж очень недовольны переменной режима; не думаю, ч[то]б[ы] таким же оказался и «комкор», к[ото]рый должен скоро прибыть из Киева⁴⁴.

Незаметно, ч[то]б[ы] солдатики тосковали по отсутствию царя; видно «совсем наоборот». Никак не ожидал я, ч[то]б[ы] идея царизма так слабо держалась в народе. Несомненное здесь влияние 1905 г., особенно же — распутинской эпопеи и прочих императорских nepотребств. История скажет больше спасибо «Григорию Ефимовичу»⁴⁵, что он так ускорил падение ненавистного России режима! Нет теперь проклятого «припадания к стопам» и «повержения к стопам»!..

Очень хорошо, что Учредительное собрание отложено до окончания войны, когда можно будет установить новый плебисцит. Относительно вводимого обращения к солдатам на «вы» многие из них мне говорили, что это нисколько не должно отразиться на подрыве дисциплины; найдутся-де, пожалуй, «вислоухие», но им-де разъяснят более развитые товарищи. Дай Бог! К окончанию войны, мне думается, что народная мысль достаточно будет подготовлена и к вотированию республиканского режима. Сразу-то он и мне показался страшным! Солдатики говорят, что-де теперь, если мы и вперед не пойдем на германцев, то, во всяком случае, удержимся в своих позициях. Пошли, Господи! Уж очень, между прочим, понравилось солдатам сообщение в газетах, как Курлов⁴⁶, с целью скрыться, переделся в прачку!

⁴³ Ивашинцев Николай Васильевич (1872–1933) — генерал-лейтенант (1916), с февраля 1917 г. занимал должность инспектора артиллерии 7-го Сибирского армейского корпуса.

⁴⁴ Я сразу почувствовал, что мы с ним ведь из плебеев! — Прим. авт.

⁴⁵ Имеется в виду Г. Е. Распутин.

⁴⁶ Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) — генерал-лейтенант (1910), в 1909–1911 гг. командовал Отдельным корпусом жандармов, был уволен после убийства П. А. Столыпина. В 1914 г. был возвращен на службу. С октября 1916 по январь 1917 г. занимал должность товарища министра внутренних дел. После Февральской революции 1917 г. содержался под арестом в Петропавловской крепости, с октября 1917 г. находился под домашним арестом. В августе 1918 г. бежал за границу.

В свое время, вероятно, приступят к ликвидации кабинетских и удельных земель. Взяли под надзор и [великую] княгиню Елизавету Федоровну⁴⁷, эту «смирненную» инокиню, распределявшую ответственные служебн[ые] должности своим прихвостням-холопам.

[...]

9 марта. Тепло, сыро, быстро тает снег. Получена «Киев[ская] мысль» от 6 и московские газеты от 2 и 3 марта. Петроградских же еще нет. Пришло также письмо от Сергунюшки⁴⁸ из Москвы от 1 марта — описывается им в нервно-приподнятом состоянии умилительно-торжественная картина происходящих событий в «белокаменной». Все, достойные называться людьми, теперь веселятся и радуются низвержению эфиопского ига! Прочитавши письмо, не мог удержаться от слез восторженной радости. Бастилия пала! Мы — свободные граждане! Какой-то очаровательный сон. Обращает на себя внимание та резкая разница в тоне газет, какой они имели в освободительные 1905–1906 годы и теперь: нет в них тогдашней разнузданности, дешевого, пошло-го глумления и гоготания⁴⁹ над низверженным врагом; видно в газетах теперь больше чувства достоинства, больше серьезности. Это мне так нравится: общество за 10–12 лет сильно выросло!

Сегодня «наштакор» в присутствии солдатиков, услуживающих в нашей столовой, с кислой улыбкой так цинично и бестактно выразился: «...Ну что же, будем теперь называть нижних чинов на “вы”, но с неизменным прилагательным “с...а ваша мать”». Я от конфуза перед солдатиками готов был провалиться, к тому же его одобрительно поддержал и бывший с ним адъютант из земских начальн[иков] Байдак, добавивши, что-де так даже и во Франции делают, да еще с придачей в морду!! О, Боже, как грубы и неразвиты у нас еще и офицеры Генерального штаба! Чем они не погромщики и не провокаторы? В беседе со мной потом Егор очень здраво мне заметил по поводу гнусной выходки «наштакор»: «Вот видите, ваше-ство, вы все высказывали

⁴⁷ Елизавета Федоровна (1864–1918) — урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, сестра императрицы Александры Федоровны. Великая княгиня, вдова великого князя Сергея Александровича (1857–1905).

⁴⁸ Имеется в виду сын автора Сергей Васильевич Кравков (1893–1951), в описываемое время — студент Московского университета, впоследствии известный советский психофизиолог, автор научной теории зрения, член-корреспондент АН и АМН СССР (1946).

⁴⁹ Того улюлюканья рабов, сбросивших цепи. — Прим. авт.

опасение, как бы обращение сразу на “вы” с солдатами не вызвало среди нек[ото]рых из них неправильного понимания своих отношений к офицерству; это, конечно, может случиться лишь у небольшого количества среди нас — лишь у “вислоухих”; теперь ваше-ство сами изволили видеть, что “вислоухих” достаточно и среди офицерства!» (*sic!*)

Среди солдатиков еще есть много не осмысливающих настоящего положения; в проходящей команде, передавали, оказался какой-то поп, проповедовавший ей, что-де злые люди свергли помазанника Божия и проч. в том же духе; он своевременно исчез, ч[то]б[ы] можно было его схватить, каналью. Вместе с самыми свободными разговорами на политические темы между офицерами нет-нет да и скажется прежняя привычка и опаска, как бы чего не вышло — нервное оглядывание по сторонам и шушуканье... Нескоро, вероятно, войдет в их кровь и плоть сознание свободного гражданина.

Прилагаю в приказе по войскам прекрасную формулу новой присяги! «Отречемся от старого мира...» В Москву и другие города России перенесена Франция: поют «Марсельезу», всюду красные флаги, красный значки на платье. Читаешь газету — и представляется все какой-то волшебной сказкой. Все идет как по маслу! До времени Учредительного собрания я успею сделаться полным и рьяным республиканцем. Вот когда бы жить Толстому и всем великим русским людям! А хороший бы был, пожалуй, сюжет для большого художника пера, хотя бы для того же Л. Андреева: изобразить «Григория Ефимовича» не таким, каким он был, а... а... в роли как бы сознательного врага самодержавия, поставившего себе целью его радикально свалить демонстративным вывертыванием всех его смрадных, гнусных внутренностей перед обществом и народом, ценой принесения для столь великой и благой цели в жертву и своей репутации, и своей в общепринятом смысле чести. Вышла бы сказка, но весьма оригинальная; ведь писал же Андреев Иуду Искаротского в загадочно-оригинальном освещении!..

Перехвачена радиотелеграмма немецкая, сообщающая, будто бы в России началась контрреволюция. Спаси, Господи, и сохрани!

10 марта. Выпал на четверть мокрый снег. Не получено ни петроградских, ни московских газет; слава Богу, что аккуратно приходит «Киевская мысль»; сегодня получена от 7 марта. Читать этот номер — один восторг и упоение! Как по мановению волшебной палочки явились, откуда ни возьмись, в достаточном количестве и зерновой фураж, и всякие продовольствен[ные] продукты. Держится упорное убеждение у всех, что

самодержавный, ныне навеки проклятый и провалившийся режим поставил себе целью довести армию до умора, ч[то]б[ы] вызвать в желаемой ему форме революцию и заключить сепаратный мир с немцами. Революция-то вышла, да... «с другого конца»!.. Теперь, мне кажется, по закону индукции должна совершиться революция если не в Германии, то непременно в Австро-Венгрии. Близок, близок, мне думается, конец войне.

Солдатики наши («кобылка», как их называет офицерство) в своем понимании нового режима связывают его неразрывно с нарезкой им землицы, да с замирением. Входящее в обиход обращение с солдатами на «вы», вижу, будет иметь для них хорошее воспитательное значение: не только их, но и офицеров заставит несколько призадуматься и подвинет их к лучшему самопознанию; известное дело, что сначала хотя бы механическое, внешнее выражение внутренних эмоций и всяких благородных чувств и понятий, не имеющих пока в наличии, с течением времени ведет к рождению этих чувств и понятий. Какой-то большой человек правильно сказал, что заставьте неверующего молиться Богу — и он, в конце концов, делается верующим.

Боюсь, как бы в своих справедливых тенденциях представители Совета рабочих депутатов, играющие в настоящий момент огромную императивную роль, — как бы они, я говорю, не слишком перегнули палку!

11 марта. Подморозило. Получена телеграмма от военного министра Гучкова совсем панического содержания о том, что-де немец, узнав о происходящих в России событиях, спешно стягивает свои силы на Северн[ый] фронт, решив нанести удар Петрограду и т. д. Не следовало бы так уж явно обнаруживать своего нервничанья!

Получены газеты: московские от 4 и 5 марта и «Киевская мысль» от 8, петроградских же все еще не приходит.

Принимали сегодня при торжественной обстановке присягу на верность «богоспасаемой Российской державе и благоверному Временному правительству». Поп несколько раз сбивался в молитвословии и упоминал пресловутых «царя и веру...» Нек[ото]рые из солдатиков вздумали было повесить на шапки красные тряпочки, но «наштакор» приказал их снять.

Воинство наше на позициях, особенно из высших чинов, критикует опрометчивые-де действия Временного правительства и преимущественно Керенского, слишком уж будто бы взявшего сторону рабочих партий: отмену, напр[имер], полевых судов, введение в обращение с солдатами «вы» вместо «ты» и проч. Много в этой критике есть

и справедливого, на мой взгляд, подлежащего осуществлению не сразу вдруг, под громом орудий, а немного бы погоды. Смута в умах большая. Офицерство в большом опасении насчет возможности поддержания надлежащей дисциплины в войсках. Все несчастье, конечно, в том, что солдатская масса в общем довольно темна и слишком узко понимает интересы и самую идею родины: с точки зрения лишь интересов своей лично хаты и интересов своих персонально. Какие-нибудь вятичи, мордовцы и им подобные смотрят совсем зверями, говоря какое-де им дело до последующих поколений и что-де до их хат так далеко, что немец до них никак не дойдет. Так мало еще среди серой массы настоящих граждан, проклятый изжитый режим придавил и вытравил у нее здоровое человеческое сознание. Офицерство не рассчитывает на боеспособность вверенных ему людей, к[ото]рые-де храбры, пока они имеют возможность теперь манифестировать в тылу! Становится жутко и боязно за живой боевой инструмент, к[ото]рый до сего времени как-никак, но все же был сложен и собран в своих составных элементах, а теперь как бы он совсем не расшатался и окончательно не разладился. Слишком уж малым нравственным авторитетом обеспечил себя наш командный состав перед солдатами, держа до сего времени всегда себя очень далеко от них и привыкши к спайке с ними лишь благодаря одной только палочной дисциплине, заставлявшей нижних чинов служить только за страх⁵⁰. Не лучше ли было бы для данного момента в деле управления боевыми массами здесь, на фронте, если бы Михаил Александрович не отказывался от престола до времени создания Учредительного собрания?!

Загадочным представляется поведение главноком[андующ]его Западным фронтом генер[ала] Эверта⁵¹; как бы он не явился единомышленником подлеца Воейкова⁵², советовавшего Николаю II для спасения трона открыть для немцев минский фронт!

Читать теперь газеты — один сплошной восторг! Замолкли подневольные перья, и [исчез] эзоповский язык. Голова кружится от наплыва

⁵⁰ Взаимоотношения, воспитанные царским правительством!! — Прим. авт.

⁵¹ Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926) — генерал от инфантерии (1911). В 1914 г. командовал 10-й армией, в 1914–1915 гг. — 4-й армией. Генерал-адъютант (1915). С августа 1915 г. занимал пост главнокомандующего армиями Западного фронта. В марте 1917 г. был снят с должности и затем уволен от службы с мундиром и пенсией.

⁵² И многих пробостей — ванек каинов! — Прим. авт. Воейков Владимир Николаевич (1868–1947) — генерал-майор (1909), в 1913–1917 гг. занимал должность дворцового коменданта, пользовался доверием Николая II.

хороших чувств и мыслей. Кто-то когда-то остроумно выразился, что самодержавие, водка и сифилис погубят Россию. Слава Богу, от первого элемента этой гнусной триады мы уже избавлены, я уверен, навсегда! Сгинут и два последних органически производных из него фактора! На памятнике Пушкина в Москве прикреплен теперь красивый красный квадрат материи; на нем белыми буквами написаны пророческие строки из стихотворения этого поэта Чаадаева:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Вечная память вам и всем пролившим кровь за достижение звезды пленительного счастья — этим истинным угодникам Божиим нашим!
[...]

12 марта. Сильный ветер. Мокрота и грязь. Прибыл в штаб Алеша⁵³, нашедший меня помолодевшим. Еще бы! Переживаю медовые дни нового мирозидания — российского возрождения! Теперь мы, россияне, на к[ото]рых наши культурные союзники вправе были смотреть брезгливо, делаемся равными среди них. Уж не будет теперь наш ех-бухарский режим находиться в кричащем противоречии с возвышенными освободительными началами, из к[ото]рых сложилась для союзников наших идеология текущей войны! Союзники наши уже не будут теперь в компании с «дурным обществом»... «Само-державие» проклятое, как ни на какую из живых сил не опиравшееся, довело себя до логического конца: навеки сгнуло в атмосфере смрадных газов. Немецкие социал-демократы уж говорят, что-де теперь «надо учиться русскому языку» и вспоминают слова Бисмарка: «...Русский человек медленно запрыгает, да быстро едет!»

Боюсь, как бы не учинила еще больших потрясений готовящаяся несомненно контрреволюция попрятавшихся теперь пока целых полчищ гадов; у них может быть больше выдержки, выносливости, хитрости

⁵³ Пирогов Алексей Степанович (1895–1978) — друг семьи Кравковых, с ноября 1916 г. служил в чине прапорщика в одной из частей 7-го Сибирского армейского корпуса. Впоследствии — оперный певец, солист Большого театра в 1931–1948 гг.

и ловкости в злодеянии, воспитанных старым режимом. Так душистые цветы роз могут безжалостно душиться навозными, грубыми растениями.

Из газет вижу, что еще 5 марта в г. Витебске, где пребывает начальник Виленского военного округа генерал Зуев⁵⁴ (мой бывший корпусной командир) — жандарм до мозга костей! — так до означенного числа еще не были распубликованы телеграммы от Временного правительства! Неужели он, сукин сын, опаснейший для нового режима получеловек — не будет арестован?! Не имею пока средств как-нибудь предупредить о нем наше благородное правительство. Воспользуюсь на днях оказией, ч[то]б[ы] выслать из Киева письмо Керенскому.

Пришли наконец «Речь» и «Биржевы[e] вед[омости]» от 5 марта.

С дарованием солдатам «хартии вольностей», с использованием обращения с ними на «вы» следовало бы параллельно издать строжайший приказ свыше, чтобы под страхом больших кар выведена была из их обиходного разговора матерщина!

Есть начальники частей, преступно искажающие и много умалчивающие перед солдатами из приказов Временного правительства. Получено официальное разрешение всякому носить красные ленточки и бантики.

Стараюсь всячески внушить гг. офицерам быть психологичными и соблюдать большой такт в обращении с солдатами. Привожу им наглядный пример того, как должен был бы родитель вести себя по отношению хотя к своему сыну или своей дочери, вздумавшим бракосочетаться вопреки совету его с личностью, не отвечающей вкусу родителя; из любви к детям и ч[то]б[ы] сохранить с ними дружбу необходимо родителю *post factum*⁵⁵ оказывать детям сочувствие и, хотя бы со скреблением кошек на душе, а надо все же стараться радоваться их (детей) радостями. Так и в поведении офицеров к солдатам!

[...]

⁵⁴ Зуев Дмитрий Петрович (1854–1917) — генерал от инфантерии (1911). В 1896–1903 гг. был начальником штаба Отдельного корпуса жандармов. С июня 1910 по август 1914 г. командовал 25-м армейским корпусом. В сентябре 1914 г. принял командование над 29-м армейским корпусом 11-й армии. В апреле 1915 г. корпус был передан в состав 3-й, а в июне 1915 г. — 13-й армии. В сентябре 1915 г. был назначен главным начальником Двинского военного округа. После Февральской революции был отстранен от должности и 25 апреля 1917 г. зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. Умер в Петрограде.

⁵⁵ после сделанного (лат.).

13 марта. Снег еще держится. Под ногами слякотно. Около полудня прояснилось небо и заликовала земля.

Солдатики прилегающих к *Завалу* районов после принятия присяги новому правительству устроили неопишущую по проявленному душевному восторгу манифестацию: все явились с красными розетками и ленточками, с красными флагами и аншлагами, на к[ото]рых красовались золотые слова: «братство», «свобода», «равенство»; выдавался большой черный аншлаг с белыми буквами на нем: «Вечная память павшим в борьбе за свободу». Стали произноситься зажигательные речи, в к[ото]рых проклинал старый режим и благословлялся новый; выступали ораторы из офицерства, из солдат, прекрасную речь сказал мой фельдшер Устюгов: при Владимире Свят[ом]⁵⁶, говорил он, славяне стали креститься, предварительно сваливши идола Перуна, теперь мы свалили-де проклятую царскую власть, и пр. в этом роде. Штабной офицер из артиллеристов георгиевский кавалер Геймовский⁵⁷, ставши под красное знамя свободы, воодушевленно произнес проклятие монархизму всякому — и ограниченному, и неограниченному — и провозгласил: «Да здравствует российская республика!» Качали солдат, качали офицеров, целовали друг друга, как на Пасхе⁵⁸. Затем манифестанты⁵⁹ большой массой под не прекращавшиеся звуки «Марсельезы», чередовавшиеся с пением «Вы жертвою пали...», двинулись далее. Ликование народное продолжалось до поздней ночи.

Получены: «Киевская мысль» от 10-го, «Рус[ские] вед[омости]» и «Рус[ское] слово» — от 7-го; петроградские же газеты не пришли. Сергунюшка милый прислал мне целую кипу №№ «Ран[него] утра», «Утра России», «Вечернего курьера», «Известий Сов[ета] рабочих депутатов» и др., подчеркнувши синим карандашом строчки, говорящие о сверженном поганом идолище как человеке «маленьком, тупом и жестоком». За республику в России громко вотирует теперь даже новременский Меньшиков!⁶⁰ Боже мой, как мир прекрасен!

⁵⁶ Владимир I Святой (ок. 960–1015) — великий князь Киевский в 978–1015 гг., креститель Руси (988 г.).

⁵⁷ Геймовский Вадим Александрович (?–?) — штабс-капитан (1917), офицер штаба 7-го Сибирского армейского корпуса.

⁵⁸ Всякие обиды друг другу предали забвению! — Прим. авт.

⁵⁹ Под орудейный грохот на позициях. — Прим. авт.

⁶⁰ Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) — журналист и общественный деятель, в 1901–1917 гг. — ведущий публицист газеты «Новое время».

Научное издание

**Великая война
сто лет**

Издание подготовлено к съезду
Российского военно-исторического общества
19 апреля 2014 г.

Под редакцией
М. Ю. Мягова, К. А. Пахалюка

Выпускающий редактор *М. В. Беглецова*
Корректоры *М. К. Одинокова, Н. В. Стрельникова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2014. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 20,25. Тираж 200 экз. Заказ № 3826

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
191119 СПб., ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23

